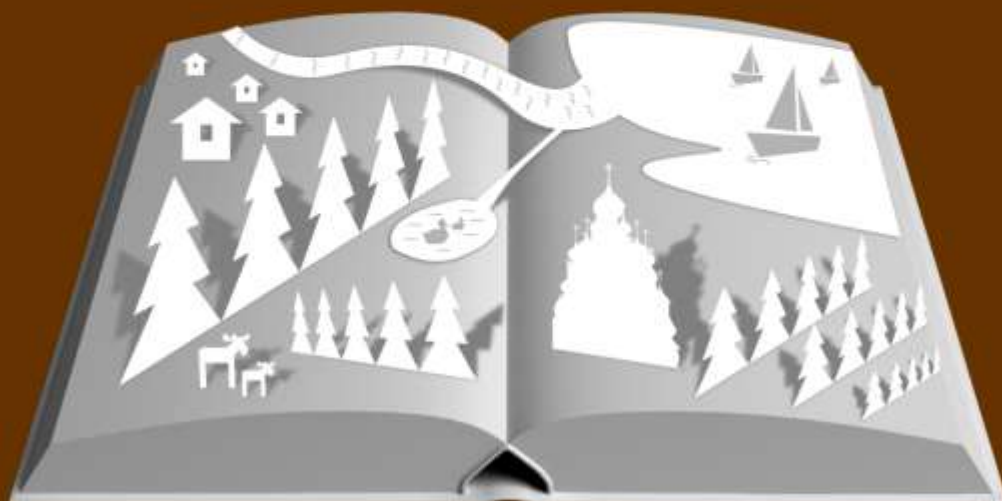

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы II научной конференции
(16 мая 2008 г.)

Содержание

Раздел 1. Пленарные доклады	3
<i>Лойтер С. М.</i> Фольклорное краеведение Карелии: жизнь и судьба И. М. Дурова	3
<i>Шафранская К. В.</i> Литературный кружок А. М. Линецкого (1929–1930 гг.)	7
<i>Кузнецова В. П.</i> Краевед И. М. Дуров и его «Словарь живого поморского языка»	10
<i>Ицксон Е. Е.</i> Василий Тухтаров – олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями	14
<i>Бобикова Л. В.</i> Театральные здания Петрозаводска	29
<i>Борисов И. В.</i> История индустриальной культуры Северного Приладожья (старинные каменоломни строительного камня Северного Приладожья)	31
<i>Скворцова (Акбулатова) Г.</i> Литературная критика как фактор роста гражданского самосознания. Субъективные заметки неопита	36
<i>Александров Ю. С.</i> «Карел кору ел». Из истории выпечки хлеба из сосновой коры в Олонецкой губернии	46
<i>Мамонтова Н. Н.</i> Село Виданы: история и современность	54
<i>Кондратьев В. Г.</i> Была ли школа конца XVIII – начала XIX века бессловной?	57
<i>Сергеев С. П.</i> Графический портрет Екатерины II с греческой надписью из фондов Музея изобразительных искусств Республики Карелия	60
Раздел 2. Историческая секция	65
<i>Иванова Л. И.</i> К вопросу об изучении свадебного обряда (по материалам первого фильма о карельской свадьбе)	65
<i>Терешкин А. А.</i> Петрозаводский губернский батальон в системе местных войск России XIX века	69
<i>Дианова Е. В.</i> Школьное краеведение Карелии в 1950–1970-е гг.	73
<i>Калинина Е. А.</i> «Предупел он вместить в двух годичное время успехи многих лет» (А. Е. Крылов, директор народных училищ Олонецкой губернии в 1804–1806 гг.)	82
<i>Терещенков Л. Е.</i> В. И. Машезерский как организатор историко-партийной работы в АКССР (1933–1937)	86
<i>Голубев А. В.</i> «Карельский дневник» Филиппа Вудса как новый источник о Гражданской войне и иностранной интервенции в Карелии (1918–1920 гг.)	88
<i>Сподобаев А. В.</i> Выдающиеся предприниматели Олонецкой губернии в конце XVIII – 1 половине XIX в.	92
<i>Данков М. Ю.</i> О рейдерской атаке заводов датского «Комисара»	95
<i>Данков М. Ю.</i> Карельская слава бомбардира царя Петра. (О судьбе М. И. Щепотева)	103
<i>Шуцкая Е. С.</i> История Петрозаводской мужской учительской семинарии	112
<i>Дианова К. А.</i> Общество изучения Олонецкой губернии и революции 1917 года	119
Раздел 3. Библиотечная секция	123
<i>Мошина Т. А.</i> Ученый Николай Дурново, ученик Ф. Ф. Фортунатова, жертва Сандормоха	123
<i>Зайцева Н. И.</i> История библиотечного дела в городе Сортавала (1870–1944)	124
<i>Вавулинская Л. И.</i> Библиотека и цензура в 1940–60-е гг. (на материалах Карелии)	126
<i>Миронова В. П.</i> Вклад Ииво Хяркенена в собрание карельского фольклора	129
<i>Серко И. В.</i> Творчество поэтов-узников Беломорско-Балтийского лагеря в 1930-е годы	131
<i>Филимончик С. Н.</i> О преподавании гуманитарных дисциплин в школах Карелии в 1930-е годы	136
<i>Водолазко В. Н.</i> «Код да Винчи» Дэна Брауна в Карелии	141
<i>Ягодкина В. А.</i> Автографы и дарственные надписи на краеведческих изданиях Национальной библиотеки Республики Карелия	146
<i>Зайцева И. М.</i> Роль газеты «Олонецкие губернские ведомости» в изучении причитаний	148
<i>Терпугова Г. В.</i> Из истории краеведческой библиографии Карелии (1917–1941 гг.)	150

Раздел 1

Пленарные доклады

*Лойтер С. М.,
Карельский государственный педагогический университет*

Фольклорное краеведение Карелии: жизнь и судьба И. М. Дурова

Начало фольклорного краеведения Карелии связано с деятельностью Святослава Афанасьевича Раевского, первого редактора неофициальной части учрежденной в конце 1830-х годов газеты «Олонецкие губернские ведомости», а затем личностью директора Олонецкой губернской гимназии Федора Никитича Фортунатова. С тех пор на многие десятилетия укоренилась традиция участия гимназических учителей, учителей семинарии в собирании, изучении и публикации фольклора. Федор Иванович Дозе, Константин Михайлович Петров, Елпидифор Васильевич Барсов, Павел Тимофеевич Виноградов, Николай Семенович Шайжин (называю их в хронологической последовательности) – замечательная когорта петрозаводских учителей-краеведов в области фольклора и традиционной культуры. Каждая из этих фигур заслуживает отдельного разговора, и об этом говорят уже имеющиеся публикации.¹

Деятельность названных выше городских учителей-краеведов завершается началом XX века, когда учительское фольклорное краеведение перемещается в деревню. Начало XX века выдвинуло три неординарные фигуры фольклорного учительского краеведения: это прежде всего заонежская учительница Елизавета Васильевна Ржановская², другой заонежский (из Космозера) учитель Петр Петрович. Коренной, уроженец старинного поморского села Сумской Посад собиратель северно-русского фольклора Иван Матвеевич Дуров, ставший жертвой беспощадного XX столетия.

Воссоздавая биографию, жизненный путь И. М. Дурова, я основывалась прежде всего на материалы двух архивов – архива Карельского Научного центра и архива УФСБ РК, имеющиеся публикации Дурова и о нем, письменные и устные свидетельства, полученные от Т. И. Титовой, работавшей заведующей Беломорским районным музеем, беседы с разными людьми, переписку и личные встречи с дочерью Дурова Л. И. Носиковой, ныне жительницей Ростовской области.

Лаконичная биографическая справка называет лишь отдельные даты и факты: родился 12 июля 1894 года в семье рыбака-помора в селе Сумский Посад, окончил Сумское двухклассное училище Министерства народного просвещения, с 1910 года начал работать по краеведению на территории Сорокского и Кемского районов Карелии; с 1911 года член поморского Отдела Архангельского Общества изучения Русского Севера; с 1923 года член Общества изучения Карелии, в Сумпосаде организовал его отделение и был до 1927 года

*Мать И. М. Дурова Анна Семеновна
с маленьким сыном, Сумпосад*

¹ См.: Лойтер С. М. У истоков фольклористики Карелии: Учителя Ф. И. Дозе и К. М. Петров // Русская историческая филология: Докл рос науч. конф. памяти Н. А. Мещерского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 14–16; Loiter S. Les Instituteurs de Garelie (Province D'Olonec) et les Etudes Folkloriques: de la sekonde moitie du XIX siecle aux annees 1920 // Cahiers slaves 6, UFR d Enides slaves. Les Etudes Regionales en Russe (1890–1990) Origines, Crise, Renaissance. Universite de Paris-Sorbonne. 2002. P. 83–105; Лойтер С. М. Роль краеведов Карелии (олонецкой губернии) в истории фольклористики // Народные культуры русского Севера, Фольклорный этнитет этноса: Мат. рос.-фин. симп. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. С. 12131; Лойтер С. М. Петрозаводские учителя-краеведы – в фольклористике (вт. пол. XIX – нач. XX в) // Краевед. Петрозаводск: Нац. б-ка, 2007, С. 10–19; Лойтер С. М. Из истории фольклористики Карелии: учитель-краевед Ф. И. Дозе // Кижский вестник. № 11. Петрозаводск, 2007. С. 116–127 ; Лойтер С. М. Краеведы Карелии – в фольклористике (Н. С. Шайжин) // Мат. межд. науч. конф. «Рябинские чтения – 2007». Петрозаводск, 2007. С. 346–350.

² Лойтер С. М. Е. В. Ржановская – собиратель русского фольклора Карелии // Фольклористика Карелии: Сб. науч. работ. Петрозаводск, 1991. С. 140–155. (КарНЦ РАН) ; Лойтер С. М. Учитель из Заонежья: Е. В. Ржановская // Север. 1996. № 7. С. 137–150; Лойтер С. М. Детский фольклор Заонежья: Е. В. Ржановская // Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. С. 185–275; Пословицы и поговорки Заонежья: Коллекция Е. В. Ржановской // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск, 2001. С. 112–135.

председателем правления³. Некоторые дополнительные сведения в небольшой (в 12 строк) справке в «Биографическом словаре» С. В. Григорьева: в ней отсутствуют даты жизни, но есть упоминания о том, что с 1923 года Дуров участвовал в работе журнала «Известия общества изучения Карелии», с 1926 года – член Соловецкого общества краеведения, где в 1929 году издана его первая крупная работа «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья».⁴ Другие источники свидетельствуют, что Дуров никогда не покидал родного села, где рано увлекся краеведческой работой, которой занимался не от случая к случаю, а непрерывно и постоянно. Видимо, поэтому был замечен и назначен руководителем Сумской ячейкой краеведения по Беломорью (с 1932 по 1933 год). «Введение в бюро должности штатного инструктора, на которое был приглашен местный краевед-энтузиаст И. М. Дуров, закрепленный на работе по Беломорскому району АКССР, дало возможность развернуть работу в этих районах. К настоящему времени по Беломорскому побережью организованы и приступили к работе 9 колхозных рыбацких ячеек и 3 школьных».⁵

Эти факты из послужного списка Дурова важны в свете тех процессов, которые переживало общесоюзное краеведение, все больше превращаясь в инструмент государственной политики. «К 1926 году уже были выработаны принципы советского краеведения, главными из которых были партийность и классовость. <...> Из поля зрения краеведов стали выпадать этнография, собственно местная история, искусство, архитектура, памятники древности, религия. Изучать надлежало историю коммунистической партии, революционное движение и только в одностороннем порядке (деятельность большевиков, трудовые подвиги рабочих и крестьян)».⁶ А это сведения непосредственно из жизни краеведения Карелии: в 1923 году вместо закрытого после Октябрьской революции «Общества изучения Олонецкой губернии», успешно занимавшегося вопросами истории и собирания фольклора, создано «Общество изучения Карелии» с уставом и оргбюро; в 1928 году оно стало называться «Карельским бюро краеведения», в 1935 году постановлением Президиума ЦИК КАСССР «О реорганизации и развитии краеведческого дела в Карелии» вновь преобразовано в «Общество изучения Карелии», программа которого предусматривала организацию работы в колхозах. В 1937 году Общество было ликвидировано, его организаторы и активисты объявлены врагами народа и репрессированы.⁷ «По делу краеведов» по стране прошли массовые аресты. О том, как они отозвались в Карелии, свидетельствует судьба профессионального краеведа-фольклориста, научного сотрудника Карельского НИИ культуры Николая Николаевича Виноградова, расстрелянного в 1938 году.⁸

Врагом народа был объявлен и И. М. Дуров. Мне представилась возможность познакомиться с материалами уголовного дела И. М. Дурова в Карельском Управлении ФСБ. В нем Постановление от 28 февраля 1938 года, в котором говорится, что И. М. Дуров «состоит участником контрреволюционной вредительской диверсионной организации и ведет в ней контрреволюционную деятельность», распоряжение о необходимости «содержать под стражей в Кемской тюрьме»; Ордер № 80 на обыск и арест; три Протокола допросов обвиняемого И. М. Дурова от 4 и 8 марта 1938 года. Ни на одно из предъявленных обвинений Дуров не ответил опровержением, признав себя «участником контрреволюционной эсеровской организации». На вопрос «Кто входил в контрреволюционную эсеровскую организацию?», назвал 17 человек, трое из которых уже были арестованы и приговорены, а остальные, как свидетельствуют пометы против фамилий, вообще нигде «не значатся» и вымышлены. На вопрос «В чем выражалась контрреволюционная эсеровская подрывная работа?», он ответил: «Саботаж, вредительство советской власти; когда проходила коллективизация я, Дуров, утверждал, что более жизненным будет колхоз тогда, когда в колхоз волеются одни зажиточные хозяйства. ... В 1934 году поручил провести в Выгостровском колхозе вредительский опыт над овощами ... было умышленно

*И. М. Дуров в возрасте 19 лет.
Сумпосад, 1913 г.*

засеяно 400 кв. м. гречей и фасолью, благодаря чему колхоз ничего не получил, кроме убытка». На вопрос «Каким путем вы добивались восстановления капитализма в СССР», следовал ответ: «... путем поднятия вооруженного восстания и свержения советской власти». Заключение: «И. М. Дуров обвиняется в том, что: 1) С 1929 года состоит участником контрреволюционной эсеровской организации; 2) Вел контрреволюцион-

³ Архив КарНЦ. Ф. 1, оп. 1, колл. 35, ед. хр. 13.

⁴ Григорьев С. В. Биографический словарь. Петрозаводск, 1973. С. 10.

⁵ Левин К. Работа Карельского бюро краеведов // Советское краеведение. 1934. № 9. С. 49–51; Один из лучших краеведов Карелии // Красная Карелия. 1935. № 108; Титова Т., Волкова Н. Краевед из Сумпосада // Северный курьер. 1992. 26 ноября.

⁶ Решетников Н. И. Зарождение краеведения в России и проблемы его развития // Краеведение в России: Истоки. Проблемы. Возрождение. Докл. межд. конф. Париж. Сорбонна. 2000.

⁷ Архив КНЦ. Ф. 1. оп. 35, д. 5, л. 27.

⁸ Место расстрела Сандармох / Сост. Ю. А. Дмитриев. Петрозаводск, 1999. С. 192. О Н. Н. Виноградове см. статью А. М. Решетова в журнале «Живая старина». (1996, № 4).

ную агитацию и вербовал новых лиц в организацию; 3) Готовил и осуществлял вредительско-диверсионные акты в колхозе: 4) Являлся руководителем крестьянской группы Сорокского района. Настоящее дело подлежит рассмотрению на тройке НКВД АКССР». 22 марта последовало Постановление тройки НКВД, вынесшее приговор о расстреле И. М. Дурова. Следующий документ в этом деле: Протест от 5.IV.1988 г. по постановлению Тройки НКВД КАСССР от 22 марта 1938 г., подписанный прокурором В. М. Богдановым: «Обвинение построено на явно вынужденном голословном самооговоре и оговоре Дурова другими лицами, необоснованно осужденными в то же время по тем же обвинениям... Прошу: Постановление Тройки НКВД КАСССР от 22 марта 1938 г. по делу И. М. Дурова отменить, а дело прекратить».⁹

Изданная Карельским отделением общества «Мемориал» книга «Место расстрела Сандармох» ставит последнюю точку в судьбе И. М. Дурова. Под заголовком «Сорокский район. Деревня Сумской Посад» в большом списке лиц следующая запись: «Дуров Иван Матвеевич расстрелян 3.04.1938. 1894 года, проживал по месту рождения, русский, счетовод школы. Реабилитирован Верховным Судом КАСССР. 12.04.1988».¹⁰

Чем мог быть негоден И. М. Дуров и какие поводы дать местной большевистской власти и местному отделению НКВД для ареста? Разумеется, главная причина – направленность его краеведческой работы, преобладающий интерес к прошлому, к традиционной культуре, этнографии, а не к современным достижениям и трудовым подвигам. Но не исключено, что гнев мог вызывать и упорядоченный, с твердыми нравственными правилами быт и уклад семьи Дуровых, укорененный родителями-старообрядцами, отцом капитаном небольшого промыслового судна Матвеем Александровичем Дуровым и матерью Анной Семеновной, людьми грамотными, трудолюбивыми и безбедными. Эта сторона жизни И. М. Дурова высветилась из личных бесед и писем дочери Дурова Л. И. Носиковой. «У нас был неплохой дом, для того времени была хорошая мебель, одежда и музыкальные инструменты: скрипка, балалайка и мандолина... Вокруг дома было разработано три огорода, что для Севера немало. Около дома было много малины, до крыши вился хмель, цвела черемуха. Дедушка мой был капитаном на пароходе, Бабушка для того времени была грамотной: у ней было много старинных книг ... и было много икон. Все это исчезло неизвестно куда...». «О моем папе: информация будет скудная, так как я была еще маленькой, 6-ти летней девочкой, когда папу увели трое милиционеров. Но в памяти моей его образ: уравновешенный характер, очень ласковый, сдержанный и заботливый человек. ... меня до сих пор поражает его спокойствие при аресте. Он как раз болел и лежал в постели. Пришли три милиционера и начали делать обыск. Чуть покопались в бумагах для вида, бумаг было столько, что им бы хватило на много дней в них копаться. Папа встал с постели и сидел на стуле. Я села к нему на колени и спросила: «Папа, с кем я буду жить?» Он ответил: «Ты будешь жить с мамой». «Я в своем коротком детстве никогда не слышала окриков, ругательств, никаких скандалов, даже на повышенных тонах никто не говорил». «Мне нравился письменный стол папы, был покрыт зеленым сукном. А сколько было бумаг, т. е. рукописей, которые потом исчезли – страшно было хранить». «В Сумпосаде стояла каменная церковь. И когда было принято решение ее разрушить, папа всячески старался сохранить хотя бы здание... Папа водил меня в школу летом, там показывал деревянные макеты птиц, зверей и др., может, он сам их и делал. А еще гербарии засушенных трав и цветов». «В клубе он был руководителем хора. Я видела фотографию в 1970 году, когда была в Сумпосаде. Папа на фотографии в центре. Эта женщина (фамилия ее Никитина) очень хорошо отзывалась о папе. Дочь ее была директором школы в Сумпосаде.¹¹ Когда началась война, нас ... погрузили в грузовые вагоны и повезли на Котлас. Люди были со всех деревень, пожилые люди и всякие. ... испытать нам довелось многое – врагу не пожелаешь. Вот мама и прожила всего 45 лет. Я осталась на произвол судьбы в 16 лет».

Но вернемся к фольклорно-краеведческой деятельности И. М. Дурова. Она осуществлялась в двух направлениях: 1) собирание разных жанров традиционного фольклора и 2) написание этнографических очерков, статей и других работ.

Первая фольклорно-этнографическая публикация «Святки в Поморье» была написана Дуровым в 16-летнем возрасте. Она до сих пор не утратила своего значения и много цитируется в статье современного ученого А. Н. Розова «Русское рождественское христославление».¹² Спустя некоторое время опубликованы работы «Несколько слов о кустарной промышленности в Поморье», «Из нужд Поморского побережья»,¹³ позже – «Очерки Кемского Поморья», «Песни Кемского Поморья».¹⁴ Особенно интересны последние – две прекрасно написанные, насыщенные ярким фольклорно-этнографическим материалом статьи. В «Очерках Кемского Поморья» – описание летней поездки на карбасе и впечатления от услышанных звуков женской поморской песни,

⁹ Архив УФСБ Карелии. Фонд уголовных дел. П-12478.

¹⁰ Место расстрела Сандармох / Сост. Ю. А. Дмитриев. Петрозаводск, 1999. С. 222.

¹¹ Речь идет о фотографии 1936 года, на которой изображен Сумосадский хор с его руководителем И. М. Дуровым в центре, ее хранит дочь Никитиной З. А. Евшина, в прошлом директор Мумпосадской школы. Фотография имеется в архиве КНЦ, копию с нее во время фольклорной практики 2007 года сделала студентка ПетрГУ Ю. Акимова А, а мне ее любезно предоставила руководитель фольклорной практики С. В. Федорова.

¹² Дуров М. И. Святки в Поморье // Архангельск (газ.). 1910. 30 декабря. С. 2.; Розов А. Н. Русское рождественское христославление // Русский фольклор: Материалы и исследования. XXX. СПб., 1999. С. 20–53.

¹³ Дуров И. М. Несколько слов о кустарной промышленности в Поморье // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1921. № 24. С. 115–117; Из нужд Поморского Побережья // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1913. № 12. С. 566.

¹⁴ Дуров И. М. Очерки Кемского Поморья // Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 1. С. 88–90; Песни Кемского Поморья // Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 2. С. 42–49.

во второй – полная запись 11 текстов поморской песни, попытка обозначить ее особенности и предложить свою классификацию. Выделю вставленный в первый очерк рассказ женщины, являющий собой бытовавшее в старообрядческой среде топонимическое предание – о Полтамской Корге (корга – небольшой островок, поросший растительностью – примеч. И. Д.). Поскольку оно содержит редкий мотив, восходящий к агиографии, и оказалось не замеченным фольклористами, приведу его целиком:

Давно это было. В досельное время однажды к этой корге, спасаясь от погодушки (шторм, морская буря – И. Д.), пристал карбас с богобоязненным семейством – из мужа с женой и их больной дочерью – девочкой. Здесь они были поражены страшной находкой. На одном из выступов скалы покоилась, сидя на прятке, красивая мертвая девушка, одетая в костьч (вид русского сарафана, который носят здесь только староверки и их приверженцы – И. Д.). Когда ее тело было предано земле, совершилось чудо, которое и упрочило за этим островком его популярность. Больная девочка, которую родители нарочно везли в Кемь к одному известному в то время старичку-знахарю, сделалась совершенно здоровой. В ознаменование этого события на острове почитателями «Полтамской девы» была построена часовня, которая создала острову широкую известность среди староверов Поморья, и сюда долгое время щедро лились «доброхотные» приношения, пока эта часовня не была разрушена одним из приставов...

В опубликованных очерках Дурова последующих лет – «Кустарное производство поморских рукодельниц», «Наважий промысел Поморья»,¹⁵ «На путине»¹⁶ – фольклорно-этнографическую доминанту заменила производственная, а это уже симптомы тех процессов в краеведении, о которых шла речь выше. В архиве Карельского Научного Центра хранится 7 рукописей И. М. Дурова 1934 года: «Мореходство и судостроение Беломорья», «Вл. Ив. Воронин», «Безвестные герои-полярники (по воспоминаниям помора С. Е. Евстифеева об участии в экспедициях по освоению Северного морского пути в начале XX в.)», «Новоземельское зимовье на промыслах (по воспоминаниям старого моряка И. М. Горина)», «Зимовка на Груманте (за Полярным кругом – по воспоминаниям зверобоя-моряка Кубачина И. М.)», «Воспоминания А. И. Сержпинского об установке радиостанции на о. Вайгач».¹⁷

А это уже вторая сторона деятельности И. М. Дурова. Непреходящую ценность имеет фольклорное собрание краеведа, которое является «наиболее ранним» в архиве КНЦ и включает записи (с 1910 по 1938 годы), составившие коллекции 27, 28, 34, 40.¹⁸ Это более 1000 единиц хранения, представляющие такие жанры, как поморские причитания (свадебные, похоронные и рекрутские), заговоры, духовные стихи, песни, частушки, паремии. Многие из них уже нашли своих исследователей и введены в научный оборот. Так, заговоры (а их 109) полностью вошли в сборник «Русские заговоры Карелии»: они подробно прокомментированы, а их тексты названы составителем «одними из лучших».¹⁹ Духовные стихи (36 текстов) исследуются в работах С. В. Федоровой²⁰. Многие тексты детского фольклора, извлеченные из разных коллекций Дурова, влились в собрание из серии «Памятники фольклора Карелии» и составили публикацию в сборнике «Проблемы детской литературы и фольклор»²¹. Вместе с тем в названных материалах есть большая, отдельная коллекция И. М. Дурова «Детские игры, развлечения, записанные в Сорокско-Кемском районах Беломорья», которая до сих пор остается архивным достоянием. К ней приложено написанное рукой собирателя «Оглавление к играм и развлечениям».²² Его графы – «название игры», «где бытует», «от кого записана или кто рассказал», «когда записана» – говорят о том, что все записи сделаны И. М. Дуровым в 1936 году в Сумском Посаде и близлежащих селах – Нюхча, Лапино, Сумы, Колежма, Вирьма, Юкково. Вполне вероятно, что Дуров, ощутивший к этому времени идеологический прессинг, невозможность заниматься местной историей и памятниками прошлого и одновременно невозможность для себя заменить их изучением революционного движения или трудовых подвигов трудящихся, видел в детях (как и в участниках хора) единственную возможную для своих занятий среду. Тогда он работал счетоводом школы и, по воспоминаниям одного из старожилов (о них рассказывала Т. И. Титова), «часто ходил с ребятами по деревне». Несомненно, ему была известна фольклорно-этнографическая деятельность в Поморье ссыльного Г. Цейтлина и его публикация, посвященная народным играм.²³ В ней есть беглое, схематичное описание, около 10 игр, полные варианты которых Дуров дал в своей коллекции.

¹⁵ Дуров И. М. Кустарное производство поморских рукодельниц // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 4. С. 73–74. Наважий промысел Поморья // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 5. С. 136–140.

¹⁶ Дуров И. М. На путине // Карело-Мурманский край. 1931. № 7–8. С. 54–55.

¹⁷ Архив КарНЦ. Р. XI, оп. 2, дд., 67–74.

¹⁸ Подробное описание коллекций см.: Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (по материалам фольклорного архива КарНЦ РАН) : Дисс. ...канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 31.

¹⁹ Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000.

²⁰ Федорова С. В. Духовные стихи в фольклорных коллекциях архива КНЦ РАН // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Мат IV межд. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 127–129.

²¹ Русский детский фольклор Карелии / Сост., подг. тестов, вступ ст., пред. к разд. и коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991; Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров – собиратель детского фольклора Карелии // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. научн. тр. Петрозаводск, 2001. С. 202–209.

²² Архив КарНЦ. Ф.1, оп.1, колл. 34.

²³ Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1911. № 13. С. 7–21.

93 игры коллекции – это уникальные варианты общерусских и общеславянских детских игр, дошедшие до нас в подробном описании их действий и вербальной составляющей из многочисленных песенок, приговорок, считалок и т. д. Сохраняя основополагающие константы, на которых держится игра: прежде всего ее модель, ролевые договорные отношения и запреты-табу, символику, игровое «циклическое» время, претерпевшую сложный путь трансформаций и перекодировок мифоритуальную основу, поморские игры отражают северную локальную традицию – в названиях, лексике, терминологии, особенностях бытования.

Как и в других регионах, самыми популярными среди поморских детей являются игры в прятки и жмурки, которые в Олонецкой губернии называли «ухоронки». В коллекции Дурова около десяти игр имеют название, представляющее собой некую повторяющуюся этнопоэтическую микроформу – «Хоронушко с чурканьем», «Хоронушко с беленьем». С «беленьем» и «чурканьем» связана очень распространенная в Поморье разновидность исключительно домашних игр в жмурки – «имушки». Они завоевали себе «самое почетное место среди всех существующих игр в период так называемых великопостных зимних развлечений на Беломорье, где по религиозным традициям не разрешалось веселиться танцами, песнями и музыкой» (примеч. Дурова к игре № 16).

«Матика» в поморских играх – обозначение не только первого переднего, который водит за собой весь «пояс», но и того, кто остается один в круге, и «стояльщика». Известный в играх разных регионов термин «сало» в поморских означает и расстояние между выставленными в кон бабками, и место, где находится «стояльщик» или метательная палочка. Вот только некоторые названия действий: «метаться» – считаться путем перехвата палки; «шаландаться» – считаться; «пускать линьки» – бить палкой по концу отвеса бруска; «жошить» – играть жохом, «одника парить» – играть салом. Это лишь отдельные примеры из словаря детских игр Поморья.

Не имея возможности представить этот материал целиком,²⁴ назову игры в той последовательности, в какой они репрезентируют в коллекции: 1) Волосьянка, 2) Купонка, 3) Гуси, 4) Из-за стенки, 5) Стригу-стригу овечку, 6) Золотые ворота, 7) Краски, 8) Коршун, 9) Царь-горох, 10) Наклонно, 11) Коробоцька, 12) Кострома, 13) Колюкушкой, 14) Волком, 15) Капустница, 16) Имушка, 17) Красоцьки, 18) Я ли твоя, 19) Соседи, или люба ли соседка, 20) Коромысло, 21) Золотце хоронить, 22) Золотце хоронить, 23) Почталионом, 24) В фанты, 25) Сережка, 26) Жгутик, 27) Короля топтать, 28) Камешки, 29) В спички, 30) Горох катать, 31) Кошкой-мышкой, 32) Одинока парить, 33) Играть салом, 34) Галы давать, 35) О лунках, 36) То же, 37) Кислым кругом, 38) Пускать линьки, 39) Хоронушко с чурканьем, 40) Хоронушко с чурканьем, 41) Палочка-воровочка, 42) Хоронушка с беленьем, 43) Холобець, 44) Селюгой, 45) Прыжки давать, 46) Прыжки через веревку, 47) Катание колеса, 48) Швыркунью пускать (Поползуха), 49) Блинки пускать, 50) Орлянка, 51) Слепокур, 52) Первого рака качать, 53) Продольная шахарда, 54) Репка, 55) Игры в баски, 56) Кон, 57) Во флот или о флотах, 58) В слепой кон, 59) С двух сторон, 60) В шапоцьку, 61) Жошить или жохом играть, 62) В стенку, 63) Вдогонку, 64) В копейку попадать, 65) В баску попову бить, 66) Жгут, 67) В юлу, 68) Классы, 69) Жгутик, 70) Цирка, или жилец, 71) Шар, 72) Вертуг, 73) Мажора, 74) Кружало, 75) О классах, или в городки, 76) Попа гонять, 77) Золотце хоронить, 78) В фанты, 79) Жгутик, 80) Хоронушка с палочкой, 81) Оленями, 82) Хоронушка с чурканьем, 83) О лунках, 84) Молчанка (или Кошку съесть), 85) Кот Васька, 86) Дедушко и бабушка, 87) Кулю-кулюбачка, 88) Аннушка-толстушка, 89) Кулю-кулюкушка, 90) Молодыма, 91) В зеленцы играть, 92) Дедушко, 93) Краски.

Коллекция «Детские игры и развлечения...» И. М. Дурова, – ценный историко-этнографический, фольклорный, лингвистический материал для исследователей народной традиционной культуры в целом и культуры детства, в частности.

Таковы жизнь и судьба И. М. Дурова, истинного подвижника культуры. Фигур такого масштаба, как Е. В. Ржановская и И. М. Дуров, фольклорное краеведение Карелии XX века больше не знает.

*Шафранская К. В.,
Петрозаводский государственный университет*

Литературный кружок А. М. Линецкого (1929–1930 гг.)

Александр Михайлович Линецкий (1902–1985 гг.) – выдающийся карельский историк, этнограф, краевед и писатель. Автор многочисленных научных исследований в области истории, археологии, этнографии и фольклора, а также литературных произведений (см.: Линецкий А. М. Рекомендованный указатель литературы. – Петрозаводск, 1972. – 28 с.). Первый лауреат ежегодной государственной премии Карельской АССР в области литературы и искусства (1969 г.).

Александр Михайлович родился 3 мая 1902 г. в Петербурге в семье технической интеллигенции. Отец А. Линецкого с 1890 г. работал инженером-путейцем на Николаевской, после 1917 г. Октябрьской железной дороге. В 1912 г. А. Линецкий поступил в Императорское училище Правоведения, одно из престижных учеб-

²⁴ Публикацию 10-ти игр с предваряющей статьей см.: Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров и его коллекция детских игр // Живая старина. М., 2005. № 1. С. 33–38.

ных заведений дореволюционного Петербурга. Среди одноклассников Линевского были известные в будущем советские ученые – океанолог В. С. Березкин, археолог Б. А. Латынин, лингвист И. М. Мещанинов. А. Линевский получил диплом об окончании училища незадолго до его закрытия в октябре 1917 г. (учебное заведение было снято с государственного финансирования).

В начале 1918 г. А. Линевский поступил на работу в Петроградский Губземотдел (губернский отдел земельного устройства). Работа в Губземотделе дала возможность посещать вечерние курсы лесного хозяйства. Через год, получив свидетельство об окончании курсов, Линевский уехал в Северо-Двинскую губернию в качестве помощника таксатора, а затем техника лесоустройства. Свободное время А. Линевский, по его словам, посвящал чтению и самостоятельному литературному творчеству, создавая «были», т. е. небольшие рассказы и заметки, в которых описывались события окружающей жизни. Среди любимых книг тех лет А. М. Линевский отмечал два издания – это сочинение английского писателя Льюиса «История философии» и колоритные этнографические зарисовки М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе».

В 1923 г. А. Линевский вернулся в Ленинград, чтобы продолжить образование. Он поступил в Географический Институт (в 1925 г. Институт вошел в состав ЛГУ) на этнографическое отделение. Учился А. Линевский на одном курсе с будущим известным карельским краеведом, исследователем культуры вепского народа Степаном Андреевичем Макарьевым. В период 1925–1927 гг. Линевский принимал участие в этнографических и археологических экспедициях в Карелию. В 1926 г. он возглавил Карельскую археологическую экспедицию, в состав которой, кроме него вошли еще трое студентов, выделенных по национальному принципу – С. Макарьев (вепс) и тверские карелы Дубов и Любимов.

Решая экспедиционные вопросы, А. Линевский впервые лично встретился с высшим руководством Республики – председателем Кар ЦИКа (Карельский центральный исполнительный комитет) Александром Федоровичем Нуортева и председателем СНК АКССР (Совет народных комиссаров АКССР) Эдвардом Александровичем Гюллингом. Также он познакомился с директором Карельского музея, краеведом Виктором Ивановичем Крыловым.

В результате экспедиционных работ студенты-этнографы открыли крупное скопление петроглифов в районе р. Выг, получившее название «Бесовы следки». Обнаружение неизвестных до того времени петроглифов произвело серьезный резонанс в научном сообществе Ленинграда. В 1927 г. А. Линевский, продолжавший заниматься темой наскальных изображений, впервые опубликовал статью с рисунками петроглифов за пределами университета в журнале «Вокруг света». Через некоторое время Александр Линевский вошел в состав ЛО-ИКФУН (Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов), окончательно решив связать свою дальнейшую научную деятельность с Карелией. 15 мая 1929 г. А. М. Линевский по приглашению Наркома просвещения АКССР Юрия Карловича Сирола приехал в Петрозаводск, занял здесь вакантное место ученого секретаря КБК (Карельское Бюро краеведения), а также возглавил работу исторического отдела Карельского музея.

Одним из безусловных достижений А. Линевского в это время стала организация при Карельском музее кружков под названием «Юные друзья музея» (краеведческий кружок туристской направленности для школьников) и «Друзья музея» (группа молодежи, разделенная по тематическому принципу). Работа кружков была взята под контроль местного руководства: Эдуарда Александровича Гюллинга, Александра Николаевича Лескова, Бориса Ананьевича Потапова и Юрия Карловича Сирола. Во всех кружках – историческом, археологическом, краеведческом, литературном и кружке фотографии Линевский проводил занятия лично, занимая этим, по его словам, практически все свободное время.

После октября 1917 г. руководящую роль в деле организации культурной жизни в Советской России взяла на себя коммунистическая партия. Партия определяла форму и содержание нового искусства в соответствии с наиболее актуальными потребностями текущего момента и являлась идейным руководителем масс. В 1920-е гг. в стране создавались разнообразные литературные творческие объединения, наиболее крупные и известные – РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), а затем ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей), трансформировавшиеся в начале 1930-х гг. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» в единый Союз советских писателей.

В Петрозаводске первой половины 1920-х гг. литературные объединения образовывались стихийно и, существовав недолгое время, так же внезапно распадались. В 1921 г. в городе была предпринята попытка создания кружка литераторов при местной организации РКСМ (Рабоче-крестьянский союз молодежи). В 1922 г. поэт Ялмари Виртанен создал литературное объединение при финно-язычной газете «Карьялан коммуни». В конце 1922 г. литературное объединение возникло при рабочем журнале «Красный клич». С 1923 г. возможности карельских авторов расширились благодаря созданию в Ленинграде кооперативного издательства «Жирья», специализировавшегося на выпуске краеведческой литературы по региону северо-запада. В 1928 г. в Карелии появился финно-язычный литературно-художественный журнал «Пунакантеле» («Красное кантеле»), сплотивший вокруг себя национальных литераторов во главе с Ялмари Виртанен (с 1932 г. «Пунакантеле» известен, как «Ринтама») («Фронт»), а в конце 1930-х гг. трансформирован в альманах «Карелия»).

Постепенно росла культура слова, совершенствовалось мастерство народных поэтов Карелии. Невзирая на объективные жизненные трудности послереволюционного и послевоенного времени, литераторы ставили перед собой новые творческие задачи. Так, в статье «Наш Север в поэзии» («Карело-Мурманский край», 1926 г.) автор В. Дмитриев, советовал поэтам больше следовать духу времени, указывал на необходимость пересмот-

реть источники вдохновения и настроение творчества, уделяя основное внимание темам социалистического строительства в крае, нести оптимизм, бодрость и веру в прекрасное будущее. Данный пример иллюстрирует процессы, происходившие в советском искусстве в связи с проведением XIV съезда партии (1925 г.), взявшего курс на индустриализацию страны.

В июле 1926 г. при газете Красная Карелия появилась Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), 14 членов которой под руководством Т. К. Трифонова разделились на две секции – русскую и финскую. Однако, когда в 1928 г. руководитель уехал из Карелии, деятельность КАПП-овцев «первой волны» приостановилась. Поддержанию литературной традиции КАПП-а способствовало создание А. М. Линевским литературного кружка, впоследствии трансформировавшегося в русскую секцию КАПП «второй волны». На основе этой секции в 1934 г. была создана русская секция союза советских писателей Карелии.

Литературный кружок А. М. Линевского просуществовал недолгое время – с июля 1929 г. по декабрь 1930 г. В конце 1930 г. А. Линевский уволился из Карельского музея, и уехал работать в Кандалакшу. Члены литературного кружка, в основном, рабочие Онежского завода, собирались по вечерам или в выходные дни сначала в помещении Карельского музея, а затем в краеведческом кабинете Публичной библиотеки. Возможность собираться в Библиотеке предоставил краевед и педагог, бывший директор Библиотеки, заведующий краеведческим кабинетом Иван Михайлович Никольский.

А. М. Линевский в воспоминаниях писал о своем кружке следующее, – «состав исключительно мальчишеский, поэтессы предпочитают индивидуальные консультации», «люди подтягиваются, борясь со смущением, несут стихи». В кружке не было деления на жанры, те, кто сегодня писали стихи, завтра приступали к прозе и наоборот. Руководитель так объяснял смену творческих пристрастий, – «Если паренек попадал в фазу влюбленности, он писал соответствующие стихи. Если чувство заходило в тупик, происходил разрыв по вине партнерши, творчески одаренная личность переходила на прозу, в которой изобиловали сюжеты мести, даже убийства, завершающиеся ультра-возвышенным монологом в стиле романтиков XVIII в.»

Линевский, печатавшийся в то время в центральных журналах Ленинграда и Москвы, был весомым авторитетом для Петрозаводской молодежи, однако, случались и столкновения на творческой почве. «Как-то по неопытности, – вспоминал он, – я «распушил» какой-то слишком кровавый рассказ, и сам был не рад! Разгорелись такие страсти, что домой я попал под охраной добровольных телохранителей...»

Одним из результатов деятельности кружка стала публикация литературно-художественного сборника «К 10-летию Советской Карелии (1920–1930)», в котором печатались начинающие местные поэты и писатели: Иван Петровский, Ялмар Виртанен, Николай Калинин, Борис Леонтьев, Сергей Норин, Иван Кутасов, Степан Брызгин, Аркадий Фокин, Климентий Громов, а также их руководитель А. М. Линевский с рассказом «К петуху на суд» и директор Карельского музея С. А. Макарьев с очерком «На заре десятилетий». Молодые поэты писали современные частушки, в ироничной форме высмеивавшие «реликтовый», с их точки зрения, быт или поведение. Сочиняли лиричные, патристические произведения, например, знаменитая «Песня о Сампо» и «Карелия» поэта Ивана Петровского.

Дальнейшая судьба участников литературного кружка А. М. Линевского сложилась по-разному, часть поэтов погибла на полях сражений Великой Отечественной войны, другие, уехали из Карелии. Александр Михайлович, вспоминая события 1929–1930 гг. отмечал, что единственным материальным доказательством существования литературного кружка стал юбилейный сборник, составленный на общественных началах к 10-летию Советской Карелии. Кроме выпуска сборника, важным результатом деятельности литературного кружка стало развитие традиции литературных объединений в Карелии, заложенной в рамках КАПП-а.

Литература

1. *Линевский А. М.* Подводя итоги (Правда о самом себе). Повесть с густой правкой автора (1970–1971 гг.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 2. Д. 3/79. Л. 1-109.
2. *Линевский А. М.* Давным-давно прошедшее... Страницы автобиографии. Машинописная рукопись с авторскими правками (1971 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 22/201. Л. 1-91.
3. *Линевский А. М.* Минувшее. Автобиографическая повесть. Машинописная рукопись с авторскими правками (1971 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 22/203. Л. 1-173.
4. *Линевский А. М.* Фрагмент «Минувшего». Воспоминания о работе в Карельском краеведческом музее и встречах с Э. А. Гюллингом, А. Н. Лесковым и др. (1971 г.) // НА РК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 24/266. Л. 1-19.
5. *Постановление ЦК ВКП(б) от 23.04.1932 «О перестройке литературно-художественных организаций»* // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. – М., 1983. – С. 407–408.
6. *К 10-летию Советской Карелии (1920–1930).* Литературно-художественный сборник русской секции КАПП. – Петрозаводск, 1930. – 26 с.
7. *Дмитриев В.* Наш Север в поэзии / В. Дмитриев // Карело-Мурманский край. – 1926. № 22. – С. 23–26.
8. *Пролетарским писателям Карелии пламенный привет!* // Красная Карелия. – 1929. – 29 сентября. – Л. 3.
9. *Линевский А. М.* Рекомендованный указатель литературы. – Петрозаводск, 1972. – 28 с.

*Кузнецова В. П.,
Музей-заповедник «Кижь»*

Краевед И. М. Дуров и его «Словарь живого поморского языка»

Самые ранние фольклорные коллекции, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН, были собраны еще до создания Института языка, литературы и истории (1931 г.).¹ Среди них – записи фольклорных произведений из сел Беломорья краеведа Ивана Матвеевича Дурова, его жены Веры Петровны и местных краеведов, работавших в составе краеведческих ячеек. Основная часть этих материалов была собрана И. М. Дуровым – энтузиастом изучения народной культуры Поморья. С 1934 г. исследователь сотрудничал с Карельским научно-исследовательским институтом (КНИИ) (ныне Институтом языка, литературы и истории КарНЦ РАН), в Научном архиве сохранились материалы, которые он сдавал на хранение, и документы: автобиография, личный листок по учету кадров, переписка с руководством института и его сотрудниками. Об этом исследователе до последнего времени было мало что известно. Жизни и научной деятельности И. М. Дурова посвящены публикации С. М. Лойтер, среди которых наиболее обстоятельной является статья в журнале «Живая старина».² В ней говорится о большом вкладе поморского краеведа в дело собирания и изучения фольклора, приводится обзор его публикаций этнографического характера и записи детских игр – материал редкий и очень ценный.

И. М. Дуров родился 12 (25 н.ст.) июня 1894 года в с. Сумпосад Сорокского (ныне Беломорского) района. В личном листке учета кадров³ указаны следующие биографические сведения: получил семилетнее образование в Сумском высшем училище (1903–1910 гг.), в 1912 г. в течение девяти месяцев обучался заочно на курсах «Гимназия на дому» и в 1913 г. закончил восьмимесячные курсы «Самообразование». Отец был морским штурманом-рыбаком. Иван Матвеевич не стал продолжателем дела отца, с 1914 года он работал счетоводом в своем родном селе, одновременно занимаясь литературно-краеведческой работой, которая влекла его с юных лет.

Фольклорные записи – это далеко не все, что сделал И. М. Дуров за свою короткую жизнь. В архиве Карельского научного центра хранится рукопись «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» – главный труд И. М. Дурова.⁴ Он сохранился, несмотря на то, что его автор был репрессирован. Рукопись пролежала в архиве семьдесят лет, практически неизвестная нескольким поколениям ученых. Вместе с коллекциями этот труд является огромным вкладом поморского краеведа И. М. Дурова в дело сохранения памятников языка и фольклора Поморья.

В архиве КарНЦ РАН сохранились документы, дающие возможность восстановить историю создания словаря. В письме, направленном в Карельский научно-исследовательский институт (1934 г.)⁵, Иван Матвеевич сообщает, что в 1912 г. он начал сбор словарного материала, заполняя программу Академии наук 1900 года издания. Иван Матвеевич состоял в Поморском отделении Общества изучения Русского Севера, по инициативе которого он и стал заниматься сбором языковедческого материала. С 1913 года начался повседневный труд над словарем, продолжавшийся двадцать лет. Судя по высказыванию И. М. Дурова, вначале он стал составлять словарь говора Сумского Посада. Затем масштаб работы расширился, и исследователь стал пополнять словарь материалами, которые он собирал в селах Сорокско-Кемского побережья, от с. Поньгома до с. Нюхча включительно. Все это время не прекращалась собирательская работа, запись и фольклорных произведений, и словарного материала. И. М. Дуров осуществлял и организационную работу, участвовал в создании ячеек краеведения при колхозах и школах в Сорокском районе.⁶

В 1929 г. Дурову удалось издать часть своих словарных материалов в отдельной книге под названием «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья».⁷ Словарь был небольшого объема,

¹ Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН). Автореферат дисс. На соискание уч. степени канд. филологических наук. Петрозаводск, 2006. С. 9.

² Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров и его коллекция поморских детских игр // Живая старина. 2005, № 1.

³ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее: НА КарНЦ), ф. 1, оп. 26, д. 56.

⁴ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 181–188.

⁵ Письмо И. М. Дурова в КНИИ от 15.12.1934 г. НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 189, л. 2.

⁶ И. М. Дуров. Заявление председателю Областного бюро краеведения. НА КарНЦ, ф. 1, оп. 26, д. 56, л. 3.

⁷ И. М. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. Н. Виноградова. О. Соловки, 1929.

180 страниц. Он вышел под редакцией Н. Н. Виноградова, находившегося тогда на Соловках. С 1928 по 1932 г. Виноградов был секретарем Соловецкого Общества краеведения.⁸

17 января 1934 г. Карельский научно-исследовательский Институт заключил с И. М. Дуровым договор,⁹ по которому Иван Матвеевич должен был завершить работу над словарем в течение полугода и представить рукопись с вводной статьей и описанием особенностей поморского диалекта. Институт в свою очередь брал на себя обязательство издать словарь, а на время подготовки выплачивать Дурову в течение этого срока зарплату. Договор был подписан зам. директора С. Макарьевым, впоследствии репрессированным, как и И. М. Дуров.

С 1934 г. Иван Матвеевич вел с Институтом переписку и сдавал на хранение собиравшиеся с 1910 г. поморскими краеведами и им самим фольклорно-этнографические материалы. В одном из архивных дел хранится переписка И. М. Дурова с руководителем этнографо-лингвистической секции КНИИ А. Н. Нечаевым. Закончив работу над словарем, Иван Матвеевич представил рукопись в Институт. Завязалась долгая переписка по поводу издания словаря и фольклорных записей. По письмам видно, как изменялось отношение Дурова к руководству института. По-видимому, условия заключенного договора не выполнялись, его труд не был оплачен, а жить ему было не на что. Дуров страстно желал заниматься научным трудом, но в условиях сельской жизни это было невозможно.

Иван Матвеевич переписывался с А. М. Линевским, в одном из писем он говорит: «Я, Александр Михайлович, не смею мечтать о том, что я когда-либо буду получать регулярно деньги на жизнь – сидеть и писать. Нет, я такими мечтами никогда не задавался, а лишь горел желанием передать на пользу науки и грядущему поколению все то, что знаю, что имею о своем горячо любимом Поморье. А о том, что я знаю свой край, не хвастаю, и знаю точно его... жизнь ... во всех ее многогранных особенностях. <...> У меня одна просьба к Вам, Александр Михайлович, если сумеете как помочь мне, так помогите. Видите, я до чего дошел... Мне стыдно и в то же время горько так кланяться!.. Но иного сейчас в данный период времени у меня выхода нет – сижу между двух стульев обескураженный. И больше не знаю, к кому и обращаться. И если это ничто последнее не поможет, махну на все рукой и продам свой труд куда-либо в "канцелярию". А все, что у меня творческого, предам забвению».¹⁰

За двадцать лет И. М. Дурову удалось собрать 12090 слов в селах Поморья; кроме того, была привлечена литература, а также статьи и заметки из разных изданий. В рукопись включен и материал его словаря по рыболовному промыслу.

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» состоит из 8 томов, 5 из них формата школьной тетради и 3 тома обычного формата писчей бумаги А-4. Всего в них подшито 1935 листов, заполненных с одной стороны. Записи производились автором словаря от руки фиолетовыми чернилами на листах школьных тетрадей в клетку и в линейку, на листах серой писчей бумаги, на обратной стороне канцелярских бланков 1910 года. Словарь не был перепечатан, существовал в единственном экземпляре, копии не имелось.

Структура «Словаря» следующая: первый том полностью состоит из очерков, написанных И. М. Дуровым, о географии, истории края, народонаселении, особенностях быта поморов. Автором было проведено целое лингвистическое исследование, дана общая характеристика говора, сделана попытка рассмотреть его фонетику, морфологию и синтаксис. Со второго тома начинаются словарные статьи. В нем отсутствуют первые 20 листов, он начинается с 21-го листа, статьи на букву «а» утрачены.

Предшественниками И. М. Дурова являются А. О. Подвысоцкий, автор словаря Архангельского наречия и Г. И. Куликовский, автор словаря областного Олонецкого наречия.¹¹ Сам Иван Матвеевич признавался, что в своей работе при сборе материала он ориентировался на словарь А. Подвысоцкого.¹²

Словарь И. М. Дурова по своей структуре отличается от этих словарей. Одно из главных отличий – в том, что в первом томе рукописи даются очерки, в двух вышеуказанных словарях подобных очерков нет. Объем словаря И. М. Дурова составляет 12090 слов. В словаре А. Подвысоцкого не указано количество слов, можно примерно судить по страницам, их 197, а в рассматриваемой рукописи, как уже упоминалось, 1935 листов. Даже учитывая, что рукописный текст занимает гораздо больше места, чем печатный, можно говорить о том, что труд И. М. Дурова значительно больше по объему. Словарь Г. Куликовского не может конкурировать с указанными работами, в нем всего 148 страниц, текст напечатан только с одной стороны. Словарные статьи по структуре примерно одинаковые, но в словаре И. М. Дурова даются еще варианты окончания слов. По содержанию его словарь заметно отличается глубоким знанием поморского говора, толкованием не только слов, но и словосочетаний, устойчивых выражений, обилием примеров из живой речи, развернутым описанием обрядов, поверий, особо значимых народных терминов.

⁸ Марковская Е. В. Николай Николаевич Виноградов как сотрудник карельского научно-исследовательского института (1932–1937 гг.) // Рябининские чтения – 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 353.

⁹ НА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 189, л. 1.

¹⁰ НА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, л. 189, л. 30.

¹¹ Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и составил А. Подвысоцкий. СПб., 1885; Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Герман Куликовский. СПб., 1898.

¹² НА КарНЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 189, л. 2.

Следует обратить внимание, что названия словарей А. Подвысоцкого и Г. Куликовского почти одинаковые, отличаются только названия областных наречий – одно Архангельское, другое Олонецкое. И. М. Дуров назвал свой труд словарем «живого поморского языка». Что это значит, можно понять из статей, в которых дается толкование слов. Оно далеко не всегда соответствует общепринятому толкованию. Например, слово «борода», имеет 4 значения, и самое первое – это вовсе не волосистой покров на нижней части лица, а «старый, выветрившийся от времени мох, покрывающий сосны и ели. При холостых салютных выстрелах из дробового ружья этот мох служит прекрасной заменой пыжей. Второе значение – пучок волокнистого вещества (шерсть, лен, конопля), предназначенный для прядения. Третье – термин, выражающий конец сенокоса: говорится «борода завита» на этот год, что означает, сенокос закончен. Четвертое толкование начинается с поговорки: «Выросла голова, дак будет и борода», то есть, стал взрослым, так будет и самостоятельным хозяином и наоборот, «Борода повзросла, а ума не вынесла» и далее «Житье вести – не бородой трясти» – о ленивом большаке семьи. «С бородой мужчина – картина, а без бороды – скотина» и т. д.¹³

Особую ценность работе И. М. Дурова придает то, что автор собирал свой материал в четко очерченном районе Поморья, в котором по его определению, сохранился местный говор. Были обследованы Шуерецкое, Сорока (современный Беломорск), Выгостров и Шижня (еще не затронутые строительством Беломорско-Балтийского канала), Сухое, Вирма, Сумский Посад, Колежма, Нюхча. В них на то время, когда И. М. Дуров собирал свой материал, еще не было «пришлого населения», сохранялись местный говор и традиции культуры. В поле зрения не вошли рыбацкие поселения (Юкково и Сань-наволок), а также лесозаводы и железнодорожные поселки Сороки, Шуерецкого и Кеми, поскольку они населены «пришлыми людьми».¹⁴

Если в словарях литературного языка в качестве иллюстраций используются примеры из литературных произведений, то словари областных наречий, как правило, иллюстрируются примерами из живой речи и фольклора. В этом плане фольклор является неоценимым источником для составителя словаря. И. М. Дуров, будучи сам «носителем» поморского говора и знатоком местного фольклора, совершенно свободно пользовался всем арсеналом своих знаний. Одно из главных отличий его словаря от словарей, изданных в конце XIX века, состоит в том, что в нем чрезвычайно широко используется фольклор Поморья.

Даже при предварительном знакомстве со статьями видно, что фольклор приводится в качестве иллюстраций довольно часто. Словарь включает целое собрание различных жанров устного народного творчества как в их полном виде, так и в отрывках. Так, мы найдем здесь малые жанры, отрывки из фольклорных произведений, а иногда целые произведения. Доминирующее место в словаре И. М. Дурова принадлежит пословицам и поговоркам, много загадок, примет, песен, частушек, детского фольклора, эпических произведений и т. д.

В статьях содержатся чрезвычайно ценные сведения о бытовании жанров, этнографические описания. Весьма ценными являются те статьи, в которых приводится обрядовый или ситуативный контекст исполнения того или иного произведения. К таким статьям относится, например, *вещерина (вечерина)*, в которой дается описание нескольких видов поморских вечеринок, а также песен, исполнявшихся на них. Так, о свадебной вечеринке И. М. Дуров пишет: «...начинается угощение под песни специально приглашаемых на вечеринку песенниц. Песни поются каждому из присутствующих гостей – женатым и холостым, мужчинам и женщинам, за что они песенницам по окончании песни платят деньги – кто сколько даст. Начиная с жениха, поют ему «Чарочку», тысяцкому – «По сеням было по сенецкам» и всем остальным женатым «Судном по морю», а холостым «Во тереме девица сидит». Заканчивается вечеринка «утушкою» под хоровые свадебные песни».¹⁵

В словаре приводятся тексты заговоров. Например, в статье *урáz снять* дается следующее толкование: заговорить заклинанием боль в теле от ушиба или пореза. Далее идет описание действий с ножом, которые производятся во время чтения заговора и приводится сам заговор.¹⁶ Дуров, прекрасно владея материалом, дает весь поморский рыбацкий календарь, описания праздников и соответствие их видам рыбного промысла.

В восьмом, последнем томе словаря имеются записи на обратной стороне последних 38-ми листов. Оказалось, что И. М. Дуров использовал уже заполненные с одной стороны листы, озаглавленные: «Образцы народных говоров Кемского Поморья Архангельской губ.». Иван Матвеевич, по-видимому, планировал не только составление словаря, но и издание произведений поморского фольклора в качестве образцов речи. Тексты фольклорных произведений приводятся в фонетической записи. В самом начале своей вступительной статьи он писал, что представляет здесь песни, стихи, былины, рассказы и легенды, «...так как этот материал, хорошо отражая диалектические черты известной местности, в то же время интересен и для истории русской словесности».¹⁷ Далее он отмечал, что старинные песни, стихи и былины все реже встречаются в поморских селах, но еще есть женщины, которые могут исполнить до тридцати песен в полном виде, смысл которых не искажен. Можно от них записать также несколько былин, стихов и большое количество сказок и легенд, но народная поэзия стала вытесняться частушками и современными песнями. В первую группу произведений он включил песни, их в указанном томе всего 23. Кроме того, на этих листах записана былина «Дунай», озаглавленная «Сказанье про Дуная богатыря и про короля Кляховимского» и баллада «Дмитрий и Домна», названная «Ска-

¹³ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. НА Кар НЦ, ф. 1, оп. 32, ед. хр. 182, лл. 116–117.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 181, л. 4.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 182, л. 246.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 188, л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 108 об.

заньё про князя Дмитрия». Оба текста зафиксированы во всей полноте, но точной паспортизации не имеют, хотя И. М. Дуров замечает, что он записал эти «сказания» со слов сумских и сорокских (беломорских) старожилов.¹⁸ К сожалению, подборка произведений фольклора, которые должны были послужить образцами речи, была самим автором расформирована, для него, по-видимому, было очень важно закончить именно словарь, поэтому из-за нехватки бумаги он решил использовать обратную сторону листов уже готовой рукописи.

В словаре приводится немало слов финно-угорского происхождения. И. М. Дуров отмечает это явление, анализирует причины, по которым лексика поморов пополнилась этими словами. Одна из них – межнациональные контакты, обусловленные географическим положением края: с севера и северо-запада он окружен карельским населением. И. М. Дуров учитывает и такие исторические факты как завоевание Поморья шведами, затем владение этим краем карелами и последующее вытеснение карелов новгородской колонизацией. По его наблюдениям, топонимика говорит о том, что первыми жителями Поморья были саамские (лопарские) племена, вытесненные впоследствии финнами. Об этом свидетельствуют такие названия древних урочищ, озер, гор и прибрежных островов на Белом море как Тайбола, Кок-ручей, Сар-ручей, Яванд-ручей, Чупор-гора, Перт-озеро, Гап-наволоок, Сум-остров, Габ-озеро, Рух-ламба, Керко-ручей, Куз-остров, Тоб-ручей, Ревеж-гора, Майдо-ручей, Вегаракша, Рег-остров и многие другие.

В лексике отмечаются следующие финно-угорские слова, например:

Ню'гайдаць – гнусавить, говорить невнятно. (*Nuhnnoi* – кар. мямля; гнусавый).¹⁹

Ню'рики (слово карельское) – сшитые из кожи без накладных подошв и каблуков летние сапоги; удобная и весьма легкая обувь для хождения по лесам и болотам в летнее время. Незаменяемая обувь у карела.

Ня'ша – Дуров отмечает, что это слово финское – тина, болото, трясины. (*Näškiü* – кар. чавкать, хлюпать – о грязи, о воде).

Ли'нда (лопарское) – 1. Жидкая, заправляемая мукою похлебка из рыбы; жидкая разварившаяся каша. 2. О человеке в насмешку: длинный, тончавый, длинноногий и длиннорукий; слабого телосложения.

Лох – название семги после нереста. (*Lohi* – кар. лосось).

Ля'бзатъ – переговаривать, передавая слышанное, пересказывать, заниматься сплетнями. (*Läbžöttiä* – кар. мять, толочь, раздавливать).

Май'муха – маленькая рыбка-малек по строению кости и формой сходная с навагою и треской; не имеет чешуи; обитает исключительно в пресной речной воде в реках Нюхча, Руйга и Колежма. (*Maimu* – кар. 1. Сушеная мелкая рыба, сущик. 2. Мелкая рыбешка).

Мал'татъ (слово карельское) – понимать, разуметь. Я малтаю, что ты говоришь.

О прибалтийско-финском влиянии говорит и ударение, во многих словах сохраняющееся на первом слоге. Примеры: *ручэй, пóтолок, спйна, кóпаньё, плёваньё, зápечьё, бóсой, гúстой, дрúгой, плóхой, прúдет* и другие.

Труд И. М. Дурова включает ценнейший лингвистический, фольклорный, этнографический, исторический материалы. Еще большую ценность он приобрел в настоящее время, когда в силу многих причин происходит постепенное исчезновение местного говора. «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова представляет большой интерес как памятник языка, его издание является насущной задачей для настоящего времени.

¹⁸ Там же. Л. 117 об.

¹⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Василий Тухтаров – Олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями

Василий Васильевич Тухтаров был Олонецким губернным архитектором с 1830 до 1861 года. Он хорошо рисовал, отлично знал строительное дело, обладал значительными административными способностями. Пожалуй, в истории нашего города больше не найдется ни одного архитектора, который бы столь долго, верно и плодотворно служил на таком высоком посту.

Изданка в краеведческих публикациях встречается тезис о том, что Тухтаров был первым профессионально образованным архитектором в Петрозаводске. Это не совсем так. До Тухтарова у нас в должности губернского архитектора работали известные архитекторы и хорошо образованные профессионалы. Это воспитанники Императорской академии художеств Михаил Кисельников – с 1784 по 1787, Федор Крамер – с 1787 по 1793, академик архитектуры Михаил Березин. После отъезда из Петрозаводска в 1806-м Михаила Березина до 1820 года должность губернского архитектора была вакантна, при необходимости ее исправляли губернские землемеры. Затем, до появления в Петрозаводске Тухтарова, сменилось несколько архитекторов, явно не желающих надолго здесь задерживаться в силу разных причин. Так что деятельность Василия Тухтарова, осевшего в Петрозаводске, явилась крайне необходимой и долгожданной.

Этот материал готовился именно к 2008 году – предполагаемому 200-летию юбилею архитектора Василия Тухтарова, так как первоначальные сведения о нем были почерпнуты из биографического словаря «Зодчие Москвы времени барокко и классицизма» (Сост. А. Ф. Крашенинников. М., 2004.), где датой рождения нашего губернского архитектора обозначен 1808 год. Изыскания в Национальном архиве РК, изучение множества формулярных списков за 30-летнюю службу Тухтарова позволяют опровергнуть эту информацию и установить год рождения архитектора как 1805 (или 1804, так как формулярные списки, как правило, составлялись обычно в начале года). К сожалению, раньше не принято было ставить дату рождения, ограничиваясь числом полных лет, прописываемых в анкетных данных того или иного чиновника. Хорошо, конечно, то, что уточняются даты, и стираются белые пятна, но кажется непоправимым то, что пропущен такой юбилей архитектора, отдавшего практически всю творческую жизнь работе в нашем крае.

Автограф архитектора В. В. Тухтарова

Обратимся к одному из последних формулярных списков «О службе Олонецкого губернского архитектора коллежского советника Василья Тухтарова».²⁵

«Составлен 2 января 1860.

Коллежский советник Василий Васильев Тухтаров.

55 лет, православного вероисповедания.

Происхождение – из обер-офицерских детей.

Имя – деревянный дом в Москве, нераздельный с братом».

«...имею честь донести, что я имею в Москве деревянный дом, оставшийся мне и брату моему после покойного нашего родителя, прочего же имения как родового, так и благоприобретенного никакого не имею.

Архитектор Тухтаров.

31 августа 1847 г.»²⁶

У Василия Тухтарова был старший брат Константин, родившийся в 1802 году, который посвятил себя архитектуре и до отставки в 1859 году проработал на этом поприще в Москве. Пример старшего брата, которому он последовал, собственные способности привели Василия в Архитектурное училище при Кремлевской Дворцовой экспедиции.

«Воспитание. Воспитывался в Архитекторском училище при Кремлевской Дворцовой экспедиции и окончил полный курс наук».

²⁵ Национальный архив РК, ф. 3, оп. 2, дело 7/28, лл. 3–19.

²⁶ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 21/152, л. 86

Архитектурное училище Кремлевской Экспедиции (Кремлевское Архитектурное училище; в 1830-х стало называться Московским Дворцовым архитектурным училищем (МДАУ) было создано в 1801 г. на основе школы-команды выдающегося архитектора Матвея Казакова (1738–1812) при Экспедиции кремлевского строения. В то время оно было единственным в своем роде специальным ведомственным архитектурным учебным заведением. Принципы подготовки были ориентированы на подготовку зодчих-практиков, существенно отличаясь от системы образования, принятой в петербургской Академии художеств. Учебное заведение последовательно возглавляли известные зодчие: Родион Казаков (1754–1803), Иван Егоров (1756–1814), Иван Мироновский (1774–1860), Михаил Быковский (1801–1885), Фридрих (Федор) Рихтер (1808–1868).

В училище поступали подростки 11–14 лет, имевшие начальную общеобразовательную подготовку. Срок обучения зависел от способностей каждого ученика и составлял в среднем 8–12 лет. Училище состояло из двух отделений: низшего – теоретического и высшего – практического. Прежде всего, ученики осваивали основы рисования и построения перспективы: рисовали с гипсовых слепков, копировали орнаменты из книг по архитектуре, занимались живописью. Изучение архитектурных дисциплин начиналось с вычерчивания ордеров и копирования чертежей различных зданий.

После этого переходили к проектированию, начиная с небольших построек и заканчивая крупными зданиями. До начала 1830-х учебные проекты выполнялись только в классическом стиле.

Первый этап обучения заканчивался получением звания архитекторского помощника 3-го класса. Для этого необходимо было выполнить проект какого-либо крупного сооружения. Наиболее распространенные темы проектов – театр, вокзал, собор, больница, гимназия. После теоретического продолжалось обучение на практическом отделении. Здесь особое внимание уделялось овладению навыками строительства, для чего ученики работали сначала в Дворцовом ведомстве, а затем и в других организациях.

В. В. Тухтаров стал Архитекторским помощником по окончании полного курса наук в июле 1826. Архитекторский помощник, как явствует из названия, не работал самостоятельно, а только под руководством мастеров-зодчих, обучаясь навыкам профессии. К самостоятельной практике допускались лишь те, кто получал звание архитектора. Для этого необходимо было отработать несколько лет, а затем сдать дополнительные экзамены.

В Национальном архиве РК сохранилась копия свидетельства об образовании – документа о получении Василием Тухтаровым степени Архитектора.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО»

Вследствие предписания Экспедиции Кремлевского строения, дано сие свидетельство Архитекторскому Помощнику Коллежскому Регистратору Василию Васильеву сыну Тухтарову в том, что он Тухтаров во время нахождения в Архитекторском училище, состоящем при оной Экспедиции обучался: Российской Словесности, Географии, Всеобщей истории и мифологии, Арифметике, Алгебре, Геометрии, Тригонометрии, практической тригонометрии или геодезии и механике, теоретической и практической перспективе и теории архитектуры, рисованию фигур, орнаментов, пейзажей, миниатюры и черчению Архитектурных рисунков.

По окончании курса наук произведен в Архитекторские помощники и будучи в сем звании сочинял различным зданиям прожекты, употребляем был в практику для производства строений, находящихся под ведомством Экспедиции, и во всех случаях оказывал знания довольно достаточные; сверх того, во исполнение упомянутого предписания Экспедиции делалось ему Тухтарову окончательное испытание в знании Гражданской Архитектуры, по которому оказался также достаточно сведущим, а посему и Архитектором быть может, в чем и свидетельствуем.

Подлинное подписали Директор, Архитектор Иван Мироновский, Архитектор Иван Таманский, Архитектор Евграф Тюрин.

*Августа 28 дня 1830 года».*²⁷

Те же, кто не сдавал экзамена на звание архитектора, оставались в архитекторских помощниках до седых волос, не имея права занимать ряд должностей, в том числе и губернского архитектора.

После окончания курса обучения и получения степени Архитектора выпускники поступали в распоряжение Строительного комитета МВД, где «судя по успехам и надобности», по распоряжению министерства они могли быть распределены по губерниям архитекторами или поступить на службу в иных должностях по этой части. Выпускникам предписывалось прослужить в Министерстве внутренних дел 8 лет, после чего они могли продолжить службу или перейти в другое ведомство. Здесь следует заметить, что в XIX и начале XX века Министерство внутренних дел курировало очень большую сферу гражданской жизни государства, в том числе и строительную.

Тухтаров в службу вступил довольно рано, будучи учеником 3-го класса школы ЭКС, «ведомства Экспедиции Кремлевского строения по архитектурской части с чином подканцеляриста 7 мая 1820 года, где произведен канцеляристом – 1825;

По Указу Правительствующего Сената награжден коллежским регистратором – декабрь 1829».

В звании Архитекторского помощника Василий Тухтаров работал в Москве, с 1828 – в Царицыно, где проводились масштабные работы по восстановлению и достройке заброшенных в конце XVIII века строений. Так

²⁷ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 8/25.

как Царицынская усадьба относилась к Экспедиции Кремлевского строения, то вполне естественно, что все обучающиеся в ее училище прошли реальную практику в Царицыно в качестве чертежников, архитектурских помощников, архитекторов и производителей работ, что, несомненно, очень пригодилось в дальнейшей самостоятельной работе выпускникам училища.

Василий Васильевич Тухтаров *«Согласно желанию его, определен Министром внутренних дел в Олонецкую губернию губернским архитектором – 6 октября 1830. Произведен губернским секретарем – 24 февраля 1831».*

В 1833 году вся гражданская часть строительства в России из Строительного комитета была передана в ведение новой структуры – Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Должность губернского архитектора с этого времени стала обязательной, причем в качестве неперемennого члена губернских строительных комиссий. В комиссию по штатному расписанию должны были входить также помощник архитектора, ассессор и один-два офицера Корпуса путей сообщения; официально возглавлял комиссию начальник губернии. Однако практически профессиональное руководство лежало на губернском архитекторе.

Из формулярного списка В. Тухтарова:

«Вследствие Указа Правительствующего Сената от 30 июня 1833 г. за № 36, 789 и приложенных при том штатов и положения о новом образовании Строительной части поступил в открытую на основании оных в г. Петрозаводске Губернскую Строительную комиссию губернским архитектором – 9 июля 1833.

По Указу Правительствующего Сената от 31.12.1836 произведен в Коллежские секретари».

Губернские архитекторы должны были уметь решать весь комплекс проблем и вопросов, связанных с текущим строительством в губернии. Архитекторы в то время не были «свободными художниками», а согласно Табели о рангах состояли чиновниками того или иного класса при государственных учреждениях, значит, обязывались выполнять поручения. Эти «поручения» очень редко касались сферы сугубо эстетической, чаще всего – строительно-практической.

В XIX веке в ходу были так называемые «образцовые» проекты, выполненные архитекторами Главного управления путей сообщения и публичных зданий, и применявшиеся там, где не хватало своих специалистов. Образцовый проект, получивший в это время повсеместное распространение, прежде всего, выполнял функции своеобразного механизма контроля. Попутно это позволяло решать задачу приведения застройки городов к единообразию. Для провинции, большей частью, не имевшей на тот момент собственных специалистов-архитекторов, это было особенно актуально. С другой стороны, жесткие условия архитектурной практики, требовавшие неукоснительного следования образцу, а также необходимость утверждения индивидуальных проектов исключительно в столичных комитетах, не способствовали развитию творческого мышления на периферии. Тем не менее, Василий Тухтаров выполнил довольно много проектов разного рода построек за 30 лет службы. В том числе благодаря тому, что постепенно сокращалась сфера распространения действующих «образцов», складывались условия, благоприятствующие утверждению частной деятельности архитекторов.

Процесс этот носил эволюционный характер и проходил в несколько этапов. С 1826 года распоряжением Министерства внутренних дел все заводские и фабричные строения разрешалось проектировать с отступлением от образцов, «как насчет фасадов, так и высоты крыш, ибо наружный вид сих строений должен был соответствовать внутреннему расположению помещений, приспособляемому к потребностям заведения». С 1829 г. начальникам губерний предоставлялось право самим утверждать мелкие постройки стоимостью до 1000 р., что соответствовало масштабам набирающего темпы частного строительства и тому, что с 1820 г. к надзору за возведением объектов допускались только дипломированные зодчие. В круг их обязанностей входила доставка строителям нужных шаблонов и размеров. Указом 1831 г. вводились особые требования к составлению чертежей на постройки и правила их оформления. Появились первые распоряжения, допускающие возможность строительства зданий с отступлениями от «образцовых» чертежей (согласование их происходило по-прежнему в столичных Строительных комитетах).

Из формулярного списка В. Тухтарова:

«С 1835 по 1838 сверх должности губернского архитектора на обязанности его лежало устройство каменных зданий для уездных казначейств в городах Олонецкой губернии: Каргополе, Вытегре и Лодейном поле, которые возложены были на хозяйственное его распоряжение и во время построения оных; работы были неоднократно освидетельствованы чиновниками от Правления II-го округа Путей сообщения и Олонецкой губернской строительной комиссии и найдены оные в производстве с должным успехом и согласно проектам... здания освидетельствованы и найдены во всех отношениях произведенными с должною чистотою и прочностю».

С 1836 по 1839 по поручению Комиссии – строительство по Архангельскому тракту двух казарм для этапных команд в Каргопольском уезде при селении Федотовском и Архангельском погосте, «каковые здания сооружены им с должным успехом и надлежащею прочностю и чистотою».

Губернатор Дашков так характеризовал в 1839 году губернского архитектора:

«... титулярный советник Тухтаров находился в Олонецкой губернии при настоящей должности непрерывно с октября 183 года, где постоянным усердием и деятельностью в исполнении возлагаемых на него поручений как по составлению проектов на разные по губернии сооружения, требовавших усиленных трудов и заботливости, так равно и по производству самих работ, особенно же по всей строгой справедливости

заслуживает преимущественного внимания и вознаграждений ... поручений, выполненных и с отменным успехом, и с соблюдением казенного интереса».²⁸

Приводимые далее два архивных документа, выбранные из множества аналогичных, наглядно демонстрируют интенсивность и характеризуют обычный объем работ и забот архитектора Тухтарова. Данные материалы опровергают бытующее мнение о том, что в XIX веке люди жили медленнее, чем теперь. По-видимому, архитекторы, судя по ритму жизни Василия Тухтарова, опередили свой век.

*«В Олонецкую губернскую строительную комиссию
Члена оной Губернского Архитектора
Рапорт.*

По возложенному на меня от оной комиссии поручению об освидетельствовании мостов и прочих казенных построек в губернии вместе с корпуса инженеров капитаном Герасимовым, будучи в Петрозаводске я сделался нездоров ногою от болезни рожжи; с большим трудом мог возвратиться 19 сего декабря в Петрозаводск и, хотя не получив совершенного облегчения, однако ж считая означенное поручение требующим скорого исполнения оною с г. Герасимовым, а как между прочим многими данными мне поручениями имею я от оной комиссии следующие: 1-е. ...о повреждении в двух флигелях Петрозаводской тюрьмы; 2-е. ...о повреждении в жандармской конюшне; 3-е. Составление проектов для дома, занимаемого Типографиею Губернского правления; 4-е. ...составление проектов для людской и прачешной избы при доме Его превосходительства Господина гражданского губернатора; 5-е. о составлении кондиций на постройку 2-х казарм в Каргопольском уезде, и поручений сих за отъездом моим в скорости исполнять не могу, о чем представляю оной комиссии на благоусмотрение и дабы до возвращения моего из губернии не оставались без исполнения, не угодно ли оной сделать распоряжение о поручении их ... другому члену по искусственной части; представляю у сего планы и сметы на означенные предметы, утвержденные планы и сметы на построение этапной казармы.

Архитектор Тухтаров.

*Декабря 21 дня
1833 года»²⁹*

Выписка из журнала общего присутствия от 24 декабря 1851 года:

«...Губернский архитектор Тухтаров... представил в комиссию полный технический и денежный отчеты... по исправлению существующих и по устройству новых деревянных заборов при казенном корпусе, занимаемом г. Начальником губернии и при тюремном флигеле в городе Петрозаводске, причем объясняет, что в представлении этих отчетов последовала просрочка собственно от многосложных занятий его по исполнению других, не терпящих отлагательства поручений, возложенных на него начальством в одно и то же время, как-то: по исправлению моста через реку Инему в Олонецком уезде, по устройству такого же вновь через реку Шоткасу в Лодейнопольском уезде и исправлению здания, занимаемого Олонецким уездным казначейством, по построению моста через реку Каному и по составлению денежных и технических отчетностей по произведенным им работам, и по исполнению других возложенных на него Комиссиею дел по составлению проектов и смет и наблюдению за производством работ в городе Петрозаводске, как-то: по устройству вновь каменных пристроек при корпусе Присутственных мест, по исправлению корпуса, занимаемого господином Начальником губернии, флигелей, занимаемых тюрьмою и 3-х мостов в черте города, по постройке кладбищенской каменной церкви и каменной кузницы при жандармской конюшне; – представляя сие на благоусмотрение Комиссии, покорнейше просит помянутую просрочку не отнести к упущению его...»³⁰

Под кладбищенской каменной церковью в последнем документе имеется в виду Крестовоздвиженская церковь на Зареке, которая строилась как раз в то время, и, возможно, по проекту Тухтарова. Подтверждением этому также служат строчки из его формулярного списка:

«По распоряжению комиссии назначен был в мае 1848 г. производителем работ к постройке каменной трехпрестольной церкви в г. Петрозаводске, которая под наблюдением его сооружена во всем согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного проекта с должною прочностью и чистотою, при каковой постройке находился по 1853 год».

Остановимся подробнее на наиболее значительных работах Тухтарова.

КРУГЛАЯ ПЛОЩАДЬ

Круглая площадь (ныне пл. Ленина) в Петрозаводске – один из интереснейших ансамблей русского провинциального классицизма XVIII века. Одновременно со строительством Александровского пушечного завода в 1770-х гг. его строитель, горный инженер Аникита Сергеевич Ярцов начал возводить жилые и административные здания на свободных территориях за пределами границ старых Петровских заводов. Так появи-

²⁸ НА РК, ф. 1, оп. 36, дело 49/72, лл. 1, 2.

²⁹ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 5/11, л. 9

³⁰ НА РК, ф. 3, оп. 1, дело 6/19, л. 254.

лись первые построенные по плану Круглая, или Циркульная, площадь и две улицы – Нагорная и Заводская линии (ныне пр. К. Маркса и ул. Ф. Энгельса), расположенные на высокой террасе над поймой Лососинки.

На Круглой площади были сгруппированы восемь зданий заводу управления (канцелярия, дом командира, лаборатория, чертежная школа, столярная и модельная, аптека, архив и кладовые). Первоначально застройка Круглой площади 1775 года представляла собой 8 зданий, расположенных «по циркулю». На каждой стороне площади стояло по 3 корпуса. Кроме того, в месте соединения площади с Петербургским трактом, на въезде в город, стояли два трапециевидных флигеля – кордегардии.

В 1787–1789 гг. по инициативе гражданского губернатора Г. Р. Державина здания Круглой площади были перестроены для размещения в них губернских учреждений. Проект реконструкции в 1785 г. выполнил губернский архитектор, воспитанник Петербургской Академии художеств, Михаил Кисельников. Строительство вел очередной губернский архитектор Федор Крамер. Перестроив шесть отдельно стоящих зданий, Кисельников и Крамер соединили средние корпуса, имеющие портик, с угловыми, оформив их скругления на поворотах полуколоннами, и получили два больших полукруглых крыла, дошедшие до наших дней практически без изменений.

В 1803 году полностью сгорел корпус 1, где с 1801 года (как и в корпусе 2) размещались присутственные места. Разрушения, причиненные пожаром, были столь серьезны, что обрушились даже стены второго этажа. До 1805 года площадь была в развалинах, а корпус 1 в обиходе именовался «большим погорелым корпусом». В 1806 году губернский архитектор Михаил Березин восстановил здание «для жительства господ губернатора и вице-губернатора».

В дальнейшем здания Круглой площади капитальным перестройкам не подвергались, а качество текущего ремонта, проводимого подрядчиками, было настолько скверно, что в 1830 году Сенат вынужден был даже завести специальное «Дело о беспорядках, произошедших при исправлении в городе Петрозаводске казенных домов». Следствие по этому делу велось более двух лет. Одна из причин, приведших к плохому состоянию зданий: *«С 1821 по 1830 годы находилось в Олонецкой губернии пять губернаторов... Каждый из них сменялся, не докончив распоряжений... Строительная комиссия была составлена из лиц, занятых другими должностями... Причем, конечно, не могло быть им надлежащего наблюдения за успешным и правильным ходом работ, ни должного порядка, ни аккуратности в действиях...»*³¹ Все это не могло не довести корпусов Круглой площади до аварийного состояния.

Из формулярного списка В. Тухтарова:

«При этом с 1832 по 1835 годы находился в комиссии, учрежденной для производства работ по исправлению двух казенных корпусов».

«В губернском городе Петрозаводске учреждена была по распоряжению начальства в 1832 году особая комиссия о исправлении двух казенных корпусов, двухэтажных, каменных, занимаемых Присутственными местами и господами губернатором и вице-губернатором... В этой комиссии, составленной из гражданских чиновников, коим строительная часть есть дело совершенно новое – архитектор Тухтаров нес обязанности производителя работ, самую трудную по местному положению губернии, по неимению в ней большой части строительных материалов и рабочих, но как из дел видно, при неусыпном старании и деятельности г. Тухтарова упомянутое исправление корпусов окончено по 1835 год, со всею разнообразною отчетностью и с соблюдением означенной экономии;

*... причем справедливость требует принять в соображение (отношение) к отмеченному усердию Губернского архитектора Тухтарова...»*³²

Через некоторое время, в связи с необходимыми дополнительными ассигнованиями, была создана новая комиссия, на этот раз по капитальным исправлениям 2-го корпуса, занимаемого губернскими и уездными присутственными местами.

Из формулярного списка Тухтарова:

«В декабре 1839 года назначен был членом и производителем работ во временный комитет, учрежденный в г. Петрозаводске для капитального исправления корпуса Присутственных мест, в коем находился по 1853 год, не оставляя своей обязанности по должности губернского архитектора».

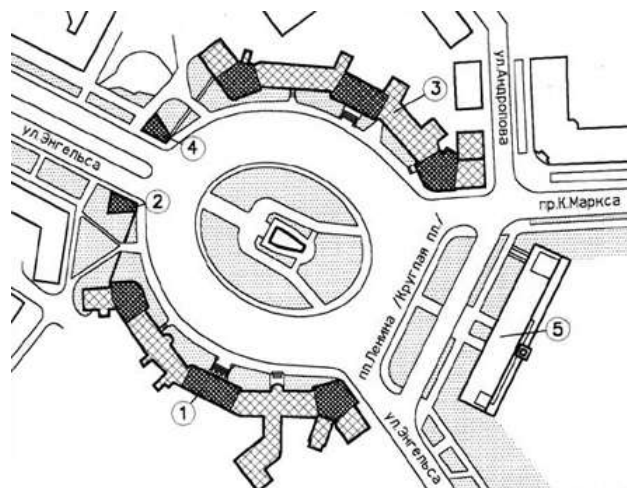
³¹ Б.Гнедовский. История Круглой площади / «На рубеже», 1952, № 12, с. 61–67.

³² НА РК, ф. 1, оп. 36, дело 49/72, л. 2.

Во время пребывания на посту губернского архитектора (с 1830 по 1860 гг.) Василием Васильевичем Тухтаровым было много сделано по возрождению обветшавших зданий на Круглой площади, ее благоустройству. Работы велись по укреплению архитектурных конструкций, удлинению корпусов путем пристроек к торцам, перепланировке помещений, связанной с изменением функций отдельных частей зданий или сменой губернаторов, возведению пристроек и служб при губернаторском доме, перестройке каменного забора, соединяющего кордегардии с полукруглыми корпусами.

В центре площади при губернаторе Н. Э. Писареве (с 1848 по 1851) Тухтаровым был устроен сквер и высажены акации.

В 1841 году начался ремонт **большого зала** при квартире губернатора (ныне известен как зал Дворянского, или Благородного собрания). Он действительно большой – площадью лишь немногим более 100 кв. метров и высотой 6 метров, занимает всю ширину двухэтажного корпуса, выходя окнами и на площадь, и в сад. Такого зала в Петрозаводске больше не было ни в одном из частных домов, он был часто востребован «обществом», и один из губернаторов справедливо сетовал, требуя у казны средств на его очередной ремонт, оправдывая это тем, что зал в большей степени общегородской, нежели принадлежит семье губернатора.

План Круглой площади (пл. Ленина) в нач. XXI века. 1 – губернаторский дом; 2, 4 – «кордегардии»; 3 – корпус Присутственных мест; 5 – мемориальный комплекс. Плотной штриховкой выделены первоначальные восемь зданий Круглой площади, выстроенные в 1775 году

Большой зал губернаторского дома в 2002 году, во время реставрационных работ

Тухтаров, предложивший радикальную реконструкцию двухсветного зала, писал в своем отчете: «...пол сгнил, старые 2 голландские печи от давности почти разрушились, растрескались и сих двух печей для тепла недостаточно, хоры в зале, прилегающие к поперечной стене, по дурному и непрочному укреплению и тяжести их конструкции отделились от стены. Два окна, занимая своей обширностью хоры, лишают зало света и делают безобразным вид, тогда как если бы первоначально были устроены на противоположной стороне, а не в виде огромного висящего ящика, тогда могли бы даже исправить собой неправильность простенков зала... По верху при соединении потолка со стенами некогда был карниз (или что-то похожее), но обвалился по времени... Штукатурка во многих местах от стен и потолка отстала, и стены и потолок от дыма худых печей закоптели»...

Архитектор решил «Хоры сломать, вновь сделать на другой стороне зала, над новыми печами полуциркулем от одной продольной до другой стены. Но чтобы впоследствии не иметь в осадке опасность (как раньше), сделать оные на столбах с обшивкой по оным досками под штукатуркой, с постановкой балюстрады с карнизом, фризом архитрава, который тянуть кругом всей залы между верхних и нижних окон, ... чтобы дать сей зале приличный вид, под сим карнизом сделать дорического ордера пилястры на поперечных стенах, на продольных между двумя окнами по две»... Хоры были перенесены и сделаны «полуциркулем»

бело-золотые балясины придали им легкий и праздничный вид, по стенам зала пробежали два карниза – потолочный и межоконный, поддерживаемый пилястрами с капителями простого рисунка... Судя по описаниям современников, на потолке также была богатая лепнина. Но в 1909 году деревянные потолочные балки начали сильно прогибаться под тяжестью штукатурки, и было принято решение ее снять, укрепить конструкцию потолка, а затем вновь оштукатурить, но уже очень просто, вытянув заново лишь потолочные карнизы.

Изразцовые печи появились в большом зале губернаторской квартиры в 1903 году, тухтаровские были спрятаны в поперечные кирпичные стены, выходя в зал лишь своими топками. В 2003 году большой зал губернаторского дома реставрирован с изразцовыми печами и без лепного потолка, по которому не найдена достоверная информация. Тем не менее, общий характер интерьера, выполненного в стиле классицизма, сохранился. Все восстановлено, как это было у Тухтарова, – просто и вместе с тем изысканно, без излишней вычурности, сохраняя пропорции архитектурного пространства и деталей, отличающих губернского архитектора во всех его постройках.

В 1845 году к зданию были пристроены одноэтажные **полукруглые эркеры**, выходящие на площадь, первоначально задумываемые как входы-тамбуры на половину губернатора и вице-губернатора. При этом были, наконец, уничтожены галереи-крыльца вдоль фасадов, об утрате которых очень сокрушался в свое время, обвиняя Тухтарова, исследователь ансамбля площади в 1950-х архитектор Борис Гнедовский. Тем не менее, Тухтаров был прав, так как деревянные галереи очень негативно влияли на кирпичную кладку стен, требовавшую постоянного ремонта, ибо скапливавшийся на галереях снег таял и портил штукатурку и кирпич.

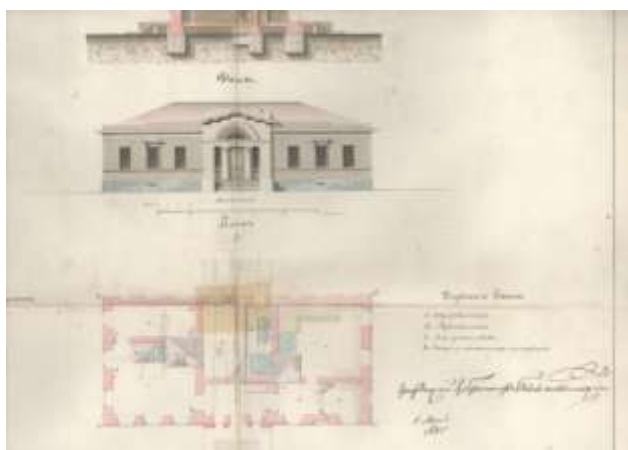
Один из эркеров губернаторского дома, отреставрированный в 2006 году

«каменным коридором», и надстроенный вторым этажом уже после 1917 года. Флигель для кухни и бани был запроектирован и выстроен в стиле классического паркового павильона. Ведь он примыкал одной своей стороной к недавно устроенному Тухтаровым новому губернаторскому саду.

Входы в новых каменных эркерах были даже выполнены, но в скором времени закрыты, и утратили свою первоначальную функцию, сделавшись просто эркерами в нижнем этаже и балконами – в верхнем. Точно такие же эркеры предполагалось выстроить и на противоположной стороне площади – у корпуса 2, но что-то не сложилось. Окна эркеров, имеющие арочное завершение, повлекли за собой некоторое изменение обработки главного фасада корпуса. Над окнами первого этажа появились полукруглые завершения, отвечающие своей геометрией окнам эркеров. Вообще следует заметить, что тема арочного окна была любима Тухтаровым, повторяясь из проекта в проект.

В 1845–46 годах на дворовой территории губернаторского дома по проекту Тухтарова был построен каменный 1-этажный **флигель для кухни и бани**,

соединенный впоследствии с основным зданием

Фрагмент чертежа В. Тухтарова «Флигель для кухни и бани». 1845 г.

Бывший флигель для кухни и бани в 2007 году

Акцентированный аркой с аттиком и пилястрами центральный вход во флигель стал главным элементом этого небольшого здания. При строительстве по углам появились рустованные лопатки, сохранившиеся до настоящего времени теперь уже на двухэтажном объеме бывшей кухни и бани. А венчающий карниз бывшего флигеля стал просто междуэтажным пояском на фасаде после надстройки второго этажа.

В 1840-х были также сделаны пристройки к торцам обоих полукруглых корпусов, позволившие увеличить полезные площади, необходимые как для квартиры губернатора, так и для присутственных мест.

В 1858–59 годах со стороны сада к губернаторскому дому по проекту Тухтарова был пристроен роскошный **парадный подъезд**. Решенный в характерном для середины XIX века стиле с арочными окнами, сложными наружными и внутренними карнизами, кессонированным сводчатым потолком, этот объем сохранился до наших дней практически в том виде, в каком был выстроен. За исключением внутренней лестницы, которая была ликвидирована в связи с приспособлением губернаторского парадного подъезда в малый зал заседаний совнаркома в 1920-х.

Парадный подъезд к квартире губернатора. Вход, располагавшийся между двумя нишами, заложен. Фото 2007 г.

работ на здании бывшего губернаторского дома. И кроме арки, дошли до нас две трехчетвертные колонны коринфского ордера с изящными лепными капителями, обрамляющие проход в будущий вестибюль краеведческого музея. Эти колонны с аркой – словно замурованный в позднейшую кирпичную кладку привет от губернского архитектора Василия Тухтарова, дошедший до нас из середины XIX века.

Замурованная колонна. Фото – декабрь 2007 г.

таров предлагает: «два каменные флигеля, занимаемые тюрьмами, для помещений сего неудобны, как по тесноте своей, так и по близости оных тюрем от губернских присутственных мест и лучших домов; по сему предлагается **соединить их аркою** и во всем строении устроить губернский архив и губернскую типографию...». Реакция на это в главном управлении путей сообщения и публичных зданий была в общем положительной: «Обращение двух корпусов, занимаемых нынче тюрьмою, в помещение для архива и типографии заслуживает одобрения. Но соединение оных аркою едва ли послужит к украшению площади. Впрочем, о предложении оном можно окончательно судить только по получении фасадов строений в существующем и предлагаемом видах».³⁴ Чертежа на предмет соединения кордегардий аркой в архиве пока не обнаружено. Но некоторое впечатление об этом проекте может дать павильон «Миловида» в подмосковном Царицыно, где после архитектурного училища некоторое время работал Василий Тухтаров. Объединяя маленькие кордегардии аркой, Тухтаров хотел укрупнить объемы флигелей на Круглой площади, придать им большую градостроительную значимость на выходе Петербургского тракта. По-видимому, «бесполезное» строительство, ввергающее казну в лишние издержки, не было утверждено.

Летом 1858 года в Петрозаводске в течение двух дней пребывал Император Александр II. Он должен был остановиться в губернаторской квартире, и по этому поводу в ней были проведены разные «устройства и переделки по эстетически составленному плану». Автором «эстетических» переделок, разумеется, был губернский архитектор вместе со своим помощниками Михаилом Фирсовым и Иосафом Яровицким.

*«Парадный подъезд к губернаторскому дому с лицевой стороны (т. е. с площади), сделанный прежде из парусины, теперь построен вновь из резного дерева, красивого рисунка. Тесная прежде передняя, соединившись со следующей комнатой красивою аркою, сделалась обширнее и светлее...».*³³

Остекленный наружный тамбур из резного дерева, устроенный под колоннами портика, не сохранился. А вот красивая арка из передней обнаружилась недавно при проведении ремонтно-реставрационных

работ на здании бывшего губернаторского дома. И кроме арки, дошли до нас две трехчетвертные колонны коринфского ордера с изящными лепными капителями, обрамляющие проход в будущий вестибюль краеведческого музея. Эти колонны с аркой – словно замурованный в позднейшую кирпичную кладку привет от губернского архитектора Василия Тухтарова, дошедший до нас из середины XIX века.

Кордегардии – два крошечных здания, фланкирующие выход с площади Ленина на улицу Энгельса, являются одними из самых старейших в Петрозаводске.

Выстроенные в 1775 году как часть ансамбля Круглой площади, эти два сооружения, в отличие от остальных зданий ансамбля, не подверглись существенным переделкам и сохранили свои первоначальные габариты и размеры оконных проемов. Правда, один из флигелей сгорел в 1803 году, но был восстановлен три года спустя в точности, каким и был. Ведь через улицу сохранилось его зеркальное отражение.

Долгое время в обоих флигелях располагалась градская тюрьма – женское и мужское отделения, почему их часто называли тюремными замками.

В 1843 году, при подготовке к высочайшей конфирмации нового генерального плана Петрозаводска, его автор, губернский архитектор Василий Тухтаров

³³ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Стр. 222.

³⁴ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 6/16, л. 24, л. 44.

Павильон «Миловида» в Царицыно

Василий Тухтаров стал тем архитектором, при помощи которого губернаторы, служившие в разное время в Петрозаводске, смогли реализовать свои мысли и желания относительно устройства при губернаторском доме сада. Парк, появившийся при доме горного начальника, еще в конце XVIII века, и слывший даже среди петербургских знакомых Карла Гаскойна образцом прекрасного вкуса, по-видимому, подвигнул на создание подобного и губернаторов.

Первые попытки благоустройства придомовой части двора были сделаны при губернаторе Х. Х. Повало-Швейковском (с 1840 по 1848 гг.). По проекту Тухтарова было выполнено следующее: двор у входа в губернаторскую квартиру замощен булыжным камнем, а вокруг устроена деревянная решетка с точеными столбами. Позади решетки насыпан чернозем, высажены кусты акации и деревья.

На месте огородов, в глубине усадьбы, где оазисом возвышалась небольшая группа сохранившихся сосен, было положено начало собственно губернаторскому саду. Там губернатор В. Н. Муравьев (с 1853 по 1856 гг.) «натрассировал дорожки, обсадил их деревьями, развел цветы и выстроил три беседки».

При следующем губернаторе Н. П. Волкове (с 1856 по 1860 гг.) за одно лето 1857 года «сад принял совсем другую физиономию: число деревьев значительно увеличилось; клумбы и куртины живописно рассыпались по всем направлениям, и на место старой, приходившей в дряхлость оранжереи, явилась новая». В отсутствие чертежей и иных ее изображений остается только привести подробное описание оранжереи. «Олонекские губернские ведомости» восторженно преподносят своим читателям произведение В. Тухтарова. «Невозможно было придумать ничего лучше этой оранжереи. Она представляет из себя вид десятигранной беседки со стеклянным потолком, который заканчивается легким, грациозным куполом, как будто висающим в воздухе; трое высоких створчатых дверей ведут в беседку; против главной, средней двери возвышается стройный камин; по обеим сторонам его артистически сделанные ниши ведут через двери из темного дерева в два боковые отделения оранжереи; стеклянные рамы, подходящие мелким, красивым рисунком на кружева, отделяются внутри пиллястрами с изящными лепными капителями. Самый прихотливый и изысканный вкус может быть вполне удовлетворен гармониею линий, соразмерностью во всех частях и самую тщательную отделкою...».³⁵ Похоже, губернский архитектор, устав от рутины своей бесконечной работы, часто связанной с далеко не творческими задачами, отдохнул душой при проектировании новой оранжереи. И, похоже, эта оранжерея была действительно так хороша, что все последующие губернаторы, вплоть до 1917 года, не желали ее сносить. Постоянно изыскивая средства на ее ремонт, поддерживали и сохраняли более полувека образец изящного искусства в своем саду.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН

В соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел от 15 июля 1833 года, которым предписывалось выполнить проекты генеральных планов губернских и уездных городов, в Петрозаводске, как и по всей России, также началась эта работа.

«...Касательно тех городов, кои еще не имеют ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных планов, поручить Губернским Архитекторам составить проекты сих планов, соображая предположения свои в сем отношении с местными обстоятельствами, особливо же с настоящим числом, родом занятий и потребностями и самими навыками жителей и вероятным их впоследствии приумножением».³⁶

Работа по составлению и корректировке планов Петрозаводска и уездных городов Олонца, Лодейного поля, Вытегры, Каргополя, Пудожя и Повенца шла несколько лет. Еще несколько лет ушло на согласование отдельных пунктов с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий, прежде чем планы были представлены на Высочайшую конфирмацию. Утверждение планов городов императором придавало им силу закона, нарушить который было невозможно без дополнительных запросов в самые высокие инстанции. При этом необходимо было представлять очень обоснованные причины, вынуждающие нарушать конфирмованный план города.

План Петрозаводска, составленный губернным архитектором Тухтаровым, конфирмован Николаем I в 1854 году. Печатные копии плана Тухтарова появились в 1869 году в «Атласе Российской империи с планами городов» и в 1889 – в книге «Поездка к водопаду Кивач».

По сравнению с предыдущим конфирмованным планом Петрозаводска 1785 года план Тухтарова возвращается к схеме планировки Аникиты Ярцова, составленной им еще в 1782, но по ряду причин не реализованной полностью в плане, предоставленном Екатерине II на утверждение. В плане 1854 года центральная часть Петрозаводска приобретает планировочную структуру, сохранившуюся до наших дней.

³⁵ Олонекские губернские ведомости, 1857, № 43.

³⁶ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 6/16

Генеральный план Петрозаводска (В. В. Тухтаров), конфирмованный в 1854 году, с изменениями 1887 и 1912 гг.

В нем тщательно проработана структура жилых кварталов, с внутренними зелеными пространствами. Достаточно четко решено функциональное зонирование городской территории. Зона административно-общественного центра формируется вдоль главной композиционной оси – Петербургской улицы (позднее – Мариинской, Карла Маркса). Петербургская улица композиционно объединяет две главные площади города – административную Круглую и духовно-просветительскую Соборную. Производственная зона города сохраняется в его геометрическом центре (Александровский завод), а селитебные территории равномерно располагаются вокруг.

Разрабатывая новый план города, Тухтаров талантливо продолжил и развил ярцовские идеи, придав им почти современный градостроительный уровень.

В описании к плану Петрозаводска 1854 года особо были оговорены объекты города, касающиеся его истории. Так о Петропавловском соборе было сказано: «Кафедральная церковь... деревянная оштукатуренная, необыкновенной архитектуры, построенная блаженной памяти Императором Петром Великим; церковь сию полагается оставить в том же виде как ныне существует, отделив к оной часть места, которая и будет открыта в проспективе самой лучшей улицы, а затем вменить в обязанность главному Духовному начальству означенную церковь как памятник сохранить навсегда».³⁷

После утверждения плана города у губернского архитектора пошла обычная работа по новому генплану.

«Губернскому архитектору Тухтарову предписать заняться разбивкою кварталов города Петрозаводска по ВЫСОЧАЙШЕ конфирмованному плану и первоначально ... разбить предположенные построить на площади у Александро-Невской церкви... дома».³⁸

Автор нового генерального плана города, высочайше утвержденного в 1854 году, губернский архитектор Василий Тухтаров большое внимание уделил озеленению Петрозаводска. Так, на этом плане впервые в качестве самостоятельных городских объектов появились бульвары на Английской (ныне проспект Карла Маркса) и Широкой (ныне Еремеева) улицах, а также – парк с променадом в «Ямке» Александровского завода (ныне ОТЗ).

Выкопировка из плана Петрозаводска 1854 года. Общественный сад по проекту Тухтарова. Чертеж из Национального архива РК, ф. 2, оп. 50, дело 85/35

Городской общественный сад

Петровский, или Общественный, сад на генплане, разработанном В. Тухтаровым, получал территориальное развитие на правый берег Лососинки. В 1855 году, в развитие идей генерального плана Петрозаводска, В. Тухтаров разработал генплан Общественного сада с расположением беседок, «дорожек с рассадкою дерев и бульвара».³⁹ Частично это было осуществлено в XIX веке, и косвенные свидетельства этому можно найти в архивных документах, свидетельствующих о ремонте «забора общественного сада, напротив, за рекой Лососинкой». Но, кроме забора, на Зарецкой стороне парк никак не складывался – по-видимому, у городской думы не хватало средств, чтобы засадить деревьями новую часть общественного сада. В 1860 году городская дума даже пыталась сдать в аренду «вторую половину общественного сада под посадку огородных овощей сроком на 12 лет»,⁴⁰ однако желающих так и не появилось. Наверное, архитектору Тухтарову было не очень приятно видеть вместо расширяющегося, запроектированного им парка, ветшающие заборы вокруг него и объявления о сдаче в аренду под огороды территории новой городской рекреации.

Впоследствии правобережная, так и не благоустроенная часть парка начала застраиваться: сначала, в 1912 году, кусочек территории отвели под женское училище, затем появились деревянные дома, а в 1978 году здесь был возведен туркомплекс «Карелия».

Василий Тухтаров во время своей деятельности в Петрозаводске постоянно проектировал для Общественного сада – беседки, ограды, скамейки, «как простые, так и на манер простых диванов», а также занимался производством

³⁷ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 6/16.

³⁸ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 9/50, л. 3.

³⁹ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 10/18.

⁴⁰ НА РК, ф. 71, оп. 1, дело 2/55

работ «по устройству новых и исправлению существующих, пришедших в ветхость» садовых строений и заборов с воротами и калитками.⁴¹

Бульвар на Широкой

Как и во всех городах России и Европы бульвар, получивший у нас название Левашовского, заложен на месте городских укреплений, каковыми в Петрозаводске были «вал и ров к ограничению города», нанесенные на городской план конца XVIII века в соответствии с Указом Екатерины II «Об искоренении беспорядков в Олонецкой области».

На плане поручика Тряпицына, выполненного в 1782 году, дана схема первого генерального плана Петрозаводска, разработанного затем подробно и подтвержденного в 1785 году. На этом первом официальном генплане города можно проследить, как шли земляные валы, и соотнести их с современным состоянием планировки, ведь уличная сетка центральной части города сохранилась с тех пор практически без изменений.

План земляного вала по проекту 1785 года на современной схеме Петрозаводска

правления 1826 года будущая улица Широкая еще называлась улицей **Градского Вала**.⁴²

Русло Неглинки не входило в *город*, оставаясь за валом. Но, развиваясь в северном направлении, Петрозаводск достаточно быстро вышел за свою границу еще до того, как были уничтожены оборонительные сооружения. По-видимому, жителей, строящихся слободой, главным образом, привлекала близость реки, изобилующей ключами с чистой водой. Кроме того, в устье Неглинки с 1779 года действовало серьезное градообразующее предприятие – комплекс пильной (лесопильной) и мукомольной мельниц купца, а впоследствии городско-го головы, Игнатия Драницына. На Онежском озере при мельницах находилась одна из крупнейших городских пристаней, к которой «подходить могут не токмо соймы и другие суда, но и галиоты, поднимающие грузу до 1000 пуд».

Очевидно, в это время повысилась роль проездов вдоль вала, связывающих пристань с жилыми кварталами внутри города, что не позволило строиться близко к укреплениям. Когда вал был срыт окончательно – неизвестно. Для отведения на его месте более или менее полноценных, с усадьбами и огородами, жилых участков, характерных для Петрозаводска XIX века, было слишком мало места. Поэтому губернский архитектор Василий Васильевич Тухтаров, разрабатывая в 1830–1840-х годах новый генеральный план города, предложил устроить на улице Градского Вала (впоследствии Широкой) бульвар – от Почтамтской (впоследствии Екатерининской, ныне Дзержинского) до берега озера. Ведь излишнюю ширину этой самой широкой улицы Петрозаводска невозможно было даже передать прилегающим домовладениям для устройства палисадников, не нарушив при этом ритм прямоугольной сетки городских улиц.

Несомненно, Василий Васильевич как образованный архитектор был хорошо осведомлен о новейших градостроительных «озеленительных» веяниях, захлестнувших города России и Европы, а приехав в Петрозаводск в 1830 году, он, может быть, даже застал какие-нибудь остатки нашего местного *boulevarda*.⁴³

Однако ему не суждено было увидеть воплощение этого проекта в жизнь: закладка бульвара состоялась только в 1899 волей губернатора В. А. Левашова.

⁴¹ НА РК, ф. 3, оп. 3, дело 24/170.

⁴² НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 10/4, лл. 11–14.

⁴³ Boulevard – от франц. *земляные укрепления, валы*.

ПАНСИОН ДЛЯ ДЕТЕЙ КАНЦЕЛЯРСКИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ (женская Мариинская гимназия)

Проект пансиона для детей канцелярских служителей при Олонецкой губернской гимназии был выполнен первоначально в 1840 году по проекту архитектурного помощника Григория Канищева, но не был утвержден в Главном Управлении Путей Сообщения и Публичных Зданий. Как пишут современники в 1858-м, проект перерисовали пять губернаторов и изменился за 18 лет четыре раза.⁴⁴ Двухэтажное кирпичное здание пансиона, начатое, наконец, строительством в 1856 году, было завершено в 1858. Причем проект в очередной раз изменился уже в процессе строительства, которым руководил губернский архитектор В. В. Тухтаров. В местной печати это здание назвали «по прекрасной архитектуре одним из лучших в Петрозаводске и украшением главной, соборной площади». Выстроенное по соседству с гимназией, оно продолжило формирование ансамбля площади.

Здание пансиона, в котором впоследствии расположилась Мариинская женская гимназия, дошло до нашего времени в переделанном виде, что не лучшим образом повлияло на его композиционный строй и общий облик.

Первоначально здание пансиона имело симметричное архитектурно-планировочное решение, при этом сильно выступающий средний ризалит главного фасада был акцентирован тремя двойными, «венецианскими» окнами, характерными для стиля итальянского Возрождения, а также для творчества Тухтарова. По центру ризалита был расположен главный вход с площади. Пансион включал в себя все необходимые помещения: дортуар, залы для занятий и рекреаций, столовую, кухню, гардероб и др. Современники восхищались «широкой каменной лестницей с красивыми чугунными перилами, освещаемой в два света пятью большими окнами».

С 1863 года в здании разместились Петрозаводское женское училище, которое в 1870-м было преобразовано в Петрозаводскую Мариинскую женскую гимназию. Здание пансиона, по сути, интерната, не соответствовало функции гимназического здания, и в 1872-м по проекту губернского архитектора В. Г. Михаловского было реконструировано. Реконструкция была направлена на увеличение площадей и количества помещений, в результате чего здание приобрело асимметричное решение плана и фасада. Новая планировочная система здания – коридорная, с расположением комнат на две стороны. Главный вход смещен к левому торцу основного корпуса и представляет собой высокое крыльцо с широкой одномаршевой лестницей.

Архитектор Михаловский, меняя планировку и увеличивая объем с помощью пристройки, все-таки попытался сохранить первоначальные стилевые архитектурно-художественные характеристики здания Тухтарова. Так, сохранены и в пристройке продолжены междуэтажная горизонтальная тяга и широкий, далеко вынесенный, венчающий карниз сложного профиля. Углы оформлены филленчатыми лопатками, бывший ризалит с «венецианскими» окнами также отделен лопатками от остальной плоскости стены. Все окна 2-го этажа имеют арочное завершение, окна 1-го этажа – прямоугольные, оформлены лучковыми наличниками, в уровне цоколя – полуциркульные.

После 1917 г. в здании размещались учебные заведения, общежитие для студентов пединститута.

В 1987–1988 гг. проведены ремонтно-реставрационные работы, в результате которых здание получило планировку, близкую к гимназической периода 1870-х гг.

В настоящее время в здании располагается ансамбль «Кантеле», для которого здание опять реконструируется: проводится очередная перепланировка, и самое, пожалуй, экстремальное – надстройка мансардного этажа, которая может совсем уничтожить масштаб бывшего пансиона.

Алексеевская библиотека (б. гауптвахта) в начале XX века.
Фото М. Круковского, 1899 г.

ГАУПТВАХТА

В 1849 году «Его Превосходительство Олонецкий гражданский губернатор в Присутствии Строительной комиссии изволил объявить, что в городе Петрозаводске на площади близ Гостиного двора гауптвахта по ветхости своей представляет безобразие и требует построения вновь». Тогда же согласно предложению губернатора было предписано «Губернскому Архитектору ... составить проект и смету на постройку в Петрозаводске новой гауптвахты».⁴⁵

Деревянное, «пришедшее во всех своих частях в совершенную ветхость», здание решено было заменить каменным.

Гауптвахта предназначалась для размещения караула, который осуществлял в городе Петрозаводский батальон внутренней стражи. Также в этом здании находились два небольших помещения для арестантов.

⁴⁴ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год, стр. 226–228.

⁴⁵ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 1/7, л. 1.

Проект был выполнен Тухтаровым уже через год, но долгие утверждения и Высочайшие согласования, уменьшение сметы и поиски подрядчика позволили начать строительство только в 1858 году. Летом 1859 года по завершении отделочных работ новая гауптвахта красовалась на главной улице Петрозаводска.

Маленькое одноэтажное здание поражает изяществом и точно найденными пропорциями частей и целого. Арочный портик из четырех квадратных в плане колонн выступает за пределы основного объема, акцентируя главный вход. Башня, предназначенная для устройства часов с боем, своей вертикалью полностью снимает визуальную тяжесть распластанного одноэтажного корпуса.

Следует отметить, что башни в утвержденном проекте не было, о чем не замедлил доложить в Петербург ревизирующий в 1860 году Олонецкую губернию сенатор Дюгамель: «...допущено в постройке гауптвахты произвольное устройство башенки вопреки Высочайше утвержденного проекта».

Похоже, в Петрозаводске это был первый скандал по поводу излишеств в архитектуре. Над Тухтаровым – автором проекта и производителем работ на строительстве гауптвахты – начали сгущаться тучи. Однако обстановку разрядил губернатор Николай Волков, написавший в строительную комиссию «конфиденциальное письмо», аккуратно подшитое к «Делу о строительстве гауптвахты»: «...Имея ввиду, что в городе Петрозаводске нет часов, по которым можно было бы регулировать время служащих, я решил при возведении новой гауптвахты, так как ее положение в городе было центрально и на самом видном месте, надстроить над ней башню, в которой со временем поместить боевые часы..., согласен устройство ее принять на свой счет».⁴⁶

Скандал рассосался, чертежи фасадов с часовой башней снова были отправлены на Высочайшее утверждение, которое и было получено в мае 1861 года. Но Василий Васильевич Тухтаров этого так и не узнал – он умер в феврале 1861. И часы на башне, кажется, так и не появились.

На рубеже XIX и XX веков в бывшей гауптвахте расположилась публичная библиотека, затем кинотеатр, почта, ансамбль «Кантеле»... К зданию справа была сделана пристройка, уничтожившая симметрию архитектурного сооружения. Впоследствии, для увеличения полезных площадей расположившихся внутри помещений, были заложены арки на главном фасаде. В 1956 году здание было отдано Театру кукол.

Московский архитектор Савва Бродский, реконструируя старое театральное здание, стоящее по соседству с бывшей гауптвахтой, для размещения в нем Финского театра, объединил его с Кукольным в один комплекс. В 1965 году о старинной гауптвахте на фасаде не было и помину: ни арок, ни башни – она была обстроена со всех сторон и включена в общую композицию с Финским театром. Арки и квадратные колонны обнаружились в высоком фойе нового Кукольного театра; они были расчищены, освобождены от временных наслоений и создали интерьер, хоть и не вяжущийся с общим стилем Бродского, но торжественный и в высшей степени архитектурный. В 2004 году при очередной реконструкции кукольного театра сохранявшиеся фрагменты бывшей гауптвахты были полностью снесены.

ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ ПРИ ТИВДИЙСКИХ МРАМОРНЫХ ЛОМКАХ

В 1853 году Тивдию посетил министр внутренних дел, граф Перовский и заметил, что существующая в Белой Горе деревянная церковь слишком мала для количества прихожан, и хорошо бы выстроить более достойную, каменную, церковь в этом селе. Надзиратель каменных ломок тут же обратился к губернатору, попросив поручить кому-либо из архитекторов Строительной комиссии Губернского правления составить план, фасад и сметы на строительство новой церкви для Тивдийских мраморных ломок.

Проектирование было поручено губернскому архитектору Тухтарову. Через некоторое время он рапортовал Губернскому правлению, что «фасад, разрез и план со сметой им составлены и отправлены зрителю Тивдийских мраморных ломок».⁴⁷

В 1856 году церковь Казанской Божьей матери в селе Белая Гора была возведена.

Казалось бы, все очевидно – проект Тухтарова был (но не найден в архиве), значит, он и автор постройки.

Но весь фокус в том, что граф Перовский, по-видимому, посетовал и в Петербурге об отсутствии должной церкви у предприятия, снабжающего столицу мрамором для выдающихся построек, среди которых в свое время был Исаакиевский собор. Как бы то ни было, но в перечне творческих работ выдающегося архитектора Константина Тона значится «Проект каменной церкви для Тивдийской мраморной ломки в Олонецкой губернии», датированный 1853-м годом. Исследователь творчества Константина Тона профессор Татьяна Славина в своей монографии, посвященной Тону, не указала, в отличие от дру-

Церковь Казанской Божьей матери в селе Белая Гора. Фото В. Гуляева. Конец XX в.

⁴⁶ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 13/39, лл. 108–109.

⁴⁷ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 7/36.

гих проектов архитектора, что этот осуществлен. Значит ли это, что церковь в Белой Горе построена не по его проекту? Вполне, возможно. Но для утверждения чьего-либо авторства необходимо найти хоть чьи-нибудь чертежи – Тухтарова или Тона. И сравнить с тем, что, к счастью, сохранилось от церкви.

Если внимательно всмотреться в изображения церкви Казанской Божьей матери, то здесь трудно обнаружить характерные черты, присущие церковному строительству архитектора Тона. Даже небольшие его храмы всегда несут на себе отпечаток византийства, какового в тивдийской церкви, похожей на приходские московские церкви XVII века, совсем нет. Странная для Тона шатровая колокольня и совсем маленький купол. Любимые архитектором Тухтаровым арочные окна. И спаренные, «венецианские» окна, одинаково любимые и Тухтаровым, и Тоном. Вопрос об авторстве пока открыт.

Из формулярного списка Тухтарова:

«Вследствие (распоряжения) ... Приказа общественного призрения от 29 мая 1854 г. назначен был производителем работ к постройке здания для помещения богадельни с церковью и ... службами в г. Петрозаводске, каковые здания с церковью окончены с успехом в производстве работ, изящною и тщательною отделкою, как самой церкви с иконостасом, так и прочих частей зданий».

Комплекс деревянных зданий богадельни был выстроен в районе улицы Военной (ныне Федосовой), но затем, после пожара 1860 года, в котором сгорели здания больницы, передан земству для размещения больных. Некоторые здания сохранились в перестроенном виде.

«Под наблюдением его выстроено в г. Петрозаводске здание с церковью для Детского приюта.

«Какие исполнил замечательные Архитектурные произведения в теории и практике –

Кроме 3-х каменных зданий для уездных казначейств, двух этапных команд, постройки каменных церквей, каменных зданий: для пансиона при гимназии, главной гауптвахты, парадного подъезда при квартире г. Гражданского губернатора и перестройки корпуса Присутственных мест в г. Петрозаводске других замечательных построек в губернии не производил».

Тухтаров «производил» в губернии еще много замечательных построек.

В 1853 году им был составлен большой проект на постройку зданий для городских присутственных мест и полиции с пожарной частью в г. Петрозаводске.⁴⁸ Проект не был осуществлен, так как городские власти для этой цели приобрели готовый дом у горного ведомства на Петербургской (впоследствии Марининской) улице, и от строительства отказались.

Василий Тухтаров выполнял проекты том числе, и по частным заказам. Одним из таких заказов в 1856 году явилась кладбищенская церковь в деревне Крюкова Сельга, Шелтозерского горного прихода. Деревянная, выстроенная на средства шокшинского крестьянина Егора Романова вместо «обветшалой» часовни, она не дошла до наших дней.

Церковь в деревне Крюкова Сельга. Фото 1930-х.
Национальный архив РК

службу объявлено монаршее благоволение – апрель 1850.

Высочайшим приказом 29 октября 1850 г. произведен в коллежские советники.

Получил знак отличия беспорочной службы за XX лет – 1852.

Получил знак отличия беспорочной службы за XXV лет, при грамоте – август 1856.

Весьма усерден в службе.

В нравственности и поведении – отличный.

Весьма благонадежен.

Способностей в Архитектуре, Теории и Практике – очень хороши».

Олонецкие Губернские ведомости

№1 от 7 января 1861 года.

Из формулярного списка Тухтарова:

«По Указу Правительствующего сената 30 марта 1840 г. произведен в титулярные советники.

Высочайшим приказом 4 октября 1847 г. произведен в коллежские асессоры.

Высочайшим приказом 1 июля 1848 г. произведен в надворные советники.

Получил знак отличия беспорочной службы за XV-летнее достоинство при грамоте – 22 августа 1848 г.

Имеет ордена: Св. Станислава 2 степени, Св. Анны 3 степени и бронзовую медаль на Владимирской ленте в память Войны 1853–1856 годов; знак отличия беспорочной службы за XXV лет;

Получает жалованье 500 рублей, столовых 400 рублей.

По Высочайшему повелению за отлично усердную

⁴⁸ НА РК, ф. 3, оп. 4, дело 4/14; НА РК, ф. 1, оп. 1, дело 31/11.

Г. Бывший Начальник Олонецкой губернии генерал-майор Волков 30 ноября 1860 года, осматривая лично, как произведенные работы по построению Тюремного замка, так и... нашел, что работы произведены в лето 1860 года... весьма успешно, правильно и прочно, ...а делопроизводство в Комиссии ведется в отличном порядке...

За таковые благоразумные распоряжения Его Превосходительство объявил благодарность господам членам Временной комиссии: Губернскому архитектору Тухтарову, чиновнику особых поручений Васильеву, Петрозаводскому городскому голове купцу Трофимову, казначею купцу Скокову и делопроизводителю Юлину.

№3 от 21 января 1861 года.

Распоряжения правительства.

Производство в чины.

По Олонецкой Губернской Строительной и Дорожной Комиссии.

Указом Правительствующего Сената от 28 ноября 1860 года № 305 Олонецкий Губернский Архитектор, Коллежский советник Василий Тухтаров произведен за выслугу лет в Статские Советники, со старшинством с 24 февраля 1860 года.

Из формулярного списка Тухтарова:

«Был ли в штрафах, под следствием и судом – Не был.

Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительною? – Был в 1830 г., на 28 дней и явился на срок.

Холост или женат, на ком, имеет ли детей? – Холост.

Олонецкие Губернские ведомости

№11–12 от 25 марта 1861 года.

Некролог.

24 февраля в г. Петрозаводске скончался Олонецкий Губернский Архитектор, Статский Советник Василий Васильевич Тухтаров, занимавший эту должность с 1830 года.

№19 от 20 мая 1861 года.

Вызов наследников.

Петрозаводский Уездный Суд вследствие предписания Олонецкой Губернской Строительной и Дорожной Комиссии от 19 апреля 1861 года за № 743, вызывает наследников умершего ныне Губернского Архитектора, Статского Советника **Василия Васильевича Тухтарова** к имению движимому и недвижимому, всего по оценке на 1071 р. 97 к. серебром, оставшемуся после его Тухтарова. Наследники, а равно кредиторы и должники, имеют ...явиться или прислать поверенных с надлежащими законными доказательствами ...не позднее полугодового срока.

После смерти Василия Тухтарова, с 1861 и до 1917, в Петрозаводске сменилось 13 губернских архитекторов.

Литература

1. Дьяконов М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII–XIX вв. Извлечения из архивов // Русский город. Вып. 1–5. М., 1976–1982.
2. Зодчие Москвы времени барокко и классицизма. Сост. А. Ф. Крашенинников. М., 2004.
3. Гнедовский Б. В. История Круглой площади / На рубеже, 1952, № 12.
4. Гнедовский Б. В. Возникновение и развитие ансамбля площади им. 25 октября в Петрозаводске / Архитектура СССР, 1954, № 8.
5. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г. Петрозаводск, 1860.
6. Смирнова Э. С. По берегам Онежского озера. Ленинград, 1969.
7. Мулло И. М. Памятники истории и культуры Карелии. Петрозаводск, 1984.
8. Всеобщая история архитектуры. Т. 6. М., 1968.
9. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX вв. М., 1984; Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Книга 1. 1703–1802. Петрозаводск, 2001.
10. Ициксон Е. И век здесь с веком говорит... (История Круглой площади) / Карелия, 2001, № 71.
11. 250 лет московской архитектурной школе. Учебные работы и проекты. 1749–1999. Под ред. Л. И. Ивановой-Везн. Москва, 2000.
12. Леденева Г. Л. Гражданская архитектура Российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова). Тамбов, 2003.

13. *Юбилейная* книга Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. 1832–2002. С-Пб, 2002.

14 *Н. А. Кораблев*, Т. А. Мошина. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биоргафический справочник. Петрозаводск, 2006.

*Бобикова Л. В.,
Карельский государственный краеведческий музей*

Театральные здания Петрозаводска

Строительство новых театральных зданий является важным событием для любого города. Возведение нового театра в городе Петрозаводске было заметным явлением в культурной жизни всей Карело-Финской республики. Построить его предполагали еще к пятидесятилетию Карелии, которое с размахом отмечалось в 1948 г.

Проектное задание для всесоюзного треста по проектированию театрально-зрелищных мероприятий (Театростроймонтаж) было утверждено 3 января 1947 г. Разработал проект архитектор А. В. Тарасенко. О данном проекте 3 января 1948 г. в газете «Ленинское знамя» было написано: «Театр будет строиться на месте бывшего Гостиного двора против республиканского театра Русской драмы. Зрительный зал рассчитан на тысячу мест, в нем будет партер, амфитеатр и три яруса лож. При составлении проекта были учтены все достижения современной театральной техники. Так сцена позволит одновременно ставить несколько перемен декораций». Но 2 февраля 1951 г. на заседании исполкома Петрозаводского горсовета было принято решение строить новый театр не на месте Гостиного двора, а «в районе разрушенного здания филармонии на пл. Кирова».

Здание филармонии на площади Кирова, просуществовавшее всего несколько лет, заслуживает особого внимания. Фактически это был комплекс зданий, соединенных между собой, известный также под названием Национальный Дом Культуры. Строительство его началось в марте 1932 г., по решению СНК КАССР, а закончить предполагали уже к ноябрю 1932 г. Площадка для строительства была выбрана в «северной части Сада отдыха, напротив Госбанка». Почти месяц с 8 апреля до 5 мая 1932 г. шли взрывные работы. Строили Национальный Дом Культуры по самым передовым технологиям того времени из железа, бетона и кирпича. Напомним, что железо в мировой строительной практике впервые стали применять между 1850 и 1890 годами, железобетон только в 1890-х. Бетон для строительства жилого здания впервые был применен во Франции в Париже в 1903 году архитектором А. Г. Перре на улице Франклина. Конец XIX – начало XX веков в строительном деле развитых стран характеризуется стремлением к индустриализации. Использование новых материалов и технологий намного сокращало сроки строительства, поэтому закончить все работы по возведению здания в конструктивистском стиле в г. Петрозаводске предполагали так быстро, менее чем через год после начала строительства.

Согласно сообщениям местной печати на строительстве было занято 100 рабочих и 2 автомобиля, состав строителей был интернациональным, «среди рабочих много татар, американцев», а руководил всеми работами немецкий инженер Ф. К. Хойшкель. Из-за нехватки материалов, денег, квалифицированных рабочих строительство растянулось на несколько лет. В 1933 г. Москва выделила Карелии 850 тысяч рублей на окончание строительства Дома Национальной Культуры, а из средств Карелснабсбыта в том же 1933 г. выделялось только 10 тысяч. В 1936 году здание было принято в эксплуатацию, но вскоре акт о приемке был признан недействительным, так как обнаружилось множество недоделок и ошибок. Комиссия, проводившая обследование не смогла сделать заключение о причине ошибок: неверный проект или плохая работа строителей, так как первоначальный проект здания членам комиссии не был предоставлен. Но и после отмены акта приемки здания в эксплуатацию помещения нового культурного центра столицы Карелии продолжали использоваться различными организациями фактически незаконно.

Для культурной жизни Петрозаводска введение в строй нового дома культуры имело большое значение, его театральный зал был рассчитан на 1000 мест. В 1936–1938 годах зал использовался для демонстрации звуковых фильмов не менее 25 дней в месяц. По плану 1936 г. было намечено 636 киносеансов, фактически проведено 905, а планируемый доход от демонстрации фильмов был перевыполнен на 97 процентов, вместо планируемых 266 тысяч рублей было получено 523,6 тысяч. Планы по организации концертов и массовых мероприятий были, наоборот, недо выполнены, вместо намеченных 70 концертов проведено 29. От концертов планировали получить 210 тысяч рублей, фактически получили 129,1 тысячу рублей, на массовых мероприятиях заработали 129,6 тысяч рублей, вместо 144 тысяч по плану. В 1939 и 1940 годах фильмы демонстрировались в филармонии (Национальном Доме Культуры) уже намного реже.

На начало 1937 г. в здании Дома Культуры размещалось 12 организаций, в том числе симфонический и духовой оркестры, хор, ансамбль «Кантеле», театр Юного зрителя, кукольный театр, Университет музыкальной культуры, студия Изобразительного искусства, драматическая студия. Несколько комнат было выделено

под общежитие для проживания актеров. Отдельным крылом к зданию примыкал гимнастический зал с кабинетом врача и душевыми. В здании был открыт ресторан, а его кухня поставляла свою продукцию в буфеты в различных уголках Петрозаводска.

В годы Великой Отечественной войны здание филармонии было разрушено, восстанавливать его уже не стали и, как было сказано выше, в начале февраля 1951 г. появилось решение строить новый театр на месте, где до войны стояла филармония, а еще раньше Воскресенский собор и часовня Фаддея Блаженного. Перед началом строительства с поверхности был вскрыт насыпной слой – преимущественно битый кирпич. Мощность насыпного слоя была значительной от 0,5 до 1,85 метра. Не зря же весной 1932 г. целый месяц шли взрывные работы, кирпич от разрушенного Воскресенского собора и часовни Фаддея Блаженного послужил фундаментом для строительства филармонии (каменный Воскресенский собор с деревянной верхней частью и стоявший рядом Петропавловский собор сгорели в 1924 г.).

В 1951 г. на строительство театра в Петрозаводске выделяется 2 миллиона рублей и срочно потребовалась вся проектно-сметная документация. Планировкой театральных зданий в то время занималась организация под названием «Гипротейтр». 13 декабря 1951 г. главным инженером проекта (автором конструкций) петрозаводского театра назначается начальник конструкторского отдела «Гипротейтра» Ринкус В. Я., а главным архитектором проекта позднее назначен Максимов А. П. Одновременно с проектированием театрального здания велась работа по проектированию центра города Петрозаводска, осуществляли эту работу проектировщики из мастерской И. В. Желтовского. Общая стоимость проекта театра первоначально была определена в 12,68 млн руб., но в процессе доработок снижена до суммы в 11 млн 390 тысяч. Авторами проекта выступили А. П. Максимов, Е. Н. Чечик, С. Г. Бродский, в какой мере был использован существовавший проект Тарасенко А. В. автору данной статьи неизвестно. После возведения нового здания театра, старое (постройка 1912 г.) предполагалось снести.

Для облицовки колонн предусматривалось использование мрамора с месторождения Белая Гора. Общий объем здания нового театра составил по проекту 40,15 тыс. кубм или 50,00 кубм на одного зрителя. Данная норма по Постановлению Совета Министров СССР от 24.04.1948 являлась предельной и относилась к наиболее крупным театрам. Для театра в Петрозаводске, рассчитанном на 800 зрителей, ее необходимо было снизить. По сравнению с нормами была завышена и площадь вестибюля, фойе и кулуаров. При доработке общий объем здания снизился до 38,65 тыс. кубм.

Возведение театра началось осенью 1952 г., срок окончания работ был установлен Постановлением Совета Министров СССР от 27 сентября 1951 г. – 1954 год. Сами строители первоначально собирались закончить основные работы еще в 1953 году, но фактически театр вступил в строй осенью 1955 года. В марте 1953 года были закончены только земляные работы, устройство фундаментов и кладка кирпичных стен в пределах цокольного этажа. Подрядчиком выступило I-е строительное управление Главстроя КФССР. Работало 130 человек, по большей части это были женщины из спецконтингентом без строительных квалификаций. У начальника строительства Ильина А. Т. было среднее техническое образование, мастера назначались из рабочих без технического образования.

В ходе строительства, особенно в начальный период, у проектировщиков из «Гипротейтра» и строителей было множество претензий друг к другу. 20 января 1953 г. был составлен акт авторского надзора над ходом строительства, в котором указывалось, что осадочные швы делаются неграмотно, качество кладки плохое и вызывает серьезные опасения за прочность сооружения в будущем. Строители, в свою очередь, обвиняли проектировщиков в том, что разработки поступали с задержкой и без учета работы в зимних условиях. В результате проверяющий Ринкус В. Я. сделал заключение: подготовленные фундаменты можно использовать, но кладку стен в зимних условиях ограничить двумя этажами. Для кладки фундаментов применялся высокопрочный местный гранит, в цементный раствор добавлялась вытяжка из хлорной извести.

Основные работы по возведению здания театра, как и намечалось по плану, были закончены в 1954 году. В 1955 году велись лепные работы на потолках зрительного зала и фойе, отделка барьеров на ярусах и прочие отделочные работы. Руководил бригадой рабочих опытный мастер, лепщик – модельщик Николай Григорьевич Мозжухин.

Скульптурную группу, венчающую фасад, устанавливали в марте 1955 г., под руководством автора скульптур действительного члена Академии Художеств СССР С. Т. Коненкова. Группа из 10 фигур выражает «нерушимую дружбу народов Карело-Финской ССР и братское содружество с великим русским народом, расцвет физических и духовных сил простого советского человека, стремление советских людей отдать все силы дальнейшему укреплению богатства и могущества нашей Родины».

Открытие Государственного музыкально-драматического театра состоялось 3 ноября 1955 г. После торжественных речей была показана пьеса Н. Погодина «Кремлевские куранты». И сегодня здание театра, выполненное в классическом стиле, несомненно, является одним из самых интересных в архитектурном облике Петрозаводска.

На заре появления новой функциональной рационалистической архитектуры в ее борьбе с привычными академическими формами всегда побеждал академизм, новое оказывалось более слабым из-за недостатка технических средств, опыта. Так и в Петрозаводске на площади Кирова вместо здания филармонии в «конструктивистском» стиле через несколько лет после ее разрушения возвели импозантное, но гораздо более привычное взгляду обывателя здание музыкально-драматического театра по проекту А. П. Максимова, Е. Н. Чечика и С. Г. Бродского. А в начале 1960-х годов под руководством С. Г. Бродского перестраивается здание Финско-

го театра (постройка 1912 г., архитектор В. Н. Лядинский) и новый его облик очень сильно напоминает здание филармонии 1930-х годов.

*Борисов И. В.,
Региональный музей Северного Приладожья*

История индустриальной культуры Северного Приладожья (старинные каменоломни строительного камня Северного Приладожья)

Автором в процессе многолетних архивных и полевых исследований на территории Северного Приладожья было выявлено и изучено более 400 старинных горных выработок различных полезных ископаемых и 7 руинированных металлургических заводов, действовавших в период с 1770 до 1930-х годов. Эти искусственно созданные ландшафты в настоящее время рассматриваются как уникальные техногенно-природные комплексы и объекты индустриальной культуры республики Карелия. Их изучение позволяет воссоздать истинную картину развития горного дела Северного Приладожья – некогда крупного горнопромышленного центра России и Финляндии.

58 % старинных горных выработок Северного Приладожья было пройдено при добыче строительного камня – блоков, бутового камня, щебня, декоративной крошки. С этой целью на островах и побережье Ладожского озера с 1770 до 1930-х годов разрабатывались месторождения различных кристаллических горных пород среднепротерозойского возраста – гранитов, гранито-гнейсов, гнейсов, мигматитов, амфиболитов, габбро, мраморов, кристаллических сланцев и песчаников.

Наибольшее количество каменоломен строительного камня сконцентрировано на островах и побережье северной части Ладожского озера, где кристаллические породы непосредственно выходят на поверхность. Больше всего выработок отмечается вблизи города Сортавала, что объясняется благоприятными геологическими и экономическими условиями их разработки, а именно, наличием большого количества доступных месторождений строительного камня, широким потреблением строительного камня в Санкт-Петербурге и Сортавала в прошлые века, удобством транспортировки сырья по Ладожскому озеру.

Согласно архивным документам, добыча строительного камня в Северном Приладожье началась ещё при шведах, во второй половине XVII века. В Рускеала ломали мрамор, а на острове Тулолансаари – серый гранит. Но объёмы работ тогда были очень небольшими. Настоящая крупномасштабная добыча строительного камня в регионе развернулась только во времена императрицы Екатерины II, с 1770-х годов.

В августе 1765 года в Сердоболе (Сортавала) состоялась знаменательная встреча двух интересных людей – сердобольского пастора и краеведа, прекрасного знатока камня Самуила Алопеуса и подмастерье каменотесного дела из Санкт-Петербурга Андрея Пилогина. В ходе этой встречи были обследованы выходы мраморов и взяты пробы в Рускеала и Йоенсуу.

В конце июля 1766 года Андрей Пилонин заложил первую каменоломню мрамора в Йоенсуу, а 22 августа того же года – в Рускеала, вблизи старых шведских разработок.

19 января 1768 года вышел в свет указ Сената, подписанный Екатериной II: «Об изготовлении мрамора и дикого камня на строение Исаакиевской церкви в Кексгольмском уезде, погостах Сердобольском и Рускеальском с устройством там шлифовальных мельниц».

Рускеальские мраморные ломки были заложены в 25 километрах на северо-запад от Сердоболя, в 8 километрах от русско-шведской границы. Йоенская (Ювенская) мраморная ломка находилась в 15 километрах к юго-востоку от Сердоболя, на небольшом островке вблизи Йоенсуу (пос. Хийденселькя, Лесозавод).

Черно-белый с зелеными разводами, волнисто-полосчатый мрамор острова Йоен (Ювень) разрабатывался с 1769 по 1805 годы для украшения дворцов и храмов Санкт-Петербурга, и во второй половине XIX века – для строительства и декоративного убранства различных сооружений Валаамского монастыря.

Из ювенского мрамора в Санкт-Петербурге в 1770 году выполнены колонны портала и вестибюля дома графа Апраксина. В период с 1769 по 1796 годы ювенский мрамор также украсил стены Мраморного дворца и Михайловского замка. Он применялся в интерьерах Зимнего дворца, третьего по счету Исаакиевского собора, Казанского собора. Этот декоративный камень использовался в сооружении Чесменской колонны и Орловских ворот в Царском Селе.

На Валааме из ювенского мрамора в конце XVIII и во второй половине XIX века выжигали строительную известь. Лучшие куски этого камня пошли на украшение алтаря Спасо-Преображенского собора, часовен «Знамения Богородицы», «Крестных Страданий Господа», кувуклии в церкви Ап. Андрея Первозванного, ворот на Игуменском кладбище, на облицовку полов церкви «Св. Отцов в посте и молитве просиявших», кладку стен колодцев.

Всего на острове Ювень было добыто 10 тысяч кубометров мрамора, в результате чего здесь образовался карьер длиной 100 метров, шириной 30 метров и глубиной от 3 до 12 метров.

Добыча мрамора в Рускеала началась в 1769 году и до 1840-х годов в основном велась на горе Белой, где выламывались светло-серые и серовато-белые, цвета белых ночей, блоки мрамора первого сорта, называемого «белогорским». Основными работниками на каменоломнях были русские и карельские крестьяне и ремесленники, обученные добыче камня и каменотесному делу мастерами из Екатеринбурга и центральных районов России.

С 1769 по 1796 годы Рускеальские и Ювенские мраморные каменоломни находились в ведении «Конторы Строения Исаакиевской церкви». Мрамор шел тогда в Санкт-Петербург преимущественно на облицовку стен Исаакиевского собора, строящуюся по проекту А. Ринальди. Но попутно рускеальский мрамор использовался и для украшения других сооружений столицы, например, Мраморного дворца, Михайловского замка, Зимнего дворца, памятников Петру Великому, Румянцеву. В 1770-е годы рускеальские мраморы нашли себе достойное применение в сооружении Чесменского обелиска и Павильона Орла в Гатчине, Чесменской колонны и Орловских ворот в Царском селе.

Мраморные блоки объёмом от 1 до 5 кубометров добывали в Рускеальских каменоломнях буровзрывным способом и вывозили в Санкт-Петербург в два этапа: зимой на санях до деревни Хелюля, вблизи Сердоболя, а весной, с наступлением навигации – на галиотах по Ладожскому озеру и Неве, до Исаакиевской пристани.

С 1797 по 1800 годы Рускеальские каменоломни находились в ведении «Комитета по строению Михайловского замка». Тогда камень практически не добывали, и для украшения южного фасада Михайловского замка был взят рускеальский мрамор с недостроенного Исаакиевского собора.

С 1801 по 1811 годы Рускеальские каменоломни принадлежали «Комиссии по строению Казанской церкви». Тогда появилась ещё одна каменоломня в Рускеала, на соседней горе Зелёной, где стали добывать светло-серый с зелёными разводами мрамор второго сорта, называемый «зеленогорским». Именно этот камень в большом количестве пошел на облицовку полов Казанского собора.

С 1820-х по 1830-е годы Рускеальскими каменоломнями вновь стал распоряжаться «Комитет по строительству Исаакиевского собора». Это были годы наиболее интенсивной добычи рускеальского мрамора. В 1820 и 1821 годах на Рускеальских каменоломнях побывал главный архитектор Исаакиевского собора Огюст Рикару Монферран, поэтому мы с полным правом можем называть Главный карьер Рускеала «карьером Монферрана».

В конце 1830-х годов Главный карьер Рускеала, образовавшийся на месте горы Белой, достигал в длину 150 метров и в глубину 25–30 метров. За весь период с 1769 по 1839 годы в этом «разносе» было добыто более 200 тыс. тонн мрамора.

В 1860–1930-е годы разработка рускеальского мрамора в Главном карьере велась в основном с целью получения строительной и технологической извести, бута и щебня. Именно тогда финскими горняками применялась комбинированная добыча мрамора – открытым и подземным способом в семь горизонтов, три из которых были подземными.

До сих пор в борту Главного карьера Рускеальского месторождения видны остатки штреков первого (верхнего) подземного горизонта, уходящие в недра мраморной горы на десятки и сотни метров. Выработки второго подземного горизонта теперь находятся под водой, здесь было добыто около 100 тыс. кубометров мрамора. Имелся также третий (нижний) подземный горизонт, находившийся ниже подошвы карьера.

Мрамор под землей и в карьере добывали традиционным буровзрывным способом. По дну штреков и карьера были проложены узкоколейные железные дороги, по которым рабочие перевозили вагонетки с мрамором. Подъём вагонеток с мрамором на поверхность из подземных выработок и карьера осуществлялся посредством трех шахт, пройденных по периферии Главного карьера. Самая глубокая шахта № 2, сохранившаяся до нашего времени, достигала глубины 50 метров и связывала все три подземных горизонта. Поднятые на поверхность вагонетки с мрамором далее откатывали по рельсам подвесной железной дороги до обжиговых печей Рускеальского мраморно-известкового завода. В 1895 году на этом заводе было запущено три шахтных полугазовых печи производительностью 17–20 тонн извести в сутки, а в 1937 году – еще 6 печей, выпускавших 30–35 тонн извести в сутки.

В 1900-е годы финские горняки пробили к стволу шахты № 2 две встречные штольни, которые стали использоваться для транспортировки пустых вагонеток, поступающих с мраморно-известкового завода и для передвижения рабочих. Зимой 1940 эти штольни использовались финнами в качестве бомбоубежища. Теперь эти выработки с удовольствием посещают туристы.

Главный карьер расширялся и углублялся финнами с начала XX века, и к 1940-м годам его длина достигла 340 метров, ширина от 50 до 100 метров и глубина от 30 до 70 метров.

С 1945 года добыча мрамора в Рускеала была продолжена. Появились новые карьеры, количество которых к 1980-м годам достигло 11. Главный карьер с подземными выработками был окончательно заброшен в 1950-е годы. Грунтовые воды затопили его наполовину объёма, в результате чего на месте техногенной полости образовалось красивое «Мраморное озеро».

С 1947 года Рускеальский ираиорно-известковый завод вновь стал давать известь, с 1952 года – дополнительно еще и мраморную крошку. С 1960 года предприятие стало также выпускать фракционированный щебень и известковую муку для удобрения полей. По ста адресатам в различные уголки Советского союза отправлялся рускеальский мрамор.

В 1973–1985 годах на новом карьере Рускеальского месторождения была предпринята попытка добычи мраморных блоков по итальянской технологии – с помощью канатно-распиловочных станков. Добытые блоки

отправлялись на Кондопожский камнеобрабатывающий завод, где из них выпиливались плиты для облицовочных работ. Так, серовато-белый с зелеными разводами мрамор Рускеалы был применен в облицовке подземных залов станций метро «Приморская» и «Ладожская» в Ленинграде. В начале 1990-х годов добыча мрамора в Рускеале резко сократилась. Был окончательно закрыт мраморно-известковый завод. Но ещё и сейчас на одном из карьеров Рускеала в небольшом объеме продолжается добыча мрамора для производства щебня.

С 2002 года на территории бывшего Главного карьера, ранее объявленного памятником индустриальной культуры (горного дела), действует Горный парк «Рускеала», ежегодно принимающий десятки тысяч туристов из разных уголков России и из-за рубежа.

В 1770-х годах в 6 километрах к востоку от Сердоболя, на острове Тулолансаари, вблизи деревни Мёнтселя, началась добыча серых с голубоватым оттенком гранитов, получивших название «сердобольских». Новые каменоломни были заложены недалеко от старых, шведских, на склонах горы Руотсенкаллио (Шведской горы). Столице срочно потребовался не только нежный мрамор, но и крепкий гранит. Здешний камень оказался весьма прочным. Он хорошо обрабатывался, принимал любую фактуру, его спокойный серый цвет на многие десятилетия полюбился петербуржцам.

Автором на острове Тулолансаари было выявлено и изучено более 20 горных выработок различных размеров. Каменоломни действовали в разное время, преимущественно в первой половине XIX века. Последние выработки давали камень до 1914 года.

Более десятка каменоломен почти на 400 метров вытянулись вдоль западного склона горы Руотсенкаллио. Эти выработки имеют вид неясных очертаний полутраншей площадью от 100 до 200 метров, глубиной от 2 до 4 метров. За все время работы этих каменоломен в XIX веке в них было добыто несколько тысяч кубометров гранита. Объем добытых блоков в среднем составлял 1,5–2 кубометра, но иногда встречались монолиты объемом до 5–10 кубометров, максимум до 30 кубометров, которые могли бы применяться для изготовления колонн и скульптур. Но колонный и статуарный камень здесь брали редко. В основном здешний гранит шел на кладку цоколей и облицовку стен петербургских зданий, а также на изготовление мемориальных памятников.

Самый крупный карьер (Главный) сердобольских гранитов на острове Тулолансаари находился в 700 метрах к западу от вершины горы Руотсенкаллио, на боковом отроге горы, уходящем к центру острова. Эта каменоломня действовала с 1770-х до 1860-х годов, и в 1880-х годах была уже наполовину затоплена грунтовыми водами. Система трещин в карьере позволяла получать блоки объемом от 1,5 до 15 кубометров, максимум до 50 кубометров, которые успешно применялись в Санкт-Петербурге для изготовления колонн и скульптур.

Главный карьер острова Тулолансаари имеет вид траншеи длиной 65 метров, шириной 40 метров и глубиной от 5 до 12 метров. С востока к карьере примыкает неглубокая траншея длиной 50 метров и шириной 10–20 метров. С 1770 до 1850-х годов в Главном карьере было добыто около 25 тыс. кубометров камня, в том числе, тысячи кубометров блоков значительных размеров, применявшихся в строительстве и украшении различных сооружений Санкт-Петербурга. Документально известно, что именно в Главном карьере были добыты блоки для украшения стен Мраморного дворца и для кладки устоев Николаевского моста. Весьма вероятно, что именно в этом карьере в 1840-е годы были выломаны большие монолиты для изготовления колонн и атлантов Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

Осмотр атлантов Эрмитажа показал, что кариатиды выполнены не из одной породы, как это представлялось раньше, а, как минимум, из четырех разновидностей горных пород – гранитов и гнейсо-гранитов, добытых в разных каменоломнях. Только часть атлантов вытесана из серого равномернозернистого гранита, добытого в Главном карьере острова Тулолансаари.

Можно также предположить, что в Главном карьере острова Тулолансаари в 1840–1850-е годы добывали гранит изготовления колонн Львиного каскада, герм Розового павильона, колонн и кариатид Бельведера в Петродворце.

Разработки сердобольских гранитов в XIX веке также были на соседнем острове Ваннисенсаари, в 4 километрах к востоку от Сердоболя. Здесь добывали светло-серый, однородный гранит, который парусными судами вывозился на строительные площадки столицы. Самая крупная каменоломня гранитов на острове Ваннисенсаари имеет вид полутраншеи длиной 80 метров, шириной 30 метров и глубиной до 3 метров. Здесь добывались блоки объемом от 1 до 5 кубометров, которые применялись в Санкт-Петербурге для украшения Невских ворот Петропавловской крепости, Михайловского замка, Казанского собора, Эрмитажа. Всего в этой каменоломне было добыто 2500 кубометров камня.

В XIX веке разработки сердобольских гранитов также велись на мысу Импиниеми, в 40 километрах от Сердоболя. Здесь было пройдено несколько небольших каменоломен площадью от 20 до 200 квадратных метров, глубиной от 1 до 2,5–3 метров. Камень применялся в украшении различных сооружений Санкт-Петербурга.

Сейчас трудно сказать, в какой именно каменоломне добывался сердобольский гранит для изготовления того или иного сооружения Санкт-Петербурга и Петродворца. Дальнейшие исследования помогут ответить на этот вопрос. Одно известно точно, что сердобольские граниты нашли себе достойное применение в 1770–1910-е годы в строительстве и украшении различных сооружений Санкт-Петербурга. Этот прекрасный камень украшает Мраморный, Зимний, Николаевский, Новомихайловский дворцы, Михайловский замок, Казанский собор, здания Вонлярского, Кшесинской, Чаева, Розенштейна, Вавельберга, компании «Зингер»,

Управления Октябрьской железной дороги. Этот камень пошел на постаменты памятников Крылову, Николаю I, Екатерине II. Из него выполнены Колонны Славы, обелиск «Румянцева победам», Невские ворота Петропавловской крепости, чаши фонтанов в садах у Адмиралтейства и Зимнего дворца. В Петродворце сердобольским гранитом украшены: Львиный каскад, Розовый павильон и Бельведер. Этот камень также нашел себе применение в Царском Селе, Гатчине, Новгороде, Москве и Петрозаводске.

Разработки сердобольских гранитов в 1860–1930-е годы осуществлялась также на острове Риеккалансаари, на расстоянии 2 и 5 километрах к востоку от Сердоболя-Сортавала. Гранит шел преимущественно для строительных нужд Сердоболя-Сортавала, в очень небольшом количестве в Санкт-Петербург, а также применялся для изготовления надгробных памятников.

Основная добыча сердобольского гранита на острове Риеккалансаари осуществлялись в 1850–1930-е годы у деревни Нукутталаhti. Самая крупная выработка гранитов здесь имеет вид полутраншеи длиной 100 метров, шириной 25 метров и глубиной от 2 до 3,5 метров. За все время в этой каменоломне было добыто для строительных нужд Сердоболя-Сортавала более 2000 кубометров камня, в том числе сотни кубометров блоков объемом 1–1,5 кубометра. Сердобольский гранит из каменоломен Нукутталаhti отличается красивым гнейсовидным рисунком, созданным закономерным расположением минералов кварца, полевого шпата и слюды, что и определило его широкое применение в архитектуре. Этот гранит применялся в строительстве и украшении примерно 70 % зданий и сооружений Сердоболя-Сортавала – из него выложены фундаменты, цоколи и лестницы многих домов, выполнена облицовка фасадов некоторых зданий, таких как, Объединенный банк Северных Стран и Финляндский банк. Сердобольские граниты применялись для изготовления парапетных ограждений, из них выложены устои Карельского моста. В Сортавала находится единственный в России памятник карельским рунопевцам, постаментом для которого послужили блоки традиционного для этих мест сердобольского гранита. Гранит с острова Риеккалансаари широко применялся в 1850–1930-е годы в качестве мемориального камня для изготовления надгробных памятников на многочисленных кладбищах Приладожской Карелии.

В процессе полевых исследований, проведенных автором в 1993–1997 годы, на территории города Сортавала было выявлено и детально изучено около 130 каменоломен, в которых с 1870 до 1930-х годов финны добывали для строительства Сердоболя-Сортавала самые разные горные породы: темно-красные граниты и гранито-гнейсы и темно-серые, почти черные амфиболиты и амфиболовые сланцы. Каменоломни действовали непродолжительное время, но в сумме дали городу около 10 тыс. кубометров строительного камня.

В большинстве сортавальских каменоломнях добывали темно-красные граниты и гранито-гнейсы. Эти выработки располагались преимущественно на крутых склонах скальных массивов, полукольцом окружающих город с севера. Выработки имеют небольшие размеры: длиной от 5 до 30 метров, шириной от 1 до 10 метров и глубиной 1–2 метра. Добываемые в них блоки измерялись в объеме от 0,5 до 1 кубометра. Блоки сортавальских гранитов и гранито-гнейсов широко использовались в строительстве и благоустройстве Сортавала. Из них были выполнены: парапетные ограждения и мостовые, набережная, цоколи и лестницы многих зданий города.

В 1870–1910-е годы Валаамский монастырь осуществлял разработки строительного камня на островах Ладожского озера Сюскюянсаари (Св. Германа), Путсаари (Св. Сергия), Тилькусаари, Ювень, Валаам и на материке у д. Керисюръя

На острове Св. Германа (Сюскюянсаари) монастырь выламывал блоки темно-красных декоративных гранитов, которые под названием «валаамских» широко применялись в архитектуре Валаамского монастыря, Санкт-Петербурга и Москвы. Этими гранитами в Санкт-Петербурге облицованы стены костела Лурдской Божией Матери, буддийского дацана и ряда особняков по Невскому проспекту. В 1901 году в одном из карьеров острова Св. Германа был добыт гигантский монолит объемом 100 кубометров, который пошел на изготовление постамента памятника Александру III в Петербурге. Но в целом размеры блоков валаамского гранита составляли 1–3 кубометра.

На Валааме граниты с острова Св. Германа применялись весьма широко. Например, из них выполнены: колонны часовни «Всех скорбящих радость», изящные колонны портала, подоконники, полы и солея Спасо-Преображенского собора.

В 1903 году недалеко от каменоломен на острове Св. Германа монастырь построил красивую церковь во имя Бл. Кн. Александра Невского. В ее декоративном убранстве были использованы местные красные граниты и ювенский мрамор.

Массовые взрывы 1970-х годов, когда гранит на острове Сюскюянсаари в основном добывался для производства щебня, уничтожили некогда уникальное месторождение облицовочного камня. Добыча камня в карьере продолжается и в настоящее время. Гранит идет на производство щебня, а также – на изготовление облицовочных плит и надгробных памятников.

На острове Св. Германа, помимо красного гранита также добывался черный амфиболит, который применялся на Валааме в качестве плитчатого камня для кладки дорожек и фундаментов.

На острове Путсаари (Св. Сергия) Валаамский монастырь в нескольких каменоломнях разрабатывал крупные (до 2–3 кубометров) блоки светло-серых и розовато-серых порфировидных и однородных гранитов. Серые разновидности гранитов получили название назвали «монастырских». Они применялись в строительстве и украшении практически каждой постройки Валаамского монастыря. Из монастырских гранитов изготавливали колонны, цоколи и лестницы церквей и часовен, тумбы ограждений и большие поклонные кресты.

В 1879 году на берегу острова Св. Сергия монахи установили поклонный крест из местного красноватого гранита. В начале XX века недалеко от креста появилась церковь во имя Пр. Сергия Валаамского, цоколь, лестницы и полы которой были выполнены из местного розовато-серого гранита.

В 1860–1900-е годы на острове Валаам монастырь добывал для собственных нужд блоки темно-серых габбро-диабазов. Выходы этого камня имеются по всему побережью острова, что облегчало работу. Валаамские габбро-диабазы широко применялись в строительстве монастыря. Этим камнем выкладывались подпорные стенки террас, цоколи зданий, лестницы, опоры мостов. Из валаамских габбро-диабазов каменотесы даже вырезали изящные киоты для икон.

У Валаамского монастыря были небольшие разработки черного амфиболита на острове Тилькусаари и у деревни Керисюръя. Плиты этого камня широко применялись на Валааме для отмостки тротуаров. Амфиболит с острова Тилькусаари также пошел на изготовление фигурных оконных колонок Спасо-Преображенского собора.

Старинные каменоломни строительного камня Северного Приладожья в настоящее время поросли лесом или частично оказались под водой. Многие из этих выработок, на первый взгляд, мало чем отличаются от природных скал, нетронутых горными работами. Наиболее крупные выработки представляют интерес для музеефикации и экспонирования. На базе мраморной каменоломни в Рускеала уже действует Горный парк. Ведется работа по созданию подобного парка и на острове Тулолансаари, где сохранились каменоломни сердобольских гранитов. Планируется работа по музеефикации каменоломен гранитов на островах Риеккалансаари и Путсаари. Выработки строительного камня в черте города Сортавала также представляют интерес при организации экскурсий.

Материалы исследований старинных каменоломен Северного Приладожья изложены автором в научно-популярных и научных статьях, опубликованных в различных газетах, журналах, сборниках и книгах, а также в диссертационном исследовании.

Литература

1. Буллах А. Г., Борисов И. В., Гавриленко В. В., Панова Е. Г. Каменное убранство Петербурга. Книга путешествий. СПб, «Сударыня», 2002, 2004.
2. Борисов И. В. Музыка в камне. Приозерск. ООО «Ракурс», 2007.
3. Борисов И. В. Диссертация на соискание степени кандидата географических наук «Географические основы сохранения и рационального использования уникальных техногенно-природных комплексов Северного Приладожья». СПб. СПбГУ. 2007.

Уважаемые коллеги!

Думаю, многие со мной согласятся, что труднее всего выступать на краеведческой (а также – музееведческой, архивоведческой) конференции на тему, приближенную к современности: еще не устоялись взгляды, не выработалась позиция, еще слишком болезненна обсуждаемая проблема... Но тенденция нашего ускоренного, спрессованного времени такова, что сегодняшнее уже через несколько лет может стать «старинной». К тому же краеведение – не только то, что было «давно», но и наши дни во всей их злободневности. А что может быть более злободневной и в то же время более вечной (для русской жизни) текущей «критики» под названием – «Литературная критика как фактор роста гражданского самосознания». Ведь именно так ставилась задача критики, нашими великими предшественниками.

Сознаю, что сегодня это не модно. Но мода – ветхая старушка и в силу своей ветхости неустойчива – то в одну сторону клонится, то в другую... Сегодня, к примеру, в сторону Серебряного века – «искусство для искусства». Причина? Да все та же – явление Хама, от которого хочется отгородиться всеми доступными способами. «Искусство для искусства» – отнюдь не худший. Но – не мой.

Я попыталась построить свое выступление таким образом, чтобы заявленная мной тема выявила себя в процессе самого доклада. Правда, это может случиться только в одном случае: при активном со-участии самих читателей, на которых я всегда надеюсь и которые редко меня подводят. А посвящаю я свой доклад памяти Виссариона Григорьевича Белинского, который 160 лет назад, будучи совсем молодым, покинул «сей бренный мир».

Литературная критика как фактор роста гражданского самосознания. Субъективные заметки неопита

«Какие причины такой пустоты в нашей литературе?
Или и в самом деле – у нас нет литературы?..»
В. Белинский, 1834 г.

«Оставьте Пушкина в покое...»

Конец XX – начало XXI вв. явили нам многое из того, что было скрыто от нас, бывших советских граждан, за семью печатями, в том числе и откровение (иногда пренеприятнейшее) о самих себе. Но, как говорится, «многие знания – многие печали». Мы познали горечь утраты устоявшихся ценностей, разочарование в прежних кумирах, растерянность от того, что из-под ног стал уходить фундамент, и прежде всего – фундамент собственного основания... Как жить? Чем жить? – вот главные вопросы новейшего времени. Естественно, эти вопросы задавали себе и мы, литераторы, и герои наших книг.

Что было удивительно: писательское мнение явно не пользовалось тем вниманием, какое традиционно наблюдалось в России до конца восьмидесятых прошлого века. Всё острее писатель ощущал свою ненужность; навязываемую ему в лучшем случае роль человека, развлекающего публику, когда уж совсем некому развлекать. Оттесняемый с прежних передовых позиций духовного лидера представителями популярных жанров (в просторечии – «попсой»), политическим и прочим шоу-бизнесом, он невольно замыкался в своем кружке-подполье, некоей резервации «писатели для писателей».

Центральная и местная пресса была тревогу: население не хочет читать, и особенно отечественных авторов. Отдельные примеры успешных писателей только подчеркивали общую невостребованность писательских кадров в России. И, конечно, тут же нашлась причина: мол, повсеместная дебилизация населения, поскольку власть не вкладывает достаточных средств в культуру.

Так случилось, что в это сложнейшее время я стала работать в отделе критики журнала «Север»* и уже не только в силу личной заинтересованности, но и по долгу службы приходилось размышлять над проблемой сегодняшних отношений: писатель – читатель.

Пытаясь прояснить ситуацию, я обратилась к науке. Доцент кафедры социологии социально-политического факультета Петрозаводского государственного университета И. А. Милюкова провела «пилотный» опрос среди студентов-старшекурсников факультета (постоянно живущих в Карелии). Его результат был для меня ошеломляющим. В качестве местного писателя студенты называли героя «Калевалы» Вяйне-мейнена (так в анкете), ведущую женских историй на ЦТ Оксану Пушкину, «тот, кто «За спичками» (вероятно, имелся в виду финский писатель Майно Лассила)... И ни одного здесь и сейчас живущего писателя (!)

* Ушла в «отставку» в 2007 г. – Г. А.

Кого винить – молодых людей, родителей, власть? Или... самого автора?

Писатели подобные обвинения от себя отводили, мол, в Карелии нет критиков, поэтому книги местных авторов и неизвестны широкому читателю.

В чем-то, безусловно, писатели были правы. И «заговор молчания» вокруг книг провинциалов на самом деле существовал (и существует), что и отразил самый большой справочный трехтомник «Русская литература XX века» (издан «ОЛМА-ПРЕСС Инвест» в 2005 г. Российской академией наук и Пушкинским Домом в рамках федеральной целевой программы «Культура России»). Из писателей Карелии, к примеру, в справочнике упомянут лишь один Дмитрий Гусаров (1924–1995).

Примечательно, что в этом солидном издании критики и вовсе не представлены, только *прозаики, поэты, драматурги*. Получалось, что критики – особая прослойка, не относящаяся к русской литературе (некоторые сочинители белла леттер, не стесняясь, называли ее даже «прослойкой поджигателей, провокаторов и бездарных паразитов, которые не могут создать ничего своего, вот и злобствуют...»). Это мнение, кажется, распространено и в провинции. Скажем, раздел критики как таковой в недавнем трехтомном издании «История литературы Карелии» вообще отсутствует.

Между тем, читателя «паразиты» интересуют, и особенно – питающиеся «кровью» современной литературы. «Где вы, новые критики?» – взывала в своем письме в «Север» студентка филфака Петрозаводского университета и молодая мама Ирина Савина (№ 11–12, 2004). Пафос её письма: доколе ученые мужи и жены будут писать только об умерших писателях:

«О, какая бесполезная трата времени! А главное, жаль деревьев, которые идут на эти “труды” (напомню: одно дерево растет не менее пятидесяти лет, прежде чем, его можно будет использовать). Ссылки на то, что мало платят, потому и не пишут о современном, вызывают лишь улыбку. Куда же больше за ту жвачку, которой нас пытаются накормить господа ученые: “О чем думал Пушкин, когда писал «Я вас любил...»?” Да Пушкин написал во сто крат меньше, чем господа исследователи о нем. Оставьте Пушкина в покое, ему надоело в гробу переворачиваться!» – с юношеским максимализмом требовала автор письма и призывала новых критиков писать, и как можно больше, о современном литературном процессе и о современной литературе, иначе что же будет читать ее малыш, когда вырастет?!

Правда, непонятно было одно: где этих самых «новых критиков» взять? Ведь выращиваются они не месяцами и даже не годами – десятилетиями! И то при заинтересованном отношении власти и общества к их появлению.

В свое время (2003 г.) «Север» подавал в Министерство культуры РК предложение-заявку – для участия в федеральной программе «Развитие культуры Русского Севера». Наш проект назывался «Экспертиза», и речь в нем шла в том числе и о необходимости подготовки на профессиональной основе литературных критиков.

Ответа на нашу заявку не последовало. Видимо, не было нужды в квалифицированных публицистах и критиках-аналитиках, способных мыслить современно, то есть *системно* (а кому это надо – готовить собственных «могильщиков»? Зато на толерантных врунов средств не жалко). Обижаться мы не стали, памятуя пословицу, что на обиженных воду возят, а решили самостоятельно, без «подпитки» развивать проект (время показало, что наша инициатива была своевременной и нужной обществу. Вскоре о необходимости государственной экспертизы в самых разных областях – художественной, научной, хозяйственной... – заговорили и первые лица страны). Бывший главред «Севера» Станислав Панкратов (1936–2005) предложил начать «экспертизу» с книг петрозаводских авторов, издаваемых за счет бюджетных средств.

Есть ли вообще литература в Карелии?

Передо мной, неофитом в жанре критики, сразу встало немало вопросов, и главный из них – *а есть ли вообще литература в Карелии?* Не несколько бесспорных имен, а десятки (в том числе и ныне здравствующих авторов): ведь только тогда и можно говорить о таком явлении, как «карельская литература». Не могу здесь не сделать отступления по поводу этого словосочетания.

С детства мы представляли, что «русская литература» – это наши классики, писавшие на русском языке. Никаких вопросов не возникало. А сегодня? Чингиз Айтматов, Василь Быков – тоже классики, писали на русском языке, но они входят в свои национальные литературы – белорусскую, киргизскую. Время внесло такие изменения, что языковая и национальная принадлежность произведения не всегда совпадают. На мой взгляд, понятие «русская литература» – устойчивое и так же, как и английская, финская и пр., – это прежде всего литература на соответствующем языке. Следовательно, карельская – на карельском языке. Но таковой, увы, нет, ведь даже письменность сформирована лишь недавно. Специально же создать литературу невозможно, поскольку «она создается так, как создаются без воли и ведома народа язык и обычаи» (В. Белинский).

Получается, что словосочетание «карельская литература», употребляемое достаточно часто и в официальных источниках, строго говоря, имеет географическо-административное содержание и подразумевает всю литературу, существующую в Карелии, – на русском и других языках. Но трудно представить, чтобы в определение, например, «грузинская литература» включали бы и русских писателей (пишущих на русском), живущих в Грузии. В нашем случае налицо конфликт в самом словоупотреблении, который иногда вызывает определенное недопонимание. На мой взгляд, более приемлемо нейтральное определение – *«литература Карелии»*.

Итак, есть ли «литература Карелии»? Кажется, вопрос совершенно неуместный, поскольку всё у нас, как у «больших»: и союзы писателей (целых четыре!), и время от времени выпускаемые книги в глянцевого облож-

ках, и целых три литературных журнала (два – на финском языке)... Существует даже институт, который занимается местной литературой... И тогда – какие основания для подобных вопросов?

Да, пожалуй, и никаких, разве что... Для чего и для кого вообще пишутся сегодня книги? В советские времена, даже при всех идеологических ограничениях, было заметно стремление писателей «чувства добрые» книгой пробуждать. Этому направлению отвечали произведения Д. Гусарова, посвященные поведению человека на войне («За чертой милосердия»); А. Суржко – об истории целого семейного рода («Продленная осень»); О. Тихонова (герой его романа «Свидетель» – уникальная личность, человек, волею судьбы оказавшийся между молотом и наковальней, проживший большую часть жизни под чужим именем, но не потерявший своего лица). Это была в полном смысле слова общественно значимая литература, написанная в традициях русской классики, то есть прежде всего, в понятиях христианской морали и нравственности. Книги вышеназванных авторов смело можно было рекомендовать для изучения в школах, обсуждениях на читательских конференциях и т. д.

Сегодня эти писатели ушли в мир иной. «Какие же новые боги», повторю классика, «заступили вакантные места старых?» И вот ответ: «Увы, они сменили их, не заменив!»* Те, кто пришли на смену Д. Гусарову, О. Тихонову, А. Суржко, Я. Ругоеву, В. Соловьеву... своими произведениями нередко ставили в тупик как школьных преподавателей литературы, так и библиотекарей – с одной стороны, разнужданностью выражений и откровенной «мочилкой» *не-своих*; с другой, – явным снижением литературного уровня, стилистической небрежностью, но, кажется, более всего тем, о чем сказал С. Панкратов, последний «мужской» главред «Севера» (после него руководить журналом стали женщины): «Писатель – это еще и *масштаб личности*...».

К сожалению, личность мельчала, в том числе, и личность писателя. Особенно это выказывалось в отношении к предшественникам, которых не только сбрасывали с «корабля современности», но и пытались запечатать подлыми намеками о возможном «стукачестве» (самая большая тема советского диссидентского подполья уже хотя бы потому, что и самим доводилось «стучать»). Безусловно, тому были веские причины, одна из которых – неизжитые фобии нашего недавнего тоталитарного прошлого. Вторая, и может быть, главная – биологическая борьба за выживание в жестоких условиях начала перестройки, где даже «мертвецы» рассматривались как возможные конкуренты.

Эта борьба мало кому оставляла шансов удержаться в культурном поле цивилизации, особенно, если изначально личность была духовно не укреплена. Чтобы привлечь к себе внимание власти, публики, прессы и уничтожить «конкурента» (что было равносильно – выжить, т. к. господация на «творчество» по сравнению с советской была ничтожной) писатель шел на всё: эпатаж, расталкивание локтями, откровенную клевету... Писательские союзы представляли собой стайки ошетилившихся друг против друга кланов. Издержки такого не-творческого поведения не могли не сказаться и на произведениях писателей. Появился целый поток так называемой «литературы мести» и «желтой литературы», ориентированных на скандал и *разоблачение* известных лиц. О художественном уровне этих сочинений при такой направленности говорить не приходится. И до чего же всё это напоминало ситуацию, описанную Виссарионом Белинским сто семьдесят лет назад:

«...в первый раз литература явилась без верховной главы и из огромной монархии распалась на множество мелких, независимых одно от другого государств, завистливых и враждебных одно другому. Голов было много, но они так же скоро падали, как скоро и возвышались; словом, этот период есть период нашей литературной истории в темную годину междуцарствия и самозванцев...».

О своих раздумьях я написала в статье «Зачем вы, мастера пера? (по аналогии с публикацией писателя Юрия Полякова в «ЛГ» №№ 28–29, 2005 – «Зачем вы, мастера культуры?»)» – от имени воображаемого читателя Ивана Денисовича Пospelова («Иван Денисович» – отсылка к многотерпеливому персонажу А. Солженицына. «Пospelов» – значит – поспел, вызрел, пора высказаться):

«...Писатель, по нашему глубокому читательскому убеждению, это тот, кто способен своим писательским трудом-мастерством изменить атмосферу общества, извлечь из наших изрядно очерствевших сердец и душ высокие порывы, дать нам, сиротам рода человеческого, приговоренных по воле сильных мира сего на прозябание и допенсионную смерть, хотя бы на самое короткое время отдохновение и утешение. Если этого ничего нет, то ваше так называемое «творчество» – сугубо личное дело. И не нужно лукавить, говорить о ваших бо-оль-ших чувствах ко мне, читателю. Нет, обо мне, о моем читательском интересе вы ни столечко не думаете. Все о себе да о себе, любимых...» (газ. «Карелия», 22.09.2005).

Замечу: в своей статье я не называла ни имен авторов, ни их творения, поскольку не ставила своей целью «уничтожение целого ряда писательских имён», в чем меня обвиняют ученые-филологи А. Мишин и С. Захарченко в центральной печати («Литературная Россия», № 50–51, 2006). В постскрипуме моей статьи с подзаголовком «Открытое письмо Читателю – Писателю» от имени Ивана Денисовича было сказано:

«...дело не только в вас и даже вовсе не в вас. К сожалению, я это понял не сразу, а лишь прочитав еще несколько романов отечественных гениев (я даже удивился: насколько у нас много гениев и насколько мало просто хороших работников, в том числе и хороших писателей). То есть все те претензии, которые я, будучи основным потребителем вашей продукции, предъявлял лично вам, я мог бы предъявить и этим авторам. И тогда при чем здесь ваша или моя личная фамилия? Беда-то общая!».

---

* Здесь и далее (если не оговорено специально) цитаты из «Литературных мечтаний» В. Г. Белинского (ПСС в 13-ти т.; т. 1. Москва, 1953).

Решаясь на публикацию своей статьи, я прекрасно сознавала, что далеко не всем она придется по душе, что её посыл – общественная польза литературы – покажется моим «прогрессивным» коллегам – апологетам самовыражения и «чистого искусства» – давно отжившим, устарелым. И все же, полагала я, капля и камень точит. Тем более, и деревья, в защиту которых так трогательно выступила студентка Ирина Савина, было жалко. Да и что, собственно, изменилось с тех пор, когда великий Виссарион сказал:

«Отнимать у искусства право служить общественным интересам – значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит – лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев. Это значит даже убивать его...» (ПСС в 13-ти т.; т. 10, с. 311. М, 1953).

Разумеется, идеи Белинского были для меня не догмой, а руководством к их дальнейшему развитию. И вдохновение для этого я черпала в трудах Михаила Бахтина, в особенно интересном для меня исследовании «Автор и герой в эстетической деятельности»: в нем я находила ответы на многие затруднительные для меня вопросы, касающиеся творчества современных авторов:

«Отношение художника к слову как к слову есть вторичный, производный момент, обусловленный его первичным отношением к содержанию... Художник с помощью слова обрабатывает мир, для чего слово должно имманентно преодолеваться как слово, стать выражением мира других и выражением отношения к этому миру автора... Художественный стиль работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни, его можно определить как совокупность приемов формирования и завершения человека и его мира...».

Труды западных литературоведов предлагали множество вариантов прочтения текста и придавали большее значение коммуникативному акту «я и другой», что, несмотря на провозглашенные демократические ценности, было непривычно для российской глубинки, еще не избавившейся от тоталитарных привычек «не смей свое суждение иметь» (разумеется, не себе любимому, а *другому*), неперменного образа «врага» в подкорке и диктующей – «как следует меня (нас) читать, видеть, слушать...».

Вот в таком контексте писались мои первые рецензии, и надо ли говорить, что местными литературными деятелями они были приняты в штыки. Меня стали «мочить», как на самых крутых бандитских разборках, и я познала, как говорится, на собственной шкуре, что занятия литературной критикой в России XXI в. в отличие от России XIX в. – дело опасное. Об этой проблеме на сайте журнала «Север» высказался модератор сайта, петрозаводский поэт Александр Воронин:

«Хотите стать изгоем? Хотите прослыть злобным, завистливым интриганом? Ответ утвердительный? Тогда займитесь местной литературной критикой, то есть критикой местных авторов... В небольшом городе, где все друг друга чуть ли не каждый день видят то там, то здесь, это чревато. Но без критики литературе идти в рост очень трудно, она замыкается сама на себя. Есть ли у нас люди, которые не боятся опалы коллег по цеху? Есть ли такие подвижники? Ау, где вы?».

Крест и флешка

Я полагаю, ответа на свой вопрос Александр не получил. Профессиональных литературных критиков сегодня в Петрозаводске нет. Критика не поощряется ни самими писателями, ни местной наукой, ни бизнесом, ни государством. Хотя, на первый взгляд, все жаждут критики и даже жалуются временами в центральную прессу на отсутствие оной в Карелии («Литературная Россия», № 42. 15.10.2004).

На самом же деле никто не хочет честного разговора. На самом деле всем нужна реклама. Но, как пишет молодой критик из Северодвинска Андрей Рудалев (правда, называющий себя всего лишь читателем, но кто же и есть критик, как не читатель): «Не его, читателя, дело сочинять торжественные оды и славословить автора... Самолюбование, все тщеславные писательские претензии на грандиозность его мало вдохновляют...» («Усталость от звуков». «Север» № 9–10, 2004).

В этих строках моего современника явственно слышался голос «неистового Виссариона»: «...сорвать с него (автора. – Г. А.) маску... показать его свету во всей его наготел!».

Позиция, возможно, и достойная восхищения, но... Приемлема ли она в веке XXI, еще более подверженном страху, еще более склонном к конформизму, чем XX. Склонном до того, что мы готовы отменить и профессионализм, и здравый смысл да, кажется, и мораль: дескать, пусть всяк что хочет, то и делает...

Оно бы и так: все мы устали от бряцания оружием (пусть даже словесным), хотим гармонии с окружающей средой (в том числе и с литературной). Да только вряд ли ее можно будет достичь при воцарившемся после «бандитских разборок» пофигизме. Его результат всегда один и тот же – хаос, пустота и обесмысливание всего и вся.

Об этом три истории Яны Жемойтелите: «Пирожки с капустой. Записки побежденного» («Север» № 9–10, 2004), «День, который не состоится» («Север» № 3–4, 2007, под псевдонимом «Анастасия Осипова»), «Гипертония» («Дон» № 12, 2007).

Их героиня (несмотря на разные имена, биографические подробности, – это по сути один и тот же персонаж) уже в юности шла на компромисс – даже когда ей это было противно, когда ее душа протестовала: «В десятом классе я была секретарем школьного комитета комсомола, поэтому мне приходилось возглавлять нашу колонну, марширующую с речевкой. Честно говоря, до сих пор кидает в дрожь...» («Пирожки с капустой»). То время героиня, выбравшая профессию писателя (и соответственно образ – «скромный писатель», что в переводе означает – унижение паче гордости), ощущает как пустое и лживое. Но и сегодняшнее, которое

пришло ему на смену, по ее мнению, – не лучше. Не случайно упоминание в «Пирожках...» известного фильма «Матрица»: «когда Нео оказывается в пустоте... наставник говорит, что это и есть подлинная жизнь...». Соответственны мироощущению героини-писательницы и её произведения, например, одно из них называется – «Счастья не будет».

Впрочем, не вдохновителен и подзаголовок самого рассказа Я. Жемойтелите – «Записки побежденного» (точнее было бы – побежденной, т. к. на депутатских выборах проиграла женщина – героиня рассказа). Разумеется, тут ирония, и самая тонкая: мол, проиграла-то проиграла, но в каких играх – дурных! А это уже победа. Ведь в конечном счете, считает героиня, важна не цель – стал ты депутатом или не стал, защитил интересы избирателей или не защитил – важен сам процесс, или как символически называет героиня свой поход в депутаты – *путь* («Зачем я тогда иду на выборы? По законам жанра, герой, углубившийся в лес, выходит из него иным, чем был в начале, независимо от результата. Важен путь»; «Хочу ли я в депутаты?.. Харитонов, очевидно, предлагал мне некоторый новый *путь*»). Здесь слышится «некоторый» иронизм постсоветского атеиста, поскольку, по библейским понятиям, «Путь» соотносится лишь с одной Личностью, сказавшей: «Я есмь Путь...», то есть «идущий путем Моим не один идет, но со Мною... Кто хочет идти путем Моим, того Я на Себе понесу... Без Меня вам не найти пути» (святитель Николай Сербский).

Именно так и случилось – героиня заплутала в трех соснах, никакого преображения не произошло (по Белинскому: «отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами своекорыстное я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества...»). Вернулась из «леса» с еще большим убеждением: «Сколько ни обустраивай окружающее пространство, рано или поздно поймешь, что просто забиваешь абсолютную пустоту» («забивать пустоту» – фраза, повторяющаяся и в других, упомянутых выше произведениях писательницы). Потому героиня уже априори – *побежденная*.

И при чем здесь время? Ведь могла бы героиня в свои школьные годы отказаться от «поста» комсомольского вожака. Не отказалась, а, повзрослев, даже захотела вступить в ряды КПСС. Но тут началась перестройка... и – новые пустые речевки, правда, теперь с цитированием модной ныне среди постсоветских интеллигентов Книги книг – «Библии» (раньше творений классиков марксизма-ленинизма), например: «Трудящийся достоин пропитания»... Сравнивая с библейским – «Трудящийся достоин награды за труды свои» (Евангелие от Луки, 10:7), находим принципиальную разницу: «достоин пропитания», то есть достоин *подачки, пайки*, а награда, вознаграждение за труд, – знает каждый писатель и каждый художник, – называется словом немецкого происхождения – *гонорар*.

Не заставил себя ждать и очередной компромисс. Несмотря на всю свою прогрессивность и следование современной литературной моде, героиня принимает предложение возглавить старый, созданный еще в советские времена журнал «Будни» (повесть «Гипертония»). При том что всегда скептически относилась к его продюкции. Похоже, и автор – тоже. Например, в повести Я. Жемойтелите «Шутка» («Север», № 9, 2000) поэт Орлов так отзывается о факте публикации в этом журнале: «В «Буднях» засветиться... – все равно, что собаке лапу задрать, отметиться у забора, – и плюнув, добавил. – Дешево продались». Или: «Будни» – это макароны со скользкой котлетой...»). В других произведениях Я. Жемойтелите также возникает некая редакция – то как помещение бывшего литературно-художественного журнала («мебель обшарпанная, подоконники завалены пожелтевшими рукописями, на шкафу старомодная лампа, покрытая толстым слоем пыли...») – «День, который не состоится»), то как место, где героиня отбывает *срок* («За прошедший год в моей жизни просто ничего не случилось. Я ходила на службу в редакцию. Средний возраст моих авторов – семьдесят лет. Порой зашкаливает и за восемьдесят пять...») – «Пирожки с капустой»).

Получается, что «редакция литературно-художественного журнала» – это прямо-таки какой-то фантом, навязание советских времен, от которого героиня не может избавиться и вынуждена снова и снова совершать насилие над собой – быть там и с теми – где и с кем она не хочет быть. А кажется, могла бы быть снисходительнее, ведь нелепо же в самом деле из «сегодня» *судить* журналы *тогдашнего* времени. «Они в то время получили такую важность в глазах публики, возбуждали к себе такое живое участие, играли такую важную роль!.. Скажу, что почти все они, волею и неволею, умышленно и неумышленно, способствовали к распространению у нас новых понятий и взглядов; мы по ним учились и по ним выучились. Все они сделали всё, что мог каждый по своим силам. Кто же больше?..» (В. Белинский).

«Кто же больше?..» повторим и мы. Увы, увы, увы... Ничего нового, свежего, оригинального не привнесла героиня в старые «Будни». Мелькнули какие-то имена, парочка названий вроде бы острых статей... Из исповеди главреда мы так и не узнали, во что она верит (ну не в пустоту же в самом деле?), какие ценности отстаивает. И уже не кажется странным то, что казалось странным вначале: почему молодая, энергичная женщина пошла в старые «Будни», а не организовала новые «Праздники», тем более, в отличие от *того* времени в *этом* предпринимательская деятельность разрешается и даже поощряется.

Для того, чтобы открыть *новое*, нужны талант, готовность идти на риск, огромная самоотдача и... умение воодушевить других, заставить пойти за собой. В старых «Буднях», получающих регулярную господпитку, ничего подобного не требовалось, там ничем не нужно было рисковать (особенно собственным кошельком!): пользуйся себе советским наследством, действуй по накатанной... Ну и пусть противно общаться с *бывшими соавторами* – жить-то надо!

Ничего удивительного, что *совписы*, чувствуя неприязнь к себе героини, в конце концов ее «уходят», а «Будни» выполняют госзаказ на «умиротворение»: чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

В повести не говорится о дальнейшей судьбе «Будней», но финал предсказать нетрудно, прочитав следующие строки В. Г. Белинского: «В эпоху жизни, в эпоху борьбы и столкновения мыслей и мнений, он вздумал наблюдать дух какой-то умеренности и отчуждения от резкости в суждениях и... был тощ рецензиями и полемикою, кои составляют жизнь журнала...».

Возможно, такой конец (а по сути это гражданская смерть журнала) закономерен для издания, родившегося и доказавшего свое право на существование при Советах и не сумевшего стать нужным в новом времени. Как показывает нынешняя практика – во многом по вине руководителей, превыше всего ставящих собственное «эго», не готовых взять на себя бремя ответственности за доставшееся наследие, чтобы не только сохранить его, но преумножить. Да и разве захочет что-то сохранить тот, кто верит, что «...мир, который тебя окружает, не что иное, как мимикрирующая пустота».

В повествовании «День, который не состоится» (его жанр автор определяет как «антиутопия») героиня уже на пенсии. Она живет одним днем, без всяких надежд на лучшее, и писательница настаивает на этом, внушает читателю безнадегу уже одним повтором свидетельств убогой жизни героини, «похожей на прислугу»: «усталое лицо», «плохо расчесанные волосы», «раздолбанные сапожки», «дохленькая одежонка», «закопченная кухня», «квартал для бедных»... В каждом встречном героиня едва ли не видит врага, и это заявлено буквально с первой страницы: «Продавщица глядит зеленоватыми *жабьими* глазами навывкате /.../ Странно, что *жаба* даже не пытается нас обсчитать...» (курсив мой. – Г. А.). Кроме «жабы» есть еще «толстожопые» и те, кто напоминают насекомых: одни – просто насекомое, другие – «высушенное»... Единственное близкое героине существо – такой же опустившийся, как и она сама, бомж Андрей.

А ведь была жизнь, была! Героиня вспоминает: «Солнечно. Тепло. Мама провожает меня в первый класс. Белые бантики, ранец, которым я так гордилась, плащик с золотыми пряжками...» А дальше? Дальше обрыв, пустота: «Странно, сейчас я даже не могу вспомнить, *о чем в юности мечтали мы*. Может быть, потому, что *мы не умели мечтать о личном, мы все вместе шли* к одной футурологической цели, когда каждому будет по потребностям... *Большинство верило* в коммунизм, подчиняясь коллективной идее не выделяться...» (курсив мой. – Г. А.) И это говорит филолог! В недавнем прошлом учительница! Нетрудно представить, чем «начиняла» такая учительница детские головки на своих уроках.

В этих обобщающих «мы», «большинство», когда героиня от имени «всех» берется судить об *уникальном времени каждого*; в этой собственной биографической скорописи, но прежде – в так называемом *черном юморе* и жестком иронизме по отношению ко всему *иному*, что не она сама, т. е. к окружающей жизни («В жизни вообще мало красивого, особенно в быту: объедки, окурки, грязное белье, вонючие носки...» – «Пирожки с капустой») героиня самораскрывается в своей безнадежной духовной глухоте. При всем желании я не могу сопереживать такой героине и, значит, творчеству ее создательницы, которая не обозначает здесь ясно авторскую позицию. Ведь при всяких *-измах* и даже в страшном 1937 люди мечтали, любили, творили... Ахматова, Петровых, Пастернак... И как творили!

*«Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чем-то прекрасном...»*

(Мария Петровых «Домолчаться до стихов»)

В «пустом пространстве жизни», о котором так много пишут нынешние творцы, не может быть иного финала кроме этого: «Вся моя жизнь уместается на флэшке, которую я ношу на шее вместо крестика... Кстати, ее очень легко стереть: клик – и всё. Без права на восстановление...» («Гипертония»).

«Пустота» – одно из типичных явлений новейшего времени, у которого больше нет времени (простите за тавтологию) «домолчаться до стихов» и которое способно производить только эрзацпродукты. Но, по мысли М. Бахтина, «пространственное, временное и смысловое в раздельности не существуют: как тело в искусстве всегда оживлено душой (хотя бы и умершей – в изображении усопшего), так и душа не может быть воспринята помимо занятой ею ценностно-смысловой позиции...». То есть... Да, именно так: пустое пространство и пустое время суть порождение *пустой души и пустой головы* (разумеется, персонажей – не авторов).

Пустая голова – это постоянная забота наполнения – колбасой, луком, «программой максимум», новостными и псевдоисторическими ужастиками... И постоянная забота *действия*, которая чаще всего выражается в поиске очередного врага.

Сегодняшняя распространенность *пустых голов* связана не в последнюю очередь с невниманием общества к проблемам подлинного, в том числе и искусства, безусловно, во многом формирующего нас. Ведь на самом деле всё, что ни происходит с нами, не берется из «ничего», как считает героиня Я. Жемойтелите («Гипертония»). На самом деле творческое сознание предшествующих поколений сотворило целый мир, под воздействием которого мы находимся постоянно, хотя порой не даем себе в этом отчета. Возвышенная душой Маша Миронова, скептик Печорин, добряк Обломов, прохиндей Чичиков, герой Андрей Болконский, педофил Гумберт, обворожительная «ведьма» Маргарита, враг рода человеческого Воланд... Разве эти персонажи не живут с нами? Разве они не «внедрены» в нас, с одной стороны, писателями, а с другой... Есть кто-то еще, кто изо дня в день внушает нам, что «добро и зло – понятия относительные», что педофил Гумберт вовсе не преступник, а жертва, соблазненная глупышкой Ло. Что Воланд тоже хорош и всем желает только добра...

Одни читатели легко поддаются такого рода внушениям (как на представлении варьете в «Мастере и Маргарите»), другие сопротивляются и требуют героя – подлинного, соответствующего традиционным народным представлениям, то есть доброго, сильного, справедливого и, что немаловажно, побеждающего зло. Но отчего-то в ответ на законную и жизненно важную просьбу читателя нынешние писатели чуть ли не хором восклицают – где же мы такого героя возьмем? В жизни-то его нет. А при чем здесь жизнь? – скажем на это. – Мы ведь об искусстве говорим.

Позиция внаходимости

С искусством, увы, напряженка. Вместо человека – знак, схема или, что еще хуже, бездарная карикатура на вполне реальное, документальное лицо. Это Фазиль Искандер мог мучительно переживать, когда героя «Созвездия Козлотура» узнали многие на его родине – в Абхазии. Для него этика писателя – не пустой звук, и он слишком хорошо знает, что «прямые отношения между героями и реальными людьми – чрезвычайно опасны...» («Общая газета», 25 февраля – 3 марта 1999).

Что касается нового «прогрессивного» писателя, то для него человек – всего лишь материал – годный или негодный к «употреблению». С поражающей бесцеремонностью присваивает он в личных корыстных целях чужую собственность – принадлежащие живым документальным людям конкретные факты их документальной жизни. Об этом говорил в своем докладе «Равноправие мужчины и социальный садомазохизм» на семинаре о современной финской литературе» (Хельсинки 14.03.07) петрозаводский писатель Арви Пертту, ныне живущий в Финляндии:

«Новая медийная действительность подменяет реальную жизнь. Люди комментируют и редактируют друг друга даже в семье, человек становится материалом для шоу... Яакко читает рукопись жены и находит множество аналогий со своей жизнью. Он ужасается образом Лауры, бессердечной журналистки...» (о героях книги Кари Хотакайнена «Улица окопная»).

Исходя из вышесказанного, позволю себе предположить, что в нынешней суеде писателю не удастся наработать навыки литературного ремесла, позволяющие создать образы, подобные образам Ивана Ильича или Ивана Денисовича. И это, на мой взгляд, есть истинная причина поразительной *сближенности* в современных текстах *автора и персонажа*. Повесть за повестью, рассказ за рассказом предстает перед нами один и тот же герой – разочарованный, зашоренный человек постсоветского подполья, который, с одной стороны, заражен *агрессией* (по Фромму, «злокачественная» агрессия является иррациональным вариантом ответа на экзистенциальные потребности субъекта), с другой – *страхом* (как бы не привлекли к ответственности за клевету и очернительство *другого*). Но отказать себе в удовольствии – свести счеты, пусть даже для этого придется солгать, – герой-подпольщик не может. Он слегка искажает фамилию персонажа (но так, чтобы прототипа непременно узнали) и лепит всё, что ни взбредет в голову. А для подстраховки и во избежание наказания за публикацию *заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию*, он пишет к своим текстам трусливые преамбулы вроде: «Все персонажи – собирательные образы, совпадения с конкретными лицами случайны...» (сравним с довлатовской преамбулой, пародирующей вышеназванные: «всякое сходство персонажей с конкретными лицами является злонамеренным»).

Творчество этих авторов, на мой взгляд, подпадает под общее определение – «Патологии». Так называется роман Захара Прилепина, впервые опубликованный в «Севере» (№ 1–2, 2004), – о молодых людях – участниках чеченской войны, которые уже никогда не могут быть *нормальными*. Потому что *убивали*.

Писатели, о которых я говорю, патологичны в другом, а именно в том, что в своих произведениях позиционируют себя героями на полном серьезе. Но «ценностное отношение к себе самому эстетически совершенно непродуктивно... – утверждает М. Бахтин. – Я могу быть только носителем задания художественного оформления и завершения, но не его предметом – героем...»; «Там, где *разрыв родства героя и автора*, где он скептически по отношению к жизни героя, там он может стать чистым художником...».

Мне могут возразить: а как же Довлатов? Вот уж классический пример, когда автор произведения является одновременно и его героем. Разумеется, нет правил без исключений. Но что делает его прозу неповторимой, несмотря на распространенный прием? Позиция *внаходимости* (в терминологии М. Бахтина), позиция автора, который «скептически по отношению к жизни героя» и выступает в роли его судьбы, тем самым разрушая «чистое ценностно-одинокое отношение к себе самому». Это дает нам, читателям, ощущение перспективы, стоящей за героем, его неисчерпанности данным текстом, а главное – чувство со-творчества и связанного с ним желания жить, смеяться, любить, страдать-сострадать... В результате – явление *подлинного* произведения. И вот как звучит сегодня слово «от автора» Сергея Довлатова:

«Я знаю, что вам нелегко. Знаю, что изменилось качество выбора. Раньше приходилось выбирать между советским энтузиазмом и апатичностью. Сейчас все по-другому. Приходится выбирать между рабством и свободой. Между безмолвным протестом и открытым самовыражением. Между немотой и речью...»

Мы не смеем требовать от людей бесстрашия. Выбор — это личное дело каждого.

И все-таки сделать его необходимо. Как — это ваша забота и наша печаль...».

Боюсь, что сегодняшний «прогрессивный» писатель мало и поверхностно, по касательной, читает своих современников, еще меньше предшественников, про *теорию* уже молчу. Его больше увлекает практика – живая борьба за издания, премии, стипендии, заграничные командировки... Кажется, исключительно для этой борьбы и создаются сообщества творцов (чем кучнее, стайнее, тем больший шанс победы) с их бесконечными *передел-кино-литературы*, требованиями «советской» бюджетной подпитки. Но не расписываемся ли мы тем самым в какой-то своей корневой неспособности к самостоятельному творчеству и существованию?

В письме Главе республики Карелия С. Л. Катанандову Станислав Панкратов писал: «...в обществе еще не сформировались понятия о *новой роли наших творческих союзов, об иных способах общения...*». Виновато в этом и наше личное гражданское самосознание, и наше нищенское униженное существование...» (письмо было опубликовано после смерти С. Панкратова в 5–6 номере «Севера» за 2005 год как самостоятельное выступление под рубрикой «Вместо завещания»).

В «Севере» появились рубрики «Читатель о писателе» и «Актуальный диалог» – с целью **«осознать реальную возможность своего нового, не рабского положения в обществе»**. Эти слова были сказаны С. Панкратовым в 2000 году при вступлении в должность главреда и воспринимались как своего рода программа нового руководителя «Севера».

Критике в этой программе отводилось не последняя роль. Вопрос ставился так: **литературная (читательская) критика как фактор роста гражданского самосознания в России XXI века**.

Как ни парадоксально, но и сам Панкратов, оказавшись в рыночно-беспредельных условиях, фактически не следовал объявленному направлению, а вынужден был подчиниться распространенной в *столичной России* (по аналогии с рубрикой в «Знамени» – «Нестоличная Россия») практике, когда за опубликованные вещи не платят гонорар. Потому что по законам существования нынешних СМИ – и, значит, разрешенных государством, коли эти СМИ не штрафуют, – если автор посылает статью в редакцию, то тем самым он уже соглашается на редакционные условия, по которым за незаказанную статью, даже если она суперинтересная и привлекла внимание публики, не платят. Кроме того, считается, что уже публикация текста в столичном издании, особенно малоизвестного автора и особенно из провинции, является его рекламой и, следовательно, издание с ним рассчиталось, не взяв денег за публикацию.

Почему молчат писатели? Мне, по крайней мере, известен лишь один пример – протест московского публициста и критика Владимира Бушина против новоявленных газетных магнатов из числа самих же писателей. Правда, для такого сильного полемиста протест довольно слабый и как бы между прочим. Но я отлично понимаю В. Бушина: нам, бывшим советским, неудобно, даже стыдно напоминать про деньги, когда речь идет о *духовном*, о том, чему ты отдал часть себя и чему по сути нет цены. А вот что говорит по этому поводу Виссарион Григорьевич:

«Горе тому художнику, который пишет из денег, а не из безотчетной потребности писать! Но когда он вывел из мира души своей этот бесплотный идеал, который томил и мучил его, когда вдоволь налюбовался и насладился своим творением, то почему не продать ему его?».

В XIX в порядке вещей было – *продать рукопись*. А в XXI – *отдать за так*. Чуть заикнешься о вознаграждении, тотчас вернут, мол, у нас и *бесплатных, бессребреников* хватает – Россия большая. Вот и остается по советской традиции говорить о своем законнейшем праве на кухни. Выскажешься публично, того и гляди, попадешь в «черный список». А для писателя жизненно необходимо публиковаться, поэтому он зажимается, *терпит*, чем капиталист (не американский – свой, из бывших советских) без всякого зазрения совести и пользуется.

«На повестке дня сам факт выживания такого вида, как независимый критик-эксперт» – с вполне понятной горечью пишет критик из провинции А. Рудалев («Вопросы литературы, июль–август 2007»).

Я бы расширила ареал: на повестке дня факт выживания не только критика, драматурга, поэта... – в целом *независимого писателя* (а писатель по определению может быть только *независимым*). Не будут платить за литературный труд, среди писателей останутся только Миши Охрененко (персонаж писателя-предпринимателя из повести Я. Жемойтелите «Гипертония»). То есть те, у кого имеется капитал на раскрутку в столичных и местных издательствах и в СМИ.

Сколько еще может продлиться подобная ситуация, трудно сказать. Ведь если даже из-за «поправки Шлегеля»*, поправки, защищающей естественные права гражданина, в СМИ подняли такой шум, то что говорить о введении наказания за нарушение авторского права на оплату труда (причем достойную оплату, а не в виде подачки на «пропитание»). Опять, небось, начнут с пеной у рта доказывать, что отстаивают какую-то гласность и свободу. На самом же деле ту свободу, что позволительными (т. е. ненаказуемыми) невыплатой гонораров, нарушением авторских прав, публикацией «клубнички» – *заведомо ложных сведений, порочащих честь и дос-*

---

* Молодой депутат Госдумы Роберт Шлегель предложил внести в *первую часть статьи 4* Закона о СМИ поправки, в соответствии с которой появляется основание для прекращения деятельности СМИ – *за публикацию заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию*. Будь принята эта поправка, суд по заявлению истца мог бы потребовать от ответчика, публикатора материала в СМИ, фактических доказательств его точки зрения. Ныне же, знаю по собственному опыту, именно истцу, жертве очернительства, нужно собрать огромное количество материалов, доказывающих клеветнический характер публикации. – Г. А.

тоинство другого лица или подрывающих его репутацию – обеспечивает неплохой приварок владельцам издательств и СМИ. И именно за свой приварок они и боролись, создав в Думе мощное лобби, не позволившее пройти «поправке Шлегеля» (напомню, что в первом чтении Законопроект поддержали 399 депутатов; во втором те же самые депутаты повально отреклись). И это уже исторический факт.

К счастью, были и есть издания, например, финноязычный журнал «Carelia» в Петрозаводске, где отношения с авторами предельно прозрачны и порядочны, где за литературный труд платят с отчетливой регулярностью (без напоминания, что априори ставит автора в униженное положение просящего) и по вполне достойным расценкам, словно выходит журнал не в России, а в Финляндии.

Обычно мне на это возражают: еще бы, им помогают финны. Возможно, но суть в том, что при желании, то есть при отношении руководителя к *другому* как к самому себе, при следовании христианскому правилу: «Трудящийся достоин награды за труды свои» гонорар возможен не как исключение в одном хорошем, «правильном» журнале, а как правило для всех СМИ. Пока же мы наблюдаем откровенный беспредел в оплате труда профессионального литератора в России. Таким образом, **«не рабского» положения не получается**: ведь, как мы знаем, именно рабы трудились без оплаты.

Вот и возникают те самые ножницы: во всем мире профессиональным, то есть самостоятельным писателем, художником, композитором... и т. д. считается тот, кто **зарабатывает на жизнь своим ремеслом** (но ни в коем случае не тот, кто стоит с большой ложкой у бюджетной кормушки). У нас же, поскольку существует неподсудное беззаконие с выплатой гонораров, грань между профессионалом и любителем (зарабатывающим *другим* делом, а в свободное время пописывающим и почитывающим), попросту исчезает. У нас все писатели и все художники. И каждый требует свою пайку. В советские времена эту «пайку» для всех «выдвиженцев» в писатели обеспечивали огромные тиражи классиков XIX века. Кто будет обеспечивать теперь? Ведь каждый писатель хочет издаться хотя бы раз в два-три года, получить на создание своего труда стипендию... А еще юбилеи, памятные доски, госпремии, к которым, увы, нередко применимы слова классика: «Мы всегда были слишком неумеренны в раздаче лавровых венков гения... это наш давнишний порок; по крайней мере, прежде причиной этого было невинное обольщение, происходившее из благородного источника – любви к родному; ныне же решительно все основано на *корыстных расчетах*...» (В. Белинский. Курсив мой. – Г. А.).

А в литературном полку республики писатели всё прибывают и прибывают. Сегодня в Петрозаводске, как я уже говорила, целых четыре писательских союза, свыше семидесяти писателей. Но, возможно, Россия и должна иметь как можно больше писателей и содержать их. В государстве, где так часто всё меняется – названия, имена, даты... где почти не осталось собственных «римских руин»; в огромной стране с большим количеством неразрешенных проблем – социальных, духовных и всяких других – необходимо большое количество людей, фиксирующих каждый день страны, осмысляющих его. В противном случае в памяти потомков останутся несвязанные между собой обрывки фраз, дат, названий, имен, как у одной из героинь повести Ирины Мамаевой с прекрасным эпическим названием – «Земля Гай» («Север» № 5–6, 2007).

«Или я, или никто...»

Идея повести «Земля Гай»: так жить дальше невозможно. То есть нельзя делить одну страну на две страны – одну для сильного и богатого меньшинства, другую, как необустроенная, заброшенная земля Гай, – для слабого и нищего большинства. В стране необходимы перемены.

О каких же переменах говорит писательница в 2005 году (время написания повести «по горячим следам»), когда в стране уже произошли «перестройка», постперестройка, то есть как раз те самые перемены, и всё в конце концов «устаканилось».

А всё о тех же, ради которых большинство, называемое ёмким словом «народ», и поверило в перестройку: чтоб хорошие дороги, чтобы власть поменьше воровала, чтоб лечили получше, чтобы платили за труд по его достоинству, чтобы законы были не дышло, а настоящие, перед которыми все равны – от президента до неимущего бомжа, и даже с вышестоящего спрос больше... То есть... Да, судя по пронзительной в своей сострадательности к неимущему, пенсионного возраста «электорату» повести, – перемены не только не улучшили качество жизни этого электората, чьим трудом когда-то жила страна, напротив – ухудшили:

«Когда попадаешь сюда первый раз (поселок бывших советских лесозаготовителей Гай. – Г. А.) особенно в ненажную погоду, кажется, что все здесь спит, стоит, не шевелится, что времени здесь нет, а только пространство – сирое, убогое, брошенное, потустороннее, и уехавшему, сбежавшему потом долго кажется, что и не был он здесь, и не видел, и не знал, а все это ему приснилось или – еще хуже – примерещилось...».

Вначале такое впечатление, что читаешь продолжение «Пожара» В. Распутина (совпоселок в начале 80-х) или «Печального детектива» В. Астафьева (люмпенизация населения, жизнь без веры, без цели, без смысла). Ан нет: ощущение другое, похожее на то, что от «Канунов» В. Белова и что сродни библейскому – «*свет и во тьме светит*...»). Свет в данном случае – щедрое на любовь сердце простой русской женщины. И автора, разумеется, тоже.

В молодом журналисте-практиканте районной газеты Андрее Говоркове, жаждущем социальной справедливости для тех, кто положил на плаху советского государства молодость, здоровье, неосуществленные мечты, безусловно, проглядывают черты самой писательницы. Это не у него, у нее «подкатило к горлу», когда у любящего отца забирали дочь в детдом, когда знакомилась с жизнью двух никому не нужных, даже своим родственникам, старух, бывших работниц Гайского леспромхоза – Михайловны и Кузьминичны.

«Она была не то что не в своем уме... Склероз: ей бесполезно было смотреть сериалы – она не могла вспомнить не только самих героев, но, временами, как вообще называется эта штука с мелькающими картинками. Каждое утро Кузьминична пыталась сообразить, что делать, что поесть и что надеть. И каждое утро Михайловна объясняла ей столь простые вещи. Стоило назвать чайник чайником, а платье платьем, и мир для Кузьминичны снова начинал существовать...».

Но разве не странно... Скучная пенсия за многолетний каторжный труд, убогость, «барачность» быта – и при этом человечность самой высокой пробы, при этом христианское терпение и самоотверженность по отношению к страдающему ближнему... При этом гражданская смелость, которую трудно заподозрить в простой, отягощенной хворями старухе; смелость, которая сделала бы честь и более молодому, какому-нибудь борцу за народную долю из партии единокоросов. Никакого приписываемого русскому человеку рабского долготерпения. Когда за горло берет несправедливость, прочь хвори и слабость! Подобно древней воительнице выступает Михайловна на сельском сходе, сурово призывает к ответу присутствующее здесь «высокое» начальство:

«Я, все мы тута организовывали наш леспромхоз на пустом месте, в лесу – спали в сене, под открытым небом. Проработали всю войны без выходных и праздников... Восстанавливали после войны... Бревна вручную в вагоны грузили... Работали без денег, за палочки... И где воно усе? Где? Кто своровал все, кто закрыл леспромхоз? Я спрашиваю: кто?».

Для того чтобы молодому автору (писательнице всего 28 лет) так достоверно описать жизнь брошенного леспромхозовского поселка (а их сотни в России!), так выразить боль души своего народа, – нужно, говоря словами В. Белинского, быть рожденной и воспитанной жизнью этого народа, дышать его духом. Не потому ли и заметили сразу читатели повесть И. Мамаевой, откликнулись на нее: для многих из них, как и для меня, «Земля Гай» была прежде всего повестью о любви.

Вместе с тем это «критика», то есть суд писателя над обществом, властью, забывшими своих стариков. *Масштаб личности* молодой писательницы позволил ей сделать свой выбор, занять четкую гражданственную позицию, которой иные ее коллеги не только стесняются, но даже где-то и презирают, считают недостойной искусства слова.

Да, искусство и жизнь – не одно и то же, но, как говорит М. Бахтин, «должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности». Позиция Ирины Мамаевой в контексте ее повести заявлена достаточно определенно – «или я, или никто». Эта фраза – своего рода девиз XXIX международного христианского форума, который пройдет в августе текущего года в итальянском Римини. Участникам из разных стран, разных возрастов и конфессий предстоит осмыслить позицию и личную ответственность христианина в современном мире. Именно в христианстве, считают организаторы форума, человек должен лично, своей жизнью ответить на тот дар, который он получил от Бога. «Или личность способна ответить, или теряет себя самое», – говорится в материалах форума.

Этот тезис полностью относится и к искусству слова (впрочем, как и изобразительному, театральному, музыкальному...). В случае, когда *масштаб личности* оказывается несоответствующим миссии писателя как творца-созидателя, текст со зловещей закономерностью разрушает не только образ героя (независимо от своего создателя, вопреки его воле герой предстает ложным, подставным героем), но и образ самого автора.

Обнаружить «подставу», подчас завуалированную хитросплетением словес и «прелестями» изощренного ума, и представить читателю достойное произведение – является, на мой взгляд, задачей того критика, для которого поколенческая цепочка не прерывалась ни 1917-м, ни 1991-м; который не сбрасывает с корабля современности своих предшественников и не пляшет на их костях.

И уместен ли после этого вопрос дискуссий последних лет – «нужна ли нам критика?» Нужна ли она в нашей текущей жизни и текущей литературе? Я отвечу словами всё того же Андрея Рудалева, потому как, хоть и говорит он о литературе, но сказанное им имеет отношение ко всей нашей с вами жизни:

«Литературное творчество – бесконечное развитие и саморазвитие, непрестанное поднятие планки все выше и выше. Застой здесь равносильен деградации, превращению живого организма в тушу оледеневшего мамонта. С одной стороны, он поражает воображение своей реальностью, кажется, вот-вот начнет двигаться, а с другой – удручает нежизнеспособностью, ты понимаешь, что всё это лишь жалкие остатки былого величия. Мамонт коченеет, когда не находит привычного питания, когда перестает двигаться; поэзия, проза мумифицируется, когда нет разговоров о литературе... нет места для диалога, диспута...» («Вопросы литературы», июль–август 2007).

Отрадно, что молодые люди, такие, как Андрей Рудалев, Ирина Мамаева, Роберт Шлегель находят в себе смелость потревожить *застой*, публично назвать вещи своими именами. Это, на мой взгляд, связано как с их внутренней свободой, столь необходимой для развитого гражданского самосознания, так и с чувством ответственности за страну.

В заключение приведу слова писателя Арви Пертту из его письма в редакцию журнала «Север» в 2007 г.: «В этом году министерство просвещения Финляндии субсидировало 124 издания, критикующих существующий порядок вещей. На субсидии потрачено 800000 евро. Демократическое общество в выигрыше. Ни один психически здоровый налогоплательщик не возразил...».

Кажется, Арви назвал причину, по которой критика и критики в России сегодня исключены из состава не только литературы, но и самой жизни: критика и вправду – не белла леттер и не фикшен. Критика – это канал связи творцов (в том числе или в первую очередь – и творцов страны, новой России) с обществом, его гра-

жданами. Потеря интереса к *другому*, и значит, к гражданину, потому что гражданин и есть *другой* – может быть, **самая большая проблема России XXI века**.

Симптоматично, что свою лепту в нее внес и писательский мир, объявляя в каждом номере своих толстых литературно-художественных журналов о нежелании вступать с автором-читателем в переписку и отвечать на его письма-рукописи – то есть по сути о нежелании того самого *коммуникативного акта*, о котором на словах (преимущественно на международных литературных семинарах) пекутся как почвенные, так и прозапад-ные прогрессисты. Это и есть «флешка вместо крестика». Но, как говорится, что сеем, то и жнем: если мы не интересуемся *ими*, они не интересуются *нами*. И это справедливо.

**Александров Ю.С.,
Карельский государственный краеведческий музей**

«Карел кору ел». Из истории выпечки хлеба из сосновой коры в Олонецкой губернии

Многим знакома поговорка «Карел кору ел». Известно, что в Карелии наши предки с древнейших времен и вплоть до начала XX в. употребляли в пищу хлеб из сосновой коры.

Одним из важнейших источников из «глубины веков», в котором упоминается суррогатный хлеб из коры деревьев, является карело-финский эпос «Калевала». В нем мы видим, насколько разнообразны добавки и виды хлеба, но пшеничные мучные изделия были предпочтительнее:

*Хорошо и так хозяйке –
Хлеб пшеничный улетаёт,
Лакомится пирожками,
Масла сверху нарезает.
Черствый хлеб пастух глотает,
Корочку жуёт сухую,
Давится овсяным хлебом,
Режет чёрный хлеб с половой,*
С примесью соломы тертой,
Пополам с корой сосновой.¹*

Различные добавки и суррогаты, примешиваемые в муку, упоминаются в письменных источниках с XVII в. В челобитной Ивана Долгого (1689 г.), жителя одного из Лопских погостов, об отсрочке по взносу денежных и хлебных сборов читаем: «... и запасают к зимы сосновую кору и траву вахку и рыбные мольши-ка... а питаемся сосною корою и травой вахкою, и приходит ныне к домишкам к своим до зимней пути не-лзе».²

Упоминание древесного хлеба намного реже встречается у местного населения, т. к. для него это обыденное дело. К тому же большая часть местного населения была безграмотна. В этом случае следует обратиться к заметкам путешественников и этнографов, а также людей, которые появлялись в Карелии из других районов.

В публикациях заметок известного путешественника В. Дашкова «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» есть некоторые сведения о древесном хлебе: «*Зато не так отрадно взглянуть на крестьянский обед: рыба да лепешки, перемешанные с древесной корою, составляют обыкновенное кушанье крестьян, даже зажиточных. Мне случалось быть в самых отдаленных местах губернии, в дикой Карелии. Там по дорогам верстовых столбов нет, а всегда можно знать, как близко селение, по обнаженным соснам, с которых кора снята жителями для употребления в пищу. Чем ближе к селению, тем больше таких деревьев*».³

Подобное описание встречается и у К. Бергштрессера в его «Опыте описания Олонецкой губернии»: «*Близость деревни можно вернее всего узнать по увеличивающемуся количеству сваленных сосен, лишенных коры, употребляемой для примеси в хлеб*».⁴

Г. Р. Державин, путешествуя по Карелии, будучи губернатором, так описывает суррогатный хлеб карел в «Поденной записке, учиненной во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Дер-

* Полова – (полотица) пелева, мякина, хлебные плевелы, обой от молотыбы (В. И. Даль).

¹ Леннрот Э., Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Переводчики Э. Киуру и А. Мишин. Художники Т. Г. Юфа и М. М. Юфа, Петрозаводск: Карелия, 2001, песнь 33: 25–34.

² Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948, с. 313.

³ Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, СПб, 1842, с. 172–173.

⁴ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштрессером, С. Петербург, Типография изготовления государственных бумаг, 1838, с. 58.

жавиным»: «*Лопляне* (так Г. Р. Державин называет северных карел) *убогие едят хлеб, сделанный из сосновой коры или из соломы, и питающиеся оным пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные*».⁵

Ф. Ладвинский писал, что «*в некоторых деревнях Паданского и Ругозерского приходов крестьяне из бедности своей, особенно в летнее время, употребляют хлеб, печеный с примесью сосновой коры, высушенной и истолченной в муку; в это время они сильно тучнеют; впрочем, бывают сонливы и очень бессильны*».⁶

В трудные для страны годы первых двух десятилетий XX века в Карелии также употребляли в пищу хлеб из сосновой коры, т. к. «*своего хлеба не хватало полностью даже на полгода*».⁷ Каменистые почвы Карелии и суровый северный климат не могли дать населению богатого урожая. Населению каждый год приходилось закупать хлеб с южных районов. «*Низкий урожай, и потому необходимость, заставляет население прибегнуть к древесному хлебу. До этого древесная кора применялась только в неурожайные годы, но в последние годы самодержавия древесный хлеб никогда не сходил со стола карельского крестьянина. Всегда можно было найти в деревне такие хозяйства, которые питались древесной корой*».⁸

Выдающийся политический деятель Карельской АССР и коммунист Э. Гюллинг в своем докладе «Десять лет Карельской автономии» сообщает, что при самодержавии «*голод был постоянным гостем, и почти ежегодно приходилось прибегнуть к хлебу из сосновой коры*».⁹

В романе Евгения Рысса «Шестеро вышли в путь», действие которого разворачивается в Карелии в старинном маленьком городке Пудоже в 1920-е годы, описывается такой хлеб: «*Странный был у хозяйки хлеб. Корка была у него красивая, поджаристая, а когда отломилшь корку – мякиш высыпался. Приходилось его насыпать в ладонь и бросать в рот. Саша Девятин спросил, почему так. Хозяйка удивилась вопросу. Ей хлеб казался обыкновенным.*

– *Это от коры, – сказала она, раздосадованная, что ее отвлекли от интереснейшей беседы о молоке и корове. – Мы немного ее подмешиваем – у нас только четверть коры, в Калакунде все так мешают. А вот на Нюхч – озере – там всю половину коры кладут, а половину муки*».¹⁰

Несмотря на то, что роман является художественным произведением, считаю, что приведенные выше строки вполне достоверны, т. к. такое точное описание автор романа мог сделать, только лично познакомясь с вкусовыми качествами такого хлеба. Из отрывка видно, что даже в совсем недалеких по расстоянию друг от друга деревнях хлеб выпекается по-разному, по своим рецептам, из чего следует, что какого-то единого кулинарного рецепта и образца выпечки не было, так что прийти к какому-либо одному результату достаточно трудно.

Северные народы часто употребляли хлеб с различными добавками и суррогатами. Многие виды хлебов с различными добавками известны и в Скандинавии. Чем-то похожий хлеб пекли и соседние с карелами народы. Вепсы для приготовления хлеба использовали преимущественно ржаную муку с отрубями, либо просеянную в решете, реже просеянную через сито. Пшеничная покупная мука использовалась только по большим праздникам. Ржаное тесто замешивали в квашне, а пшеничное – в больших глиняных горшках «опарниках». Тесто на хлеб ставили с вечера, утром добавляли муку и вымешивали руками. Когда тесто поднималось и начинало оседать, из него формовали хлеб.¹¹

В эпосе «Калевала» есть упоминание о лопарях (саамах) или северных карелах, которые также использовали в пищу сосновую кору:

*Ведь поют же дети Лаппи,
В травяных лаптях герои,
Пригубив воды из чашки,
Закусив корой сосновой...¹²*

Лаппи – Lappi – эпический топоним, соотносимый с понятием «Лапландия» – населенная саамами (лопарями) земля. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что у карелов слово «лаппи» часто означает территорию (и ее жителей), расположенную по соседству, особенно – севернее данной местности. В «Калевале» топоним Лаппи употребляется и как параллельное название Похьелы.¹³

Из «Поденной записки» Г. Р. Державина известно, что северные карелы (лопари) применяют сосновую муку для выпекания лепешек из травы: «*Весною пекут лепешки из так называемой травы векхи. Сия растет около малых ручьев, корень ее толщиною с мизинец, длиною же иногда и до 12 вершков; лист их подобен бере-*

⁵ Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии, Петрозаводск: «Карелия», 1987, с. 115.

⁶ Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века, Л: Наука, 1981, с. 139; Ладвинский Ф. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе Повенецкого уезда Олонецкой губернии, Арх. РГО, р. 25, оп. 1, № 45, л. 1.

⁷ Лентомяки Л. О древней Карелии // 1920–1930. Десять лет Советской Карелии, Издание исполнительного комитета АКССР, г. Петрозаводск, 1930, С. 38.

⁸ Там же, с. 39–40.

⁹ Гюллинг Э. Десять лет Карельской Автономии // 1920–1930. Десять лет Советской Карелии, Издание исполнительного комитета АКССР, г. Петрозаводск, 1930, с. 53.

¹⁰ Рысс Е. С. Шестеро вышли в путь. Роман. Петрозаводск: «Карелия», 1979, с. 313.

¹¹ Королькова Л. В. Вепская народная пища // Питание в культуре этноса. Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений, СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007, с. 42.

¹² Леннрот Э., песнь 25: 437–440.

¹³ Леннрот Э., с. 579.

зовому, но токмо на концах имеет на подобие сосновых шишек, и ежели оные покраснеют, то значит перезрели и корень в пищу не годен, ибо употребляют его до тех пор, пока и лист еще не растет. Вырыв оный на сходе с полей снега, сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые вкусом горькие лепешки».¹⁴

В большей степени суррогатный хлеб пекли жители средней и северной Карелии.

Очень интересны вкусовые качества и способ приготовления древесного хлеба. Первая пробная испеченная буханка развеяла все домыслы о том, что карелы были столь несчастны, употребляя в пищу хлеб из сосновой коры. В данном вопросе наиболее интересна практическая часть, а именно эксперимент, т. к. многие источники не могут дать полной картины, или говорят вскользь о подобных хлебах. К тому же имеющийся материал весьма разнообразен и в некоторых случаях противоречит друг другу. Трудность состоит в том, что многие источники дают весьма различные пропорции муки и состав добавок. В некоторых материалах есть только косвенное описание технологического процесса изготовления данного хлеба.

Исследование весьма актуально, если учесть, что в наше время поднимается спрос и интерес к национальным традициям и культуре. Национальная пища может выступать в качестве этнической марки того или иного народа. Эта тенденция особенно актуализировалась во второй половине XX в., когда появление ресторанов национальной кухни приняло массовый характер.¹⁵ В 2006 году в г. Петрозаводске открылся ресторан карельской национальной кухни «Карельская горница».

Основной целью исследования является установить, был ли хлеб из сосновой коры острой необходимостью или же это больше традиционный национальный продукт питания? Также попробуем установить его вкусовые и калорийные качества, его пищевые свойства в сравнении с обычными современными хлебными изделиями. Определить пропорции и состав добавок, процесс заготовки коры и процесс выпечки хлеба, сравнить полученные результаты с источниками.

Эксперимент может помочь восстановить давно утерянный кулинарный секрет, как часть народного достояния.

Прежде всего нужно заготовить сосновую кору в необходимом количестве для выпечки хлеба. Сама кора очень терпкая, жесткая и смолистая, и в пищу не годится. Собственно, вся кора дерева и не употреблялась, а использовалась только ее внутренняя часть – заболонь (луб) – слой между внешней корой и древесиной. Заболонь – достаточно тонкий слой до 5 мм, в зависимости от толщины (диаметра) дерева. Чем толще сосна – тем толще слой заболони. В идеале подходит дерево в диаметре 30 см. Если оно толще, то и внешняя кора, соответственно, более толстая, что вызывает некоторые трудности, чтобы добраться до внутренней ее части.

В свежем виде заболонь цвета древесины, волокнистой структуры, мягкая на зуб, но горькая, с привкусом смолы. Легче всего снимается по весне в период сокодвижения. После заготовки она высушивается, вследствие чего приобретает бледно-оранжевый цвет.

С сосны осторожно соскребали верхний слой коры, оставляя нижний, светло-коричневый, которой затем разрезали роговым скребком вдоль дерева, предварительно сделав два кольцеобразных надреза вокруг ствола на расстоянии около метра один от другого, и затем снимали длинные узкие полосы коры, вернее новый образовавшийся слой древесины. Полосы коры сушили дома в горячей печи, чтобы устранить горьковатый смолистый привкус.¹⁶

Одно из немногих свидетельств технической стороны приготовления данного хлеба содержится в эпосе «Калевала»:

*Не вези, жених несчастный,
Не веди голубку эту
Разминать пестом бобовник,
В ступе луб толочь сушеный,
Хлебы печь с соломой тертой,
С горькою корой сосновой.*¹⁷

Из приведенных выше строк видно, что в пищу действительно шла не кора дерева, а заболонь или луб, который высушивали и после измельчали.

Г. Р. Державин в «Поденной записке» очень подробно описывает техническую часть выпечки древесного хлеба: «Хлеб из сосновой коры следующим образом готовится: по снятии коры очищают оной поверхность, сушат на воздухе, жарят в печи, толкут и прибавляют муки, замешивают тесто и пекут хлеб. Хлеб из соломы: берут и рубят намелко концы колосьев и солому, сушат, толкут и мелют, присыпают муки и приготавливают хлебы».¹⁸

Эти строки являются очень ценным источником, т. к. соблюдена точная последовательность шагов при выпечке хлеба. Важным упоминанием является и то, что карелы использовали не всю кору, а именно сосновый

¹⁴ Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии, с. 116.

¹⁵ Баранов Д. А. Об особенностях этнографического изучения пищи, с. 7–10 // Питание в культуре этноса. Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений, СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007, с. 7.

¹⁶ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (карельская АССР), этнографический очерк, Москва–Ленинград, Наука, 1965, с. 127.

¹⁷ Леннрот Э., песнь 24: 117–122.

¹⁸ Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии, с. 115–116.

луб, который обжаривали перед перемолом, это почти единственное описание данной стадии процесса. Также важным свидетельством является пояснение, что хлеб из сосновой коры и соломы – два разных вида хлеба, а не две добавки в одну буханку.

После полного высыхания заболонь слегка обжаривается с двух сторон в печи или в духовке на медленном огне. Лучше всего обжаривать ее большими кусками – меньше риска пережога, от чего меняются вкусовые качества. Обжарка идет до светло-коричневого цвета. В том случае, если пережарить (до темно-коричневого цвета) вкус хлеба станет более горьким.

В процессе высушивания и обжаривания из коры выходят многие смолы, вкус становится менее горьким. Исследование показывает, что хлеб, в который добавлена немного недожаренная кора, более вкусен, чем пережаренная.

Следующий этап – это перемол сосновой коры в муку. Высушенная и обжаренная заболонь становится достаточно твердой, и перемалывать в муку ее трудно, особенно большими кусками. Ломать куски руками не рекомендуется, т. к. можно легко поранить о них пальцы. Наилучший способ – это дробить заболонь на мелкие кусочки в тряпичном мешке молотком или небольшой палицей, а затем готовые мелкие кусочки перемалывать до состояния муки. В древности для перемола муки люди пользовались ступами, жерновами или водяными и ветряными мельницами; в нашем случае за их неимением вполне удачно была использована ручная кофемолка.

*...К жерновам спешить не надо,
К ступе тяжелой торопиться.
Водопад здесь жито мелет,
Здесь поток мельчит пшеницу...*¹⁹

К. Бергштрессер указывает большое количество стационарных мельниц по Олонецкой губернии, но, тем не менее, несравнимо большую популярность имели малые ручные жернова, которые были почти в каждом доме. *Мукомольные мельницы, которых в губернии 693, из них 626 водяных и 67 ветряных; в том числе в Петрозаводском уезде 102, в Олонецком 66, в Лодейнопольском 39, в Вытегорском 90, в Каргопольском 276, в Пудожском 96, в Повенецком 24. Вообще мельницы, большей частью, крестьянские, устройство их самое простое, почти все имеются только по одному составу. Крупчатых мельниц в губернии 6, из них 1 в Лодейнопольском, а 5 в Вытегорском уездах.*²⁰

Г. Р. Державин же сообщает, что «мельницы они не имеют, но в подпольях малые жернова, коими ежедневно мелют потребное для пищи».²¹

Полученную муку необходимо просеять через сито для удаления сора и обогащения ее кислородом.

В таком виде полученная мука может храниться очень долго. Она обладает приятным запахом сосны, но не смолы. На вкус несколько терпкая.

Сосна – один из важнейших источников лесной пищи. Белый луб после высушивания перемалывался в муку и использовался в течении многих веков в качестве дополнительной пищи во многих отдаленных регионах мира. Эта мука очень питательна, ее в большом количестве можно смешивать с другими видами муки.²²

Необходимо упомянуть, что мука из зерновых злаковых культур также бывает разной: пшеничная, ржаная, овсяная и т. д. В повседневной жизни на Севере пекли хлеб преимущественно из ржаной муки, а по выходным и праздникам из пшеничной. Это связано с дороговизной пшеницы. Ее выращивали в небольших количествах, и только в южной части Карелии. В основном же она была привозной. О том, что пшеница высоко ценилась и была в своем большинстве привозным продуктом, свидетельствуют следующие строки «Калевалы»:

*Покупал ей хлеб и мясо,
Нес ей масло, нес ей пиво,
Рыбу покупал любую,
Доставлял все разносоля,
Пиво – из своих селений,
Из чужих краев – пшеницу.*²³

Аналогичные сведения приводит и Н. Я. Озерцовский во время своего путешествия по Карелии: «Но так как край сей весьма недостаточен хлебом, который всегда заимствует от других российский областей оным изобильных, то весьма вероятно, что сей недостаток в хлебе заставляет петрозаводских купцов и мещан жить по уездам между крестьянами для снискания себе от земли пропитания».²⁴ Этот недостаток пополняется из Рыбинска по Маршинской водяной коммуникации, откуда получают все хлебные припасы.²⁵

Исходя из этого, можно считать, что древесную муку смешивали в нужных пропорциях с ржаной и пшеничной мукой, в зависимости от дня календаря. В исследовании в большинстве случаев древесная мука смешивалась с пшеничной, от чего эксперимент не нарушался, т. к. хлеб мог выпекаться в праздничные дни.

¹⁹ Леннрот Э., песнь 25: 369–372.

²⁰ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии, с. 116.

²¹ Эпштейн Е. М. Г. Р. Державин в Карелии, с. 116.

²² Raymond Mears The Survival handbook, ISBN 0-946609-88-8, с. 83.

²³ Леннрот Э., песнь 24: 270–275.

²⁴ Озерцовский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, Петрозаводск: Карелия, 1989, с. 118–120.

²⁵ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии, с. 56.

Следующий этап – замешивания теста. Он вполне обычный и мало чем отличается от приготовления теста для современной выпечки.

В нужных пропорциях муку сосновую и ржаную (пшеничную) просеваем через сито (для обогащения ее кислородом и удаления сора) над миской или подносом. Высыпаем муку в посуду. Добавляем соль и дрожжи (в древности использовали закваску), разведенные в теплой воде. Замешиваем тесто по часовой стрелке – по солнцу. Формируем из теста шар и накрываем его полотенцем. Ставим в теплое место на 1–1,5 часа для брожения.

Нигде в источниках не встречалось упоминания об яичном белке или желтке, как о связующем материале в тесте. Возможно, в древности карелы не использовали яйца для выпечки хлеба. В ходе эксперимента в ряде случаев тесто замешивалось с яйцом или без него.

Когда тесто поднимется, просеваем простую муку на стол, чтобы оно не прилипло. Кладем тесто на стол и обминаем его, до тех пор, пока оно не начнет приставать к рукам. После этого придаем ему форму каравая; форма круга – символ солнца, плодородия и жизни.

Смазываем противень растительным маслом или жиром и ставим в духовку на 30–40 минут. Готовность выпечного изделия проверяем спичкой или соломинкой: прокалываем корку – если тесто пристаёт к соломинке, то это означает, что оно еще не пропеклось. Готовый хлеб снимаем и обмазываем маслом (жиром) до блеска, чтобы корочка была более мягкой и красивой.

*Смазала топленным маслом,
Корку жиром пропитала,
Батраку дала краюху,
Пастуху – харчи в дорогу.*²⁶

Карелы пекли хлеб в основном кислый, т. е. замешанный на закваске. В прошлом в бедных семьях, экономия муки, хозяйки пекли пресный хлеб, который, безусловно, был известен карелам раньше, чем кислый. Хлеб пекли в русской печи обычно на неделю. Тесто приготавливали в квашне – деревянной или глиняной кадлушке, размеры которой определялись численностью семьи. В печь хлебы сажали на лопате прямо на под, который предварительно чисто выметали помелом из еловых или сосновых веток. Хранили хлеб в подполье или в кладовке.²⁷

Наиболее важным в исследовании был непосредственно эксперимент с пропорциями. Главный вопрос – сколько и чего добавлять? В ходе эксперимента было попробовано печь хлеб с различными пропорциями и добавками. Начинать было решено с небольших пропорций сосновой муки по отношению к пшеничной. В дальнейшем пропорции древесной муки по отношению к зерновой постепенно увеличивались.

В качестве эксперимента был испечен хлеб из не прокаленной в духовке сосновой муки. Сосновый луб в этом случае был только высушен и размолот на муку, которая была светло-оранжевого цвета. Все было смешано с пшеничной мукой в пропорции 20 x 80, добавлено немного яйца. После того, как хлебцы из теста были слеплены, их также смазали взбитым яйцом для блеска. Хлеб пропекся очень хорошо, мало крошился, был очень вкусен, совершенно не горчил, соснового привкуса почти не чувствовалось. Корка получилась поджаристая, но сравнительно очень мягкая.

Следующие хлеба были с обжаренной сосновой мукой. После пропорция составляла 30 x 70: т. е. один стакан сосновой муки смешивался с чуть более двумя стаканами пшеничной муки. Хлеб получился коричневого цвета с красивой румяной корочкой, мягкий и легко ломался, хорошо пропекшийся и очень вкусный. Вкус отличный от привычных нам пресных выпечных изделий, но ничем их не хуже, это все дело привычки.

К. Бергштрессер в своем «Опыте описания Олонецкой губернии» 1838 года пишет, что: *«Бедность особенно заметна во многих местах Повенецкого уезда; здешние крестьяне столь бедны, что едят хлеб, печеный из ½ или 1/3 или даже ¼ муки и остальной части сосновой тертой коры, мху или соломы, даже утверждают, что есть места, где иногда едят на место хлеба почти одну сосновую кору. Справедливо, что страна эта чрезвычайно нехлебородна, потому что отчасти каменистый грунт, отчасти чрезмерная сырость, а больше всего ранние морозы препятствуют проникновению и почти всякий третий год бывает неурожайный».*²⁸

В данном описании большой интерес привлекают к себе пропорции: от половины (½) до ¾ муки в хлебе присутствует сосновая кора! Пропорция 50 x 50 встречается и у Е. Рысса «Шестеро вышли в путь», но с пропорциями ¾ тертой сосновой муки по отношению ¼ простой хлеб должен быть весьма специфическим и горьким.

Итак, следующий вариант – пропорция 50 x 50: половина сосновой коры и половина обычной. Такой вариант наиболее приятен на вкус. Хлеб довольно хорошо пропекается, но не получается вязким. Хорошо ломается, но много крошится. Вполне приятные вкусовые качества, нет сильной горечи. Конечно, вкус специфический, весьма отличный от обычного, привычного нам хлеба, но очень даже съедобный и вкусный. Хлеб получается коричневого цвета с плотной поджаристой коркой.

Далее было попробовано увеличить объем сосновой муки в хлебе по сравнению с пшеничной. Было взято тесто из расчета 1,5 стакана сосновой муки на 1 стакан обычной, пропорция 60 x 40. Такой вариант пропекает-

²⁶ Леннрот Э., песнь 32: 25–28.

²⁷ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел, с. 128.

²⁸ Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии, с. 45–46.

ся хуже. Мякоть очень рыхлая и грубая, сырая при разломе – не пропекшаяся, хотя времени в духовке было более 40 минут. Корка же очень твердая, как сухарь. Такой хлеб менее приятен на вкус: очень терпкий и сильно горчит. Подобное описание хлеба из сосновой коры встречается в эпосе «Калевала»:

*Вот с плеча снимает торбу,
Хлеб из торбы вынимает,
Поворачивает, смотрит,
Говорит слова такие:
«Часто хлеб прекрасен с виду,
Корочка его румяна,
Только вот внутри – полова,
Шелуха под гладкой коркой».*²⁹

Иногда у бедняков соотношение муки и сосновой массы бывало 1:1 и даже 1:3. В период острых голодовок бедняки делали лепешки из одной сосновой коры, которую замешивали на кислом молоке, разбавленном водой. Эти лепешки имели темно-коричневый цвет, на вкус сильно отдавали смолой. Когда муки не было, из сосновой коры готовили на молоке «кашу» и ели ее вместо хлеба.³⁰

Было попробовано испечь исключительно ради пробы несколько буханок с различными добавками, которые ни разу не встречались в источниках, и вероятно, не совсем историчными: зелень и пряности, изюм. Как в последствии выяснилось, зелень и пряности придают смешанный и непонятный вкус и еще большую горечь. А с изюмом все наоборот – он придает хлебу сладость и приятный вкус.

В ходе эксперимента были попробованы и другие виды добавок, такие, например, как березовый луб. По некоторым сведениям на территории Карелии в Лоухском районе люди запасали на зиму березовый луб, чтобы потом добавлять его в хлеб. Так, Бронислав Крупенько, который долгое время работал в этом районе, сообщает, что видел в домах у местных жителей целые сундуки и короба, набитые березовым лубом. А на вопрос: «для чего это?», – жители отвечали: что «на случай, когда зимой дороги заметет – в муку добавлять будем».

Рэймонд Миарс – эксперт мирового масштаба по выживанию в полевых и экстремальных условиях в своей книге «The survival handbook» советует, что в очень трудные времена внутреннюю часть березовой коры можно заготавливать и сушить для перемолота в муку про запас.³¹

Есть некоторые сведения о поселенцах Выговского общежительства 1694–1705 гг., которым зачастую приходилось питаться и вовсе измельченной сосновой и березовой корой. Случалось, что во время обеда инокам приходилось по несколько дней обходиться без какой-либо еды.³² Не исключено, что в данном случае иноки могли питаться «корой» в виде выпечки, так и в свежем виде, что вполне съедобно, но не очень приятно на вкус.

Березовый луб был заготовлен аналогичным способом, что и сосновый. В свежем виде березовая заболонь твердая, обладает сухим, очень терпким горьким вкусом, плохо жуются. Но по толщине она иногда в несколько раз превышает сосновую. В ходе эксперимента выяснилось, что березовый луб намного тверже и жестче соснового. Перемалывается он намного хуже, с гораздо большими усилиями, чем сосновый из-за своей твердости и толщины. Цвет полученной муки светлее, чем сосновой: светло-коричневый, ближе к бежевому. Мука обладает специфическим, но приятным запахом березы.

Для эксперимента была приготовлена мука двух видов: просто просушенная и перемолотая, и прокаленная в духовке до темного цвета.

Пропорция с прокаленной мукой для этого вида хлеба была взята как 20 х 80. Также в тесто было добавлено яйцо. В итоге хлеб получился вполне съедобным и достаточно вкусным, но более сухим в сравнении с сосновым. Данный хлеб обладает терпким запахом березы. Корка тверже, чем у обычного хлеба, но относительно нормальная. Цвет темный. Мякиш на вкус грубоватый, хотя и мягкий. При дегустации было такое ощущение, что мякиш с древесными опилками или очень грубой мукой, хотя никаких опилок не добавлялось, а мука была очень мелкой, как пыль.

Следующая буханка в этой же пропорции была испечена из не прокаленной березовой муки. Корка, в отличие от первого была чуть тверже. Хлеб по цвету оказался светлее. На вкус менее приятный, в сравнении с первым вариантом. Он обладал некоторой кислинкой и весьма ощутимой горечью. Мякиш был грубым с ощущением присутствия опилок в хлебе. Оба хлеба, в которые было добавлено яйцо, не очень сильно крошились.

Также для эксперимента была взята мука слабой обжарки. Для выпечки были взяты пропорции 50 х 50: половина на половину. В этой буханке яйцо не добавлялось. В этом случае хлеб получился очень твердым и сухим. Корка очень твердая, как сухарь. Может быть, от того, что сама кора была значительно тверже сосно-

²⁹ Леннрот Э., песнь 33: 68–80.

³⁰ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел, с. 127 ; Майонов В. поездка по Обонежью и Корелу, СПб., 1877, с. 253.

³¹ Raymond Mears The Survival handbook, с. 74.

³² Мошина Т. А. «Чтобы братии было не вредно и угодно...». Трапеза в Выговском старообрядческом общежительстве // Питание в культуре этноса. Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений, СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007, с. 108.

вой. Вкусовые качества очень горькие, хлеб отдает дегтем, с некоторой кислинкой, и ощущение на зубах тех же опилок. Хлеб при разламывании достаточно сильно крошился.

Считаю, что такой вариант хлеба вполне мог существовать, но гораздо реже и, возможно, в меньших пропорциях, как некая незначительная добавка. Несмотря на то, что березовый луб добыть гораздо легче, нежели сосновый, использовался он значительно реже, о чем говорит и редкое упоминание о нем в источниках. Сосновый хлеб по всем показателям лучше и вкуснее березового.

В ходе эксперимента было попробовано испечь лепешки, или подобие хлебцев из мха, т. к. такой вариант периодически встречается в эпосе «Калевала» и других источниках:

*Очень часто я, бедняжка,
Жалкая невестка в доме,
Приносила мох с болота,
Хлеб со мхом себе месила.*³³

К муке иногда примешивали мох, но так как на его обработку требовалось больше времени, крестьяне его использовали очень редко.³⁴

Проблема была в том, что какой именно вид мха для выпечки использовал древний человек – сказать со сто процентной точностью трудно. Из всего разнообразия мхов и лишайников в северной тайге был выбран «Олений мох» (*Cladonia rangiferina – lam.*) и «Исландский мох» (*Cetraria islandica – lam.*). Мох «Кукушкин Лен» – (*Polytrichum commune – lam.*) – не годится для этой цели, а мох Сфагнум (*Sphagnum – lam.*), например, очень много впитывают в себя воды, что плохо соотносится с тем, что нужно для эксперимента. А исландский и олений мхи употребляют в пищу олени, так почему же он не мог использоваться и человеком, пройдя некую обработку? В шведском армейском пособии по выживанию в экстремальных условиях говорится, что этот вид мха съедобен, но только после предварительной обработки.³⁵

В книге Рэймонда Миарса сказано, что мох, как и водоросли, можно высушить и растереть, и приготовить их как похлебку, или запечь, используя как мучное составляющее. Олений мох (*Cladonia rangiferina*) – еда лопарей, которые варили это растение до желёной массы и использовали для выпечки. Но сначала его надо вымачивать в течении нескольких часов, чтобы устранить горечь. Исландский мох (*Cetraria islandica*) использовался так же.³⁶

Определенное количество исландского и оленьего мха двое суток вымачивалось в подсоленной воде, чтобы он стал пригоден в пищу, т. к. из него под действием соли выходят все неприятные вещества и горечь. В течение этого времени он достаточно размокал и становился мягче. Далее он сушился на солнце до полного высыхания, после чего мох снова становился хрупким и очень ломким. Таким образом, после предварительной обработки, снова сухой мох крошился и перемалывался в муку.

Тесто замешивалось в пропорции 1/3 перетертого мха и 2/3 обычной муки, добавлялась вода и немного соли. Тесто получилось с зеленовато-серым оттенком. Лепешки пеклись на открытом огне на сковороде. Степень готовности определялась по внешнему виду. На пробу данные хлебцы оказались вполне съедобными – несколько кислыми, немного вязкими на языке, но мягкими на зуб, и, тем не менее, достаточно вкусными.

Также ради интереса был попробован аналогичный вариант, но с добавлением лука (на Севере дикий лук часто встречается по берегам водоемов). Такой вариант многим дегустаторам показался более приятен на вкус.

Еще один из вариантов суррогатного хлеба – хлеб с добавлением соломы, который описан у великого русского путешественника, исследователя и натуралиста Н. Я. Озерцовского, который в 1785 г. проводил описание Ладожского и Онежского озер: «Я не видал, но слышал, как в Сердоболе, так и в разных деревнях, что карелы в недостатке хлеба делают себе в оном подспорье ржаную соломою, которую на такой конец мелко рубят сечками, изрубленную, высуша в печи, толкут пестами в ступах; таким образом приводят ее в некоторый род муки и пекут из нее хлебы, всегда однако ж примешивая к ней часть овсяной муки».³⁷ Исходя из этих, а также ранее упомянутых источников, видно, что карелы очень часто добавляли в хлеб мелко рубленную или перетертую солому. Иногда эта добавка смешивалась только со злаковой мукой, как в упомянутом выше случае, но, судя по всему, солома также имела применение при выпечке хлеба и с древесной мукой.

Добавляли в хлеб и ячменную солому, которую просушивали и толкли в деревянной ступе пестом, а затем перемалывали на ручных жерновах вместе с рожью, в соотношении 1:4. Этим суррогатом пользовались реже, так как он был грубее сосновой муки, да и соломы было недостаточно.³⁸

Другой известный русский путешественник и исследователь И. С. Поляков, который несколько раз путешествовал по Олонецкой губернии в 70-е года XIX века так описывает пищу жителей Карелии: «Главную основу пищи, кроме картофеля, репы и гороха, составляет, конечно, хлеб, но, как известно, он не родится здесь в изобилии. Хлеб употребляется в различных видах и преимущественно ржаной; из ржи делается кисель и каша. Хлеб из ячменя называется житником. Вообще пшеничный хлеб на Водлозере известен под именем мякуши. Горох превращается в муку и идет на приготовление лепешек, гороховиков или гороховых калиток.

³³ Леннрот Э., песнь 23: 599–602.

³⁴ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел, с. 127.

³⁵ Erik G. Bengtsson Handbook over-levnad, ars utgava (M7734-472091), 1998, с. 78.

³⁶ Raymond Mears The Survival handbook, с. 86.

³⁷ Озерцовский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, с. 78–79.

³⁸ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел, с. 127.

Неурожай хлеба порождают голод. В таком случае к хлебу делается примесь мху и сосновой коры; или, как это было в 1867 и 1868 годах в окрестностях Вытегры и около Водлозера, пекут хлеб с перемолотой соломой. Сначала делается слабый раствор из чистой муки, к которому прибавляется соломенная мука; чистая мука играет здесь роль цемента. Цвет соломенной муки из желтоватого меняется до грязно-бурого; конечно, нужно чревызвычайно крепкий желудок для того, чтобы переварить хлеб из такого сорта муки, однако, в означенные голодные года на Водлозере крестьяне довольно долго питались хлебом с соломой; во многих местах даже во время Пасхи крестьяне не имели чистого хлеба. Священник, обходя с крестом крестьян, в большей части деревень находил по одному только чистому хлебу из ржаной муки. Такой хлеб крестьяне переносили из дома в дом за священником, который в разных домах должен был освящать его; своего хлеба с соломой крестьяне не ставили на стол для освящения, так как боялись этим прогневать Бога. Соломенный хлеб не остался без последствий для жителей, после него их начала одолевать цинга. Жена священника на Водлозере говорила мне, что женщины, с которыми ей приходилось встречаться, нельзя было узнать: «Ой, да, матушка, после соломы – да хлеба немножко поела, да оцинжала!..» – говорила всякая при их встрече. Кроме того, жителей Водлозера постигла горячка, от которой вымирали целые дома. В некоторых местах Повенецкого уезда употребление в пищу сосновой коры между жителями есть явление почти постоянное. В Повенце дороговизна хлеба увеличивается еще трудностью доставки, так как правильного пароходного сообщения по Онежскому озеру к Повенцу не существует».³⁹

Данное описание очень интересно, но содержит ряд довольно странных строк, особенно во второй его части. Из отрывка понятно, что наряду с соломенным хлебом в пищу употреблялся и сосновый. Но отвар из сосновой хвои препятствует появлению цинги, т. к. он богат витаминами, то же самое можно сказать и о хлебе. Видимо, данная часть населения в голодные годы заразилась какой-то болезнью – «горячка», вследствие чего и умирала. Если бы хлеб действительно был бы так вреден для здоровья и жизни, люди вряд ли его стали вообще употреблять в пищу. Странен еще тот факт, что ни слова нет о мужчинах, больных цингой. И. С. Поляков замечает, что употребление в пищу суррогатных хлебов – явление постоянное и вполне обычное, что может ассоциироваться как национальный продукт питания. Также упоминается и еще одна причина выпечки подобных хлебов – трудность доставки злаков.

Скудные северные почвы порою не могли взрастить не то что хлеба, но и хороших лесов, особенно в районах, близких к полярному кругу – чем дальше на Север, тем лес более низок и извилист. *Вообще уменьшается значительно плодородие к северу Повенецкого уезда; растения постепенно уменьшаются, трава в лесу, да и сами деревья становятся реже и реже, мох напротив является больше и больше, а маленькие деревушки встречаются весьма редко.*⁴⁰

В Ингрию не выйду замуж,
В край холмистый, каменистый.
Там на все бывает голод –
На дрова и на лучину,
На пшеницу и на воду,
Даже на ржаные хлебы.*⁴¹

В данных строках «Калевалы» слово «голод» используется как нехватка упомянутых ресурсов.

На Севере из-за сурового климата и неплодородных почв трудно было вырастить необходимое количество хлеба. *Северное положение губернии, суровость климата, не весьма плодородная почва, краткость лета естественно противодействуют успешному ходу земледелия; им занимаются в продолжении года не более 4 ½ месяца, т. е. немного более одной трети года, остальные две трети обращаются на другие промыслы.*⁴² Пшеничную муку приходилось закупать из южных районов. По этой причине местное население добавляло в хлеб различные «дары леса». В самом начале исследования мы ставили вопрос: был ли голод причиной соснового хлеба? Автору думается, что в некоторой степени да, но совсем не в том масштабе, как это описывают путешественники. Скорее всего, это был не голод, а нехватка зерна из-за неурожая и трудности его доставки из других районов, а также его дороговизна, в связи с чем, делались запасы древесной коры. Дело в том, что даже в зажиточных домах, где могли себе позволить купить хорошей муки, люди ели сосновый хлеб. Путешественники же в основном – люди ученые, столичные, из других районов, и, в большинстве своем «голубых кровей», не привыкшие к подобной пище, несколько негативно и с удивлением относились к этому блюду, и даже с некой жалостью к крестьянам, которые им питались. Но как раз для местного населения это была вполне обычная пища – национальная кухня.

Исследование показало, что сосновый хлеб выпекался чаще других суррогатных хлебов, к тому же упоминание его в источниках встречается намного чаще, чем хлеба с добавками березового луба и мха. В отличие от березовой коры, где луб снимается легче и в больших количествах по сравнению с сосновым, последний более приятен на вкус. Солома же не могла дать столько витаминов, к примеру, все знают о целебных свойствах

³⁹ Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии, Петрозаводск: Карелия, 1991, с. 157–158.

⁴⁰ Бергштроссер К. Опыт описания Олонецкой губернии, с. 58.

* Ингрия – Inkeri – обозначает эпический топоним, соотносимый с Ингермаландией, Ингрией, Ижорской землей русских летописей.

⁴¹ Леннрот Э., песнь 11: 55–60.

⁴² Бергштроссер К. Опыт описания Олонецкой губернии, с. 53–54.

вах отвара из хвои, который богат витаминами С и А. А мох, хоть и легко собирать, нужно долго вымачивать в воде для употребления его в пищу – очень длительный процесс. Видимо к нему прибегали в каких-то особых или крайних случаях, т. к. он наиболее редко где-либо упоминается и для частого употребления в пищу такой вариант не выгоден, к тому же по своим вкусовым качествам он уступает сосновой коре.

Некоторые кусочки хлебов были исследованы в лаборатории хлебокомбината г. Петрозаводска, где выяснилось, что сосновый хлеб почти не уступает по калорийности обычным магазинным хлебам. Только вот потраченных усилий и трудов на его выпечку требуется намного больше, чем на пшеничный хлеб.

В качестве итога исследования можно сказать, что эксперимент удался. Из немногочисленных источников удалось вывести общий процесс выпечки хлеба из сосновой коры по стадиям – шаг за шагом. Какого-то единого рецепта выпечки сделать не удалось. Но как показывают источники, в каждой деревне существовали свои пропорции добавок, даже если населенные пункты были расположены недалеко друг от друга. Тем не менее, самым оптимальным вариантом показалось пропорция 1/3 древесной муки к 2/3 обыкновенной.

Если говорить о весеннем сокодвижении деревьев, то оно никаким образом не влияет на какие-либо вкусовые качества выпечки. Но именно весной луб заготавливать легче всего. Осенью, когда луб плотно пристает к дереву, существует хороший способ отделить его от дерева при помощи кипятка.

Исследование на этом не закончено, т. к. собранный материал по различным выпечным изделиям с различными составляющими, а также хлебу из соломы необходимо подтвердить на практике и продолжить экспериментом.*

*Мамонтова Н. Н.,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН*

Село Виданы: история и современность

Виданы – старинное карельское село, расположенное в живописном месте по обоим берегам реки Шуи (южной), в 25 км от ее впадения в Онежское озеро. Это было первое карельское поселение среди множества деревень в низовьях Шуи. По данным «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, «... берега Шуи были слабо заселены в ее верхнем и среднем течении, но в нижнем, близ устья, расположены многочисленные деревни. Население верст на двадцать от устья реки русское, а выше – сплошь карельское»¹.

Одно из первых упоминаний о Виданах содержится в Писцовых книгах XV–XVI вв.: «деревня на Видени», «... на Ведени», «... на Видоне», «... на Видане»². Столь разное написание названия одного и того же поселения свидетельствует о трудностях, с которыми сталкивались русские писцы при передаче карельских названий на русском языке. Следует заметить, что карельское название поселения Viidan, Viidanankylä (kylä ‘деревня’) происходит от словосочетания viidoin al, в переводе «под ельником» (ср. дер. Подельники в Заонежье).

Виданский куст поселений объединял деревни: **Нижние Виданы** – Ala-Viidan, Alaižagd'(e) (в переводе: «Нижние Виданы», «Нижний конец»); **Верхние Виданы** – Ülä-Viidan, Üläižagd'(e), Ül'ägd'(e), Ülägd'iänkülä («Верхние Виданы», «Верхний конец»), а также **Кузьминская, Кузьминки; Антушевская** – Ül'it'si, Ül'ič(č)ji («через реку», т. е. на другом берегу реки); **Погост, Погостская** – Pogoste, Pogostankülä или **Вячурга** – Viäčurd'e, Viätsür'd'e³.

Ближайшими соседями жителей Видан издавна были, с одной стороны, русские, а с другой – карельские. Такое пограничное положение не могло не сказаться на судьбе этого поселения, особенно после основания Петром I в 1703 году города Петрозаводска в 24 км от него.

Следствием трехсотлетних контактов русского населения и данной группы карелов (карелы вывозили на продажу в город продукты своего труда, находили в нем работу, мужчины призывались на военную службу и т. д.) явилось постепенное обрусение их. Особенно сильно русское влияние сказывалось после революции 1917 года. В период советской власти интенсивно велись славянские работы на реке Шуя, коллективизация, обучение карельских детей в школе только на русском языке, переселение части жителей села Виданы в результате политических репрессий 1930-х годов, эвакуации и проживания их в годы Великой Отечественной войны в Архангельской и других областях и регионах бывшего СССР среди русскоязычного населения – все это, несомненно, способствовало утрате данной группой карелов своего родного языка. Уже в довоенный период и особенно после войны многие из здешних карелов были двуязычными (в разной степени двуязычия).

* В заключении хотелось бы поблагодарить за помощь и советы в ходе эксперимента Жульниковых Александра Михайловича и Светлану Николаевну, Александрову Нину Егоровну, Тони Съёстеда, а также клуб экспериментальной археологии и этнографии и КРОО «Центр первобытных технологий».

¹ Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. X. СПб., 1904. С. 26–27.

² Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 114, 115, 120.

³ V. Nissilä. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. SUST144. Helsinki, 1967. S. 16, 93, 94.

При этом имели место многочисленные заимствования из русского языка на всех языковых уровнях (фонетика, морфология и особенно лексика) для обозначения, передачи новых явлений советской действительности. Следует отметить также, что карельский язык до недавнего времени (до 1989 г.) был бесписьменным, несмотря на неоднократные попытки создания письменности в 1930-е годы (и ранее). Обучение карельских детей в Карелии в те времена велось или на русском или на финском языках. Являясь бесписьменным, карельский язык не мог в полной мере отвечать требованиям нового времени. Это приводило к тому, что молодое поколение карелов воспринимало свой родной язык как непрестижный, неперспективный⁴.

На процесс обрусения виданских карелов существенно повлияло и возникновение в послевоенный период (в 1947 г.) всего в четырех км от Видан крупного рабочего поселка лесозаготовителей Чална (Čalnanpos'olke) Шуйско-Виданского леспромхоза, где проживали и проживают русские, карелы, финны, белорусы, представители других национальностей, языком общения которых являлся и является русский. В самом селе Виданы в 1970-е годы было создано отделение совхоза имени Зайцева, преобразованное затем в бригаду Опытного производственного хозяйства (ОПХ) «Вилга».

О процессе постепенной ассимиляции виданских карелов свидетельствуют и данные переписей, проведенных в 1926, 1933 и последующих годах. Согласно им, на территории Виданского сельсовета в указанных выше деревнях карелы составляли абсолютное большинство жителей: в 1926 г. – 682 из 737 (русских – 34, прочих национальностей – 21), в 1933 г. – 325 из 462 (русских – 63, прочих – 68)⁵; по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 года, в двух деревнях Виданы и Нижние Виданы, сохранивших к этому времени свой статус, но входивших уже в состав Чалнинского поссовета, постоянных жителей числилось соответственно 408 и 38 человек, в том числе карелов 31 % и 55 %.⁶

И все-таки еще 30–40 лет назад, в 70-е годы прошлого столетия, виданские карелы старшего и среднего поколения, будучи двуязычными, предпочитали общаться между собой на карельском языке. Позже, когда многие из них ушли в мир иной, их взрослые дети и внуки уже не говорили по-карельски. К настоящему времени в селе Виданы фактически не осталось карелов, свободно говорящих на своем родном карельском языке, его людиковском диалекте.

В связи со всем сказанным нельзя не упомянуть еще об одной особенности современной жизни населения с. Виданы. В постперестроечный период в Республике Карелия, как и по всей стране, начался и успешно идет процесс возрождения национального самосознания, языка и культуры коренных малочисленных народов, к которым, безусловно, можно отнести и карелов. Развивается письменность на карельском языке, он преподается в ряде детских садов, школ и в двух вузах Карелии. Готовятся преподавательские кадры, ведутся передачи на карельском языке по радио и на телевидении, создаются творческие коллективы и поддерживается их деятельность, издаются книги и две газеты «Vienan Karjala» и «Oma tuua».

Однако все это делается в основном только для двух групп карельского населения: собственно карел, проживающих на севере Карелии, и южных, олонечких, карелов-ливвиков. Данные процессы менее всего коснулись карелов-людиков, а именно их представители проживают в селе Виданы, а также в ряде других населенных пунктов на территории Пряжинского и Кондопожского районов. Исключением является лишь село Михайловское – Kuujärvi на юге Карелии в Олонецком районе. Что касается всех остальных групп людиков, то их судьба не столь благостна. Причиной тому, видимо, является относительная малочисленность людиков и их разобщенность, а также отсутствие специалистов, владеющих этим наречием карельского языка, способных объединить носителей его разных говоров.

Предпринимаются попытки возрождения языка и культуры виданских карелов. Хор из 8 человек «Mejän rajо» («Наша песня»)⁷ существует около 10 лет. В детском садике создана карельская горница, велось обучение карельскому языку, но на ливвиковском диалекте. Начиная с 2001 года, проводились несколько раз летние праздники для жителей Видан с их участием и приглашением хоровых и музыкальных коллективов из других карельских поселений, однако и с этим возникают определенные трудности, так как всё карельское не воспринимается нынешними жителями Видан как свое родное. Многим из них совершенно непонятно, о чем поют, что говорят на этом карельском языке.

К сожалению, наблюдается явная утрата национальных, карельских (этнических) традиций в этом «подгороднем» месте. Они оказались утраченными здесь раньше и в большей степени, чем у других групп карелов. Создается такое впечатление, что в свое время современными жителями Видан опыт и традиции их отцов и дедов не были усвоены естественным образом, а искусственно воссоздаваемые в настоящее время уже не воспринимаются ими как свои, родные, а потому необходимые.

Изменился не только уклад жизни этого некогда процветающего карельского села, но и его статус⁸ и внешний облик, по которому трудно определить, село это, поселок или деревня. В центре Видан по соседству

⁴ Е. И. Клементьев. Развитие карельской письменности. Языковые процессы в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 193–200.

⁵ Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928; Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник 1. Сельские населенные пункты Карельской АССР. Петрозаводск. Апрель 1990 г. (Госкомстат РСФСР. Карельское республиканское управление статистики).

⁷ По-людиковски (по-видански) правильнее было бы «Meiden rajо».

⁸ В справочнике «Республика Карелия. Административно-территориальное устройство» (Петрозаводск, 1996) н. п. Виданы записан как деревня, а не село (как раньше).

со старым клубом (бывшей Спасо-Преображенской церковью), недавно сгоревшим, в 1960–1970-е годы были возведены два каменных двухэтажных восьмиквартирных дома, чуть поодаль – еще три двухэтажных четырехквартирных каменных коттеджа. В Виданах есть современный, также каменный, правда, небольшой сельмаг, пока еще функционирует выстроенный в те же годы каменный уютный одноэтажный детский сад, но детей в нем немного. В постперестроечное время была продана, пришла в негодность и исчезла с лица земли двухэтажная деревянная школа-семилетка (немногочисленные школьники уже давно обучаются в Чалнинской средней школе). Наряду с жилыми, многие деревянные дома используются как дачи и соответствующим образом перестраиваются, другие дома постепенно ветшают и разрушаются. Одновременно растет число частных

коттеджей. Предпринимались попытки возродить разрушенную в 1980-х годах почти до основания часовню Святого Николая (Pyhä Mikulančasovn'e) – памятник архитектуры XVIII века, находившийся под охраной государства (о чем свидетельствовала табличка на стене часовни), однако почему-то уже под другим именованием: Петропавловская. Это лишний раз свидетельствует о недостаточном знании своей истории, истории своего села нынешними его 60–70-летними коренными жителями, не говоря уже о более молодом поколении и приезжих. Следует отметить, что в начале XX века в Виданах было две церкви: Никольская и Спасо-Преображенская (с 1895 г.)⁹. По всей вероятности, под

Никольской имеется в виду часовня Святого Николая на правом берегу Шуи, а Спасо-Преображенская была на левом берегу, на погосте, в центре села. В ней после ее закрытия 08.08.1935 г.¹⁰ располагался клуб. На селе имеют место и такие явления, как пьянство и все, что с этим связано.

Такова на сегодня ситуация в старинном карельском поселении Виданы. Оно живет, но живет какой-то особенной жизнью, почти никак или недостаточно связанной с его прошлым. Исчезают национальный колорит и национальный дух села. Поэтому нельзя не отметить старания нескольких энтузиастов, пытающихся возродить и поддержать старые традиции своих отцов и дедов. К великому сожалению, у этих энтузиастов пока нет последователей из молодых односельчан, нет ни школы, ни клуба, которые могли бы стать своеобразными центрами, объединяющими людей инициативных, равнодушных, по-настоящему влюбленных в свой край, свою малую родину, помнящих о тех, кто здесь жил, трудился на этой милой сердцу Виданской земле, кто мог бы передать все лучшее, что было, новым поколениям.

Было бы несправедливо не вспомнить тех, кто преумножал славу этого старинного карельского села. В «Книге памяти» Карелии среди погибших на полях сражений в Великой Отечественной войне упомянут уроженец Видан Окулов Иван Петрович. Достаточно известно и имя добровольца Полины Николаевны Георгиевской, служившей в контрразведке на Ленинградском фронте во время Великой Отечественной войны, знаменитой в свое время лыжнице – чемпионке Карелии. В послевоенный период она вела большую работу по воспитанию молодого поколения в школьном музее 9 средней школы г. Петрозаводска. Ее имя упоминается в книге «Чекисты карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹¹

На трудовом фронте в свое время гремело имя знатного картофелевода Карелии механизатора Семеновича Арсения Михайловича, кавалера орденов Ленина, Октябрьской революции, Красного Знамени, неоднократного участника и лауреата республиканских и всесоюзных выставок достижений народного хозяйства. Достаточно известен и еще один житель Видан, трудившийся на лесобирже п. Чална, и также неоднократно отмеченный правительственными наградами Виктор Михайлович Савинов. Оба эти замечательных труженика не являются уроженцами Видан. Они проходили воинскую службу неподалеку от

села и, познакомившись с местными девушками, нашли здесь свою любовь, женились, выстроили дома, воспитывают детей, внуков и сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, продолжают жить и трудиться на ставшей им родной виданской земле. Достойны упоминания и другие более или менее известные семьи жителей Видан, проживающих ныне в Петрозаводске и других населенных пунктах Карелии и за ее пределами (Алексеевы, Акимовы, Рябевы, Шляккиевы, Березины, Гуркины и др.). История бывшего карельского (в этническом, а не в географическом понимании) села Виданы продолжается в их детях и внуках. Об этом писал в свое время и продолжает писать в местной периодической печати житель поселка Чална, бывший преподаватель в Видан-

⁹ Олонецкая епархия: страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 221.

¹⁰ Детчурев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С. 177.

¹¹ Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск: «Карелия», 1988. С. 246.

ской школе, ветеран Великой Отечественной войны, орденосеца, заслуженный учитель КАССР, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин Республики Карелия Симакин В. Г.¹²

Таковы история и современность старинного карельского села Виданы.

Кондратьев В. Г.,

Музей истории народного образования ГОУ РК ИПКРО

Была ли школа конца XVIII – начала XIX века бессловной?

Введение

Вопросы истории народного образования в Карелии представляют значительный интерес для любого исследователя. Ряд исследователей, как дореволюционного периода (А. С. Воронов, Н. К. Чуков, Т. В. Леонтьев и др.), советского периода (А. И. Афанасьева, Н. К. Кучепатов, П. В. Иванов и др.), так и современных историков (О. П. Илюха, А. М. Пашков, Э. Д. Степанова, В. Г. Баданов) затрагивают различные проблемы. В последнее время исследования по вопросам истории народного образования приобретают целенаправленный характер, акцентируя внимание на различных аспектах. О. П. Илюхой уже в текущем году опубликована монография, посвященная школе и детству в дореволюционной Карелии. Ею переработан значительный массив литературы и архивных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. Как в КГПУ, так и в ПетрГУ в последнее время защищены целый ряд диссертаций, связанных с историей образования и педагогики. Вместе с тем, остается и ряд частных вопросов, которые представляют значительный интерес, но не нашли еще адекватного отражения в историографии. Мне представляется важным попытаться прояснить ситуацию о бессловности учебных заведений в конце XVIII – начале XIX века. Вопрос, конечно же, требует более системного исследования и данная работа является лишь попытку рассмотреть его в первом приближении.

Автор рассматривает, вынесенный в заголовок работы вопрос в основном на примере одного учебного заведения Олонецкого уездного училища. Некоторое место в работе отводится также Главному народному училищу и, сменившей его, Олонецкой губернской гимназии в первые годы ее существования. На примере первых лет деятельности Олонецкого уездного училища, которое в соответствии со школьной системой, сложившейся в указанный период было звеном, позволяющим продолжить образование, мы можем убедиться, что доступ к среднему и, в конечном счете, к высшему образованию, был доступен для разных сословий.

Бессловное образование: миф или реальность

Вынесенный в заголовок вопрос не является праздным. Изучая историю педагогики и образования, мы непременно обращаемся к двум документам – «Уставу народным училищам в российской империи» (1786) и «Уставу учебных заведений, подведомых университетам» (1804). Характеризуя первый документ, Б. И. Краснобаев пишет: «Училища назывались народными, но были открыты только в городах. Поэтому основная масса народа, т. е. подавляющая часть крестьянского сословия, не могла учить в них своих детей уже по этой причине, не говоря о других. Окончание главного народного училища не обеспечивало равных возможностей для продолжения образования или поступления на службу представителям разных сословий»¹ Однако даже официальные документы свидетельствуют о том, что руководство Олонецкой губернии проявляло заинтересованность в том, чтобы дать образование людям простого звания. Так генерал-губернатор Т. И. Тутолмин предписывает вице-губернатору Н. А. Вердеревскому: «...елико возможно большее число детей мастеровых, достигнувших удобные к учению леты, определить в народное училище».² Такое пожелание генерал-губернатора, безусловно, было продиктовано желанием обучать детей мастеровых на более высоком образовательном уровне в связи с достаточно современным уровнем производства на Александровском заводе. Отметим, между прочим, что и для детей уездного дворянства, обучение в главном народном училище (с 1808 – в гимназии) было проблемой, т. к. для этого надо было перебраться в губернский центр, где жизнь была намного дороже, чем в уезде. Говоря о небольшом количестве учащихся в Олонецкой гимназии уже во второй половине XIX века, инспектировавший гимназию чиновник Министерства народного просвещения А. Постельс указывает на 4 основные причины этого явления:

1. малое население города;
2. пренебрежение родителей образованием детей;
3. чрезмерная дороговизна на житейские потребности;

¹² Северный курьер. 1994. 4 сентября; ТВР-панорама. 1997. 28 августа; 2002. 14 августа; 2005. 3 августа.

¹ Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века / Б. И. Краснобаев. – М. – 1972 – с. 85.

² НАРК – ф. 37 – оп 5 – д. 15/70 – л. 268.

4. многие берут детей из гимназии до окончания курса.³

Все годы существования Олонецкой губернской гимназии полный ее курс закончили лишь 4 % учащихся. И этот факт объясняется не только сложностью учебной программы, но и, прежде всего, дороговизной жизни для учащихся, приехавших на обучение из уездов. Кроме того, родители полагали, что окончание полного курса совсем необязательно, для того, чтобы получить место в губернских и, тем более, уездных учреждениях.

Н. В. Христофорова, говоря об Уставе 1804 г., пишет: «По Уставу 1804 года дети крепостных крестьян в гимназии не принимались. Дети податных сословий (купцов, мещан, ремесленников, «свободных хлебопашцев»), поступающая в гимназию, должны были представить увольнительные свидетельства от общества, к которому были приписаны их родители. Окончание гимназии (и университета) не давало им, в отличие от дворян, права выбрать профессию по желанию».⁴ Все это совершенно справедливо, когда мы рассуждаем о центральных и южных губерниях России, где крестьянство было в массе своей крепостным, но не вполне точно отражает ситуацию на Севере России, где количество крепостных (как, впрочем, и дворянства) было относительно невелико. Крестьяне составляли основную массу населения Карелии, но существенно отличались от представителей своего сословия в других регионах России. О. П. Илюха отметила: «... у крестьян Карелии, не знавших крепостной зависимости, сформировалось высоко развитое чувство собственного достоинства, глубокое уважение к личности человека вообще и самоуважение в частности».⁵ Отсюда и различия в контингенте обучаемых, хотя и здесь, безусловно, среднее, а тем более, высшее образование было привилегией дворянского сословия. Путь в среднюю школу лежал по уставу 1786 через малые (уездные) училища, а по уставу 1804 через приходские – уездные училища, с преемственной программой обучения. А вот состав уездных училищ, дававших возможность продолжить дальнейшее образование в этот период был действительно **бессловным**. Изучая списки учащихся Олонецкого уездного училища конца XVIII века (НАРК, ф. 424, оп. 1), я обнаружил, что учились в этой начальной школе, дававшей право на дальнейшее получение образования, на самом деле представители разных сословий. Так в 1787 г. в год открытия училища в нем обучались 25 учащихся в возрасте от 6 до 19 лет, разного звания: крестьяне, купцы, мещане, дети чиновников.⁶ В 1795 г. среди 20 учащихся училища числилось: детей солдат – 5, чиновников – 7, купцов – 5, крестьян – 1, мещан – 2, а в 1797 г. из 15 учащихся было: детей солдат – 3, купцов – 3, чиновников – 5, крестьян – 1, мещан – 3.⁷ Следует отметить, что немногие, даже из детей чиновников могли продолжать обучение в главном народном училище (позднее в гимназии) по причинам, о которых говорилось выше. Еще одним важным моментом является социокультурный момент, отмеченный Г. В. Филоненко, который, в частности, пишет: «По социокультурным стандартам не только XVII, но и большей части XIX века, получивший образование и даже попросту овладевший грамотностью крестьянин, если только он не относился к культивировавшим дониконианскую церковную книжность старообрядцам, автоматически переставал быть крестьянином, как в собственных глазах, так и в глазах окружающих».

Для представителей высших сословий, в том числе и значительной массы дворянства, школьное образование также не представлялось чем-то совершенно необходимым».⁸ По-видимому, этим фактором объясняется, что среди учащихся Олонецкого уездного училища насчитывалось в первое время значительное количество незаконнорожденных – их отправляли в училище для того, чтобы доложить «по начальству», что набор в училище идет успешно (в 1787 г. – 10 незаконнорожденных,⁹ в 1788 – 12,¹⁰ в 1790 – 9¹¹). Но, имея в виду, указанный Г. В. Филоненко фактор, мы должны обратить внимание на то, что старообрядцы имели значительное влияние на население края и с конца XVII по середину XIX века беспрепятственно занимались здесь образовательной деятельностью и многие православные отдавали детей в учение старообрядцам, и именно старообрядцы наиболее уважительно относились к книжной премудрости, являясь одной из самых образованных групп населения. Традиционным было уважение к грамотным людям в среде поморов, составлявших значительную часть населения северной Карелии.

Олонецкая губернская гимназия ввиду ее малочисленности, дорожа каждым учеником до начала 1820-х гг. продолжала принимать на обучение людей «простого звания», но в 1822 г. влиятельный чиновник Александровского завода Александр Фуллон потребовал, чтобы прием детей мастеровых был ограничен двумя мальчиками. С воцарения на российском престоле Николая I образование в России, в том числе и законодательно, отходит от бессловного принципа, декларированного в 1786 г. и закрепленного в 1804 г. двумя первыми уставами школы. А. В. Овчинников отметил: «На всем протяжении правления императора Николая I активно внедрялась в сознание подданных мысль о необходимости сословного образования».¹² После принятия Устава 1828 г. прием детей низких

³ Постельс А. Отчет по обозрению гимназий Петрозаводской, Архангельской, Вологодской и Вятской и других учебных заведений Санкт-Петербургского и Казенского учебных округов с 15 февраля по 17 мая 1863 г. члена правления училищ Постельса. / А. Постельс. – СПб. – 1863 – с. 8.

⁴ Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII–XX веков / Н. В. Христофорова – М. – 2001 – с. 23.

⁵ Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. / О. П. Илюха – Петрозаводск – 2007 – с. 71.

⁶ НАРК – Ф. 424 – оп. 1 – д. 1/1 – л. 1–2.

⁷ НАРК – Ф. 424 – оп. 1 – д. 1/1 – л. 203–204.

⁸ Филоненко Г. В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX веков / Г. В. Филоненко – Воронеж – 2004 – с. 16–17.

⁹ НАРК – Ф. 424 – оп. 1 – д. 1/1 – л. 1–2.

¹⁰ НАРК – Ф. 424 – оп. 1 – д. 1/1 – л. 9–11.

¹¹ НАРК – ф. 424 – оп. 1 – д. 1/1 – л. 63–65.

¹² Овчинников А. В. Народное просвещение в годы правления Николая I. / А. В. Овчинников // Педагогика – 2003 – № 5 – с. 63.

сословий в гимназию должен был быть прекращен, а в 1831 г. последовало распоряжение начальства Петербургского учебного округа об исключении из гимназии всех детей мастеровых. И, тем ни менее, начальство Александровского завода, следуя указаниям о недопущении детей мастеровых в гимназию, вынуждено было открыть начальное училище для них в 1831 г., так как сложное заводское производство требовало определенного уровня знаний. В соответствии с положениями нового устава: «Особенная цель учреждения приходских училищ есть распространение первоначальных, более или менее всякому нужных, сведений между людьми и самых нижних состояний». С этого времени уделом детей мастеровых, крестьян, становится лишь начальная школа, а уездные училища предназначались для детей «купцов, ремесленников и иных городских обывателей», хотя и после принятия устава 1828 г. дети из «низких» сословий, проявившие особые успехи в учении, все-таки попадали в состав гимназистов. Следование сословному принципу было весьма затруднительным для Олонецкой губернии, так как дворянство никогда не составляло значительной прослойки населения. Наличие большого количества обедневших дворян-однодворцев, образ жизни которых мало отличался от жизни крестьян, делало Олонецкое дворянство даже не самым образованным слоем населения. Значительно больше грамотных людей было среди Олонецкого православного духовенства, а также среди старообрядцев, имевших на территории губернии важный образовательный центр – Выголексинское общежительство.

В 1825 г., судя по «Ведомости о состоянии учебных заведений Олонецкой губернии» Олонецкое уездное училище находилось в плачевном состоянии: в нем числится 1(!) учащийся.¹³ Вскоре, однако, положение дел несколько выправилось. Отметим, что достаточно демократичный состав учащихся Олонецкого уездного училища и в 1832 г. сохранялся. На 17 октября 1832 в училище насчитывалось 16 учеников, в том числе в 1-м классе – 7 (5 мещан, 1 незаконнорожденный, 1 солдат), а во 2-м классе – 9 (2 чиновника, 1 мещанин, 6 солдаты).¹⁴ Однако ситуация с дальнейшим продолжением образования значительно изменилась. Учебные планы приходских и уездных училищ и гимназий были слабо согласованы, что затрудняло поступление в гимназии. Еще одним препятствием для обучения детей «нижнего состояния» в гимназиях была высокая плата за обучение.

Заключение

На основании приведенных нами данных о сословном составе учащихся Олонецкого уездного училища, мы можем сделать вывод о том, что на первом этапе развития государственной общеобразовательной школы (1786–1804), данное училище, позволявшее продолжить образование, было реально бессословным. Следует отметить, что, судя по данным архивного фонда, крестьяне, тем ни менее не составляли сколько-нибудь значительной группы среди учащихся училища. Этот факт объясняется тем, что учебное заведение находилось в уездном городе и, следовательно, родители должны были устроить ребенка на проживание. Примечательно, что уже после утверждения сословного Устава 1828 г., училище по-прежнему остается бессословным, о чем свидетельствуют данные о составе учащихся на 1832 г.

Мы также упомянули и о том, что и доступ в главное народное училище-гимназию до принятия Устава 1828 г. не был затруднен для представителей разных сословий. Причины этого состояли в следующих моментах:

1. Дворянство не составляло значительной прослойки, как в Центре России;
2. Сложное производство на крупнейшем предприятии – Александровском заводе требовало определенного уровня знаний;
3. Люди «низших сословий» (крестьянства, прежде всего) отличались большей независимостью и чувством собственного достоинства.

По-видимому, для лучшей проработки вопроса, затронутого в этом материале, потребуется значительная научно-исследовательская работа. Но уже из приведенных материалов можно сделать вывод о бессословности школы в рассматриваемый период.

Архивные источники: НАРК, ф. 17, оп. 10, д. 1/1, л. 1–2; ф. 37, оп. 5, д. 15/70, л. 268–269; ф. 424, оп. 1, д. 1/1; ф. 17, оп. 5, д. 2/8, л. 324.

Литература

1. *Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века / О. П. Илюха. – Петрозаводск – 2007.
2. *Краснобаев Б. И.* Очерки русской культуры XVIII века / Б. И. Краснобаев. – М. – 1972.
3. *Овчинников А. В.* Народное просвещение в годы правления Николая I / А. В. Овчинников // Педагогика – 2003 – № 5 – с. 61–67.
4. *Постельс А.* Отчет по обозрению гимназий Петрозаводской, Архангельской, Вологодской и вятской и других учебных заведений Санкт-петербургского и Казанского учебных округов с 15 февраля по 17 мая 1863 года члена правления училищ Постельса / А. Постельс. – СПб. – 1863.

¹³ НАРК – Ф. 17 – оп. 10 – Д. 1/1 – л. 1–2.

¹⁴ НАРК – Ф. 17 – оп. 2 – д. 2/8 – л. 324.

5. Филоненко Г. В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX веков / Г. В. Филоненко. – Воронеж – 2004.

6. Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII–XX веков / Н. В. Христофорова. – М. – 2001.

Сергеев С. П.,
Музей изобразительных искусств Республики Карелия

Графический портрет Екатерины II с греческой надписью из фондов Музея изобразительных искусств Республики Карелия

Гравюра А. Радига «Портрет Екатерины II», 1775, бумага, резцовая гравюра; 27,2x19; инв. № Г-336 (и Г-337) поступила в музей из Государственного Эрмитажа в 1962 году по акту № 456 от 9 октября.

На гравюре можно увидеть погрудное изображение Екатерины Второй в вертикальной овальной раме простых форм. Рама украшена: сверху – крупным бантом, внизу – лавровой и пальмовой ветвями. По овалу греческая надпись: 'ΑΙΚΑΤΕΡΙΝΑ Β. ΑΥΤΟΚΡ. ΠΑΣ ΡΩΣΣΙΩΝ. («Екатерина II – Самодержец Всероссийский»). Ниже – на подушке: корона, держава и скипетр. Подушка помещена на пьедестале с надписью на греческом языке. Изображение Екатерины несколько развернуто в левую сторону. Однако императрица, благодаря тому, что ее голова чуть обращена вправо, прямо смотрит на зрителя. Лицо открытое, губы тронула едва заметная полуулыбка. Прическа высокая, волосы зачесаны наверх и завиты на затылке. Два локона ниспадают на грудь. Левый из них вдвое длиннее и лежит на орденской ленте. На голове – ожерелье и корона с крестом, в ушах серьги, с каплевидными жемчужинами. Екатерина одета в открытое платье, край которого, украшенный кружевами, виден в гравюре. Сверху – слева направо – лента, а чуть правее – звезда Андрея Первозванного. На плечи накинута мантия, подбитая горностаем.

Под изображением – надписи. Слева: *Peint par V. Eriksen*. Справа: *Grave par A. Radigues Aggre de l'Acad. Imp. des Arts de St Peterb. 1775*.

Автором гравюры является малоизвестный художник – Радиг Антуан-Франциск (по-русски – Антон Яковлевич), который родился во Франции в 1721 году, а с 1764 – жил и работал в России. В 1765 году он поступил в Петербургскую Академию художеств, для обучения гравированию, затем преподавал в ее стенах, руководя гравировальным классом. Преподавать он начал, видимо, сразу после того, как получил в 1766 году звание «назначенного», но через некоторое время был уволен из Академии. Однако в 1785 году вторично поступил туда на службу, а в 1794 году получил звание академика на портрет И. И. Бецкого с оригинала А. Рослина и звание советника академии художеств. Преподавателем он оставался до 1795 года. Уволен был, скорее всего, вследствие возраста, ведь ему было тогда 74 года. И все же Академия не забыла своего сотрудника: в 1804 году Радигу была назначена пенсия по 200 р. в год. Умер Антон Яковлевич Радиг в России 20 июня 1890 года по старому стилю.

За основу гравюрного изображения был взят живописный портрет известнейшего в России того времени мастера Вигилиуса Эриксона, бывшего, к тому же, придворным живописцем Екатерины II. Эриксен был крупным датским художником. Он родился и умер в Копенгагене (2 сентября 1722 – 24 мая 1782 по старому стилю). В 1757 году приехал в Петербург и написал портрет императрицы Елизаветы Петровны. А в 1762 году стал придворным живописцем Екатерины II. С этого времени он исполнил множество портретов самой императрицы, членов ее семьи и ее фаворитов. Эриксен обладал значительным, но не блестящим дарованием. Не допуская идеализации и произвола в толковании образа, он писал сухо, можно сказать, без «божьей искры». Как ин странно, но Екатерине II нравились его портреты, о чем она рассказывала в своих письмах М. Гриму. Условия его творческой деятельности были самыми благоприятными. По свидетельству Я. Штелина, Эриксен не состоял на жалованье, а «заставлял оплачивать каждую картину особо». Однако все же в 1772 году ему пришлось вернуться на родину и стать придворным живописцем королевы Юлианы. По всей видимости, соперничество с таким блестящими мастерами как Ф. С. Рокотов и Д. Г. Левицкий давалось

ему с трудом, что и заставило датского живописца покинуть Россию. (В большей степени это видимо касается Левицкого, так как Рокотов довольно редко писал портреты царствующих особ).

В гравюре живописный портрет Эриксона (автор статьи его не нашел) был радикально переработан Радигом в композиционном плане. Видимо по этой причине в «Словаре гравированных портретов А. Д. Ровинского» он

известен под наименованием «Тип Эриксен-Радиг», и датирован 1775 годом. Далее в «Словаре» поясняется и цель создания гравюры. Написано дословно следующее «При книге: «Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения; переводъ съ франц. на прост. Греч.; напечат. съ русск. подлинника Евг. Булгарисомъ СПб 1771». Таким образом, портрет предназначался для иллюстрации издания с текстом «Наказа» императрицы

Екатерины II комиссии по созданию «Нового уложения», написанного на новогреческом (простонародно-греческом) языке, для которого, в настоящее время употребляется термин – димонтика, известным греческим просветителем и религиозным деятелем того времени Евгением Булгарисом.

Тут необходимы некоторые пояснения. Прежде всего «Новое уложение» в данном контексте означает Свод законов – своего рода Основной закон Российской империи. Далее: нас не должно смущать то обстоятельство, что иллюстрация к книге была выполнена на 4 года позже ее первого выхода в свет – книга выходила и позднее; для этих изданий и выпускалась иллюстрация. Факт выхода «Наказа» российской императрицы для людей, ломающих голову над улучшением российского законодательства, на французском, немецком, итальянском, польском и латинском языках, в общем-то, понятен. «Наказ» Екатерины был призван потрясти «передовую Европу» своей смелостью и создать образ «просвещенной правительницы» идущей в ногу со временем. Однако перевод «Наказа» на новогреческий язык, представителем ученой элиты Греции – явление в высшей степени показательное. Он говорит о том, как внимательно присматривались и с какой надеждой смотрели порабощенные Турецкой Портой православные славянские, романские и греческие народы на Россию, ожидая именно от нее реальных и активных действий по их освобождению. А политика России в этом направлении была последовательна и однозначна; она не давала никаких сомнений в искренности намерений по освобождению от турецкого ига братских славянских, да и других православных, народов Балкан.

Зрели силы сопротивления и на самих Балканах. В Греции, да и в других регионах Османской империи, богатели и прибирали к рукам экономическую власть греки-купцы, отдавшие часть своего состояния поддержке слою местных ученых-просветителей, крупнейшим представителем среди которых и был Евгений Булгарис.

Отец Евгений, как чаще упоминался Евгений Булгарис, родился на острове Корфу. Он бал болгаринином по происхождению, о чем и говорит его фамилия. Приняв монашество, Евгений поступил в падуанский университет, где изучал латинский, итальянский, французский и еврейский языки и литературу; а также математику. С 1742 года он занимал должность учителя в различных городах Македонии, в Константинополе и на Афоне, а затем был проповедником в Венеции. Уже в зрелом возрасте посещал несколько лет Лейпцигский университет. До 1767 года были изданы следующие труды Булгарис: «Исповедание веры православной апостольской церкви», «Логика, из древних и новейших собраний», «начальные основания математики». Эти сочинения долгое время служили учебниками для греческих училищ и доставили автору славу первого педагога возрожденной Греции. В 1767 г. патриарх константинопольский ввел его во звание «реферндария вселенского апостольского престола константинопольского». В 1768 г. Булгарис издал сочинения византийских историков Никифора Вриенния и Феодора кирского. Ученые труды Е. Булгариса стали известны Екатерине II, которая поручила ему перевести с французского на новогреческий ее «Наказ». Предоставив свой перевод (вышел в 1771 г.), Евгений выразил желание принять российское подданство. Императрица согласилась и назначила его своим библиотекарем. В течение четырехлетнего пребывания на этой должности Булгарис начал, по желанию Екатерины II, перевод «Энеиды» и «Георгики» Вергилия на греческий язык гексаметром. Кроме того, он написал исследование – «Догадки о критических обстоятельствах Оттоманской порты» и несколько стихотворений на новогреческом языке. В 1775 г. Екатерина II назначила Евгения Булгариса архиепископом в только что учрежденную в России епархию Славянскую и Хорватскую. В 1779 г. Евгений был уволен «на покой», но продолжал писать на греческом, латинском и итальянском языках. Среди его трудов любопытно назвать следующее: «О наилучшем воспитании Александра и Константина Павловичей» (1784), «На каком языке говорили древние сарматы» (1785), «Как униатов воссоединить с православной церковью», «Церковная история первого христианского века», «Плоская и корпусная геометрия Такетова с примечаниями Вистоновыми», «Мнение философов о природе вещей», «Метафизика, содержащая отнологию, космологию и психологию». Если к этим исследованиям присоединить еще его труды и переводы прошлых лет, среди которых: «Основания метафизики и физики, избранные из разных писателей», «Введение во всеобщую историю» Горния, «О разуме человеческом» Локка, «Арифметика Волфьева и Архимедовы теоремы», «Начальные основания алгебры и аналитики», «О действии к пользе музыки», то можно лишь удивляться широте научных интересов Е. Булгариса и его разнообразной, столь необходимой России того времени, просветительской деятельности.

«Наказ комиссии о проекте нового Уложения» (Наказ Екатерины II) был напечатан в 1767 году, а в 1768 дополнен двумя – 21 и 22 главами. В 1767 г. вышло русское и немецкое издание, в 1768 г. – русское, в 1770 – русское, латинское, французское и немецкое. Позднее «Наказ» издавался на новогреческом, итальянском и польском языках. «Наказ», переведенный на новогреческий язык, вышел, как известно, в 1771 году. Полное его

название «Наказ еѣ императорского величества Екатерины II учреждению Комиссии о составлении проекта нового уложения, переведенный на общий нынешний греческий язык иеромонахом Евгением Вулгарисом». СПб типография Академии наук 1771 г. Полный текст «Наказа» был напечатан на русском и новогреческом языке и содержит XXII главы. Перевод на новогреческий язык был сделан Булгарисом с французского текста. В начале книги было помещено посвящение Екатерине II, написанное Стефаном Писаревым на русском языке. Перед текстом «Наказа» – посвящение Евгения Булгариса Екатерине II и его предисловие «К читателям» на новогреческом языке с переводом, сделанным С. Писаревым.

Вчитываясь в страницы «наказ» Екатерины, мы погружаемся в область российского законодательства, отражающего самую суть социально-экономической и политической обстановки в России того времени, характера и состояния общественной жизни, прав и обязанностей сословий, различных социальных и этнических групп, «разношерстной» Российской империи. Необходимость нового законодательства назрела давно. Дело в том, что Россия III четверти XVIII века еще жила по Закону, данному в свое время «тишайшим» самодержцем Алексеем Михайловичем. «Старое уложение» или «Соборное уложение» 1649 года называлось еще уложением Алексея Михайловича. Этот кодекс законов Русского государства был принят Земским собором в 1648–1649 годах после восстаний в Москве и других городах России. Над составлением его работала команда во главе с боярином князем Н. И. Одоевским. Источниками служили Судебник 1550 г., указанные книги Поместного, Земского, Разбойного и других приказов, коллективные челобитные московских и провинциальных дворян, посадских людей и т. д.; а также Кормчая книга (византийское право), Литовский статус 1588 года и др. Всего было 25 глав и 967 статей. Рассматривались вопросы государственного, административного, гражданского и уголовного права и порядка судопроизводства.

Естественно, что Россия начала 1770-х годов мало чем напоминала Русское царство 1649 года. Ведь прошло более ста лет, и из средневековой монархии Россия превратилась в абсолютистскую империю, подобную странам Западной Европы. Хотя за внешним фасадом европейского лоска все еще процветали старые феодальные, средневековые своей сути, порядки. Одним из самых ярких проявлений этих порядков было положение крестьянства (более 90 % всего населения России того времени), абсолютное большинство которого несли на себе гнет крепостного рабства. И все же потребность в создании нового свода Законов на основе Соборного уложения 1649 г. была вызвана уже произошедшими серьезными изменениями в социально-экономической структуре страны в связи с формированием абсолютистской монархии.

Нельзя сказать, чтобы предыдущие правители России не были обеспокоены отсутствием нового законодательства, отвечающего сложившимся жизненными потребностями страны. В течение XVIII века с этой целью в России работали 7 коллегияльных органов. Еще в царствование Петра Великого в 1700 г. была создана, в целях создания нового законодательства, «Палата о Уложениях» в составе 71 человек, во главе с боярином И. Б. Троекуровым. Проект был составлен со многими пропусками и требовательный царь его не утвердил. В 1714 году возникла комиссия во главе с сенатором В. А. Апухтиным. Комиссия успела подготовить лишь дополнения к отдельным главам Уложения 1649 г., которые так же не были утверждены царем. Работавшей в 1720–1727 годах комиссии было поручено использовать в данных целях законодательство Швеции, Лифляндии, Эстляндии. В 1725 году были подготовлены 4 части уложения (главным образом уголовные и, отчасти, по гражданскому судопроизводству), но и они не были утверждены. В дальнейшем, до Екатерины II комиссии по составлению нового уложения (Уложенные комиссии) создавались трижды, но результаты их деятельности были столь же неутешительны. В 1728–1730 годах – для систематизации указов и распоряжений правительства, созданных после 1649 г. В 1730–1742 годах комиссия, созданная из членов предыдущей комиссии и 2 членов от Юстиции и Вотчинной коллегии, обсуждали проекты уложений о суде и вотчинах. И, наконец, в 1754–1766 по предложению П. И. Шувалова была создана комиссия с целью: составить новое уложение в 4 частях. Но борьба придворных группировок парализовала работу комиссии.

Седьмая «Комиссия об уложении» 1767 года уже была созвана Екатериной II из представителей различных сословий России (кроме крепостных). Начало ей положил манифест от 14 февраля 1766 года о выборах депутатов. От государственных учреждений избрано 28 депутатов-дворян, от дворянского сословия – 189 депутатов (по одному от уезда), от городов – 216 (по одному от города), от черносошных и ясных крестьян 24 депутата, от однодворцев – 43 депутата, от казачества – 45 депутатов, от оседлых народов – 34 депутата. Всего было около 580 депутатов, из них высших сословий – ок. 450. Процедура выборов предусматривала составление наказов в «Комиссию по уложению». Общее их число, поданное от различных сословий, составляло около 1,5 тысяч.

Открытие «Комиссии по уложению» состоялось 30 июля 1767 г. в Успенском соборе в Москве (с февраля месяца 1768 года работа была перенесена в Санкт-Петербург) и сопровождалось чтением «Наказа» Екатерины II.

«Наказ» Екатерины II был своего рода философско-юридическим трактатом, изданным в качестве руководства депутатам «Комиссии об уложении» 1767 года. Он состоит из 22 глав и 655 статей государственного, уголовного и гражданского права, а также вступления, заключения и 2 дополнений. Фразеология просветительских теорий трактата (более 400 статей почти дословно заимствованы у Монтескье, Беккарни и др.) сочеталась с обоснованием необходимости самодержавия в России и рекомендацией барщины. Интересно, что до начала своего опубликования «Наказ» был обсужден и отрецензирован депутатами, собравшимися в Москве в Коломенском дворце. Екатерина выбрала из них «разных персон, вельми разномыслящих» и предложила им выслушать содержание «Наказа», предоставив право вычеркнуть из него все, что они найдут нужным. В ре-

зультате первоначальный текст «наказа» неоднократно исправлялся и был в сокращенном виде напечатан. Из текста выпали положения Екатерины об облегчении состояния крепостных крестьян, которые носили в известной мере прогрессивный характер. Так из 11 главы сняты упоминания об ограничении крепостного права.

Подготовительная работа «Комиссии об уложении» шла в 19 частных комиссиях. Общее собрание вел маршал-председатель. На 204 заседаниях не был обсужден до конца ни один вопрос, не принято ни одно решение, а основное время ушло на чтение наказов. При обсуждении крестьянского вопроса некоторые депутаты (от дворян – Г. С. Коробьин, Я. И. Козельский; от пахотных крестьян – И. Жеребцов; от государственных крестьян И. Чупров; от однодворцев – А. Маслов; от казаков – А. Алейников) смело критиковали крепостные порядки и выдвигали предложение об ограничении крепостного права, о передаче части земли в собственность из-под власти помещиков. Все это вызвало яростную критику дворянства. При объявлении русско-турецкой войны в январе 1769 года Екатерина распустила общее собрание комиссии. Частные комиссии еще работали до 1773 года. Штаты «Комиссии по уложению» не были распущены, еще долго существовал и статус депутатов, поддерживая остатки «демократических» иллюзий екатерининского «просвещенного абсолютизма».

Наказ Екатерины II никогда не имел силы действующего закона. Новое законодательство («Новое уложение») так и не было разработано. Россия продолжала жить по законам, данным Алексеем Михайловичем. Тем не менее, «Наказ» – являлся памятником исключительного значения. Он важен как первая попытка положить в основу законодательства выводы и идеи просветительской философии, он важен и по источникам, восходящим к трудам великих французских просветителей, непосредственно из которых исходила императрица; он замечателен и своим положительным содержанием. Даже в усеченном виде он казался настолько радикальным в Европе того времени – для той же Франции, что там его перевод оказался под запретом. Видимо по части «прав человека» в передовой и «просвещенной» Франции дела обстояли не намного лучше, чем в России.

Что касается надписи на пьедестале, то она, несомненно, обращена к Екатерине и, по всей видимости, является началом посвящения Евгения Булгариса русской императрице. Полностью текст перевести не удалось. Сложность состоит не только в грамматических трудностях новогреческого языка, но еще и в том, что не все строчные прописные буквы написаны греческим алфавитом (в котором написания некоторых букв также далеки от общепринятых), но часть звуков передана латинским алфавитом. Чем эти звуки отличны от тех, которые переданы соответствующими греческими буквами неясно, как и неясным, в этом случае, остается смысл подобных слов, составляющих около четверти надписи. Кроме того, возможны и грамматические ошибки при переводе надписи с книги на гравюру. Это может следовать из различного написания слова *Κρατίζης* (в надписи) и *Крати́ста* (в словаре русских гравированных портретов А. Д. Ровинского). Во втором случае, слово написано с ошибкой, так как буква «сигма» пишется как *ς* только в конце слова. В надписи поражает используемое при обращении к Екатерине повелительное наклонение. Видимо, текст содержит какие-то пожелания российской императрице. Толкование слов и содержания текста приводится в дополнении.

В заключении, хочется отметить тот факт, что ничем не примечательный на первый взгляд графический портрет императрицы Екатерины II малоизвестного гравера XVIII века оказался интереснейшим историческим документом, иллюстрирующим яркие страницы социально-правовой и внешнеполитической деятельности царствования Екатерины II, одного из самых значительных государственных деятелей в новой русской истории.

Литература

1. *Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского Библиографического словаря*, ч. I. А–Л. М. «Алма-Пресс» 2003. (репринтное воспроизведение издания СПб. 1897 г.).
2. *Большая энциклопедия*, т. IX. Четвертое издание С. Петербург, Товарищество «Просвещение» 1896 г.
3. *Греческо-русский и русско-греческий словарь* М. «Русский язык» 1998 г.
4. *Историческая энциклопедия*, т. 4. М. «Советская энциклопедия» 1963 г.
5. *Историческая энциклопедия*, т. 7. М. «Советская энциклопедия» 1965 г.
6. *Историческая энциклопедия*, т. 9. М. «Советская энциклопедия» 1966 г.
7. *Историческая энциклопедия*, т. 13. М. «Советская энциклопедия» 1971 г.
8. *Историческая энциклопедия*, т. 14. М. «Советская энциклопедия» 1973 г.
9. *Козаржевский А. Ч.* Учебник древнегреческого языка. М. «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина» 1998 г.
10. *Комиссия* о сочинении проекта Нового уложения с принадлежащим к тому приложениями. М. В. Сенатской Типографии у С. Селивановского 1809 г.
11. *Кондаков С. Н.* Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской академии художеств. Петроград. «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» 1914(?) г.
12. *Наказ* Ея Императорского Величества Екатерины Второй Самодержцы. Вопросы, данные Комиссии о сочинении проекта Нового уложения с принадлежащими к тому приложениями. М. В. Сенатской Типографии у С. Селивановского 1809 г.

13. *Наказ* императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под редакцией Н. Д. Чечулина С. Петербург. 1907 г.
14. *Наказ* императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения С. Петербург 1893 г.
15. *Подробный* словарь русских гравированных портретов, составленный А. Д. Ровинским, т. I, А–Ө, С. Петербург 1889 г.
16. *Ретроспективная* выставка «225 лет Академии Художеств СССР» Каталог выставки т. I. М. «Изобразительное искусство» 1983 г.
17. *Сводный* каталог русской книги XVIII века (1725–1800) М. 1962.
18. *Соловьев С. М.* Сочинения, т. XIV М. «Мысль» 1994 г.
19. *Энциклопедический* словарь, М. «русский Библиографический институт братьев А. и И. Гранат и К^о», т. 7. Седьмое издание (рубеж XIX–XX веков).
20. *Энциклопедический* словарь (репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона 1890 г.) т. 21, «ТЕРРА – TERRA» 1991 г.
21. *Энциклопедический* словарь, т. XI (ошибка – XXI) Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, С. Петербург, «Типо-Литография И. А. Эфрона» 1893 г.

Раздел 2

Историческая секция

*Иванова Л. И.,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН*

К вопросу об изучении свадебного обряда (по материалам первого фильма о карельской свадьбе)

Летом 2007 года сектор фольклора принимал участие в экспедиции, организованной совместно с финским обществом «Juminkeko». Первая часть ее была посвящена собиранию устно-поэтического творчества сегозерских карел. А вторая напоминала детективную историю, и ее можно условно назвать «Поиски следов свадьбы почти столетней давности». Ее целью было наиболее точно установить местонахождение домов жениха и невесты, проехать дорогой, которой свадебная процессия промчалась в начале прошлого века. В результате кропотливого изучения окрестностей Суоярви (а если быть точнее, деревни Kuikkaniemi, на месте которой сейчас находится дачный кооператив), деревьев, холмов, ладожского берега, сохранившихся зданий была реконструирована ландшафтно-архитектурная картина 1920 года. До наших дней сохранились всего два здания тех времен: лютеранская церковь, построенная в 1892 году, и один из домов, стоявших по дороге от дома невесты к дому жениха. Финские участники экспедиции (Маркку Ниеминен, Пекка Хутту-Хилтунен и другие) высказали мысль и просили донести ее до администрации г. Суоярви, что было бы неплохо именно в этом огромном доме создать историко-этнографический музей города, который стал бы центром изучения и сохранения национальной культуры. Тем более что хозяйка хочет его продать, а финской стороной сделано подробное описание природно-географических и архитектурных особенностей Куйкканиеми в конце 19-начале 20 века.

Данная экспедиция была организована в связи с выходом в Финляндии прекрасно оформленного издания «Häidenvietto Karjalan runomaila» («Свадебный обряд на земле карельских рун»), состоящего из DVD-диска и небольшой книжки.¹

Видеораритет 1920–1921 года представляет нам обряд карельской свадьбы, реконструированный в окрестностях г. Суоярви. Это первый фильм о народном ритуале и вообще первый финский полнометражный фильм, к тому же сопровождаемый музыкальным оформлением. Важно и знаменательно, что он был снят на карельской земле и о карельской свадьбе (в Фонограммархиве Института языка, литературы, истории хранится фильм о поморской свадьбе, снятый в середине 20 века фольклорно-этнографической экспедицией под руководством Д. Балашова).

Авторами идеи, которая возникла в 1919 году, являются такие финские исследователи как Akseli Gallen-Kallén, Alpo Sailo, Eino Leino, Eero Järnefelt, E. N. Setälä, Väinö Salminen, а так же Viljo Tarkiainen.

В июне 1920 года общество «Kalevalanseura» отправило в приграничную Карелию экспедицию в составе фольклористов и музыковедов U. T. Sirelius, Väinö Salminen, A. O. Väisänen и J. W. Mattila, непосредственно снимавшего фильм. Они остановились в красивейшем предместье г. Суоярви, в д. Kuikkaniemi. На земле торговца J. P. Trofimova построили сцену с карельским интерьером. Как известно, свадебный обряд проходит в двух местах: начинается в доме невесты и заканчивается у жениха. В качестве родного дома невесты выбрали красивейшее здание в деревне, известное под названием Bomban talo, которое в 1934 году был вывезено в Финляндию (Nurmes). Домом жениха был определен старейший карельский дом недалеко от деревенской часовни (оба эти здания не сохранились до наших дней). Затем начали подбор актеров, все они были непрофессионалами, жителями окрестных деревень. Роль невесты играла Lyyli Home из Куйкканиеми. Женихом выбрали Benjamin Trofimov. Матерью невесты стала Olga Tarjo, а отцом – Iivana Bomba. Из д. Лоймойла привезли известную плакальщицу Matjoi Plattonen, она часто причитала на различных песенных праздниках и получила имя Карельской матери (Karjalan äiti). В фильме она выступает плакальщицей невесты и знатоком обрядов, связанных со скотом. В деревне Moisenvaaga нашли знахарку по имени Outi, которая в фильме исцеляет от «maahista», болезни, приставшей к девушке в результате того, что она чем-то прогневала «хозяйку земли». Незабываемая роль досталась и 80-летнему Vasle Rötsä, который своим добродушием и длинной белоснежной бородой напоминает, с одной стороны, старого мудрого Вяйнямейнена, с другой – сказочного старичка.

Техника в то время была такова, что съемки велись только в облачную погоду, когда солнце было скрыто за облаками.

Следует отметить, что особую прелесть фильму придает музыка, которую Armas Launis написал специально для этого проекта с использованием народных мотивов. Это вообще первый финский фильм, насквозь пронизанный музыкой.

Премьера фильма с большим успехом прошла в Хельсинки 27 февраля 1921 года.

¹ Häiden vietto Karjalan runomaila. Helsinki. 2006.

Фильм (его продолжительность один час двадцать минут) состоит из двух частей. Титры даны на пяти языках: финском, шведском, английском, французском, немецком. Большинство эпизодов комментируется стихами калевальской метрики.

Целью фильма было не только отобразить на экране сам свадебный ритуал карелов, но и рассказать о повседневной жизни и быте народа, подчеркнуть красоту карельской природы.

Исследование свадебного обряда карелов нашло отражение в работах Р. Ф. Тароевой-Никольской, У. С. Конкка, А. С. Степановой, Н. А. Лавонен, А. П. Конкка. Непревзойденная широта и глубина познаний в этом вопросе отразилась в монографии Ю. Ю. Сурхаско «Карельская свадебная обрядность». Конечно же ни одна постановка не может полностью отразить весь свадебный комплекс, все детали обряда, изложенные исследователем (да и в жизни ни одна реальная свадьба не могла включить в себя все малейшие ритуальные действия, подробно описанные в книге; строго соблюдалась только основные звенья).

Свадебный ритуал сам по себе композиционно очень сложен. Как пишет Сурхаско Ю. Ю., «обряды не просто следуют один за другим – они органически связаны между собой: то переплетаются, сливаясь воедино, то снова разделяются, то совершаются обособленно, независимо один от другого, то исполняются синхронно; многие обряды, развиваясь, тут же переходят в другие или разрываются, чтобы продолжится затем в другой обстановке. Причем по мере приближения к кульминации – моменту выдачи невесты жениху – нарастает сложность обрядов и в наиболее ответственные моменты они сливаются в многоплановые комплексы. В начале же и в конце свадебного ритуала обрядам свойственна относительная простота» (Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 59).

Сам свадебный ритуал этнографы делят на три части, каждая из которых состоит из своего цикла обрядов: предсвадебный этап, собственно свадьба и послесвадебный этап. Фильм иллюстрирует первые две части, совершенно не касаясь послесвадебного этапа (к нему относятся обряды второго дня, первая совместная баня, гостеба молодых и др.).

Фильм начинается с пейзажного показа Ладожского озера, окрестностей Сортавалы и глубоко символической сцены... Мужчина (почему-то в костюме и шляпе – именно в таких деталях становится заметной вся постановочность фильма, желание авторов приукрасить повседневность) забрасывает рыболовные сети. И мы сразу же встречаемся с древней мифологемой: еще в рунах Айно лососем уплывает от Вяйнмейнена и он безуспешно пытается поймать себе в жены деву-рыбу. Рыбка – это одна из метафорических замен образа невесты и в свадебных причитаниях. В фильме рыбак символизирует жениха.

Следующая сцена открывается видом красивейшего и богатейшего дома невесты (в реальности дома семейства Бомбы), наличники, полотенца, балкон – все детали его украшены искуснейшей резьбой. Во дворе стоят многочисленные хозяйственные постройки, бегают девушки в ожидании сватов.

Далее идет знакомство с главными действующими лицами: невеста с по-девичьи непокрытой головой, длинной косой, с шалью на плечах показывает себя со всех сторон – именно она сегодня предмет ритуального торга. Хозяйка дома, неулыбчивая старушка в чепце, со сложенными на животе руками кланяется с экрана. Хозяин дома, крупный мужчина с окладистой бородой, улыбается нам с легким прищуром. И вот возникает еще один архетип: старушка с веретеном словно прядет нить новой жизни для невесты – это прообраз древней Парки, в руках которой нить человеческой судьбы.

Но вот послышались звуки бубенцов – едут сваты. С этого момента начинается непосредственно процесс сватовства. Мать зовет дочь печь пироги. Здесь невесте было важно показать все свои умения, ведь в те времена в первую очередь искали хозяйку-рукодельницу в дом. В этой сцене мы видим интерьер крестьянской избы, домашнюю утварь. Подметается пол лиственным веником, ставится на стол берестяная и глиняная посуда. Дочь замешивает тесто, отец что-то мастерит из лучины.

Входят сваты (как и было принято чаще всего, это мужчины), снимают шапки, крестятся. Считалось, что чем больше сватов и лошадей в свадебном поезде, тем богаче жених. Титры объясняют суть беседы: «Раньше ходили как чужие, теперь пришли свататься». Отец отвечает пословицей: «Suokoon Luoja niitä, vaan ei hallavuo- sia» (Посылай Бог сватов, а не голодных лет). Он явно рад гостям.

Невеста раскатывает сканцы. Мать накрывает белоснежной скатертью стол, стоящий под иконами в красном углу. Столу в народной традиции, в быту и обрядах придавали огромное значение. Как пишет Лавонен Н. А.: «Он являлся одним из сакрально отмеченных точек в крестьянской избе, ее своеобразным центром» (Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. П., 2000. С. 15). По мнению исследователя, стол у карелов в подавляющем большинстве случаев стоял у среднего окна самой сакральной фасадной стены напротив двери торцом к окну (а не как в фильме – в красном углу под иконами), причем обязательно вдоль половиц. В различных обрядах и ритуалах, особенно лиминальных, связанных с самыми важными, пороговыми, моментами в жизни человека, половицам придавалось важное магическое значение: они соотносились с дорогой в иной мир, поэтому не должно было быть никаких преград. А девушка, к которой сватаются, в случае ее положительного ответа вступала как раз в этот опасный переходный статус. Примечательно, что в фильме она подметает пол именно вдоль половиц, тем самым облегчая себе переход из девичьего статуса со «свободной воллошкой» в статус замужней женщины, из одного рода в другой. На стол, покрытый скатертью, в первую очередь ставится каравай хлеба и солонка. Следует отметить, что все эти предметы имеют огромное магическое значение. И каравай, и скатерть, которые будут на свадебном столе, невеста возьмет в дом мужа и в продолжении всей жизни будет использовать в магической практике: и как оберег, и как средство исцеления.

Далее в фильме на стенные крюки, у окон вешаются полотенца, украшенные вышивкой и кружевами. Они не только демонстрируют мастерство невесты, это опять же символ, оберег. По утверждению исследователей, они являются медиаторами, посредниками между миром живых и мертвых. Девушка тем самым как бы просит защиты у умерших родственников, становится под их покровительство, ведь именно культ предков является самым древним, он лежит в основе почитания многих духов-хозяев, в том числе дома.

Начинают собираться гости. На экране возникают типажи один колоритнее другого: подруги и соседки, убеленный сединами босоногий старичок, бородатые мужчины. Отец жениха одаривает деньгами – это выкуп за невесту. Если деньги будут приняты, значит все в порядке. В красном углу под иконами сидят только мужчины, женщины – у печи, в женском углу. Родители спрашивают мнение дочери о женихе. Дочь согласна, деньги убираются отцом. В ответ мать невесты раздает подарки жениховой стороне, это изделия из льна. Подарки принимаются, сваты с гостями уходят.

Далее показан обряд, аналогичный современному бросанию невестой букета. К месту, на котором сидел жених, подбегает девушка и срезает со скамьи щепку – теперь именно к ней первой придут сваты. Затем подметают пол от двери к красному углу, а невеста бросает к столу поленья – в знак того, что сваты приняты и чтобы еще приходили к другим дочерям. Полено тоже присутствует во многих обрядах: это один из первых предметов, который приносят в новый дом; в Святки именно по нему гадают о характере будущего мужа и т. д.

В следующей сцене мать у гадалки узнает предстоящую судьбу дочери. Ведунья складывает в решето различные предметы: монетку, три куса хлеба, носовой платок. Затем водит по кругу иглой с ниткой и шепчет: «Скажи, жребий, не по моим мыслям, а что из гадания видно». Потом иглу с нитью втыкает в хлеб и, держа ее на вытянутой руке, вращает сито. Результаты гадания авторы фильма решили оставить в тайне.

Далее показан дом жениха, который, быть может, не столь красив, но, без сомнения, весьма зажиточен, Хлев и сараи пристроены к дому. Отец жениха демонстрирует свою материальную состоятельность отцу невесты, мимо них проходит большое стадо коров. На дверях хлева, чтобы защитить животных от различных напастей, дегтем нарисованы магические охранительные кресты.

Следующие эпизоды, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к свадебному обряду, но они пронизаны тем же чувством трепетной любви, только уже к родной природе. Мы видим на высоком холме деревенскую церковь, окруженную елями.

Nurmet alla, pellot paella,
Keskella kylä välillä,
Kylän alla armas ranta.

Луга внизу, поля повыше,
Посредине – деревня,
А под деревней – любимый берег.

С горы открывается прекрасный вид на озеро, заросшие цветами луга. Эти удивительные по красоте и своей бескрайности виды природы как бы символизируют будущую жизнь девушки в новом роду: согласно магии подобия семейная жизнь будет такой же прекрасной и продолжительной.

Huvärä tässä' on miesten olla
Armas naistenkin asua.

Хорошо здесь мужчиной быть,
Да и любимой женщине жить.

Новая сцена посвящена кануну свадьбы. Готовится последняя в родном доме девичья баня; этот обряд особенно важен в предсвадебном ритуале. Топили ее чаще всего подруги, дрова и воду носили с песнями, делали особый веник с вплетенными цветами, лентами. А затем девушки во главе с плакальщицей вели туда невесту, на протяжении всей дороги необходимо было причитывать – это было начало прощания с девичьей волей.

В последнюю ночь в родном доме невесту укладывают спать на самом почетном месте: в красном углу под иконами.

В день свадьбы мать с плакальщицей, причитывая, будят дочь и расспрашивают о виденном сне. Он полон тревожных предчувствий, ибо переход в новый статус замужней женщины полон опасностей, да и жизнь в чужом роду непредсказуема:

«Я спала на муравейнике,
Ходила по острию ножа.
С севера пришла черная туча,
Из которой пролился железный дождь.»

В следующей сцене действие переходит в дом жениха. Колдун-патьяшка при помощи магических предметов, кремня и огнива, высекает огонь. Затем он читает заговор, который должен уберечь жениха от сглаза, и дает ему обереги: гвоздь от подковы, медвежьей желчь и сакральные угольки, оставшиеся после курения ладана. В титрах слова:

Varjole, vakainen Luoja
Miesten mielijuohtehista,
Akkojen ajatuksista.

Береги, всесильный Творец,
От мужских дум,
От женских помыслов.

У дома невесты знахарка читает охранные заговоры, чтобы ничто плохое не переступило порог, самое опасное место в доме, отделяющее «свой» мир от «чужого».

Вторая часть фильма называется «Свадьба». Начинается основная, самая нелегкая и печальная для невесты, часть свадебного ритуала.

Mitenpä minunki mieli?
On kuin laaka lamminranta
Kuin syksyinen yö pimeä.

Отчего мои думы
Как низменной ламбы берег
Темны как осенняя ночь.

Невесту, у которой лицо завешено платком, по кругу (что само по себе во многих обрядах является оберегом), плакальщица с причитаниями водит по дому, останавливаясь у самых сакральных мест (порога, печи, подпола), чтобы заручиться покровительством предков, а потом подводит к большому углу, где сидят гости. Под игру кантеле молодежь начинает танцы, а невеста сидит на скамье и причитывает.

«Девичий стол», за которым сидят подружки невесты и поют, должен выкупить жених. Получив сладости, девушки уступают место гостям жениха. Они постилают на стол скатерть и ставят хлеб-соль, которые в качестве оберега будут взяты в новую семью. Родственники невесты раздают гостям жениха вышитые полотенца; мужчины повязывают их через плечо. Отец невесты бьет двумя лучинами об стену и двумя хлебами друг об друга: «Сделка скреплена!». Парность предметов тут неслучайна: она символизирует будущее единство супругов. Отцы через полу пиджака пожимают друг другу руки.

Далее следует обряд расплетания косы, означающий окончательное прощание с «девичьей волей»: подружки под причитания и плач невесты распускают ей косу и привязывают ленту на правую руку, а затем, проведя змейкой по всей комнате, подводят к жениху.

В следующей сцене плакальщица кладет на печной голбец (главное место обитания домашних духов) подушку и садит на нее невесту. Снова ей занавешивают лицо платком, и сначала отец, затем мать и другие родственники благословляют выдаваемую, трижды приложив каравай хлеба к ее голове. В данном случае каравай – это прототип иконы; у карел есть пословица: «Бог – глава на небе, хлеб – на земле».

Снова подружки с плакальщицей подводят невесту к жениху, она кланяется ему. Сват трижды приподымает ему шляпу. У невесты в руках тарелка с льняной салфеткой. Жених загибает по очереди углы салфетки, кладя на нее деньги, а затем убирает ее к себе в карман. Потом он трижды поворачивает невесту и, сняв платок, усаживает ее рядом с собой за стол. Весь этот многоступенчатый обряд проделывался с единственной целью: показать, кто будет хозяином в доме.

Между тем, во дворе идет веселье, танцует стар и млад. А в доме мать с отцом садятся посреди комнаты, на колени кладут вывернутый наизнанку тулуп (символ богатства и жизненной силы), к ним подводят дочь. Она (снова завешанная платком) опускается на колени, родители окутывают ее тулупом. Начинается прощальный плач, дочь просит прощения и одновременно благословения, ее пугает неизвестное будущее. Родители, рыдая, глядят и крестят дочь. Близится время расставания. Гости со стороны жениха перед уходом берут соль из солонки, чтобы ни злые духи, ни глаза завистников не могли навредить на обратной дороге. Жених подводит невесту для прощания с родителями.

Kiitän mä, iso, sinua
Entisistani eloista!
Kiitän mä, emo, sinua
Rinnoin ruokkieltuasi!

Я благодарю тебя, отец,
За прежнюю жизнь!
Я благодарю тебя, мать,
Грудью меня вскормившая!

Все выходят во двор для прощания. Колдун с топором обводит кругом свадебный поезд, трижды ударяет плетью перед первой упряжкой, в которой сидят молодые – чтобы в пути не приключилась никакая беда. Лошади помчались к дому: «Поймана уточка, курочка – подмышкой».

Следующая сцена снова несет в себе глубоко скрытый подтекст. Вся свадебная процессия на лодках подплывает к дому жениха. Водная дорога совершенно особая – это и путь в иной мир, в другой род; и путь получения информации и благословения предков. В реальной жизни можно было доехать на лошадях, но авторы фильма нашли гораздо более аллегоричный ход. Эпизод с веселым рыбаком, сети которого принесли двух щук, тоже символичен: эти рыбы – прообраз молодых.

Перед домом жениха в косые изгороди с двух сторон воткнуты дымящиеся факелы и солома: надо проехать через очищающий огонь. На крыльце дома свекровь осыпает молодых зерном, чтобы жизнь была плодотворной во всех отношениях. Теперь родные мужа по очереди благословляют молодых, трижды прикладывая хлеб к их головам.

Все заходят в дом. В кладовой невесте заплетают волосы в две косы и покрывают голову чепцом в знак замужества. Чтобы почтить духа-хозяина нового дома и завоевать его расположение молодая жена кладет на печь деньги. Затем пару еще раз благословляют хлебом и иконой – языческие корни переплетаются с православными верованиями.

В качестве эпилога показаны будни карельской деревни: как делали пожогу, жгли деревья, пахали землю.

Этот фильм бесценен несмотря на явную постановочность эпизодов, наигранность непрофессиональных актеров, желание соединить воедино разные ритуалы (непонятно почему в конец первой части вставлена довольно подробная сцена, как девушку излечивают от болезни, приставшей от «земли»), эпилог, не имеющий отношения к главной теме. Сам свадебный обряд представлен достаточно детализировано, со знанием малейших этнографических тонкостей. Подчеркнута его текучесть и взаимопроникновенность различных эпизодов ритуала. Много режиссерских находок. ярко отражен повседневный быт начала 20 века. Большим плюсом стали поэтические вставки из различных фольклорных жанров: рун, причитаний, заговоров. Фильм интересен не только для этнографов и фольклористов, но и для музыковедов, хореографов, архитекторов, историков. Он пронизан огромной любовью к родной земле и культуре.

Петрозаводский губернский батальон в системе местных войск России XIX века

Сухопутные войска России середины XIX в. представляли собой сложный механизм и состояли из полевой армии (армейские корпуса), отборных гвардейских частей, отдельных корпусов (таких, например, как Отдельный Финляндский корпус), Корпуса внутренней стражи, резервных и запасных дивизий, местных и вспомогательных войск. Последние представляли собой соединения различного состава, предназначенные, в основном, для службы внутри страны. Корпус внутренней стражи состоял из 53 гарнизонных батальонов и 865 инвалидных, этапных и прочих команд. Местные и вспомогательные войска включали в себя свыше сотни гарнизонных и лабораторных рот, размещенных в крепостях, а также осадные артиллерийские и инженерные парки, арсеналы, учебные, военно-рабочие и другие части.¹

Первоначально в Петрозаводске располагались две гарнизонные роты, которые 17 января 1811 г. были объединены во внутренний губернский полубатальон, который, в свою очередь, 27 марта того же года был преобразован в батальон. Эта дата (27 марта 1811 г.) и является официальной датой рождения Петрозаводского губернского батальона. С 14 июля 1816 г. он стал называться внутренним гарнизонным батальоном, с 13 августа 1864 г. – губернским батальоном, а с 26 августа 1874 г. – Петрозаводским местным батальоном.²

Под этим названием он и просуществовал до 1917 г., отметив в 1911 г. свой столетний юбилей.

Располагался батальон на берегу Онежского озера по Военной улице после больничного городка и углежогни. Батальонные казармы представляли собой здания для четырех рот и хозяйственные помещения. Техническое состояние их оставляло желать лучшего.

Так, в порядке об осмотре инспекторским смотром Петрозаводского губернского батальона 14 июня 1866 г. отмечалось, что «помещения нижних чинов вообще не соответствуют условиям хорошего расквартирования, по тесноте оных и недостаточности кубического содержания воздуха 1-я, 3-я, 4-я роты помещены сносно, но 2-я рота – в ветхом и сыром доме. Помещение мастерских батальона неудовлетворительно».³

В 1884 г. в г. Петрозаводск прибыл великий князь Владимир Александрович с супругой Марией. Он посетил батальонные казармы. Вследствие ремонта казарм, батальон стоял лагерем, в палатках. Осведомившись о том, что деревянные казармы зимой холодные, столовые тесные, рядом проходит скотогонный тракт, причиняющий поднимаемую пылью глазную болезнь чинам батальона, великий князь попросил сопровождающих его губернатора и городского голову принять соответствующие меры: «Прошу Вас, господа, содействовать к улучшению казарменной обстановки батальона, всякое участие Ваше к нижним чинам приму за выражение Вашего внимания ко мне».⁴ При этом отметил, что в случае приезда в следующем году непременно проверит изменения.

В июле 1885 г. великий князь Владимир Александрович действительно посетил Петрозаводск. Сразу после молебна, проведенного в соборе, он отправился в лагерь местного батальона, а оттуда в казармы, отремонтированные после осмотра прошлого года. Великим князем было отмечено, что «лагерь разбит на сухой и возвышенной местности, окруженной кустарником и вне вредного влияния северных ветров. Господа офицеры имеют хорошо устроенную общую столовую и библиотеку, а нижние чины обширную столовые и кухни, не уступающие соответственно постройкам лагеря Краснопольского».⁵

В чем же заключались обязанности Петрозаводского губернского батальона?

В царствование императора Александра I 16 января 1811 года появился указ, согласно которому губернские роты и уездные команды были переданы в Военное ведомство. Таким образом решалась двудеиная задача: дать пополнение армии и выделить силы для внутренних губерний, которые «будут отправлять все то служение, которое для охранения внутреннего спокойствия нужно, как-то: содержать при разных гражданских местах караулы, провожать и передавать... рекрутов, водить колодников и действовать по требованиям граж-

¹ Бестужев И. В. Крымская война М., 1956.

² «Олонецкие губернские ведомости», 27 марта 1886 г.

³ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 2/12 л. 1–3.

⁴ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. VII 1885 Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича и Государыни Великой Княгини Марии Павловны по Олонецкой губернии в 1884 г. с. 54.

⁵ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. VII 1886 Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича по Олонецкой губернии в 1885 г. с. 29.

данского начальства на поимку воров, истребление разбойников и восстановление нарушенного порядка в селениях».⁶

Попробуем раскрыть эти задачи на нескольких примерах:

1 задача – содержание караулов

При Николае I был издан «Устав о службе в гарнизоне», который по подробности разработки превосходил существовавший до этого павловский. Караулы делились на городовые и почетные, последние выставлялись при приезде Императора и особ Императорской Фамилии. Городовые караулы могли быть постоянными или временными; постоянные и почетные караулы сменялись через сутки. Главным начальником караулов считался военный губернатор, а непосредственным – комендант. По числу людей караулы разделялись на офицерские, унтер-офицерские и ефрейторские.⁷

Численность почетных караулов зависела от значимости охраняемой особы: например, по приезде императора Александра II в июне 1858 г. в г. Петрозаводск возле царского жилья в доме начальника губернии ожидал почетный караул от гарнизонного батальона, в составе 1 штаб-офицера, 4 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 5 музыкантов и 156 рядовых. Для принца Вюртембергского, жившего в доме Горного начальника заводов, был выделен караул, состоящий всего из 1 обер-офицера, 2 унтер-офицеров, 1 музыканта и 40 рядовых.⁸

Солдаты Петрозаводского губернского батальона охраняли в городе и губернии все сколько-нибудь значимые объекты. Например, в 1864 г. в ведомости губернского воинского начальника значилось:

В г. Петрозаводске, Олонце, Лодейное Поле по 4 рядовых при интендантских складах, в г. Вытегра – 4 рядовых при винных складах, в г. Каргополь – 8 рядовых при соляных складах, в г. Повенец – 4 рядовых при соляных складах.⁹

В 1868 г. по г. Повенцу значился следующий караульный наряд: караул унтер-офицерский в городской тюрьмы, посты: у ворот тюрьмы – 3 рядовых, в уездном казначействе – 3 рядовых. Ефрейторский пост при пороховом погребе – 3 рядовых. При этом указывалось даже расстояние от одного до другого караулов: от тюрьмы до казначейства – 400 шагов, от тюрьмы до пороховых погребов – 2100 шагов, от казначейства до пороховых погребов – 2500 шагов.¹⁰

2 задача – провожать и передавать рекрутов

Создание регулярной русской армии происходило в рамках военной реформы, проводимой Петром I в конце XVII – начале XVIII вв. С 1711 года комплектование полков формально приняло территориальный характер: полки получали пополнение из той губернии, к которой были приписаны. Но полки постоянно перемещались, особенно в ходе Северной войны, поэтому были предприняты попытки обучать рекрутов до поступления в полки. Часть рекрутов стали отдавать сначала в гарнизонные полки, а только потом переводить в действующую армию.

Рекрутский устав 1831 г. подтверждал обычные сроки приема – последние два месяца каждого года. Возраст рекрута мог колебаться в пределах от 20 до 35 лет; 2 аршина 3 вершка (155,5 см.) определялись как нижняя граница роста. До мельчайших подробностей был разработан процесс превращения крестьянина или мещанина в армейского новобранца: раздетого догола человека осматривали члены «рекрутского присутствия», проверяя правильность указанных возраста и роста и удостовераясь в отсутствии болезней и физических недостатков. Удовлетворяющему всем условиям рекруту председатель присутствия говорил: «Лоб!»; слово это повторял унтер-офицер, выводящий новобранца из присутствия и передающий его нижним чинам, которые далее вели рекрута в комнату для выбривания лба и бороды. Там же чиновники записывали его имя и приметы. С этого момента вся ответственность за человека переходила от отдатчика на военного приемщика, под командой которого состоял конвой (стража) для надзора за рекрутами. В губернских городах, вплоть до отправки партии, рекруты состояли при батальонах Внутренней Стражи, в уездных – при инвалидных или специально назначенных командах. Сразу после принятия рекруты приводились к присяге.¹¹

Первые два месяца рекруты осваивали строевые приемы без ружья; следующие два – приемы с ружьем и зарядание (шаржирование); еще месяц – движение в строю. Остальное время (еще три-четыре месяца) они повторяли пройденное и учились стрельбе. С 1 июня по 15 августа рекрутов сводили в одно место (наподобие

⁶ Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы. Издательство «Экзамен» Москва 2002, с. 41–43, 49.

⁷ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801–1855. М., 1996, с. 132.

⁸ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. III 1878 Высочайшее путешествие Его Величества Государя Императора Александра Николаевича по Олонецкой губернии в 1858 г. с. 15.

⁹ НА РК ф.403 оп. 1 д. 2/11 л. 43, 1864 г.

¹⁰ НА РК Ф. 403 оп. 1 д. 4/34 л. 50 1868–1869 гг.

¹¹ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801–1855. М., 1996, с. 132.

лагеря): им преподносились азы действия в составе целой роты или батальона. Собранные в декабре – январе одного года рекруты с 1 октября следующего года направлялись к сборным местам дивизий. Вышедшие со сборных мест к войскам люди считались уже не рекрутами, а рядовыми.

Все это же происходило и при Петрозаводском губернском батальоне. В конце года по Широкой, а затем по Военной улицам ехали сани с новобранцами и родственниками под звуки гармошек и громкое пение, что справедливо вызывало недовольство больных и персонала больничного городка.

Так в январе 1873 года со всех сословий Олонецкой губернии, подлежащих рекрутству, было набрано в рекрутский набор следующее число рекрутов с уездов:

Петрозаводский – 120
Олонецкий – 57
Лодейнопольский – 67
Вытегорский – 79
Каргопольский – 117
Пудожский – 47
Повенецкий – 41
Всего – 528 человек.¹²

Маршруты к сборным местам были тщательно разработаны.

По архивным данным, например, в расписании ратников 1 разряда Олонецкой губернии, подлежащих отправке к месту службы, за 1877 г. значилось:

1. 1 запасная пешая артиллерийская бригада (Муравьевские казармы Новгородской губернии) – 115 человек
  2. Новгородский местный батальон (г. Новгород) – 150 человек
  3. Псковский местный батальон (г. Псков) – 150 человек
  4. Увольняемые в отпуск (до особого распоряжения) – 361 человек
- Всего – 776 человек.¹³

Маршрут следования проходил пешком, на судах и по железной дороге, в зависимости от места отправления рекрутов.

Обучали рекрутов опытные солдаты, прошедшие многолетнюю, часто боевую, армейскую школу. Вот пример:

Рядовой Алексей Никитин Старицын, 32 года, крестьянин Олонецкой губернии Пудожского уезда д. Пертолахты. Его воинский путь – Днепровский пехотный полк, 10-я пехотная дивизия, 37-й Екатеринбургский пехотный полк, местные войска, Петрозаводский губернский батальон. Имеет бронзовые медали за войну 1853–1856 гг. и усмирение мятежа 1863–1864 гг., нашивку за беспорочную 6-летнюю службу.¹⁴

Конечно, по-разному военная служба сказывалась на поведении солдат, иногда и весьма опытных. Вот два разных примера:

Приказом по Отдельному корпусу внутренней стражи нижним чинам Петрозаводского батальона унтер-офицеру Ивану Коневу, рядовым Гершке Бродскому и Георгию Васильеву, которые 23 октября 1863 г., подвергая собственную жизнь опасности, вынесли из горевшего дома лишившегося чувств человека (умершего в тот же день), вручены были серебряные медали «За спасение погибавших» на Владимирской ленте и по 5 рублей серебром каждому.¹⁵

Другой пример – рядовой Альберт Альбертов Бредицкий, 36 лет, крестьянин Августовской губернии Мариупольского уезда местничества д. Чарденя (католик). Грамотен, портной. Имеет бронзовую медаль на Владимирской ленте за войну 1853–1856 гг. и нашивку за беспорочную 6-летнюю службу. Сдан в рекруты в 1853 г. Кальварским отделением судебно-исправительной полиции в наказание за умышленное увечье трех пальцев левой ноги. Был зачислен в исправительное отделение при Вологодском батальоне внутренней стражи. По исправлении в 1857 г. зачислен в Вологодский батальон. 1 февраля 1858 г. зачислен в сторожа дистанционных винных подвалов Олонецкой губернии. Затем в Петрозаводский батальон в военно-рабочую 12 и 13 роты 2 округа путей сообщения. 17 июня 1866 г. напился пьяным, ругался, ударил скрипкой унтер-офицера (арест на 10 дней). Самовольно отлучился из казармы, возвратился под утро пьяным, подстрекал других к непослушанию (арест на 3 дня). Будучи на часах при шлюзе Св. Сергия напился пьяным и выпустил воду на поларшина (арест на 3 дня). Пьянствовал 1, 2, 3 августа и оставил в кабаке шинель, фуражку и сапоги, явился в казарму в одной рубашке и босиком (арест на 3 дня). После чего скрылся в бега.¹⁶

¹² НА РК ф. 403 оп. 1 д. 10/99 л. 17

¹³ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 14/158 л. 7

¹⁴ НА РК Ф. 403 оп. 1 д. 1/3 л. 47 1844 – 1869 гг.

¹⁵ Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы. Издательство «Экзамен» Москва 2002, с. 286.

¹⁶ НА РК Ф. 403 оп. 1 д. 1/3 л. 27–28 1844–1869 гг.

3 задача – сопровождение арестантов

В ведомости о численном состоянии воинских чинов Петрозаводского губернского батальона на 6 октября 1864 г. указаны также и этапные команды: Петрозаводская, Олонецкая, Лодейнопольская, Вытегорская, Пудожская, Каргопольская, Повенецкая, Гоморовическая, Бурковская, Кречетовская, Архангельская и Федотовская. Петрозаводская этапная команда была упразднена в сентябре 1864 г. и люди поступили в Петрозаводский губернский батальон.¹⁷ Так, например, Кречетовской этапной командой, непосредственно подчиняющейся Петрозаводскому губернскому батальону в течение 1866 г. было отправлено:

- этапным порядком посредством команды – 420 чел.
- семейства пересыльных при команде следующих – 48 чел.
- арестантов (муж. и жен. пола) – 586 чел.
- для препровождения пересыльных нижних чинов и их семейств и арестантов наряжалось конвойных – 528 чел.

кормовых денег затрачено: на путевые – 5 руб. 45 коп.; за перевозку водою – 1 руб. 50 коп.¹⁸

4 задача – воспитание личного состава

Что собой представлял личный состав батальона? Картину этого дают отчеты командира батальона вышестоящему начальству.

Апрель 1867 – 695 чел. Из них по срокам службы больше всего приходилось на 12 лет – 388 чел., на 4 года – 151 чел. и на 14 лет – 52 чел.:

- Из них: женатые с семьей на родине – 199 чел.
- женатые с семьей при службе – 157 чел.
- холостые – 339

По вероисповеданию в батальоне числилось:

- среди унтер-офицеров: 34 православных, 8 католиков, 1 лютеранин, 1 еврей;
- среди музыкантов: 7 православных, 3 католика, 8 евреев;
- среди рядовых: 553 православных, 50 католиков, 2 лютеранина, 3 магометанина, 16 евреев; среди нестроевых: 14 православных, 3 католика, 1 магометанин.

Большой бедой для военного обучения солдат (и это часто отмечается в отчетах) была неграмотность новобранцев. Так, например, в 1868 г. во 2-й роте батальона числилось: грамотных – 43 чел., знающих только чтение – 108, неграмотных – 25, выучившихся грамоте на службе – 60 чел.¹⁹

Даже великий князь Владимир Александрович, будучи в Петрозаводске и инспектируя местный батальон в 1885 г., отметил, что «число грамотных из года в год постепенно понижается. На развитие в частях местных войск грамотности следует обратить тем большее внимание, что призыв последних лет указывает на постоянное понижение процента грамотных в числе ежегодно поступающих в войска новобранцев».²⁰

Поэтому обязательным в батальоне было обучение грамоте, для чего имелись обязательные библиотечки с необходимой литературой и учебниками: «Азбуки», книги для первоначального чтения, упрощенная арифметика, прописи, много религиозной литературы, книги о природе и земле, краткие истории и т. д.²¹

В батальоне стремились привлечь солдат к общественной жизни: силами солдат, например, устраивались спектакли.

Так, 20 февраля 1886 г. в здании казарм нижних чинов местного батальона дан был солдатский спектакль, привлечший массу публики, по большей части знакомой нижним чинам. Командир батальона М. Я. Путята и все свободные от службы офицеры присутствовали на спектакле. Сыграны были следующие пьесы: 1. «Не вовремя», шутка в одном действии и 2. «С легкой руки», комедия в одном действии. Все роли были разучены и выполнены вполне удовлетворительно. В антракте играл хор батальонной музыки.²²

В 1891 г. солдатский спектакль был дан в здании Петрозаводского благотворительного общества. Большая часть зрителей – солдаты батальона, актеры – нижние чины учебной команды. Первые три ряда стульев – для офицеров и гостей. Первый спектакль состоялся 2 марта. Исполнены были «Жареный гвоздь», походная шутка в 2-х картинах, и «Не во время», шутка в одном действии. Автор обоих произведений – А. Погоский. Второй спектакль был 3 марта. Исполнены три пьесы А. Погоского «С легкой руки», «Антошкины проказы», «Дедушка домовой». Первый спектакль посетил начальник губернии. Игра понравилась зрителям, особенно, последнее действие пьесы «Дедушка домовой»: свадебный стол, дружки, русская пляска и кадрили. Директор

¹⁷ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 2/19 л. 6.

¹⁸ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 2/19 л. 6.

¹⁹ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 4/34 л. 74.

²⁰ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Исторический сборник. Издание Олонецкого губернского статистического комитета под редакцией А. Иванова. Вып. VII 1885 Путешествие Их Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича и Государыни Великой Княгини Марии Павловны по Олонецкой губернии в 1884 г. с. 98.

²¹ НА РК ф. 403 оп. 1 д. 2/11 л. 71.

²² Олонецкие губернские ведомости 1886 26 марта.

драматического кружка – Перфильев. Постановщик – Н. К. Маскин, который был одновременно и режиссером, и гримером, и художником.²³

Жизнь губернского Петрозаводска XIX века невозможно представить без участия в ней Петрозаводского губернского батальона, поэтому изучение его истории необходимо продолжать.

*Дианова Е. В.,
Петрозаводский государственный университет*

Школьное краеведение Карелии в 1950–1970-е гг.

В 1950-е гг. в Карелии и других советских республиках, краях и областях после многолетнего перерыва вновь разворачивается школьная краеведческая работа. Большое значение для расширения школьной краеведческой работы имели серьезные политические изменения в советском обществе, связанные с XX и XXII съездами КПСС. После XX съезда КПСС (1956 г.) начался новый этап развития краеведения, «были восстановлены ленинские принципы государственной и общественной жизни. С ростом и оживлением самостоятельности и активности широких народных масс возродилась и оживилась краеведческая работа на местах».¹ Демократизация общественной жизни страны открывала новые возможности для краеведческой работы, снимались запреты и ограничения сталинского периода, находились средства для организации походов по изучению родного края, поддерживалась инициатива местных краеведов по созданию краеведческих уголков и музеев. Периодическая печать в центре и на местах стала регулярно освещать работу краеведческих кружков и краеведов.

С принятием в 1958 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования» краеведение приобрело особое значение в повседневной учебной и воспитательной работе. По мнению педагогов, этот Закон о школе (1958 г.) внес в школьную историко-краеведческую работу «много нового и принципиального»: «В недалеком прошлом краеведение считалось любительским делом, теперь оно стало важной составной частью учебно-воспитательного процесса. Раньше изучение родного края носили больше всего созерцательный характер. К тому же исследовалась главным образом седая старина. Сейчас же познание истории родных колхозов и совхозов, заводов, сел и городов привлекает школьников к активному участию в их жизни».² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования» определило основные направления реформирования системы школьного образования, поставило новые задачи учебно-воспитательной работы со школьниками, что подразумевало антирелигиозное, эстетическое, физическое и трудовое воспитание учащихся, а также производственное обучение на местных предприятиях.

В краеведческой работе и преподавании всех школьных предметов предусматривалось изучение материалов пленумов и съездов КПСС. В 1958 г. был принят план семилетнего развития народного хозяйства страны на 1959–1965 гг. Министерство просвещения РСФСР рекомендовало при изучении этого плана с учащимися «несколько подробнее охарактеризовать перспективы развития родной области (района, города, села) по семилетнему плану, используя для этого материалы местной печати. В сельской школе хорошо было бы пригласить одного из руководителей колхоза или совхоза, попросив его рассказать учащимся о развитии колхоза и совхоза и в связи с этим о задачах школьников».³ Предлагалось использовать наглядные пособия, плакаты, таблицы и диаграммы, которые должны были быть изготовлены в каждой школе по семилетнему плану развития народного хозяйства.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята третья программа партии – программа построения коммунизма в СССР. Министерство просвещения РСФСР тотчас разработало инструктивное письмо «Об ознакомлении учащихся общеобразовательных школ с решениями XXII съезда, программой и уставом Коммунистической партии Советского Союза». Министерство просвещения давало указание о том, что учащиеся всех классов должны были быть ознакомлены с материалами и решениями XXII съезда КПСС и принятой съездом новой Программой партии.

В средней школе в V–VIII классах на уроках истории специально отводилось время для проведения бесед на такие темы:

1. XXII съезд КПСС – съезд строителей коммунизма.
2. Советские люди строят коммунизм.
3. Коммунизм победит во всем мире.
4. Что представляет собой коммунизм.

²³ Олонецкие губернские ведомости 1891 6 марта).

¹ Охапкин Ф. П., Тюрин В. Н. Практикум по краеведению. М., 1966. С. 7.

² Преподавание истории в школе. 1962. № 2. С. 90.

³ Там же. № 1. С. 54.

5. Каким должен быть человек коммунистического общества.
6. Задачи партии и народа по строительству коммунизма в нашей стране.
7. Коммунизм строится сегодня.

В старших классах проводились отдельные занятия по плану:

1. Всемирно-историческое значение XXII съезд КПСС и новой Программы партии.
2. Переход от капитализма к коммунизму – путь развития человечества.
3. Задачи партии и народа по построению коммунизма в нашей стране. Успехи коммунистического строительства.
4. Обеспечение самого высокого по сравнению с любой страной капитализма жизненного уровня советского народа – задача всемирно-исторического значения т. д.⁴

С успехами коммунистического строительства учащиеся должны были знакомиться на примере передовых предприятий как всей страны в целом, так и отдельного края, города или села. Рекомендовалось уделять большое внимание практическому ознакомлению школьников с достижениями коммунистического строительства путем проведения экскурсий на фабрики и заводы, в передовые колхозы, совхозы, путем организации встреч с ударниками коммунистического труда. «В это время партией и правительством выдвигались задачи комплексного развития хозяйства в экономических районах на основе максимального использования их природных и трудовых ресурсов. Для этого необходимо было непрерывно и достаточно полно вести изучение природы, истории, хозяйственной деятельности и культуры населения района».⁵

После принятия новой программы партии вся массовая воспитательная работа, внеклассные и внешкольные мероприятия должны были быть подчинены пропаганде решений съезда и воспитанию у школьников качеств нового человека, определенных моральным кодексом строителя коммунизма, в том числе социалистического, советского патриотизма. Идеино-политическое и нравственное воспитание стали главными факторами в формировании советского патриотизма, что означало любовь к родным местам, чувство уважения к делам и трудам предшествующих поколений, гордость за успехи и достижения земляков, т. е. те черты нравственного сознания, которые сливаются в едином великом чувстве любви к Родине.

На руководящие указания Министерства просвещения РСФСР по ознакомлению учащихся общеобразовательных школ с решениями XXII съезда, программой и уставом Коммунистической партии Советского Союза стали сразу поступать отклики с мест. Так, в журнале «Преподавание истории в школе» появилась заметка педагога из Воронежа Т. С. Пчельникова «Историко-краеведческая работа после XXII съезда КПСС», в которой говорилось: «В соответствии с требованиями Программы партии мы уже сегодня должны готовить всех пионеров и школьников не только к активному участию в строительстве коммунизма, но и к жизни в коммунистическом обществе, к управлению его делами. Вся учебная и воспитательная работа в школах должна быть направлена на подготовку учащихся к выполнению этой высокой миссии.

В свете решений XXII съезда КПСС нужно еще многое пересмотреть. В основу всей историко-краеведческой работы положить две основные задачи: 1) Воспитывать пионеров и школьников на революционных трудовых традициях Коммунистической партии и народа, развивать у учащихся коммунистическое отношение к труду; 2) Посредством всех форм краеведческой работы готовить школьников к коммунистическому самоуправлению, к жизни и работе при коммунизме».⁶

В ходе знакомства учащихся с основными положениями Программы КПСС, докладами Н. С. Хрущева и другими документами партии и правительства педагоги открывали «перед мысленным взором юных исследователей яркую перспективу коммунистического строительства в родных местах», зажигали «в них искру желания помогать взрослым бороться за расцвет родного края, за коммунизм».

Для того, чтобы глубже внедрить краеведение в работу пионерских организаций, связать их деятельность с жизнью, учителям и вожатым советовалось проводить пионерские сборы на такие темы:

1. Они работают и живут по-коммунистически (об ударниках коммунистического труда своего района).
2. Зримые черты коммунизма в нашем районе.
3. Новая страница в истории старого села.
4. Наше село (город) через 20 ударных коммунистических лет.
5. По следа ленинской мечты (об электрификации, тракторах, коммунистическом труде в нашем городе или районе).

Для педагогов рекомендовалась следующая тематика краеведческих кружков:

1. Великий план строительства коммунизма в СССР.
2. Наш край, район, область через 20 лет.
3. Зримые черты коммунизма в родном городе или селе.
4. Коммунистическое завтра нашего колхоза или завода.
5. Бригады коммунистического труда нашего района.
6. От труда социалистического к труду коммунистическому.
7. По заветам Ильича (об электрификации, механизации, коммунистическом труде).

⁴ Преподавание истории в школе. 1962. № 1. С. 32–33.

⁵ Строев К. Ф. Краеведение. М., 1974. С. 25.

⁶ Пчельников Т. С. Историко-краеведческая работа после XXII съезда КПСС // Преподавание истории в школе. 1962. № 2. С. 89.

8. Расцвет культуры и изобилие материальных благ.

9. Люди коммунистического общества.

В работе краеведческих кружков большое место занимали экскурсии на предприятия, во время которых школьники познакомились с тем, как практически выполняются исторические решения XXII съезда КПСС. Широкое распространение получили встречи юных краеведов с делегатами XXII съезда партии и членами бригад коммунистического труда. Рекомендовалось проводить совместные диспуты, читательские конференции на темы «О дружбе и товариществе», «Моральный кодекс строителя коммунизма – закон нашей жизни», «Каким должен быть человек коммунистического общества» и т. п. Историко-краеведческие кружки должны были стремиться «научить ребят мечтать, с интересом всматриваться в будущее».⁷

Краеведение помогало решать комплексные задачи по воспитанию будущих строителей коммунизма. На первое место выдвигались задачи трудового воспитания: «Усиление трудового воспитания учащихся – важнейшая из задач, поставленная перед школой XXII съездом КПСС. Наши учащиеся будут жить при коммунизме, будут его активными строителями и гражданами. Все учащиеся должны хорошо понять, что коммунизм будет построен только трудом миллионов, что, обучаясь в школе, они должны готовить себя к труду на благо общества. Все учителя должны не только постоянно живо и интересно разъяснять это положение учащимся, но и практически связать общественно полезный труд школьников с трудом рабочих, крестьян и интеллигенции, строящих коммунизм».⁸

Трудовое воспитание учащихся проводилось в период производственного обучения на местных предприятиях, а также путем привлечения детей к благоустройству своих населенных пунктов, к посильной культурно-массовой работе, что соответствовало практической стороне краеведческой работы. Работа по трудовому воспитанию осуществлялась и во время проведения бесед со школьниками. Так, при изучении темы «Коммунизм строится сегодня» рекомендовалось проводить беседу по вопросам:

1. Главная задача тружеников промышленности и сельского хозяйства – выполнение и перевыполнение производственных планов.

2. Семилетний план – важный этап в создании материально-технической базы коммунизма.

3. Перспективы развития своей области (района, города, села) по семилетнему плану.

4. Принять активное участие в строительстве коммунизма – важная задача советской молодежи.

Трудовое воспитание увязывалось с воспитанием у школьников любви к родному краю. Работа по изучению истории предприятия, его трудовых традиций нередко становилась стержнем всей деятельности школы, связанной с трудовым воспитанием учащихся. Так, на Всероссийской конференции по школьному краеведению (1963 г.) был отмечен положительный опыт связи краеведения с трудовой подготовкой, при этом обращалось внимание педагогов на возможность «сочетания задач трудового воспитания с краеведением, с учетом местных возможностей». В 1960–1970-е гг. в Карелии для решения задач трудового воспитания в 14 школах велось преподавание факультативного курса «Лес и лесное хозяйство», учащиеся проходили практику в школьных лесничествах.⁹

В 1950–1970-е гг. в помощь учителям и классным руководителям издавались многочисленные учебные и методические пособия по краеведению таких авторов, как: Д. В. Кацюба, Н. П. Милонов, А. Ф. Родин, И. С. Юньев и др. Также в пособиях по методике преподавания истории уделялось внимание вопросам краеведения. Так, например, Н. Г. Дайри в книге «Обучение истории в старших классах» (М., 1966) предлагал включать местный материал в общую систему знаний. А. И. Стражев в книге «Методика преподавания истории» (М., 1964) давал рекомендации по организации и проведению школьных экскурсий по историческому краеведению.

Преподаватели Карельской АССР также разрабатывали методические рекомендации по школьному краеведению. Так, предложения по использованию местного материала в курсе истории СССР X класса предложил методист С. Е. Стрелков. Сначала его статья на эту тему была опубликована в 1956 г. в журнале «Преподавание истории в школе». Затем в Петрозаводске были изданы его книги: в 1959 г. – «Методика использования местного материала при преподавании истории СССР в 10-м классе школ Карельской АССР», а в 1961 г. – «Методика использования в средних школах Карельской АССР материала по истории республики. (В преподавании советского периода истории СССР)». В этих публикациях были даны рекомендации по отбору краеведческого материала, по методике включения материала истории нашего края в общий курс отечественной истории для разных уроков (содержание и приемы использования).

В Петрозаводском государственном университете в 1960–1970-е гг. работал известный методист и организатор краеведческой работы профессор, доктор педагогических наук Павел Владимирович Иванов. В 1971 г. на исторических факультетах педагогических институтов был введен курс исторического краеведения. В Петрозаводском государственном университете стали вести курс «История Карелии», а курс «Школьное краеведение» читал П. В. Иванов. Краеведческой работой он начал заниматься в 1920-е годы. В 1928 г. его статья «Опыт детской конференции по краеведению» был опубликован в сборнике «Известия ЦБК». В 1920-е годы

⁷ Там же. С. 90–91.

⁸ Преподавание истории в школе. 1962. № 1. С. 38.

⁹ Иванов П. В. О применении краеведческого (локального) принципа в системе трудового и политического обучения школьников // Трудовое воспитание и политехническое обучение в советской педагогике и школе. Череповец, 1971. С. 160–161.

краеведение рассматривалось как метод обучения в начальных классах, как предмет для старших классов и как педагогический принцип обучения, который характеризуется участием учителей в краеведении в порядке общественной деятельности с целью собирания необходимого для учебных целей материала и вовлечения в краеведческую работу учащихся.

В последующие годы П. В. Иванов написал статьи о школьном краеведении для «Педагогического словаря» (М., 1960) и «Словаря для родителей» (М., 1967). В 1966 г. была издана его монография «Педагогические основы школьного краеведения». В своей монографии П. В. Иванов рассматривал следующие вопросы: школьное краеведение и педагогика, краеведческий принцип как принцип дидактики, использование местного материала и применение краеведческого принципа на уроках, краеведческая и общеобразовательная подготовка учащихся, школьное краеведение в системе нравственного воспитания учащихся, формы школьного краеведения в эстетическом воспитании учащихся и др.

П. В. Иванов разрабатывал понятие «краеведческий принцип обучения». Впоследствии в педагогической литературе устоялась точка зрения о краеведческом принципе преподавания различных предметов как общедидактическом принципе, сущность которого состоит в установлении связи изучаемого школьных предметов со знаниями и навыками, приобретенными в результате исследования родного края. Краеведческий принцип создает условия для лучшего восприятия природных и общественных явлений, дает возможность строить преподавание школьных предметов согласно дидактическому правилу: «от известного к неизвестному», «от близкого к далекому». В книге «Педагогические основы школьного краеведения» П. В. Иванов высказал мысль о том, что «в системе преподавания нет особого метода краеведения и учитель пользуется на уроке, применяя краеведческий материал, известными методами обучения».¹⁰ В преподавании истории краеведение как общепедагогический принцип позволяет привлекать богатый конкретный местный материал, раскрывать общеисторические закономерности развития страны и совмещать их с особенностями развития родного края.

Однако не все методисты поддержали точку зрения П. В. Иванова относительно краеведения как общепедагогического принципа обучения. А. А. Вагин в книге «Методика обучения истории в школе» (М., 1972) доказывал, что «краеведение не может быть признано в качестве одного из ведущих принципов обучения истории... Ибо на краеведческой основе не могут быть построены ни курсы истории древнего мира и средневековья, ни новая и новейшая история». Вместо краеведческого принципа обучения А. А. Вагин предложил понятие «краеведческий подход» к изучению отдельных тем и отдельных вопросов курса. Краеведческий подход в обучении истории представляет собой своеобразный способ отбора познавательного и воспитательного материала истории и современной жизни родного края.¹¹

В методической литературе термины «краеведческий подход» и «краеведческий принцип» применяются наравне и отождествляются друг с другом как синонимы. Следует заметить, что в 1980-е гг. часть методистов по-прежнему считала ведущим понятие краеведческого принципа. В пособии для учителей «Методика историко-краеведческой работы в школе», одним из авторов и составителей которого был П. В. Иванов, обосновывается краеведческий принцип обучения как самостоятельный принцип дидактики, который находит применение в преподавании различных предметов, в том числе и истории. При этом краеведческий принцип изучения истории имеет следующие аспекты: 1) педагогическую необходимость систематического обращения к местному материалу в учебно-воспитательной и общественной работе; 2) диалектическую взаимосвязь общеисторического и краеведческого материала; 3) связь с жизнью, с практикой коммунистического строительства; 4) изучение сложившихся особенностей развития края, города, села.

Историческое краеведение в этом пособии рассматривалось как «один из элементов исторического образования в школе и одна из важных отраслей школьного краеведения», но «не самостоятельный предмет школьного обучения, а принцип обучения и воспитания на местном материале». По мнению П. В. Иванова и других авторов данного пособия, краеведческий принцип изучения истории помогает осознанному усвоению учащимися самых сложных вопросов социально-политического, экономического и культурного развития страны.¹²

В школьные программы по истории СССР в VII–X классах, а также в IV классе средней школы краеведение было включено с 1966/67 учебного года. Эта программа предусматривала изучение истории родного края в определенной системе и в связи с основным курсом истории СССР с древнейших времен до наших дней. В объяснительной записке к программе говорилось о том, что программа составлена таким образом, чтобы предусмотреть соответствующее время на изучение необходимого краеведческого материала. В программе были намечены различные темы по истории края для VII–X классов, например: «Наш край в древности», «Наш край в XVII – первой половине XVIII в.», «Наш край во второй половине XVIII в.» и т. п. Предполагалось, что при изучении только советского периода истории СССР можно провести около 13 самостоятельных краеведческих уроков с использованием местного материала, с посещением краеведческого музея.¹³

Вопрос о целесообразности использования этого материала в той или иной теме, характере его привлечения (в тематической связи с изучаемыми на соответствующих уроках событиями или же на специально выделенных уроках) решается самим учителем, исходя из конкретного содержания местного материала. П. В. Иванов предлагал 10 типичных приемов применения краеведческих сведений на уроках по всем школь-

¹⁰ Иванов П. В. Педагогические основы школьного краеведения. С. 21, 42.

¹¹ Вагин А. А. Методика обучения истории в школе. М., 1972. С. 297.

¹² Методика историко-краеведческой работы в школе. М., 1982. С. 58, 107.

¹³ Программы восьмилетней и средней школы. История. М., 1966. С.8.

ным предметам. Из этого многообразия другие методисты выбрали только 4 способа включения краеведческих фактов в уроки по истории СССР: 1) краеведческое вступление к уроку или к одному из рассматриваемых на уроках вопросов; 2) краеведческая конкретизация основных вопросов урока; 3) краеведческое дополнение к основному материалу; 4) краеведческий материал как основа изучения темы урока или некоторых его вопросов.¹⁴

Многие учителя школ Карельской АССР обращались к краеведческому материалу, используя его на уроках основного курса по истории СССР и на уроках, специально посвященных истории края. По действующей программе по истории изучение каждой темы завершалось уроком по истории родного края. Все учащиеся имели учебник «История нашего края» А. И. Афанасьевой, К. А. Морозова и Е. М. Эпштейна, который впервые был издан в 1965 г. и затем неоднократно переиздавался. Учителя организовывали работу с этим учебным пособием на уроках, давали предварительные задания по подготовке небольших сообщений.

На уроках по истории нашего края привлекался дополнительный материал из прошлого отдельных городов и сел Карелии. Так, например, работавшая в 1970-е гг. в Кемской 8-летней школе учителем истории Инесса Петровна Куликова на своих уроках по истории края всегда использовала интересный дополнительный материал из прошлого Кемь и Кемского Поморья. Разработанная учительницей методика преподавания истории никого не оставляла равнодушным, уроки всегда были интересными по форме и содержанию. При изучении культуры Карелии демонстрировались различные наглядные пособия: репродукции, рисунки, макеты. На примере Кемского Успенского собора изучались основные элементы древнерусского деревянного зодчества (четверик, восьмерик, шатер и др.). Особое восхищение вызывал объемный макет Соловецкого монастыря, который был сделан из пластилина учеником И. П. Куликовой. Также большое любопытство вызывали изготовленные детьми модели различных орудий труда, воинского снаряжения, куклы, которые демонстрировали образцы традиционной одежды крестьян и господствующих классов. Наглядность служила хорошим подспорьем для изучения сложных тем по социально-экономическому и общественно-политическому развитию истории родного края. В тетрадях учащиеся составляли сравнительные таблицы по истории Карелии и России, придумывали ребусы и кроссворды, записывали имена исторических деятелей, посетивших наш край, выступали с докладами и сообщениями о прочитанных книгах по истории края. В кабинете истории И. П. Куликовой копились и бережно хранились собранные краеведческие материалы, которые использовались в преподавании истории нашего края на протяжении многих лет.

Краеведческий материал использовался учителями и при изучении общего курса истории СССР. Так, Ю. Ф. Рекина, учитель истории вечерней школы № 1 из Петрозаводска, регулярно использовала его на своих уроках, потому что по ее мнению, «существующие учебники по истории не всегда дают ответы на интересующие учеников вопросы по истории родного края. Поэтому эти недостатки учебника должны быть возмещены учителем». При этом «всегда надо помнить, что местный материал не должен заслонять или подменять собою основной программный материал». Как считала Ю. Ф. Рекина, «задача местного материала облегчить усвоение курса истории». Использование краеведческих данных на уроке должно составлять всего 3–5 минут. Ю. Ф. Рекина приводит основные темы по истории СССР, где можно использовать краеведческий материал: «Первобытнообщинный строй на территории нашей страны» (древние поселения Карелии), «Освоение железа» (отрывок из эпоса «Калевала»); «Феодальная раздробленность на Руси» (Карелия в составе Новгородской республики, владения новгородских бояр); «Россия в первой четверти XVIII века» (Северная война 1700–1721 гг., строительство Петровского завода и верфи на реке Свирь); «Развитие русской культуры в XVIII–XIX веках» (Г. Р. Державин, Ф. Н. Глинка, П. Н. Рыбников и др.).

При изучении истории XX века учительница давала задания учащимся подготовить доклады по темам «Революция 1905–1907 гг. в Карелии», «Февральская революция в Карелии», «Октябрьская революция в Карелии». Помимо этого с помощью учителя и силами учащихся в кабинете были оформлены тематические стенды: «Памятники материальной культуры Карелии», «Гражданская война в Карелии», «Карелия в Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Комсомол Карелии».¹⁵

В это время большое развитие получила внеклассная работа по краеведению. Основными способами изучения родного края стали экскурсии, туристские походы и экспедиции по сбору необходимого материала. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. организация экскурсий по историко-революционным местам и походов по родному краю преследовала цель, обозначенную в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС: «Наше молодое поколение не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю своей страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса».¹⁶

¹⁴ Иванов П. В. Указ. соч. С. 46–48; Завадьё А. С. Краеведение на уроках истории // Историческое краеведение. М., 1969. С. 292.

¹⁵ Рекина Ю. Ф. Использование на уроках краеведческого материала при изучении истории СССР // Опыт передовых всем школам. Петрозаводск, 1975. С. 5, 11.

¹⁶ Хрущев Н. С. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС. М., 1959. С. 63.

Центральная детская экскурсионно-туристская станция при Министерстве просвещения РСФСР разрабатывала примерные историко-революционные, историко-краеведческие, литературоведческие, искусствоведческие, природные и другие виды экскурсий и походов по родному краю.¹⁷

В это время широкую известность не только в нашей республике, но и по всей стране получила деятельность В. П. Ершова, педагога из Медвежьегорска. В 1960 г. Виктор Петрович Ершов был направлен на работу в Медвежьегорскую школу-интернат № 1. Проработав в этой школе 14 лет учителем географии, В. П. Ершов занимался активной историко-краеведческой работой. Краеведческая работа В. П. Ершова оценивалась в то время в связи с атеистическим воспитанием учащихся. Под его руководством школьники совершали походы и экспедиции в заонежские и беломорские деревни, вели сбор этнографического материала, со слов местных жителей записывали легенды, былички. В. П. Ершов проводил походы «со смыслом», т. е. каждый поход по родному краю преследовал определенную цель, как-то: изучение древних народных верований, древнерусской архитектуры и т. п. В соответствии с темой похода заранее определялся его маршрут. Школьники тщательно готовились к походам, читали книги, знакомились с историческими документами.

Краеведческая деятельность В. П. Ершова широко освещалась в журналах «Юность», «Народное образование», «Преподавание истории в школе» и др. О походах В. П. Ершова писал статьи корреспондент журнала «Наука и религия» В. Шевелев, который однажды и сам принял участие в походе по берегу Лексозера. Вот как он описывал самый обыкновенный поход по родному краю: «На пути ребят вставали древние церкви и монастыри, часовни и звонницы, со стен строго смотрели иконные лики... На чердаках брошенных изб, в подполах развалившихся церквей туристам попадались древние книги – источенные сыростью, изгрызенные мышами».¹⁸ Спустя несколько лет В. П. Ершов стал автором нескольких книг по краеведению, которые были изданы в Москве и Петрозаводске.¹⁹

На основе собранного материала в школе был открыт краеведческий музей. Еще в 1969 г. В. П. Ершов рассказывал о своей музейной работе в статье «Наш музей», опубликованной в журнале «Наука и религия». Читатели журнала совершали заочную экскурсию по залам музея в Медвежьегорской школе-интернате, знакомились с деревянной архитектурой Севера, древнерусской живописью, историей церкви, отделом старинного быта, медным литьем, рукописными книгами.²⁰ Как писал московский журналист В. Шевелев, посетивший этот школьный музей, «у входа в зал висит рисунок Бога. Под рисунком – выдержки гимназического учебника закона Божьего: «Бог сотворил мир во благодати своей из ничего – словом своим, ибо он всемогущ... Вначале сотворил Бог небо и землю».²¹ В школьном музее были собраны настолько значительные экспонаты, что на его основе был открыт государственный краеведческий музей города Медвежьегорска.

В 1950–1960-е гг. в Пудожском музее работал учителем истории и географии создатель местного музея Александр Федорович Кораблев. В 1952 г. на реке Водле в 12 км от Пудожа он обнаружил остатки глиняной посуды первобытного человека эпохи неолита (III–II тыс. до н. э.). Эта находка и стала началом для целенаправленного поиска древних реликвий. В 1960 г. А. Ф. Кораблеву удалось организовать музей истории родного края при Пудожской вечерней и средней школах. В 1964 г. в школьном музее насчитывалось 3,5 тысячи экспонатов. Об этом музее писалось в центральных газетах «Правда» и «Комсомольская правда». В 1970 г. школьный музей получил статус общественного народного музея города Пудожа, где директором продолжал работать А. Ф. Кораблев.²²

Под руководством Центральной детской экскурсионно-туристской станции при Министерстве просвещения РСФСР и газеты «Пионерская правда» в это время проводились такие мероприятия, как Всероссийские и Всесоюзные походы, Всесоюзные экспедиции пионеров и школьников. В 1950–1980-е гг. краеведческая работа в школах во многом была связана с празднованием юбилейных дат и знаменательных событий в истории нашей страны: 40-, 50-, 60- и 65-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 100- и 110-летие со дня рождения В. И. Ленина, 60-летие-летие образования СССР, 60- и 65-летие образования ВЛКСМ, принятие новой Конституции 1977 г., 30-, 35- и 40-летие Победы.

На протяжении более 20 лет в школах проводилась и стала традиционной формой приобщения учащихся к поисково-исследовательской работе Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина – СССР». К середине 1980-х гг. прошло десять экспедиций. Экспедиция ставила своей целью комплексное изучение родного края и имела 8 маршрутов: 1. Памятные ленинские места. 2. Дорогой Великого Октября. 3. Ордена Родины на знаменах комсомола. 4. Никто не забыт, ничто не забыто. 5. Будни великих строек. 6. Дорогой дружбы. 7. Отчизны верные сыны. 8. По городам-памятникам. Всего было проведено десять экспедиций.

Первая экспедиция «Моя Родина – СССР» проводилась в 1956–1957 гг. в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Вторая экспедиция, посвященная 40-летию ВЛКСМ, со-

¹⁷ Галиченко И. М., Криворучко М. Г. Экскурсии и походы по родному краю. М., 1961. С. 13.

¹⁸ Шевелев В. Человеку важно знать свой дом // Наука и религия. 1969. № 4. С. 15–16; Его же. Самый обычный поход // Наука и религия. 1970. С. 38–42.

¹⁹ Ершов В. П. По тропам родного края. Петрозаводск, 1979; Его же. Родники познания. М., 1981; Его же. Зримое слово. М., 1987; Его же. Сказка ложь да в ней намек... Петрозаводск, 1988.

²⁰ Ершов В. П. Наш музей // Наука и религия. 1969. № 4. С. 18–21.

²¹ Шевелев В. Человеку важно знать свой дом // Наука и религия. 1969. № 4. С. 13; Его же. Самый обычный поход // Наука и религия. 1970. № 10. С. 40.

²² Кораблев Н. А. Создатель Пудожского музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1996. С. 56–57.

стоялась в 1958–1960 гг. Третья экспедиция в честь 40-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина проходила в 1961–1962 гг. В 1963–1965 гг. состоялась четвертая Всесоюзная экспедиция под девизом «По дорогам семилетки». В 1966–1967 гг. был организован Всероссийский туристский поход пионеров и школьников, посвященный 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, под девизом «Из искры возгорится пламя». К 50-летию образования СССР (1972 г.) и 50-летию присвоению комсомолу имени В. И. Ленина проводилась седьмая Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция «Мое Отечество – СССР». В 1973–1975 гг. проводилась восьмая экспедиция, посвященная XXV (1976 г.) съезду КПСС. В 1975–1980 гг. была организована девятая экспедиция, посвященная 30- и 35-летию Победы и XXVI (1981 г.) съезду КПСС. В 1980–1983 гг. был дан старт десятой Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников, посвященной XXVI (1981 г.) съезду КПСС, 60-летию Всесоюзной пионерской организации и 60-летию образования СССР.

Накануне празднования 50-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в КАССР, как и в другие области и автономные республики РСФСР, было направлено специальное письмо Министерства просвещения РСФСР и Республиканского комитета профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений об усилении краеведческой работы. Письмо давало указания во всех школах, детских учреждениях шире развернуть воспитательную работу на примерах героического прошлого советского народа, его революционных традиций. В письме рекомендовалось изучать историю своего города, села, школы, биографии знатных земляков, создавать в каждой школе краеведческие музеи, уголки, издавать рукописные альманахи и сборники по истории родного края.

В Карелии на основе данного письма были подготовлены методические рекомендации «О краеведческой работе в школах Карельской АССР в связи 50-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции» под редакцией профессора П. В. Иванова. По решению Карельского обкома ВЛКСМ и Министерства просвещения КАССР был объявлен конкурс на лучшую организацию туристской и краеведческой работы в школах и пионерских отрядах в 1966–1967 гг., проводился смотр школьных краеведческих музеев и уголков, организовывались слеты юных туристов-краеведов.²³

На основе этих рекомендаций во многих школах развернулась краеведческая работа. Так, например, в Суоярви в школе № 1 проходил поход комсомольцев «Из искры возгорелось пламя» по трем направлениям: 1) «В. И. Ленин – основатель пролетарской партии нового типа»; 2) «Вставай, страна огромная»; 3) «Мы к коммунизму держим путь». Ученики собирали материал о строительстве Западно-Карельской железной дороге, изучали партизанское движение в районе в период Великой Отечественной войны, оформляли альбомы и стенды, например, стенд «Их именами названы улицы нашего города». В школе была организована выставка «20 лет нашего района» с разделами «Карта нашего района 1945–1965 гг.», «Лесное хозяйство», «Сельское хозяйство», «Культура, просвещение и здравоохранение», «Лучшие люди района».²⁴

В это же время пионеры школы из поселка Золотец Беломорского района принимали участие в экспедиции «По ленинским заветам». Они работали по теме «Электрфикация Карелии – претворение в жизнь ленинской мечты». Школьники совершали экскурсии на местные гидроэлектростанции, изучали историю народного хозяйства Карелии и Беломорского района, собирали материал о каскаде Выгских ГЭС, встречались со строителями Беломорской и Выгской ГЭС. Учителя проводили с детьми беседы по материалам XXIII съезда КПСС.²⁵

В Петрозаводске в школе № 17 в преддверии 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции проходила игра «Слет путешественников», во время которой учащиеся совершали заочное путешествие по союзным и автономным республикам СССР, читали книги, писали сочинения. Одной из таких республик, по которой путешествовали школьники, была Карельская АССР.²⁶

В 1968 г. отмечался 50-летний юбилей Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. В честь 50-летия ВЛКСМ более 2-х тысяч комсомольцев школ города Петрозаводска прошли по дорогам комсомольской славы. «Красные следопыты» школы № 18 нашли документы о комсомольцах Карелии 1920-х годов.

В 1970 г. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения В. И. Ленина большое внимание стало уделяться оформлению школьных ленинских залов, комнат и уголков, которые становились центрами идейно-политического воспитания учащихся и краеведческой работы в учебных заведениях. В Карелии в год юбилея их насчитывалось 800. Наиболее активную работу проводили ленинские залы в средних школах № 7, 10, 11, 17, 30, 71 г. Петрозаводска, а также в школах Кондопоги и Суоярви. В ленинских залах проходили встречи с ветеранами партии, первыми комсомольцами, героями войны и труда, с заслуженными людьми, награжденными орденом Ленина. Во всех ленинских залах, комнатах и уголках были оформлены стенды о жизни и деятельности В. И. Ленина. Учащиеся школ № 10, 30, технического училища № 1 города Петрозаводска собирали материал по теме «Ленин и Карелия». На стендах были представлены собранные материалы и фотографии документов, в том числе Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об организации Карельской Трудовой Коммуны

²³ О краеведческой работе в школах Карельской АССР в связи 50-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. П. В. Иванова. Петрозаводск, 1966. С. 7.

²⁴ Молчанова О. Д. Внеклассная работа – важное средство коммунистического воспитания // Чтобы стать настоящим ленинцем. Петрозаводск, 1966. С. 72.

²⁵ Головина С. А. Пионерский отряд – участник экспедиции «По ленинским заветам» // Чтобы стать настоящим ленинцем. С. 31.

²⁶ Матвеева М. Н. Из опыта работы по коммунистическому воспитанию. Петрозаводск, 1967. С. 14.

(КТК), подписанное В. И. Лениным, сообщение А. В. Шотмана в исполком КТК о личной беседе с В. И. Лениным. На стендах помещали портреты видных партийных и государственных деятелей Карелии А. В. Шотмана, Э. А. Гюллинга, Г. С. Ровио и др.

В 1970 г. в связи с 50-летием Карельской Трудовой Коммуны ленинские залы должны были «помочь учащимся проследить, как в нашей республике претворяются в жизнь ленинские идеи». С этой целью необходимо было оформить стенды «По дорогам революции и боевой славы», «Воспитанники нашей школы на фронтах Отечественной войны», «Трудовая летопись района», «Наши земляки».²⁷

Учащиеся под руководством учителя осуществляли сбор материала по истории, школ, заводов и колхозов, заполняли «Летопись славных дел», вели «хроники» трудового дня пятилетки. Проводились походы «по путям пятилетки» и «ленинские экспедиции». На основе ленинских залов, школьных музеев или музея шефствующего предприятия проводились экскурсии по истории данного предприятия, рассказывалось о трудовых традициях рабочего класса. На встречах с ветеранами и героями труда, орденосцами, представителями рабочих династий, руководителями производства и общественными деятелями учащиеся узнавали не только о роли и значении данного предприятия в народном хозяйстве страны, но и о специфике труда на данном предприятии и об особенностях профессиональной подготовки. В рамках Всесоюзной экспедиции «Моя Родина – СССР» организовывалась массовая поисковая работа по темам «Будни великих строек», «Идеи Ленина живут и побеждают».

В честь XXV и XXVI съездов КПСС во многих школах развернулась поисковая работа по темам «Дорогами свершений и побед», «За ленинской строкой», «Важнейшие стройки пятилетки», «Человек труда – герой нашего времени», «Они награждены орденом Ленина», «Трудовые награды комсомола», «Делегаты комсомольских съездов». В некоторых школьных залах трудовой славы работа велась по таким направлениям, как: «СССР – страна великих свершений», «Школа и производство», «Дороги, которые выбираешь». На стендах размещался материал, рассказывающий о БАМе, КамАЗе и других стройках десятой пятилетки, помещались сведения о советской космонавтике. Вторая тема раскрывалась на примере шефствующего над школой предприятия. Экспозиция рассказывала о производственных успехах предприятия, его лучших людях. Третья тема рассказывала учащимся о рабочих профессиях, о профессионально-технических училищах, которые готовили кадры квалифицированных рабочих для фабрик и заводов.²⁸

В Петрозаводске учащиеся знакомились с историей народного хозяйства Карелии в Государственном краеведческом музее и в заводских музеях ОТЗ, «Авангард» и др. Предприятия Петрозаводска славились рабочими династиями, например, на ОТЗ самой известной и многочисленной была династия Чехониных, насчитывавшей более 150 представителей. Чехонины трудились в каждом цехе ОТЗ. На всю страну был известен П. М. Чехонин, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Союза СССР. В Кондопоге местный краевед А. П. Востряков был организатором комнаты-музея треста «Кондопожстрой», на основе данных музейных экспозиций проводилась краеведческая работа среди учащихся города.

Одной из форм краеведения стала военно-патриотическая работа со школьниками: походы по местам боев, организация и посещение музеев, залов воинской славы, встречи с ветеранами, участниками Великой Отечественной войны и т. д. Эта массовая работа по краеведению проходила под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто». Всесоюзная экспедиция «Моя Родина – СССР» являлась составной частью Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, в том числе и жителей родного края. Красные следопыты принимали активное участие во всех этапах Всесоюзного похода по местам славы, в операции «Летопись Великой Отечественной». Краеведческий материал широко использовался в экспедициях Красных следопытов. В методической литературе этих лет подробно рассматривались вопросы изучения военного прошлого и военно-патриотического воспитания в преподавании истории с использованием местного материала, организации внеклассной историко-краеведческой работы.

В 1960–1970-е гг. в Карелии значительное место в военно-патриотическом воспитании молодежи и школьников получили походы по местам боевой славы под названием «Лыжня Антикайнена». Они проводились в память о легендарном рейде в тыл противника на деревню Кимасозеро лыжного отряда Интернациональной военной школы под руководством Тойво Антикайнена в январе 1922 г. Организатором военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена» была республиканская газета «Комсомолец», за организацию этих соревнований она была признана победительницей Всесоюзного конкурса молодежных газет. Впервые старт заочным соревнованиям «Лыжня Антикайнена» был дан 20 января 1968 г. В походах участвовало 90 отрядов – 1880 человек, пройдено маршрутами боевой и революционной славы более 10 тыс. км. Первое место и переходящий приз газеты «Комсомолец» были присуждены туристскому клубу «Сампо» Петрозаводского госуниверситета. Впоследствии подобные соревнования проводились ежегодно.²⁹

Во время проведения «Лыжни Антикайнена» в школах ветераны Великой Отечественной войны встречались с молодежью и школьниками, рассказывали о героических подвигах советского народа походах, проводи-

²⁷ Логачева М. В. Из опыта работы ленинских залов по идейно-политическому воспитанию учащейся молодежи // Вопросы педагогики и коммунистического воспитания. Петрозаводск, 1970. С. 24, 25, 28.

²⁸ Боголюбова Н. К. Тема труда в краеведческой работе // Внеклассная работа по истории и обществоведению. М., 1981. С. 34–35.

²⁹ Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. С. 237; Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003. Петрозаводск, 2002. С. 419.

лись викторины, игры, пионерские сборы. Так, в средней школе № 39 г. Петрозаводска такие встречи с ветеранами Карельского фронта и даже участниками легендарного похода на Кимасозеро проводила заслуженный учитель КАССР, отличник народного образования Тамара Владимировна Рюмина. Она вместе со школьниками ходила в туристические походы и экспедиции по местам революционной и боевой славы Карелии. Всего в 1970-е гг. в школах Петрозаводска работали 1700 учителей, они воспитывали любовь к родному краю, уважительное отношение к культурно-историческому наследию. 15 педагогов имели почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР», среди них Г. А. Андерсон, О. Д. Молчанова, Д. Н. Музалев, Т. Ф. Сепсякова, А. А. Серба, А. П. Силкина, Л. Д. Фроянц и др.³⁰

В городах и районах Карелии также было немало увлеченных краеведением учителей. Так, в средней школе № 1 г. Кондопога работала Заслуженный учитель РСФСР Зоя Васильевна Макаршина. 25 лет она вела краеведческую работу, организовывала туристские походы со школьниками по родному краю.³¹

Кондопога всегда славилась своим краеведческим движением. Одним из самых известных кондопожских краеведов был учитель Сергей Васильевич Шежемский (1892–1970). Он родился в семье священника, учился в Олонецкой духовной семинарии, затем в Петербургской духовной академии, был участником Первой мировой войны. С. В. Шежемский был учителем с 1918 г. до 1956 г., вся его жизнь была связана с Кондопожским краем. Выйдя на пенсию, Заслуженный учитель КАССР С. В. Шежемский стал заниматься краеведением. Для сбора материала он выезжал в архивы Петрозаводска, Москвы, Ленинграда. С. В. Шежемский положил начало созданию краеведческого музея в г. Кондопога. для его организации С. В. Шежемский передал 1200 документов. В 1968 г. краеведческий музей в Кондопоге был открыт для посетителей. В 1967 г. в журнале «Знамя» был напечатан очерк «Дальше на Север» писательницы Лидия Обухова о встречах с кондопожским краеведом С. В. Шежемским, а затем она написала о нем повесть «Серебряная книга Севера» (М., 1968).

В 1992 г. в честь 100-летия С. В. Шежемского в газете «Новая Кондопога» были опубликованы его воспоминания о школе и своих учениках. В местных газетах о С. В. Шежемском печатается много газетных заметок и статей, о нем писали современные краеведы В. А. Карелин и Г. Я. Пудышев. Имя С. В. Шежемского носит одна из улиц Кондопоги. В 2000 г. в Кондопоге состоялись краеведческие чтения «Кондопожский край в истории Карелии и России», посвященные памяти С. В. Шежемского.³²

В Карелии также широко известно имя Леопольда Леонидовича Нейкена, Л. Л. Нейкен (1930–2003) с небольшим перерывом работал директором и учителем русского языка и литературы в средней школе № 1 в г. Лахденпохья. В 1995 г. ему было присвоено звание Заслуженного работника народного образования Республики Карелия. Л. Л. Нейкен был почетным гражданином города Лахденпохского района, более 30 лет отдал делу воспитания учащихся и краеведческой работе. С 2003 г. средняя школа № 1 носит имя Л. Л. Нейкена.

Л. Л. Нейкен был автором четырех краеведческих книг, в том числе и о Лахденпохья. Он занимался историей родного города, изучал военные действия на территории Лахденпохского района в период Великой Отечественной войны. Л. Л. Нейкен был автором краеведческой викторины «Знаете ли вы Карелию?». Изданная в 1977 г., спустя более 30 лет после выхода из печати она не потеряла своего значения для краеведческой работы со школьниками. О Л. Л. Нейкене и его краеведческой работе имеется несколько газетных заметок. В 2005 г. к 75-летию со дня рождения Л. Л. Нейкена о нем была напечатана статья журналиста Н. П. Кутькова в «Календаре памятных дат Карелии».³³

Все педагоги и учителя определяют значение краеведческой работы в том, что краеведение способствует воспитанию любви к своему Отечеству. «Между Родиной и родным краем существует неразрывная связь. Любовь начинается с родной местности, расширяется до пределов всей страны. Любовь к родному краю питает любовь к Родине. Познать свой край, изучить его – значит полюбить его еще более глубоко», – писал известный методист А. С. Барков. По мнению П. В. Иванова, «чем полнее, глубже, ярче, содержательнее будут знания учащихся о родном крае и лучших его людях, тем более действенными они окажутся в формировании благородного нравственного чувства: интереса и любви к родному краю, глубокого уважения к патриотическим традициям земляков, а главное, они помогут учащимся на доступных, близких примерах из окружающей жизни понять сущность и полноту большого патриотизма – как чувства долга перед народом, перед Родиной».³⁴

В 1950–1970-е годы воспитание любви к Родине означало воспитание советского патриотизма. Большое место в то время в краеведческой работе занимала ленинская тематика и проблемы коммунистического воспитания. В это время наблюдался широкий размах краеведческой работы в школах. Накопление педагогического опыта и стремление поделиться с открытиями нашли свое отражение в многих публикациях по вопросам школьного краеведения. Учителя, организаторы внеклассной историко-краеведческой работы рассказывали о различных вариантах использования краеведческого материала на уроках истории СССР, о работе краеведческих кружков, о проведении краеведческих конкурсов и викторин, о военно-патриотическом воспитании в процессе краеведческой работы.

³⁰ Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. Указ. соч. С. 249–250.

³¹ Учителей любимых имена. Петрозаводск, 2000. С. 30.

³² См.: Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвященных памяти С. В. Шежемского. Петрозаводск–Кондопога, 2000.

³³ Календарь памятных дат Карелии, 2005 год. Петрозаводск, 2004. С. 41–42.

³⁴ Барков А. С. О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М., 1961. С. 77; Иванов П. В. Указ. соч. С. 102.

**«Предупел он вместить в двух годичное время успехи многих лет»
(А. Е. Крылов директор народных училищ Олонецкой губернии в 1804–1806 гг.)**

«Неутомимым по должности трудолюбием» – так можно характеризовать многих деятелей народного просвещения первой половины XIX века. Но эти слова адресованы к Аврааму Егоровичу Крылову – директору Олонецких народных училищ в 1804–1806 гг. Два года в должности – много это или мало? Если анализировать с позиции времени – конечно, срок минимальный, а если с точки зрения масштабов деятельности на ниве просвещения – значительный. За столь короткое время А. Е. Крыловым была создана основа системы просвещения Карелии.

Авраам Егорович Крылов родился в 1769 г. в Олонецкой губернии, в семье священника. После окончания Архангельской духовной семинарии, поступил в Александро-Невскую академию. В 1789 г. вернулся на родину и работал в Олонецкой губернской администрации помощником стола в чине губернского регистратора. С 1790–1793 гг. занимал такую же должность в Архангельской губернии. С 1794 г., продолжил гражданскую службу в штате Минского, Волынского, Бреставского и Подольского губернаторства в чине титулярного советника. За время службы был награжден орденом святого Владимира IV степени. В 1798 г. вернулся в Олонецкую губернию и в течение шести лет был уездным судьей в Вытегре, получил чин коллежского асессора. В 1804 г. по состоянию здоровья был уволен из ведомства министерства внутренних дел в чине надворного советника.¹ Тогда ему исполнилось 35 лет.

Трудовую биографию Авраама Егоровича дополняют сохранившиеся в архиве рекомендательные письма губернатора Минского, Волынского, Бреставского и Подольского Т. И. Тутолминова. Он отмечал, что за время гражданской службы А. Е. Крылов показал «ревностейшее в высочайшей службе усердие, сопровождающее успехом и неутомимым по должности трудолюбием»². Как судью Вытегорского уездного суда А. Е. Крылова положительно характеризовал и министр внутренних дел Г. В. Кочубей: «совершенно бескорыстный и с соблюдением правосудия приобрел он всеобщую доверенность, похвалу и уважение».³

В июле 1804 г. А. Е. Крылов в прошении на имя попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцева писал, что место директора народных училищ Олонецкой дирекции после Н. П. Ушакова не занято, и поэтому «желал бы продолжить оное под прозорливостью Вашего Превосходительства начальством»⁴. Так с 17 августа 1804 г. он становится директором народных училищ в г. Петрозаводске.

Положение народного образования в Олонецком крае в начале XIX века было в расстроеном состоянии. «Не нашел я в здешней училищной библиотеке никаких сведений об успехах распространения наук»⁵, – писал А. Е. Крылов в своем донесении Н. Н. Новосильцеву. Вся проблема неудовлетворительного положения дел состояла в недостаточном финансировании. Городская управа и Олонецкий губернский приказ общественного призрения, в ведении которого находилось народное образование, выделяли незначительную сумму на его содержание, которая составляла 1200 рублей в год. Малые уездные училища финансировались из бюджетов городских обществ, которые выделяли на их содержание от 200 до 300 рублей в год. Этих сумм не хватало даже на выплату мизерного жалования учителям, отопление, освещение учебных классов. О приобретении хоть каких-нибудь учебных пособий не было и речи.

Жалование чиновникам по училищному ведомству выплачивалось нерегулярно. По Ведомости о доходах и расходах за 1802 и 1803 гг. директору училищ жалование не выдавалось, деньги получали только работающие преподаватели в Главном народном училище. Директор народных училищ Н. П. Ушаков в январе 1804 г. «отказался от службы за неимением доходов».⁶

Вся работа нового директора народных училищ была подчинена выполнению «Устава учебных заведений, подведомых Университетам» 1804 г. Судя по архивным данным, А. Е. Крылов был достаточно хорошо знаком с руководящими документами и старался их в точности выполнять. В своих донесениях, сообщая о проведенных мероприятиях в своем ведомстве, он постоянно ссылается на те или иные статьи «Устава». Так, например, в одном из донесений 1804 г. он пишет, что поручил учителям высших классов Петрозаводского главного народного училища «на основе & 46 прежнего о народных училищах Устава сочинять и продолжить записку о заведении сих школ в Олонецкой губернии»⁷, а в другом, по вопросу приобретения для народного училища электрической машины сообщает «По Уставу народных училищ, считается она в числе пособий классических».⁸

¹ Биография восстановлена по послужным спискам чиновников за 1806 г. ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 227, л. 4 об.

² ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 63, л. 5 об.

³ Там же. л. 7.

⁴ Там же. л. 2.

⁵ Там же. л. 9.

⁶ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 133, л. 4.

⁷ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 63, л. 9.

⁸ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 91, л. 1.

Особой заботой А. Е. Крылова было устройство Петрозаводского главного народного училища, здание которого в 1802 г. сильно пострадало от пожара, и занятия в нем не проводились. Городская управа и Олонецкий губернский приказ общественного призрения деньги на ремонт школы не выделяли, поэтому училище размещалось в наемном помещении в доме титулярной советницы А. Петровой. Дом был ветхий, не приспособленный для обучения детей – «стекла в окнах разбиты и досками заставлены, рамы в окошках замазаны, да те не двойные, а одинакие, подвержены сквозным ветром».⁹ Зимой обучение не проводилось: «по причине крайнего холода ни одного класса не было, как учителя, так и дети оставались без всякого дела и упражнения»¹⁰, – писал в донесении директор народных училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылов в 1804 г. попечителю учебного округа В. Ф. Мартенсу директору училищ удалось добиться выделения средств на ремонт пострадавшего здания и временного перевода учащихся в здание Олонецкой казенной палаты.

Много времени А. Е. Крылов уделял пополнению материальной базы главного народного училища в г. Петрозаводске, а именно созданию библиотеки и минерального кабинета. В своих прошениях попечителю он неоднократно просит доставить в училище приборы, карты, книги. Уже в августе 1804 г., сразу же после вступления в должность Авраам Егорович просил Н. Н. Новосильцева доставить в училище астролябию, термометр, барометр, географические карты Российского государства и Европы. Кроме того, выделить деньги на покупку электрической машины, которую служащий департамента министерства финансов надворный советник В. Соколов «по любви к просвещению здешнего края желал бы продать электрическую машину за сходную цену, а именно за 100 рублей».¹¹ По созданию минерального кабинета директор училищ обратился к горному начальнику Олонецких заводов А. В. Армстронгу «о снабжении училища главными породами земли, камней, солей, прочих веществ, полуметаллов и окаменелостей».¹² Сам же Авраам Егорович подарил в минеральный кабинет училища коллекцию из 50 монет разного достоинства. Необходимо отметить, что данная коллекция была предметом гордости училища, а впоследствии Олонецкой гимназии на долгие годы. Вплоть до середины XIX века в отчетах по училищу ежегодно она упоминалась, как учебное пособие, подаренное директором народных училищ А. Е. Крыловым.

А. Е. Крылов заботился об устройстве профессионального и домашнего быта педагогов. В своих донесениях он сообщал Н. Н. Новосильцеву в 1804 г., что учителя «помещаются сами в чердаках, весьма тесных и холодных, подверженных зимой угару, который состоит из двух покоев, даже и кухни не имеют»¹³ и просил о помощи в снабжении учителей «потребным на зиму количеством дров и света для учительских покоев... дров же для четырех учительских кухонь на весь круглый год».¹⁴ Значительную помощь в этом вопросе оказал губернатор В. Ф. Мартенс. «Должное распоряжение о вызове желающих и поставки потребного числа дров сделано», – сообщил губернатор Н. Н. Новосильцеву в 1806 г. Так, постепенно происходило улучшение положения учителей.

Судя по архивным данным, между Олонецким губернатором В. Ф. Мартенсом и директором народных училищ А. Е. Крыловым сложились довольно интересные взаимоотношения. Неутомимый директор училищ постоянно напоминал губернскому начальству о проблемах в своем ведомстве. Основные вопросы, конечно же, были связаны с финансированием. Чтобы быть в курсе распределения денежных средств, А. Е. Крылов (не без помощи попечителя учебного округа) стал присутствовать на заседаниях Олонецкого губернского приказа общественного призрения.¹⁵ Губернатор на многие обращения директора училищ отвечал согласием. Достаточно быстро были решены вопросы о ремонте главного училища и временном переводе учащихся в здание Олонецкой казенной палаты. Если же, какая либо проблема на местном уровне не решалась, то губернатор лично обращался с просьбами к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву. Так в 1804 г. В. Ф. Мартенс по недостатку доходов в Олонецком приказе общественного призрения просил «об ассигновании нужной суммы, как на жалование директора, так и на его требования»,¹⁶ а именно: «на материалы для подклейки карт, столы и стулья для преподавателей училища в г. Петрозаводске, черную доску, мел, губки, колокол, часы, шкафы с замками для училищной библиотеки, бумага, перья, ручки и т. д., словом все то, что было необходимо для проведения учебного процесса в училище»,¹⁷ кроме В. Ф. Мартенс был активным участником всех публичных актов, проводимых в Петрозаводском главном училище.

Значительный вклад А. Е. Крылова в дело просвещения в Олонецком крае – это открытие приходских училищ в сельской местности. Уже в августе 1804 г. в своем прошении на имя Н. Н. Новосильцева о выдаче прогонных денег на проезд «в окружные города» А. Е. Крылов отмечал: «Я желал бы мимоездом внушать крестьянам многолюдных казенных селений пользу наук происходящих и убеждать их в добровольном взносе денег на приходские училища без всякого вида принуждений».¹⁸ А. Е. Крылов с самого начала понимал, что

⁹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 89, л. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 91, л. 6.

¹² Там же. л. 9.

¹³ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 89, л. 1.

¹⁴ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 87, л. 4.

¹⁵ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 77, л. 2.

¹⁶ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 87, л. 2.

¹⁷ Там же. л. 3.

¹⁸ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 91, л. 5.

единственной надежной формой материальной поддержки начальных школ могут быть пожертвования самого сельского населения, и стремился пропагандировать среди крестьян пользу училищ. Предложенная им модель управления училищами вполне соответствует «просветительским» целям и методам, провозглашенным в 1800-х гг. в правительственной политике в сфере образования.

1804–1806 гг. А. Е. Крылов посетил деревни и села 4-х уездов Олонецкой губернии Петрозаводского, Олонецкого, Лодейно-Польского и Каргопольского. В селениях он встречался с крестьянами, со священнослужителями, волостным начальством и убеждал их в пользе просвещения и открытия приходских училищ. Деятельность А. Е. Крылова была поддержана Каргопольским земский исправником И. Ярославцевым, который в 1805 г. посетил более 30 селений уезда и подготовил «для 21 приходского училища пристойные дома, черные доски для письма мелом, столы, скамьи и прочие для учения потребности без всякого к мирским обшеством прикосновениям и тягости»¹⁹. За такое попечение об устройстве приходских училищ, А. Е. Крылов ходатайствовал перед Н. Н. Новосильцевым о награждении И. Ярославцева орденом святого Владимира IV степени

Таким образом, 1805–1806 гг. в различных селах Олонецкой губернии было открыто 20 начальных школ, согласно правилам об устройстве училищ 24 января 1803 г. Директор училищ лично обращался к Олонецкому епископу Евгению с просьбами о согласии консистории на преподавание местным священникам российской грамоты в приходских училищах в селениях Олонецкой губернии.

А. Е. Крылов не только заботился об открытии школ, но и оказывал благотворительную помощь школам: снабжал открытые им училища учебными пособиями на свой счет. В декабре 1804 г. он выписал книги из магазина для распродажи, а именно, книги, карты, глобусы, таблицы, всего на сумму 219 рублей 35 копеек «на случай, однако же, если сыскались на покупку некоторые охотники и для собственного моего употребления».²⁰ Эти книги и стали средствами благотворительности для открытых училищ в селениях Олонецкой губернии. «Я принял на себя снабжать учебными пособиями училища на свой счет», – сообщал А. Е. Крылов попечителю.²¹ Впоследствии такая благотворительность ляжет тяжким бременем на семью директора народных училищ.

Важно отметить, что в своих донесениях попечителю округа директор училищ не только описывал происходящие события по своему ведомству, но делал весьма интересные предложения по вопросам развития учебного дела в Олонецкой губернии, которые воспринимались начальством учебного округа положительно. Отзывы, суждения, мнения с мест давали возможность выявлять позитивные и негативные стороны учебных реформ и корректировать их проведение в российской провинции с целью улучшения положения учебного дела в стране. Особенно это было важно в начале XIX века, когда шло становление системы народного просвещения в России. Так в декабре 1804 г. А. Е. Крылов в донесении графу П. А. Строганову об объединении усилий министерства народного просвещения и духовного ведомства в вопросе «доставления складки денег на содержание в городах домов для духовных училищ».²² По мнению Авраама Егоровича подготовку учителей для сельских приходских училищ должны были осуществлять училища духовного ведомства, т. к. учителями в этих училищах назначались местные священнослужители.

В этом же году директором училищ были составлены сметы постройки каменных домов для народных училищ в уездных городах Олонецкой губернии. Согласно этой смете на строительство одного уездного училища требовалось 12366 рублей 35 копеек, а для 7 уездов Олонецкой губернии – 86566 50 копеек соответственно.²³

Активная деятельность А. Е. Крылова была отмечена высшими инстанциями. Попечитель С.-Петербургского учебного округа граф П. А. Строганов отмечал «особенную деятельность и усердие директора училищ Олонецкой губернии А. Е. Крылова».²⁴ Успехи распространения училищ в столичном округе, включая Олонецкую губернию, привлекли внимание самого Александра I. Министр народного просвещения П. В. Завадовский в письме графу П. А. Строганову 19 апреля 1805 г. сообщал: «Я докладывал Государю Императору по отношению Вашего Сиятельства. Его Величество с удовольствием внимал оному».²⁵ Вероятно, император «внимал» не отношению попечителя об успехах школ в отдельной губернии, а докладу, излагающему делу по округу.

В октябре 1806 г. А. Е. Крылов скончался, оставив жену и семилетнего сына Александра в бедности. С кончиной Авраама Егоровича его семья лишилась средств к существованию, к тому же супруге Анне Крыловой пришлось платить по долгам мужа. По «Ведомости о приходах и расходах за 1809 г.» в графе о «Суммах прихода» значится сумма 35 рублей, внесенная за долг от вдовы А. Е. Крылова.²⁶ Так после смерти мужа Анне Крыловой пришлось расплачиваться за долги мужа в течение нескольких лет. Только после полного расчета она получила разрешение на выезд из Олонецкой губернии вместе с сыном Александром. В архиве со-

¹⁹ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 205, л. 1.

²⁰ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 155, л. 1.

²¹ НА РК, ф. 27, оп. 21, д. 57/3, л. 9.

²² ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 135, л. 1.

²³ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 87, л. 7.

²⁴ РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 32, л. 1.

²⁵ Там же. л. 2.

²⁶ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 439, л. 2.

хранились прошения А. Крыловой на получение единовременного пособия по смерти мужа и на разрешение свободного выезда за пределы Олонецкой губернии.

Интересна дальнейшая судьба Александра Абрамовича Крылов – сына А. Е. Крылова. После окончания Олонецкой гимназии он поступил Петербургский педагогический институт. Далее служил надзирателем в Петербургском училище глухонемых и смотрителем Тихвинского училища; был членом Вольного общества российской словесности и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Поэт и критик А. А. Крылов свои произведения печатал в журналах «Соревнователь» и «Благонамеренный», в альманахе «Северные цветы».

Таким образом, А. Е. Крылов – директор народных училищ Олонецкой губернии, будучи в должности всего лишь в течение двух лет (1804–1806 гг.), проявил себя человеком глубоко преданным делу просвещения, честным тружеником государственной службы. «При исполнении должности, жертвуя постепенно угасавшею в продолжительной болезни жизнью своею, предупредил он вместить в двух годичное время успехи многих лет»,²⁷ – писала в своем прошении жена Анна Крылова. В архиве сохранилось более 25 прошений, донесений, сообщений, предложений в разные инстанции А. Е. Крыловым и адресованных: министру народного просвещения А. Строганову, попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву, Новгородскую консисторию, Олонецкому епископу Евгению, Олонецкому губернатору В. Ф. Мартенсу, горному начальнику Олонецких заводов А. В. Армстронгу. Важно отметить, что этих донесениях давался подробный пересказ практически всех дел дирекции Олонецких народных училищ, а иногда и дословное их воспроизведение. Такие документы представляются весьма ценными источниками для изучения взаимоотношения властей и провинциального общества при становлении школьного дела в Олонецкой губернии в начале XIX века.

Литература

1. *Российский* государственный исторический архив, ф. 733: Департамент народного просвещения, оп. 20, д. 32.
2. *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга ф. 139: Канцелярия Попечителя Петроградского учебного округа, оп. 1, д. 63, 77, 87, 89, 91, 133, 135, 155, 205, 227, 244, 439.
3. *Национальный* архив республики Карелия, Ф. 27: Олонецкий Статистический комитет оп. 21, д. 57/3.

---

²⁷ ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 244, л. 1.

В. И. Машезерский как организатор историко-партийной работы в АКССР (1933–1937)

Работы Виктора Ивановича Машезерского по истории Революции 1917 года и гражданской войны на территории современной Карелии заложили фундамент изучения этой темы в современной историографии. Широкой научной общественности он известен, прежде всего, как автор двух монографий «Установление Советской власти в Карелии» 1957 года и посмертно изданной «Победа Великого Октября и образование советской автономной Карелии» 1978 года, а также как редактор ряда публикаций исторических источников. Среди них «За советскую Карелию 1918–1920: Воспоминания о гражданской войне» и «Карелия в период гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1920). Сб. документов и материалов». Сюжеты, связанные с работой В. И. Машезерского над этими изданиями нашли свое отражение в кратком историографическом очерке Н. А. Кораблева «В. И. Машезерский – историк карельского края».¹

Однако очень важная на наш взгляд проблема руководства В. И. Машезерским работой Карельской историко-партийной комиссии при ОК ВКП(б) не была еще рассмотрена должным образом.

В. И. Машезерский был назначен ответственным секретарем Каристпарта 3 апреля 1933 года, через год после масштабной реорганизации историко-партийной комиссии 15 мая 1932 года. Характер работы предыдущей, основанной в июне 1923 года историко-партийной комиссии и вопрос о сохранности ее архива в данный момент до конца не прояснены. Единственным свидетельством этого этапа историко-партийной работы остается сборник «В боях за советскую Карелию. – Л.: ОГИЗ, 1932».

Фактически только с приходом В. И. Машезерского начинается оформление Каристпарта как структуры, которая смогла бы выполнить сложную и кропотливую работу по созданию, систематизации и публикации массива документов по истории революционного движения и гражданской войны, но и профдвижения, истории заводов, совхозов, всего социалистического строительства в АКССР, истории ВЛКСМ. Кроме того, в организационных документах отмечалось, что в работе Каристпарта особо должна быть выделена задача освещения национального вопроса на территории карельской автономии, как в дореволюционное время, так и после Октябрьской революции. В связи с этим Истпарткомиссия должна была уделить большое внимание истории революционного движения в Финляндии.²

В этой обстановке от личных способностей и целеустремленности ученого секретаря зависело очень многое. Хотя Каристпарт официально возглавлял Г. Ровио, но основная работа ложилась на плечи именно ученого секретаря комиссии. От него требовался не только профессионализм историка, но и навыки административной работы, умения общаться с людьми, вовлекая их в историко-партийную работу.

Для успешной реализации поставленных задач предусматривалось, что в своей работе Каристпарт должен будет опираться на районные истпарткомиссии, на партийный архив, центральный архив Карельского научно-исследовательского института, краеведческий музей, ОК ВЛКСМ и другие организации. Таким образом, очерчивался круг непосредственных партнеров Каристпарта, которыми он руководил, осуществляя экспертизу выявленных, собранных и систематизированных документальных материалов и подготавливая их к публикации. Под непосредственным руководством Каристпарта находились все партийные архивы и соответствующий отдел центрального архива АКССР. Истпарткомиссия устанавливала порядок хранения партийных архивов и порядок пользования ими.

Для достижения намеченных целей Карельскому Истпарту и В. И. Машезерскому как его ученому секретарю предстояло осуществить на деле сложную многогранную работу по строительству низовых организаций Истпарта и формированию массового актива, без которого невозможно было осуществить приоритетные задачи. Прежде всего, Каристпарт должен был создать, а затем опираться на развитую сеть районных истпартов. Согласно «Положения об Истпарткомиссии при Карельском ОК ВКП(б)», утвержденном секретариатом ОК ВКП(б), каждый Райком создавал соответствующий отдел аналогично тому, как это делалось на республиканском уровне.

Президиум Каристпарта, стремился в кратчайшие сроки создать в районах республики истпарткомиссии, подобрав в их состав «...вполне проверенных и работоспособных товарищей».³ На эту работу отводился всего один месяц: с середины апреля до середины мая 1933 года. За это время необходимо было подобрать людей, которые могли профессионально выполнять поручения, составить развернутый план работы и начать его выполнять. После утверждения состава комиссий на Бюро РК сведения о ее персональном составе, с обязательным указанием партстажа всех ее членов, передавались в Каристпарт. К концу 1933 г. в Карелии насчитывалось 17 райистпарткомиссий: Шелтозерская, Олонецкая, Пряжинская, Кондопожская, Заонежская, Медвеже-

¹ Кораблев Н. А. В. И. Машезерский – историк карельского края // Краевед – Петрозаводск, 2007 – С. 120–125.

² НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 1, л. 9.

³ НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 2, л. 3.

горская, Сорокская, Кемская, Лоухская, Кандалакшская, Сегозерская, Ругозерская, Кестенгская, Тунгудская, Ухтинская, Пудожская, Петровская.⁴

Подобная работа, правда, не могла быть выполнена в такие короткие сроки, которые были определены Карельским истпартом. Истпартработа носила характер партийного поручения, а, следовательно, осуществлялась исключительно на безвозмездной основе в свободное от основной работы время. Загруженность же рядового партийно-советского работника низшего звена была весьма значительной, а оклад невысоким. Нередко руководящие работники выполняли до пяти партийных поручений одновременно. Ответственный секретарь Каристпарта В. И. Машезерский в своем обращении в отдел местных Истпартов ИМЭЛ акцентировал внимание на том, что «все работники Райистпартов до настоящего времени ведут эту работу в порядке партнагрузки. Опыт, хотя и короткий, показал, что при таком положении работа крайне медленно разворачивается. По мнению Каристпарта необходимо было бы в каждом районе иметь одного платного работника – секретаря Истпарта, который бы организовал в районе эту работу... Просьба сообщить имеется ли возможность ИМЭЛ оказать финансовую помощь и какую в организации истпартработы в Карелии».⁵ Однако, сославшись на трудности с бюджетированием, ИМЭЛ эту просьбу не поддержал, отметив, что любая историко-партийная работа является партийной нагрузкой.⁶

Значительной проблемой в работе райистпарткомиссий была текучка кадров. Выехавшие на учебу работники, которые являлись членами испартактива, нередко, после ее окончания, назначались в совсем другой регион Советского Союза и в КАССР не возвращались. Это зачастую приводило к отсутствию преемственности в работе членов истпарткомиссий на местах, утрате накопленного опыта. Та работа, которая отчасти выполнялась в 20-е годы по архивированию материалов, прерывалась иногда на продолжительный срок, а сами архивные собрания утрачивались.⁷

Народный следователь Пудожского района и по совместительству председатель райистпарткомиссии, разъясняя причины неудач в порученном ему деле, писал В. И. Машезерскому: «Работа нашей комиссии действительно отсутствовала. Это объясняется отчасти недооценкой этой работы низовыми ячейками и нашим активом, отчасти тем, что мы два члена комиссии, я и Куделин, имели до сих пор большие нагрузки, как по основной, так и партийно-общественной работе. Для меня еще эта работа еще затрудняется и тем, что я не местный человек: в Пудожском районе я работаю с 1931 года только. Третий член хотя и активный, но почти неграмотный и больной. Причем как Куделин, так и Федоров имеют багаж исключительно по гражданской войне. Ветеранов по советской, профсоюзной и другим областям в районе очень мало. Хуже всего то, что у нас под рукою нет никаких архивных материалов: ни партийного, ни советского архивов. Первые годы революции в районе были и где они находятся, никто не знает. Они или уничтожены во время гражданской войны или увезены в Карцентархив».⁸ Это привело к тому, что в Пудожском районе не смогли выполнить тот план работ, который был намечен: в запланированные сроки не был создан испартактив, не было возможности собрать воспоминания участников событий 1917–1922 гг. и создать коллекцию документов.

Медвежьегорское бюро состояло из заведующего культпропом, инструктора райкома ВКП(б) по кадрам и председателя РИКа.⁹ Для многих, если не для всех, руководящих работников историко-партийная работа была не единственным партийным поручением. Множество текущих обязанностей плюс отсутствие базового исторического образования рождали стремление отложить истпартовскую проблематику.

Не лучше обстояло дело и в Кемском истпарте. Ответственным секретарем был военком, финский эмигрант, О. В. Кумпу, еще один член коллегии – заведующий культпропом И. В. Левков – люди чрезвычайно занятые по роду своих основных занятий. Поэтому председателем был назначен член партии с 1918 года В. Н. Степанов, но он обладал слабым здоровьем и находился на инвалидности. Поэтому по объективным причинам работа проводилась с нарушениями установленных сроков, часто срываясь.¹⁰

Такое состояние кадрового вопроса на местах, отсутствие мало-мальски квалифицированных архивариусов, явилось полной неожиданностью для партийного руководства.¹¹ Бюро Каристпарта пыталось в духе времени решить все проблемы кавалерийским наскоком. В. И. Машезерский как ответственному секретарю приходилось в многочисленных приказах и обращениях в райкомы требовать на протяжении 1933–1935 года максимальной концентрации сил на историко-партийной работе. Он видел все трудности, с которыми сталкивались на местах, но и осознавал, что необходимо наверстывать упущенное в 20-ые годы и фактически в считанные месяцы не только провести всю организационную работу, но и получить первые результаты сбора партийной документации и воспоминаний ветеранов революции.

Впрочем, необходимо отметить, что своеобразная «штурмовщина» в деле строительства истпарторганизаций была во многом вынужденной мерой. К моменту начала компании по развертыванию сети райистпартов, где ключевой фигурой был В. И. Машезерский, эта работа пробуксовывала более года. На заседании бюро Ка-

⁴ НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 2, л. 32.

⁵ НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 1, л. 34.

⁶ Там же, л. 33.

⁷ Там же, д. 40, л. 16, 132.

⁸ НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 3, л. 8

⁹ Там же, д. 2, л. 16.

¹⁰ Там же, д. 1, л. 17; д. 2, л. 8.

¹¹ Там же, д. 1, лл. 19–20.

робкома ВКП(б) 15 мая 1932 года уже было принято соответствующее решение.¹² Поэтому в мае 1933 г. Каристпарт повторил в декларации «Райистпартам» свои настоятельные требования: «Каристпарт до настоящего времени не получил от вас извещения о Вашей работе. Между тем Ваше молчание или бездеятельность чрезвычайно тормозит работу по собиранию и систематизации необходимых материалов».¹³

Понимая, что в деле создания сети районных Истпартов его личная инициатива и упорство как ответственного секретаря имеют серьезное значение и могут переломить ситуацию, В. И. Машезерский пытался максимально наладить связь с районными комиссиями и стремился заставить их выполнять поручения. Это со всей очевидностью подтверждается стилистикой распоряжений и писем, которые неустанно рассылаются им по районам Карелии.

Однако развернуть успешную работу одними инструкциями и распоряжениями было невозможно, поэтому В. И. Машезерский создает сеть корреспондентов и вовлекает в работу по написанию воспоминаний даже тех участников революционных событий, которые в 1930-х гг. уже проживали и работали в Одессе, Чернигове, Ташкенте, Москве и Ленинграде. При личных встречах и в переписке с ними, как показывают материалы, он обсуждает структуру текстов, дает советы, редактирует. Как показывает переписка, у него складываются товарищеские, доверительные отношения со всеми своими корреспондентами. Он смог объединить единой целью многих активных участников революции и гражданской войны на севере.

Благодаря энергии и безусловным организаторским способностям В. И. Машезерского по налаживанию историко-партийной работы Каристпарта на протяжении 1932–1937 годов была проделана большая, успешная работа по сбору воспоминаний участников революционного движения и гражданской войны, проведению вечеров воспоминаний, составлению хроник и систематизации документального материала о событиях 1905–7 и 1917–1922 годах в Карелии. Благодаря грамотной работе по архивированию нарративов и документов, их систематизации, проводимой В. И. Машезерским, была создана необходимая источниковая база для исследования этих ключевых событий в истории XX века на региональном уровне. Только воспоминаний в течение всего 3-х лет было записано и частично опубликовано в прессе 126 текстов. Материалы Каристпарта находились в таком безукоризненном порядке, что во время скоропалительной ликвидации Каристпарта 23–29 декабря 1937 года его фонд удалось без потерь передать в ведение Партархива в течение всего шести дней. Случай, поистине, уникальный.

*Голубев А. В.,
Петрозаводский государственный университет*

«Карельский дневник» Филиппа Вудса как новый источник о Гражданской войне и иностранной интервенции в Карелии (1918–1920 гг.)

Гражданская война и иностранная интервенция 1918–1920 гг. на Русском Севере вовлекли в острую борьбу различные политические силы – большевиков, белое движение, финских и карельских националистов, интервенционные силы из Великобритании, Франции, США, Канады и ряда других стран. До недавнего времени в отечественной науке для изучения истории Карелии данного периода, в основном, использовались лишь источники, отражавшие позиции большевиков (архивные материалы и мемуары), а также отчасти воспоминания представителей белого движения.¹ Это в значительной степени ограничивало реконструкцию событий гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии в 1918–1920 гг. Источники, которых хранятся в архивах Финляндии, Великобритании, США, Франции и которые были созданы представителями этих стран, участвовавшими в событиях 1918–1920 гг. в Карелии, до сих пор остаются невовлеченными в научный оборот в отечественной историографии по ряду как объективных (трудность доступа), так и субъективных (незнание иностранных языков) причин. Между тем, без обращения к историческим источникам зарубежного происхождения едва ли представляется возможным дать достоверную научную картину развития событий гражданской войны и интервенции на Русском Севере (а, следовательно, и истории Карелии в 1918–1920 гг.), поскольку данные события являлись следствием целей, мотивов и действий всех сил, участвовавших в данном конфликте. Одним из таких источников является «Карельский дневник» Филиппа Вудса.

¹² НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 1. л. 6.

¹³ НАРК. ф. П-14, оп. 1, д. 2. л. 6.

¹ Это нашло свое отражение в публикации источников по истории Карелии в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Так, к настоящему времени опубликован значительный комплекс документов, зафиксировавших позицию советской власти, например: Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов. – Петрозаводск, 1957; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964; Борьба за торжество советской власти на Севере. Сб. документов. Архангельск, 1967, и др. С конца 1980-х гг. усиливается интерес и к мемуарам деятелей белого движения. См., напр.: Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы: В 2-х тт. / Сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993.

Филипп Вудс (1880–1961) был британским офицером, участвовавшим в англо-бурской и Первой мировой войнах и сыгравшим важную роль в интервенции союзников на севере России в 1918–1919 гг. «Карельский дневник» – это его воспоминания об участии в интервенции. Он был опубликован английским историком Николасом Бароном в 2007 г. в качестве второй части своей книги «Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и Британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары»,² его оригинал хранится в Имперском военном музее в Лондоне. По мнению Н. Барона, «Карельский дневник» датируется концом 1938 или 1939 г.,³ при этом Филипп Вудс обращался к другим участникам описываемых событий – либо для восстановления хронологии, либо для более подробного описания.⁴ Хронологическая дистанция, отделяющая Ф. Вудса в момент написания своих мемуаров от описываемых событий, является значительной – около двадцати лет, к тому же жанр, выбранный автором, предполагал литературное изложение, что, несомненно, оказало определенное влияние на повествование и достоверность «Карельского дневника»⁵. Тем не менее, богатая фактологическая основа мемуаров Ф. Вудса, его оценка мотивов и целей сторон, участвовавших в гражданской войне и иностранной интервенции на Севере и его собственная политическая и идеологическая позиция в данных событиях позволяют по-новому раскрыть ряд событий 1918–1920 гг. в Карелии.

Филипп Вудс был завербован в британскую миссию на Русском Севере в июне 1918 г., когда он командовал резервными частями в Англии после отстранения от командования батальоном на Западном фронте в результате интриг своих подчиненных.⁶ Он прибыл в Мурманск в начале июля вместе с крупной группой британских интервенционных сил на пароходе «Марсель», и уже 3 июля был отправлен в Кемь для усиления стоявшего в городе британского гарнизона под командованием капитана Л. А. Дрейк-Брокмана. Здесь, сразу после прибытия, он стал свидетелем ареста кемского совета и лояльного ему кемского гарнизона и последовавшей за этими событиями попытки прорыва в Кемь по Мурманской железной дороге отряда большевиков под командованием комиссара И. Д. Спиридонова, причем в разоружении отряда Спиридонова он принял непосредственное участие.⁷ Здесь же, в Кемь, он через несколько дней получил задание, которое стало смыслом его пребывания на Севере России на все время интервенции. В мемуарах Вудса описано, как 7 июля, во время визита в Кемь генерала Мейнарда, главнокомандующего силами Антанты в Карело-Мурманском регионе, генерал встретился с делегацией «из примерно тридцати мужчин дикой внешности, в косматых медвежьих шапках и тулупах, ошестившихся ножами, топорами и неизбежными усами».⁸ Именно так увидел Филипп Вудс своих будущих подчиненных – северных карелов, которые обратились к британцам с просьбой о помощи в борьбе с финскими добровольческими частями, успевшими к тому времени оккупировать значительные территории Северной (Беломорской) Карелии, включая Ухту, Вокнаволок, Юшкозеро и ряд других северокарельских деревень. История карельских добровольцев, из которых британское командование сформировало Карельский полк, и является наиболее интересной частью мемуаров Филиппа Вудса, тем более, что история этого полка, сыгравшего ключевую роль во многих событиях 1918 и 1919 гг. в Карелии, остается фактически незатронутой отечественными историками.

Формальной причиной интервенции стран Антанты на Русском Севере была германская угроза – десяти-тысячный корпус генерала Р. фон дер Гольца, высадившийся в апреле 1918 г. в Финляндии для помощи финским белогвардейцам, по мнению британской разведки, всерьез планировал наступление на Мурманск, где союзники к этому времени создали большие запасы вооружения и боеприпасов для Восточного фронта. Поскольку в марте 1918 г. белофинские части перешли границу между Финляндией и Россией и начали продвижение к Мурманской железной дороге, командование стран Антанты восприняло эти действия как вероятное начало более крупномасштабного наступления соединенных немецко-финских сил на Мурманск.⁹ Поскольку все силы союзников были задействованы на Западном фронте, они не могли отправить на север России сколько-нибудь значительные войска. Это ускорило формирование добровольческих частей из местного населения – процесс, ключевая роль в котором досталась Филиппу Вудсу. 7 июля 1918 г. генерал Мейнард прибыл в Кемь, где провел две встречи с представителями русского и карельского населения Беломорской Карелии. Первая

² N. Baron, *The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918–1919. A History and Memoir*. Francis Boutle Publishers, 2007.

³ N. Baron. *Op. cit.* P. 8.

⁴ Информация из личной переписки с Н. Бароном.

⁵ Дневник Филиппа Вудса является типичным примером «нарратива Британской империи», анализу которого посвящен целый ряд значительных научных работ, среди которых можно отметить следующие: R. Jeffrey (ed.), *Imperialism and Juvenile Literature (Studies in Imperialism)*. Manchester University Press, 1989; M. Logan, *Narrating Africa: George Henty and the Fiction of Empire*. Routledge, 1999; L. J. Proudfoot, M. M. Roche (eds.), *(Dis)placing Empire: Renegotiating British Colonial Geographies*. Ashgate Publishing, 2005; G. Dawson, *Soldier Heroes: British Adventure, Empire and the Imaging of Masculinity*. Routledge, 1994; и др. Эта проблема рассматривается и в отечественной англистике, например: Садомская Н. Д. Творчество Генри Райдера Хаггарда и английская литература на рубеже XIX–XX веков. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. док фил. наук. Москва, 2007.

⁶ N. Baron. *Op. cit.* P. 49.

⁷ P. Woods. *Karelian Diary*, in: Baron N. *Op. cit.* P. 156–160.

⁸ *Ibid.* P. 160. Здесь и далее перевод автора.

⁹ Данное – военно-стратегическое – объяснение причин интервенции на Русском Севере является одним из наиболее доминирующих в западной историографии. См., например: C. Kinvig. *Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920*. London, 2006. P. 19–26.

закончилась решением о формировании Славяно-Британского Легиона, численность которого, впрочем, достигла всего 200 человек и который, как следствие, не сыграл большой роли в военных действиях ни в 1918, ни в 1919 г.¹⁰ Гораздо большее влияние на развитие событий гражданской войны и интервенции в Карелии сыграло второе добровольческое подразделение – Карельский полк, сформированный из добровольцев-карелов под командованием Филиппа Вудса.

Основанием для формирования Карельского полка стала договоренность между генералом Ф. К. Пулем, в то время главнокомандующим всеми интервенционными силами союзников на Русском Севере, и мурманским советом, подписанная 6 июля 1918 г., согласно которой союзники брали на себя обязанность снабжать регион к югу от Мурманска до Кеми продовольствием, инструментами и вооружением, и фактически давала союзникам карт-бланш на рекрутирование местных жителей для своих целей¹¹. Карельский полк был включен в структуру британской армии и карелы, служащие в нем, были поставлены на официальное довольствие, хотя при этом не приносили официальную присягу Георгу V.¹² Формирование полка началось в начале июля, и к середине августа численность полка превысила тысячу человек – для условий гражданской войны на севере России это была внушительная сила. Как следствие, британское командование решило, что Карельский полк готов для начала активных военных действий против финских вооруженных отрядов в Северной Карелии, и 15 августа Вудс отдал своим подчиненным приказ выступать вверх по реке Кемь в сторону Ухты, которая использовалась белофиннами в качестве основной базы.¹³ Действия карельских добровольцев оказались чрезвычайно эффективными – к началу сентября они освободили от финских гарнизонов все населенные пункты к западу от Кеми практически до Ухты, включая Маслозеро, Половину, Соповараку, Юшкозеро, Панозеро, Подужемье и ряд других.¹⁴

Однако в начале сентября дальнейшее продвижение Карельского полка было поставлено под угрозу дезинформацией, полученной британской разведкой, согласно которой немецкие войска, располагавшиеся в Финляндии, готовили полномасштабное наступление на Мурманск. Британское командование всерьез восприняло эту угрозу, и 29 августа 1918 г. генерал Мейнард отправил Филиппу Вудсу письмо, в котором сообщал, что от 12 до 15 тысяч немцев планируют наступление на Кандалакшу, в связи с чем настойчиво просил Вудса привести Карельский полк к Мурманску для обороны города (поскольку карелы не приносили присягу, прямой приказ личному составу Карельского полка не имел законной силы).¹⁵ Это сводило на нет все успехи Карельского полка, к тому же, по утверждению Вудса, некоторые из его подчиненных получали информацию от своих родственников на финской стороне границы, согласно которой ни финны, ни тем более немцы не планировали перебрасывать в Северную Карелию какие-либо крупные силы, поэтому Вудс предпочел продолжить наступление на Ухту.¹⁶

Согласно сведениям Вудса (не всегда точным), численность финского гарнизона в Ухте составляла около 600 человек. Командовал гарнизоном немецкий майор Куцман, помимо него, на командных должностях в белофинских отрядах служило довольно много других немецких офицеров. Перед началом наступления Карельского полка Вудс отправил просьбу на «Найрану», британское судно-авиаматку, несущую гидропланы, чтобы ее самолеты атаковали Ухту с воздуха. После данной атаки, которая имела скорее психологический эффект, так как гидропланы «Найраны» были разведывательными и не могли нести сколько-нибудь серьезной бомбовой нагрузки, Карельский полк атаковал Ухту в ночь на 11 сентября 1918 г. Сражение закончилось беспорядочным бегством белофиннов, остатки которых попытались укрепиться в Вокнаволоке, где их окружили части Карельского полка. 2 октября белофинские части, потеряв свыше половины личного состава, прорвались к финской границе.¹⁷ Таким образом, в результате эффективной полуторамесячной кампании Карельский полк под командованием Филиппа Вудса положил конец беломорской экспедиции белофиннов (Vienan retkikunta в финской историографии). К этому времени численность Карельского полка достигла 4000 человек – это было самое крупное боевое подразделение союзников на севере России.¹⁸

Успехи и быстрый рост численности Карельского полка вскоре стали для британского командования источником неприятностей, и не последнюю роль в этом процессе также сыграл Ф. Вудс. Еще перед началом кампании по освобождению Беломорской Карелии от белофиннов он придумал для Карельского полка полковой значок в форме трилистника. Более того, после захвата Ухты 11 сентября он, как описывается в «Карельском дневнике», «написал домой брату и заказал четыре флага с эмблемой нашего полка, в качестве которой, если вы помните, служил зеленый трилистник. Чтобы он выделялся ярче, для фона был выбран оранжевый цвет. Карелы так восхищались этим красивым знаменем, что, в конце концов, выбрали его в качестве нацио-

¹⁰ P. Woods. Op. cit. P. 160, 168.

¹¹ N. Baron. Op. cit. P. 67.

¹² P. Woods. Op. cit. P. 161.

¹³ Ibid. P. 167, 169.

¹⁴ Ibid. P. 173–175.

¹⁵ Текст данного письма также приводится в монографии Н. Барона: N. Baron. Op. cit. P. 305–309. О том, что англичане поверили в готовность немцев наступать на Мурманск большими силами, свидетельствует эвакуация значительных сил союзников из Кеми и Беломорска в Кандалакшу и Мурманск.

¹⁶ P. Woods. Op. cit. P. 179–181.

¹⁷ Ibid. P. 184–187.

¹⁸ N. Baron. Op. cit. P. 70.

нального флага».¹⁹ Это открывает нам еще одну страницу истории Карельского полка – его связь с национальным движением среди карелов. В Карельском полку очень быстро выдвинулись талантливые политические лидеры, среди которых сам Ф. Вудс особо отмечал братьев Григория и Петра Лежевых и Николая Рогиева (которого в мемуарах ошибочно называет Петровым).²⁰ Поскольку Карельский полк был естественным центром силы в условиях вакуума власти в Беломорской Карелии, неудивительно, что именно на его основе приняло новый оборот северокарельское национальное движение.

В конце января делегация из представителей северокарельских волостей вручила Ф. Вудсу официальную петицию, адресованную британскому королю Георгу V. В этой петиции, которая сохранилась в оригинале (на русском языке) в бумагах Ф. Вудса и опубликована вместе с его мемуарами, карельские представители просили для Карелии статус протектората Британской империи.²¹ Данная петиция поставила британское руководство в крайне неловкое положение. К этому времени в борьбе с большевиками оно сделало основную ставку на сотрудничество с белым движением, которое, как известно, крайне негативно относилось к националистическим движениям на окраинах бывшей Российской империи. Как следствие, ни о каком положительном ответе на петицию карелов речи идти не могло – уже через неделю, 7 февраля, через генерала Мейнарда британское правительство сообщило представителям карелов о категорическом отказе на их петицию. Тогда же британское руководство приняло решение о постепенном переводе Карельского полка из структуры британских вооруженных сил в непосредственное подчинение белому движению.²²

Разумеется, отказ на петицию не мог остановить развитие националистического движения в Карельском полку. С одобрения Филиппа Вудса карельские офицеры полка начали переговоры о стратегии действий в сложившейся ситуации с представителями красных финнов – в первую очередь, бывшим членом финского парламента во фракции Социал-демократической партии и министром недолго существовавшего социалистического правительства Финляндии Оскари Токоем.²³ Вслед за этим они приняли решение о проведении в Кеми съезда представителей Северной Карелии, который и состоялся 16 февраля в штаб-квартире Карельского полка. Съезд постановил продолжить добиваться признания независимости Карелии путем переговоров с Финляндией, Советской Россией и белогвардейским правительством в Архангельске, а также отправить делегатов на основные международные конференции, на которых решалась судьба послевоенного устройства Европы.²⁴

Поскольку Карельский полк стал основой для роста северокарельского национализма, он и его британские офицеры сразу же превратились в мишень для белогвардейской пропаганды и заговоров. В мемуарах Вудса подробно описаны различные способы, которые использовали представители белого движения для дискредитации Карельского полка в глазах британского командования, а также заговоры, преследовавшие – по утверждению Вудса – цель физически устранить его и политически активных карельских офицеров полка.²⁵ Враждебность белого движения к Карельскому полку не могла не сказаться на отношении к нему британского командования, а также на моральном духе в самом полку. Карелы, не испытывавшие лояльности к белому движению, крайне негативно восприняли возможность переподчинения военному командованию Временному правительству Северной области, и когда в мае 1919 г. произошла реорганизация Карельского полка, из него началось массовое дезертирство.²⁶ Более того, когда в июле 1919 г. силы Красной армии захватили Онегу и, таким образом, разъединили мурманские и архангельские силы интервентов, генерал Мейнард приказал Вудсу занять позицию в Сумском посаде и не допустить прорыва войск большевиков к Мурманской железной дороге силами одного сербского взвода и добровольцев, которых ему предстояло набрать из местного населения.²⁷ Несмотря на то, что Вудс в то время еще формально занимал должность командира Карельского полка, недоверие британского командования к карелам достигло того уровня, что для выполнения весьма важного со стратегической точки зрения задания Вудсу не было выделено ни одного подразделения Карельского полка. Данный эпизод является последним событием интервенции на Русском Севере, в котором Филипп Вудс сыграл непосредственную роль. Разношерстный отряд, который ему удалось собрать за короткое время, в августе 1919 г. отбил наступление красноармейцев со стороны Онеги на Сумский Посад.²⁸

В начале августа офицеры британских интервенционных сил, включая Филиппа Вудса, получили приказ о подготовке к эвакуации из северной России. Вудс, испытывавший привязанность к своим подчиненным, тяжело воспринял это неизбежное решение. В последней части своих мемуаров он пишет: «Так, совершенно неудовлетворительно, заканчивалось предприятие, начинавшееся с целью не дать немецким силам на севере усилить их армии на западном фронте и постепенно превратившееся в кампанию против большевизма, к которой мы оказались совершенно не готовы. Когда были получены четкие приказы эвакуироваться из Кеми и Карелии, удовольствие, которое мы теоретически должны были испытывать от скорого возвращения домой, было омрачено размышлениями о грядущей судьбе наших русских друзей, которых мы оставляли на «милосердие»

¹⁹ P. Woods. Op. cit. P. 187.

²⁰ Ibid. P. 162. Последнее наблюдение сделано Н. Бароном: N. Baron. Op. cit. P. 94.

²¹ Ibid. P. 263–265.

²² N. Baron. Op. cit. P. 78.

²³ P. Woods. Op. cit. P. 238–239.

²⁴ N. Baron. Op. cit. P. 80–81.

²⁵ Этому практически целиком посвящены четыре главы «Карельского дневника» из шестнадцати.

²⁶ P. Woods. Op. cit. P. 277.

²⁷ Ibid. P. 283.

²⁸ Ibid. P. 284–286.

наших врагов. Нас не отпускала мысль, что их затруднительное положение было вызвано, в первую очередь, нашей напрасной интервенцией».²⁹

Мемуары Филиппа Вудса позволяют по-новому взглянуть на такие страницы гражданской войны и интервенции в Карелии, как карельское националистическое движение, история Карельского полка, взаимоотношения между интервентами и белогвардейцами и пр. Пожалуй, наиболее интересным представляется публикация петиции представителей северных карельских волостей Георгу V и последовавшая крайне негативная реакция на нее со стороны британского правительства, а также описание конфликтов между белым движением и карельскими националистами, в которые – на обеих сторонах – оказались вовлечены британцы, принимавшие участие в интервенции. Внутренние противоречия в антибольшевистских силах, взаимные подозрения, нежелание карелов сражаться на стороне белого движения и противоречивая политика британского командования – все это приводило к тому, что белое движение на Русском Севере, не сумевшее найти поддержку у населения, изначально было обречено в борьбе с советской властью и, как следствие, пало сразу после эвакуации войск союзников. Не извлекло выгоды из интервенции и северокарельское националистическое движение. Не имея ресурсов и возможностей для достижения независимого статуса Карелии своими силами и находясь под угрозой поглощения Финляндией, оно увидело в интервенции стран Антанты шанс для изменения своего международного статуса, однако коалиция интервентов с белогвардейцами определила крайне прагматическую позицию британцев по отношению к карелам. Британское командование вооружило Карельский полк, поставило его на свое довольствие и снабжало Северную Карелию продовольствием, пока действия Карельского полка служили его планам, однако потом, когда карелы попытались обратиться к британскому правительству за помощью в вопросе самоопределения, отношение британского командования к Карельскому полку изменилось, и, в конечном итоге, полк был расформирован. Неудивительно, что Вудс был разочарован итогом «карельского предприятия», которое закончилось «совершенно неудовлетворительно» не столько для него (за время интервенции он был повышен в звании от подполковника до полного полковника), сколько для Карельского полка и тех политических сил в Северной Карелии, которые в большой политической игре 1918–1919 гг. сделали ставку на сделку с Британской империей и проиграли.

*Сподобаев А. В.,
МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33»*

Выдающиеся предприниматели Олонецкой губернии в конце XVIII – 1 половине XIX в.

При составлении социально-экономического анализа Олонецкой губернии кон. XVIII – 1 пол. XIX в. обязательно стоит уделить особое внимание новому сословию – предпринимателям. Истоки развития данного сословия связаны с эпохой эволюции капиталистических отношений в период правления Екатерины II (1762–1796).

В Российской империи предпринимательская деятельность заявила себя прежде всего в сфере торговли, как внутренней, так и внешней. Прежде всего стоит выделить купеческое сословие. Манифест от 17 марта 1775 г. законодательно оформил три купеческие гильдии. Все эти исторические факты прямым образом стимулировали экономическую эволюцию Олонецкой губернии.

Моральные и материальные предпосылки данного региона в определенной степени были более благоприятные, чем в губерниях средней полосы.

Во-первых, в Олонецкой губернии почти полностью отсутствовало сословие крепостных крестьян (за искл. Лодейнопольского и Вытегорского уездов);

Во-вторых, выгодное географическое расположение региона: близко находится Санкт-Петербург и Финляндия, а также перекрестное положение торговых сухопутных и водных путей Северо-Запада России;

В третьих, богатства края природными ресурсами (лес, дичь, рыба, камень и др.), что обусловило развитие всех основных экономических направлений: торговля, рыбные и охотничьи промыслы, лесопильное производство, металлургическая промышленность, благотворительность.

В данной статье основой её содержания заслуженно являются представители купечества.

На базе исторических документов Национального Архива республики Карелия исследовательский интерес представляют конкретные имена и фамилии:

1. Олонецкий 2 гильдии купец Аким Серебряков;
2. Петрозаводский 1 гильдии купец Эдуард Люри;
3. Петербургский 2 гильдии купец Алексей Дмитриевич Пиккиев, имеющий в Олонецком уезде железоделательные и литейные заводы;
4. Вытегорский 2 гильдии купец Акиндин Мартьянов;

---

²⁹ Ibid. P. 293–294.

5. Вытегорские купцы Григорий и Фадей Рыборецкие, Иван Галатетский;
6. Петрозаводские купцы Игнатий Драницын, Иван Афанасьев, Андрей Лукин, Михаил Гормин.

Вашему вниманию предлагаются только некоторые отрывки, свидетельствующие об экономической деятельности купеческого сословия в Олонецкой губернии.

Прежде всего хочется отметить материальный статус купцов:

1. Петрозаводские купец Игнатий Драницын, владелец лесопильного завода, основанного в 1777 г., дающий ежегодный оборот 1000 руб., количество рабочих от 3 до 5 человек;

2. Вытегорский 2 гильдии купец Акиндин Мартьянов, владелец полотняной и парусиновой фабрики, основной в 1762 г., ежегодный оборот 2000 руб., количество рабочих от 45 до 55 вольных работников.

Его же – свечная, сальная фабрика, ежегодный оборот 2000 руб., количество рабочих от 2 до 3 вольных работников;

3. Вытегорский купец Григорий Рыборецкий, владелец полотняной и парусиновой фабрики, основанной в 1763 г., ежегодный оборот 2000 руб., количество рабочих от 20 до 25 вольных работников;

4. Вытегорский купец Фадей Рыборецкий, владелец свечного и сального завода, ежегодный оборот 500 руб., количество рабочих от 3 до 5 вольных наемников.

5. Вытегорские купцы Акиндин и Андрей Мартьяновы, владельцы кирпичных заводов, ежегодный оборот от 50 до 100 руб., количество рабочих от 6 до 10 человек города Каргополя (НА РК Ф. 2. Оп. 61. Д 11/150. с. 78).

Значительный интерес представляют отрывки из «Ведомости, учиненной вытегорским городовым магистратом за 1786 г.».

Гильдия	число		От них объявлено капитала		Со оных получаемых части 1786 г. процентного сбора	
	Семейство	души	рубли	копейки	рубли	копейки
Во 2-й гильдии						
1. Акиндин Артамонов Мартьянов	1	2	5050	–	50	50
2. Матвей Петров Галатетский	1	6	5100	–	51	–
3. Пит Рыборецкий	1	3	5010	–	50	10

Итого: во 2 гильдии было семь семейств (21 человек, объявленного капитала – 35315 руб., процентный сбор 353 руб. 15 коп.

Гильдия	число		От них объявлено капитала		Со оных получаемых части 1786 г. процентного сбора	
	Семейство	души	рубли	копейки	рубли	копейки
В 3-й гильдии						
1. Алексей Поликарпов	1	3	1002	–	10	2
2. Афанасий Федотов Пампитов	1	6	1010	–	10	10
3. Денис Стефанов Волков	1	4	1010	–	10	10
4. Петр Емельянов Полухин	1	6	1005	–	10	5
5. Пит Иванов Шарапов	1	3	1050	–	10	50

Всего в третьей гильдии было 47 семейств (153 чел.), объявленного капитала 47593 руб., процентный сбор 475 руб. (НА РК Ф. 2. Оп. 61. Д 11/150. с. 43–44).

Интересен тот факт, что город Петрозаводск (став центром Олонецкой губернии в 1784 г.) по числу торговых людей в 1786 году занимал лишь третье место уступая Олонцу и Каргополю. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные в следующей таблице:

Звание города	Число граждан живущих		Число торговых людей гуртовый и мелочный торг производящие
	В городе	В уезде	
1. В Петрозаводске	367	2037	67
2. В Олонце	429	3054	473

3. В Вытегре	114	1632	12
4. В Каргополе	1046	–	432
5. В Повенце	144	–	25
6. В Пудоже	469	–	14

(НА РК Ф. 2 Оп. 61. Д 11/150. с. 71)

Выше речь шла не о купеческом сословии, имеющем свидетельство определенной гильдии, а о людях, занимающихся предпринимательской деятельностью, в частности, торговлей. В Олонецкой губернии подавляющее большинство этих людей было из категории государственных крестьян.

В подтверждение этого исторического факта вашему вниманию предлагается отрывок из следующего архивного документа 1856-го года: «...Народная промышленность естественными произведениями губернии находится на значительной степени развития, этому во многом способствует замечательный своею предприимчивости дух здешних жителей и выгодное положение губернии вблизи столицы, с которою она соединена удобными путями сообщения. Лёгкость, с которою жители губернии приобретают себе средства к жизни промыслами, с избытком их вознаграждавших, заставляет меньше обращать внимание на хлебопашество, требующее труда более упорного и продолжительного...».

(НА РК Ф.27 Оп. 2. Д 5/71. с. 3)

В целом же при анализе состояния торговли по итогам 1855–1856 гг. архивные документы дают критическую оценку экономической ситуации в Олонецкой губернии: «Уменьшение капиталов в прошедшем году свидетельствует о упадке в Олонецкой губернии в некоторой степени торговли, которая в предшествовавшее сему время, не отличалось особым развитием; чрезвычайно малое народонаселение губернии, отдалённость городов одного от другого, а также неудобство путей сообщения между ними, суть главные причины, почему и сама торговля Олонецкой губернии вообще незначительна.

Из местных изделий, произведений можно считать наиболее замечательными: а) меха беличьи, выдры и отчасти лисицы; б) лес и дрова; в) рыбу и дичь; г) лён и льняные произведения; д) белую андомскую глину.

Потребляясь отчасти внутри губернии, произведения эти отпускаются преимущественно в Санкт-Петербург, взамен которых получают колониальные и мануфактурные произведения, необходимые для местного потребления, хлеб же привозится преимущественно из Рыбинска по Мариинской водной системе».

(НА РК Ф. 27 Оп. 2. Д 5/71. с. 2–3; НА РК Ф. 27 Оп. 2. Д 6/73. с. 2–3)

В завершение данной статьи хочется привести факты из архивного документа 1815-го года, касающиеся развития лесопильной промышленности.

Интересна история об олонцеком купце первой гильдии Михаиле Синебрюхове, решившего вместо лесопильного завода построить мукомольную мельницу: «...Синебрюхов объясняет, что тот его лесопильный завод построен не на крестьянской казённого ведомства земле, а на собственной, доставшейся ему по купчей крепости 1795 года июня 20 от Санкт-Петербургского купца Алексея Овчинникова... По выprawке с делами оказалось: в 11 день апреля 1804 года докладе назанчено было из существовавших в Олонецкой губернии 32 лесопильных заводов уничтожить 13, в том числе и принадлежавший купцу Синебрюхову, по той причине, что казённые леса, из коих заготовляли брёвна на распиловку, назначались по удобности сплава в реку Свирь для адмиралтейства и строения судов; помещичьих же лесов тамо поблизости недостаточно для действия их. Во исполнение чего, означенные 13 заводов печатаны, дабы действовать не могли. И потом по просьбам Фомина, Скулябина и Синебрюхова, о дозволении им действовать на 3 их заводах, потому что они получали леса из помещичьих дач».

(НА РК Ф 4. Оп. 38. Д 15/124. с. 37)

Указанный отрывок свидетельствует, во-первых, о формах государственной и частной собственности на землю и леса, во-вторых, о масштабе лесопильной промышленности в регионе на 1804-й год, и в-третьих, об экономических возможностях конкретного предпринимателя, купца I-й гильдии Михаила Синебрюхова.

Данная статья не претендует на полноту экономического анализа предпринимательской деятельности в Олонецкой губернии конца XVIII – первой половины XIX веков, а лишь отражает некоторые факты социально-экономической истории и может служить одним из материалов для научного исследования указанной темы.

О рейдерской атаке заводов датского «Комисара»

Биография датского промышленника Генриха Бутенанта фон Розенбуша,¹ на переломе XVII-XVIII столетий, завораживает запутанной коллизией. В 1682 г. он с успехом, граничившим с феноменальной осведомленностью, информировал датский двор о трагических событиях стрелецкого восстания в Москве. Оказавшись очевидцем бунта, Розенбуш создал «Правдивое известие» переизданное в 1691 г. в составе «Theatrum Europaeum».² Между тем для нас любопытна череда событий связанных с историей Карелии.

В июле 1702 г. хозяин Устьерецкого металлургического завода в Заонежье, по государеву «наказу» снабдил русские войска, артиллерийскими двенадцатифунтовыми пушками и «припасами».³ «Олонецкая» артиллерия, очевидно, влилась в обоз армии, преодолевший легендарную «Осудареву дорогу», и вскоре способствовала выдающейся виктории у Нотебурга и Ниеншанца.⁴

Однако заказ поставил финальную точку в драматической судьбе иноземного «комисара» и негоцианта. Имя Бутенанта, талантливого металлурга, создавшего в Обонежье несколько железоделательных заводов,⁵ в год основания Питербурха, исчезает из отечественной истории.⁶ Московский истеблишмент, отторгнул из своей среды, одного из самых удачливых заводчиков.

Сейчас трудно утверждать, в каком датском (германском)⁷ городе, и когда точно⁸ родился Генрих Бутман (он же в русских писцовых документах и бытовом обращении Андрей Иванович Бутенант – М. Д.)⁹.

До сих пор, непонятны обстоятельства появления купца в землях Московии. Не всегда полно и последовательно отмечаются этапы биографии «голштинца». Последние годы жизни, «торгового иноземца», комиссара датского короля, монополиста по продаже мачтового леса, основателя и владельца Олонецких заводов, вообще имеют глухую природу. Во всяком случае, трудно однозначно утверждать даже о месте и времени кончины деятельного промышленника.¹⁰ Со слов датского посланника Ю. Юля, можно лишь отметить, А. И. Бутенант скончался в жуткой бедности и одиночестве.¹¹

---

¹ Нем. Butenant von (de) Rosenbusch (Rossenbusch, Rosenbusk). См. Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах. Перевод, статья и комментарии д. и. н. Беснятых Ю. Н. Указатели. М., СПб., 1992. С. 225.

² Butenant H. Eigentlicher Bericht wegen des in der Stadt Moskau am 15/16 und 17 May Anno 1682 entstandenen greulichen Tumults und grausamen Massacre. Hamburg, 1682; Relation der traurigen Tragodie in der Stadt Moscau // Theatrum Europaeum. 1691. XII. S. 441–450.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Сборный, связка 4156. Л. 13.

⁴ Данков М. Ю. Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник // Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб. 2007. С. 301–306; Кротов П. А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 288–302.

⁵ Фоймогубский, Устьерецкий, Лижемский, Устьяцкий (Шунгский – ? М. Д.) и Кедрозерский железоделательные заводы. См. Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск. 1981. С. 12; Беснятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск. 1988. С. 15; Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVII начала XX века. Петрозаводск. 2007. С. 266.

⁶ Одновременно, с 1702 года биография «дацкого фактора» Андрея Бутенанта фон Розенбуша – престарелого металлурга, оказывается вне поля зрения исследователей.

⁷ Исследователь XIX столетия Меньшенин Д., без сносок на источник указывал: «горный разведки в нынешней Олонецкой губернии» проводил «уроженец Гамбурга Бутенант, известный... более под именем Розенбуша». См. Меньшенин Д. С. Об успехах горного промысла в России // Горный журнал. 1829. Кн. 2. С. 143–228.

⁸ Современный историк Ю. Беснятых считает, А. И. Бутенант родился около 1643 года. См. Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах... С. 204.

⁹ В отечественной традиции отсутствует устоявшаяся транслитерация имен иностранцев, призванных на службу в XVII–XVIII вв. Источники отмечают различное написание фамилии и имени Андрей Бутенант фон Розенбуш. В русских канцеляриях германские фамилии прописывались с «фон», голландские вместо «ван», писались с «фан». См. Захаров В. Н. Иностранцы купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 209.

¹⁰ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. СПб., 2004, С. 132 отмечает дату смерти Генриха (Андрея) Бутенанта фон Розенбуша – «после 1710»; Георг Грунд посол Датского короля в начале XVIII в., косвенно уточнял дату кончины А. Бутенанта до 31 октября 1710 г. См. Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах... С. 128, 148; Исследователи последнего времени Ю. Беснятых и А. Пашков указывает дату смерти А. И. Бутенанта фон Розенбуша – 1701 г. См. Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах... С. 204; Пашков. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 267; Историк Л. Ивина считает, дата кончины А. Бутенанта – 1702 г. См. Ивина Л. И. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в строительстве русского флота в конце XVII в. // Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1870. С. 105; Исследователь Г. Коваленко приводит текст письма Г. Бутенанта к царю с датой 18 августа 1703 года. См. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л. 1979. С. 65.

¹¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993. С. 122–123.

Скупая информация о Бутенанте «иноземце галанской земли»¹², в письменных источниках появляется с середины 70-х гг. XVII столетия. Именно тогда, верткий торговец обосновался в Архангельске у концессионера Питера Марселиса, хорошо известного при царском дворе. Бутенант «на посылках» проводил коммерческие сделки с северогерманскими городами, предлагал Западу русское сало, лосося, ворвань и корабельный лес. Исследователь из Гарвардского университета Я. Котилайне, анализируя значение Гамбурга в русской внешней торговле во второй пол. XVII столетия, подчеркивал разнообразие менеджерских интересов представителя «анбурской земли»¹³ (Гамбурга – М. Д.) Генриха Бутенанта.¹⁴

Вместе с купцами Ф. Ферпортенем и А. Белтгенсой, он не только скупал «...икру...лосося», но «...принимал участие в монополии по продаже корабельных мачт».¹⁵ Интерес к русскому корабельному лесу подтверждает профессор из Гронингенского Арктического центра Я. В. Велувенкамп. Он считает, после кончины в 1673 году, П. Г. Марселиса, через амстердамского купца В. Мюллера в руки Генриха Бутенанта перешел монопольный «Контракт о мачтах из Московии».¹⁶ Вплоть до начала XVIII столетия «гамбуржанин» вместе с Д. Гартманом регулировал весь «оборот» мачтового леса, отправляемого с Северной Двины в Амстердам.¹⁷

К этому времени относится «Переписная книга Архангельска 1678 года»¹⁸ ценный источник для персонализированного изучения посадского населения. В описании иноземных дворов, документ указывает усадьбу Бутенанта: «У Архангельского города...: двор иноземца Андрея Бутмана, в нем дворник Аleshка Тойнокур».¹⁹

После кончины старшего Марселиса, «патрона» и компаньона Бутенанта по торговле с Ганзой, наследником российских мануфактур, и правопреемником на разработку рудных месторождений в Обонежье, становится его сын Петр Марселис и голландский купец Еремей Ван дер Гатен²⁰ (в документах встречаем «Еремей фон дер Гартен»)²¹. Считается младший Марселис появился в России в 1669 году, в чине капитана датского королевского флота.²² Однако, вскоре, после кончины отца, он в 1675 году, также уходит из жизни.

Рудокопный проект в Олонецком крае по жалованной грамоте 1677 года переходит в руки Генри Бутмана, который по завещанию являлся опекуном малолетнего Крестьяна (Христиана – М. Д.), сына П. П. Марселиса.²³ Торгуя в «Архангельском городе» с Гамбургом и Бременом «датский фактор»²⁴ Бутенант безусловно, знал о дальнем «заонежском железе», появлявшемся на Северной Двине. Он реально представлял гигантский масштаб солеварения Соловецкого монастыря, и осознавал острую необходимость варниц Поморья в «Лопском укладе». Бутенант быстро оценил выгоду торговли карельским металлом, и проникся страстью к развитию горнорудного проекта на «краю света». Тяга к «демиурговским тайнам» вскоре изменила дальнейшую судьбу иноземца, и скорректировала уклад его жизни.

В 1679 году упорный коммерсант добился статуса «комисара» датского короля. Затем, в 1688 г., незадолго до ввода в строй третьего металлургического завода в Заонежье, получил от короля Христиана V, дворянский титул и приставку к имени – «Бутенант фон Розенбуш». На рубеже 90-х гг., XVII века «дацкий фактор» совмещает дипломатические, торговые и горнозаводские действия, с судостроением. Сначала на Переславском озере, Бутенант воплощает мечту Петра и строит первые корабли русского флота.²⁵ Затем, в 1697–1698 годах, по наряду Иверского Святозерского монастыря²⁶ возводит для кумпанства Саввино-Сторожевской обители

¹² ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–3 об.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Котилайне Я. Т. Русская торговля с северогерманскими городами через Архангельск в XVII в. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 45.

¹⁵ Там же; Angermann N. Hamburg und Russland in der Fruher Neuzeit. (Sie Ost-Reiche, 17). Hamburg. 1972. S. 9.

¹⁶ Veluvenkamp J. W. «N huis op Archangel»: De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh. 1650–1725 // Jaarboek Amstelodamum. 1977. Bd 69. P. 128–130.

¹⁷ Велувенкамп Я. В. Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII–XVIII Веках // Архангельск в XVIII веке. СПб. 1997. С. 104–105.

¹⁸ РГАДА. Поместный приказ. Ф. 1209. Кн. 15051. ЛЛ. 33 об-37.

¹⁹ Там же. См. также. Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб., С. 113.

²⁰ История Экономики Карелии. Кн. 1., Петрозаводск. 2005. С. 27.

²¹ РГАДА. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Д. 30. Л. 2. Запись указа от января 1676 г. «по челобитью иноземцев Христиана Марселиса и Еремея фон дер Гартена о выдаче ямских подвод приказчику Еремею Траделу посланному для поиска руд в Вологду, на Белоозеро и в Олонецкий уезд».

²² Васильевский А. П. Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI–XVII вв. Петрозаводск. 1949. С. 55.

²³ Григорьев С. Г. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск. 1973. С. 63; Историк XIX в. И. Гамель указывает, датчанин: «...в 1678 году получил во владение... («железные и стальные заводы – М. Д.») в продолжении 7 лет грамоту». См. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии.

²⁴ Карелия в XVII веке. Сборник документов. Сост. Мюллер Р. Б. Петрозаводск. 1948. С. 277.

²⁵ Лавров А. С. Новый источник по истории Переславской флотилии: Донесения Генриха Бутенанта фон Розенбуша // Петербургские чтения – 97. СПб., 1997, С. 518–523.

²⁶ Ивина. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша... С. 105–111.

несколько галер.²⁷ Судя по «рядным записям», предприниматель вместе с сыном Андреем, в «складничестве» превратился в ведущего подрядчика на строительстве гребных судов.²⁸

В числе более известных иностранцев: А. Стейльса, Х. Бранда, И. Любса, П. Марселлиса и Ф. Тиммермана хозяйничавших на Севере России, А. А. Бутенант постепенно завоевал монаршую благосклонность и получил «правительственное» покровительство в Кремле. «Гамбургчанин» приобрел у «...его величества крайнюю милость и конфиденцию», и завоевал «свой свободный вход».²⁹ Одновременно в российскую экономическую жизнь вовлекается его сын Андрей Бутенант. Составитель политической истории с «запасом сведений»³⁰ князь Б. И. Куракин в тексте «Истории о царе Петре Алексеевиче...» отмечал: «А для езерцицей на шпагах и лошадах», монарх регулярно в качестве учителя привлекал «датчанина, сына Андрея Бутенанта».³¹ Без сомнения сообщения определяют высокий статус при дворе фамилии Бутенант. С 1684 года, имя «сына Андрея Бутенанта», регулярно упоминается в «Книге расходной денежной казны в-го г-ря царя», находящейся в «столпцах дворцовых приказов». В выписке от «июля 9-го» находим «четыреста рублей...запачены Королевского величества датцкого фактору Андрею Бутенанту» за приобретенные «у него запасы золотые алмазные, орлами, которые нашиты на верхний кафтан...нового дела».³²

Роспись «стоялым и подъемным лошадям» от мая 1690 года, отмечает лошадей иноземца «...в селе Преображенском на корму». Документ, наряду с поставками в «потешные конюшни» от Нарышкиных, упоминает «...Бутенанских» лошадей.³³ Мастерские палаты щедро в размере «300 р. 17 а. 2 д.» возместили фартовому «иноземцу Андрею Андреевичу Бутенанту...» стоимость за скакунов отправленных «на потешный двор», за «немецкие платья» и «седла с конскою сбрую», приобретенных для «великих государей».³⁴ С этого времени судьба А. А. Бутенанта, его возможное участие в событиях Северной войны (1700–1721) и политических процессах в стране, исследователям неизвестна. К сожалению, пока невозможно подтвердить факт посещения молодым Бутенантом металлургических заводов отца в Фоймогубской волости. Его имя к началу XVIII столетия исчезает из реляций, корреспонденций и жалованных грамот.³⁵

Между тем, обустройство железоделательных «заводиков» в Кижском погосте Обонежского ряда, строительство рабочих слободок, поиск месторождений руды, так называемых «волчьих ям»³⁶ и сам рудокопный процесс, очевидно, стартовал в 1676 году. К месту работ прибывали «мастерские люди» с Ярославско-Тульско-Каширских железных заводов,³⁷ ранее принадлежавших семье Марселлисов. Очевидно, среди волонтеров находились специалисты из Европы.³⁸ Место первого шихмейстера³⁹ Устьрецкого завода занял шведский мастер Венедикт Беэр, основавший одну из самых ярких династий на российских горных заводах.⁴⁰

Таким образом, усилиями А. И. Бутенанта и его партнеров в Олонецкой глуши, стал отстраиваться Устьрецкий молотовый завод. Мануфактура расположилась на Усть-реке, впадающей в Онежское озеро.⁴¹ Тогда же приступили к строительству молотового Фоймогубского завода. В 1696 году, Петр Алексеевич указывал: «...и заводу для того железного и укладного дела завели и построили в Фоймогубской волости меж Ковш Пудко озер на Спиридоновском ручье, да в Кижском погосте подле Онеги озера, на Усть-речки...».⁴² Мастера возводили усовершенствованные плотины, кузницы, хозяйственные «анбары», позже большую и малую плавильные печи.⁴³

После кончины в 1690 году⁴⁴ бездетного Крестьяна (Христиана – М. Д.) Марселлиса, закрывается филиальный «заводишко» у Верхозера на Устьматке, недалеко от Устьрецкого завода.⁴⁵ Тогда же Бутенант строит два

²⁷ Русская историческая библиотека. Т. 5, СПб., 1878. № 393; Архив ИИМК РАН. Ф. Иверского монастыря (181). Кар. 97. Д. 13. ЛЛ. 4–8.

²⁸ Ивина. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша... С. 107,109.

²⁹ История о царе Петре Алексеевиче 1682–1694 гг. Сочинение князя Б. И. Куракина // Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993. С. 78.

³⁰ Архив князя Куракина. Редакция М. И. Семевского // Вестник Европы. Кн. 1. СПб., 1890. С. 337.

³¹ Там же. С. 79.

³² Сборник Выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1., М., 1872. С. 46.

³³ Там же. С. 113.

³⁴ Там же. С. 116–117.

³⁵ Исследователь А. Пашков считает после смерти А. И. Бутенанта в 1701 году заводы перешли к его сыну А. А. Бутенанту. См. Пашков. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 267.

³⁶ Соборнов А. Олонецкий край // ОГВ, 1895. № 45.

³⁷ РГИА Ф. 1341. Оп. 303. Д. 1534. Т. VII. Л. 159.

³⁸ Беспятовых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 15.

³⁹ Шихмейстер (от нем. Schichte – смена рабочих, т. е. начальник смены) – низший горный чин, соответствовавший XIV классу «табели о рангах», приравнен к III классу.

⁴⁰ Капуста Л. И. Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта. СПб., 2006. С. 16–17.

⁴¹ Продолжительное время, исследователи ошибочно утверждали о первоначальном строительстве Кедрозерского завода. См. Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае: Исторический очерк // ОГВ, № 71. 1895; Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888, № 1. С. 290–318.

⁴² Крепостная мануфактура в России. Ч. II, Л., 1931. С. 149–150.

⁴³ Мулло. Петровская слобода... С. 11.

⁴⁴ Исходя из даты смерти П. П. Марселлиса (1675 г.), можно допустить, что в 1690 году его сыну Христиану (Крестьяну – М. Д.) Марселлису было не менее 15 лет.

новых водо-действующих завода. Лижемский молотовый завод на реке Лижма, впадающей в Чорга-губу Онежского озера,⁴⁶ вскоре переоборудованный в доменный⁴⁷ и в 25 километрах от Устьрецкого-Кедрозерский молотовый завод.⁴⁸

Заметим, железоделательные предприятия образовывались «...в местах, коими ведал гость Семен Гаврилов»⁴⁹ и датский авантюрист Иорис.⁵⁰ Здесь издавна заводились «лопские заводцы», следы – «ямы и насыпи» которых сохранялись до начала XX столетия.⁵¹ Крестьянские мастера выделывали железо из руды в «так называемых сырорудных горнах».⁵² Жители Заонежья по наследству передавали секреты превращения «крицы» в «карельский уклад» – железо, по качеству близкое к образцам современной стали.⁵³ До появления иностранцев, правительство Алексея Михайловича кредитовало новгородского купца для оснащения медеплавильного завода на «Спиридоновском ручье».⁵⁴ Но развить медный промысел не удалось. «Датцкому фактору» пришлось возводить горные фабрики и создавать инфраструктуру производства по существу вновь. Серьезную поддержку коммерсанту оказали здешние сметливые от природы рудознатцы и взятые в наем талантливые кузнецы, литейщики и «угольные мастера».

До середины 90-х гг. XVII столетия, наемный труд местных крестьян являлся основной формой производства. В 1694 году, из-за дефицита рабочей силы, к «заводишкам» Бутенанта по «наказу» отписали черносошных крестьян Кижского погоста. Эта акция внешнеэкономического принуждения, считается первой и показательной в Карелии.⁵⁵ Поводом послужила идея правительства использовать «крестьян и со всеми угоды», в мануфактурном производстве. Силовая приписка «тутошних» жителей, на деле закрепляла феодальные формы эксплуатации и означала выполнение «работы всякой на железных ево заводах».⁵⁶ К личной зависимости добавлялись мануфактурные обязанности будущих «мастеровых» – добывание железной руды, ломку извести, выжигание древесного угля, рубку дров. Датчанин же гарантировал Москве оплату в казну крестьянских подаей и налогов.

«Жалованная грамота Петра Алексеевича» 1696 г., адресованная «заводовладельцам Андрею Бутенанту и его сыну», суммирует репрессивные меры против крестьян приписанных к Олонецкой мануфактуре. Народное сопротивление в историографии получило название первого Кижского восстания.⁵⁷ Документ поименно указывает руководителей стрелецкого отряда: «...посланы из Преображенского... стольник Афанасий Брянчанинов да Новгородского приказу подьячий Петр Курбатов» и уточняет численность карательной группы – «да с ними московских, и вологодских, и двинских стрельцов 335 человек». Стольник и подьячий имели предписание: «...тот Кижский погост с селы, и деревнями, и со всякими угоды, и со крестьяны, и с бобыли... переписать», и закрепить жителей «к работам к железным заводам Андрея ж Бутенанта».⁵⁸ Царский текст сообщает о сопротивлении «ослушных» заонежан, которые «учинили бунт, и у церкви Преображения господня били в колокола в сполох», а затем «собрались из деревень с дубьем и с кольем».⁵⁹ Появление в крае «чудных» иноземцев и ранее вызывало у «работного люда» активное неприятие, доходившее до открытого противостояния владельцам концессии.

Упомянем челобитную А. Бутенанта в Пушкарский приказ от 17 февраля 1684 года о неожиданном нападении «*Костянтина Семенова сына Попова*», на заводы промышленника. «Голштинец» жаловался, якобы тот: «...воровским вымыслом» пришел «на наши Олонецкие заводишки на Усть реку многолюдством с пищальми, и з бербыши, и с рогатинами, и с кистенями».

Представляет интерес другая «Челобитная» отправленная на имя государей Иоанна и Петра Алексеевичей, не позднее 30 апреля 1684 года.⁶⁰ Иноземец обвинял крестьян «...в воровстве угля», так как «...сроки... давно минули, а оне не платят», и от того «учинились убытки великие и рудосыскным делам простой большой».⁶¹

Сохранились не только архивные источники, но и народные предания жителей Заонежья. Образ заводчика словно в причудливом гротеске «отлился» в тексте былины «О Петре Первом и Бутмане Колыбановиче». В ней

---

⁴⁵ Очевидно Шунгский завод. См. Мегорский В. П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом // Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 44, 46–48.

⁴⁶ Васильевский. Очерк по истории металлургии Олонецкого края... С. 57.

⁴⁷ Мулло. Петровская слобода... С. 12.

⁴⁸ Григорьев. Биографический словарь... С. 63.

⁴⁹ Рожков. Горнозаводской промысел... 1895; Васильевский. Очерк по истории металлургии Олонецкого края... С. 19, 53.

⁵⁰ Меньшенин. Об успехах горного промысла... С. 143–228; См. также Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии...; Пашков Горнозаводское краеведение Карелии... С. 77.

⁵¹ Соборнов. Олонецкий край... 1895. № 45.

⁵² Краткое описание Олонецких заводов // Горный журнал. 1835. Кн. 8. С. 271.

⁵³ Карелия в XVIII веке. Сборник документов... С. 299.

⁵⁴ История Экономики Карелии... С. 27; Мулло. Петровская слобода... С. 11.

⁵⁵ История Экономики Карелии... С. 27.

⁵⁶ Цит. по кн.: Беспятых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 79.

⁵⁷ По царскому указу 1694 года территория Кижского погоста приписана к заводам Андрея Бутенанта. Акция вызвала вооруженный протест населения. Правительство подавило восстание крестьян лишь к середине 1696 г.

⁵⁸ Крепостная мануфактура... С. 149–150.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Карелия в XVII веке. Сборник документов... С. 277–278.

⁶¹ Там же. См. Архив ИИМК РАН. Ф. Олонецкой приказной избы. № 180.

хмельной Бутенант якобы хвастал, что сильнее самого Петра Алексеевича. Государь сначала пригрозил наказанием, но вскоре простил иностранца.⁶²

Но все-таки, социальная напряженность, географическая удаленность от метрополии, отсутствие транспортных коммуникаций и тяжелые условия труда, не могли «заглушить» производство Андрея Бутенанта. Технология плавки «железа всякого», совершенствовалась. Крестьяне, с навыками «где уклад промышляют»,⁶³ быстро осваивали выпуск конкурентного металла и продукции для «марсовых потех». Уже в 1681 году горные фабрики датчанина, регулярно снабжали рынок «полицами железа дощатого»,⁶⁴ а также готовыми изделиями, собственные «пильные» мельницы под Холмогорами.⁶⁵ Отметим, молотовые заводы Бутенант постепенно переводил в доменное производство. Жалованная грамота 1696 года: «...Андрею и Крестьяну и детям и наследникам их...» уточняет год возведения в Фоймогубе доменных печей. Документ фиксирует: «...а урочные годы считать велено со 189 году (с 1681 года – М. Д.) января с 25 числа», так как «...у них о том заводе челобитье началось быть и железо из руд плавить начато...».⁶⁶

Однако производительность заводов остается не ясной. Исследователи не владеют реальной статистикой. В 1683 году с Олонецких и Пустозерских укладных заводов Бутенанта «...привезено к Архангельскому городу 6449 пуд. 25 гривенок», из которых 3488 пуд. 25 гривенок отправлено «за море...». Кроме того: «...Да к нынешнему ко 193 году (1685 г. – М. Д.) изготовлено 6903 пуда 5 гривенок».⁶⁷ Однако утверждать, что «6903 пуда 5 гривенок» составляет годовой объем бутенантовских заводов, дело рискованное. Кроме экспорта железа через Архангельск в Европу, администрация реализовывала металл в округе, в Поморье, а также на континентальных ярмарках, в том числе Тихвинской, Белозерской и Макарьевской, вблизи Нижнего Новгорода. Значительный объем Заонежского железа попадал на торговые ряды Великого Новгорода и Старой Руссы.⁶⁸

Разгорающаяся война со шведским королевством потребовала выпуск качественной боевой продукции. По указу Петра Алексеевича от декабря 1701 года⁶⁹ заводы обязывались к марту 1702 г. поставить «ко двору» железные «припасы» и 100 пушек. Новгородский генерал-губернатор «Иаков сын Брюс», на основании «доношений» А. Бутенанта, сообщал, «Фоймогубские» заводы в июле 1702 года изготовили: сто орудий двенадцати-фунтового калибра, 75590 ядер этого же калибра, 5160 ядер 10-ти фунтовых и 1244 бомб 4-х пудовых. Дополнительно Бутенант отлил более 2039 пудов пруткового железа, 200 ломов большой руки, 99 ломов малой руки, 100 ломов средней руки, а также 2288 лопаток железных.⁷⁰ Правительственный заказ, пожалуй, стал крупнейшим по объему и сжатым срокам исполнения.⁷¹

Чтобы оценить потенциал молотово – доменных заводов А. Бутенанта воспользуемся сведениями «Ведомости» о военной продукции Александровского завода 1774 года⁷² и смоделируем цифру годовой мощности заводов датского промышленника. Примерный вес армейской продукции Бутенанта с декабря 1701 г. по июль 1702 г. не считая «прибылей», шедших в переплавку, мог определяться цифрой в 34012 пудов.⁷³ Исходя из 200 суточного цикла работы, можно представить приблизительный годовой вес продукции, равный 20–24 тыс. пудов. Домна «заводцев» Бутенанта, за выпуск давала 100–110 пудов чугуна.⁷⁴ Если довериться цифре в 150000 пудов, представленной И. В. Германом равной всей продукции доменных печей России в конце XV11 в.,⁷⁵ определим примерную производительность Олонецких мануфактур. Потенциал заводов, как считает советский исследователь А. П. Васильевский, составлял 22,6 % металлургической промышленности страны.⁷⁶ Выкладка поражает своим индустриальным масштабом. К продукция частных заводов завоевала высокую репутацию в России, и в Европе. Конкурентоспособность металла подтверждает первый командующий Балтийским флотом, вице-адмирал К. Крюйс. В корреспонденции полковнику, коменданту горного округа «на

⁶² Беспятых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 139–140.

⁶³ Карелия в XVII веке. Сборник документов... С. 299.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4863. Л. 4. См. также: Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск. 1993. № 78. С. 189.

⁶⁵ Мегорский. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае... № 44, 46–48.

⁶⁶ Крепостная мануфактура... С. 149–150.

⁶⁷ 5 гривенок.

⁶⁸ Мулло. Петровская слобода... С. 11.

⁶⁹ Некоторые авторы считают, указ датирован 1702 г. См. Васильевский. Очерк по истории металлургии Олонецкого края... С. 57; Мегорский. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае... № 44, 46–48. Современные исследователи указывают на существование двух наказов от января и марта 1702 г. См. Пашков. Горнозаводское краеведение Карелии... С. 267.

⁷⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Соборный, связка 4156. Л. 13. См. также Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 58.

⁷¹ Для сравнения, на Александровском заводе при А. С. Ярцове с 1774 по 1782 год мастера отлили 595 орудий. См. РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 119. ЛЛ. 48–57.

⁷² НАРК Ф. Олонецкого горного правления (вне стр.) Д. (без №), Л. 2 об. ведомости Александровского завода). 1 фунт равен 32 лотам или 409, 512 г. См. Куратов А. А. Металлургия России и Русского Севера. Архангельск. 1991. С. 12.

⁷³ Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 58. Исследователь Я. Балагуров считал цифру произведенного железа на Устьрецком заводе явно завышенной. См. там же.

⁷⁴ Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 58.

⁷⁵ НАРК Ф. Олонецкое Губернское Правление. Оп. 32. Д. 73/886 за 1787 г. См. Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 59.

⁷⁶ Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 59.

Олонце» И. Я. Яковлеву, сообщалось: «Я такое бутенантово железо возил на кораблях в дальние государства, и то железо было и пробу свою держало против доброго шведского...».⁷⁷

Развитая инфраструктура, обученный персонал, система комплектования «горных мастеров», правительственные заказы, создавали ощущение стабильности производства. Однако развитие металлургии в Заонежье неожиданно прервалось. Москва, немотивированно и парадоксально «отписала» производство А. Бутенанта, на администрацию Олонецкого горного округа. «Губернатор Шлютенбурха»⁷⁸ А. Д. Меншиков, в депеше от 14 июля 1703 года указывал олонцкому коменданту И. Я. Яковлеву: «Известую тебя, что которые в Олонцком уезде железные заводы за Андреем Бутенантом были, те заводы со всеми к ним принадлежностями и строением и с крестьяны велено ведать к новозававанным крепостям к Шлиссельбургу и Шлотбургу и ведать их во всем попрежнему».⁷⁹

27 июля 1703 г. Меншиков вновь демонстрирует неограниченную власть и окончательно разрушает коммерческую инициативу Бутенанта. Он корреспондирует царю о запрете отправлять на рынок уже готовую продукцию заводов «в посторонние дела... без указа».⁸⁰

Опись имущества Устьрецкого завода 1720 года, также подтверждает свертывание «дацкой» мануфактуры: «и иные домны обветшали и распались...».⁸¹ Царский указ вынес окончательный приговор: «...Устьрецкий завод оставить».⁸² Чем можно объяснить «политико-административный произвол» в Фоймогубской волости? Исследователи, часто несправедливо ссылаются на туманную формулировку, о передаче заводов государству, «как оставленных на произвол судьбы их владельцем», не выполнившим заказа правительства.⁸³

Подобная оценка, по крайней мере, представляется неточной. Очевидно помимо экономических притязаний, существовали иные основания для «рейдерской» акции. Прислушаемся к мнению датского дипломата петровской эпохи Ю. Юлю.⁸⁴ По существу посол, предложил политизированную гипотезу захвата князем А. Д. Меншиковым собственности А. И. Бутенанта.⁸⁵ Хотя формально исполнение воли правительства перепоручалось подполковнику⁸⁶ Селиверсту Незнанову «со товарищи».⁸⁷ Именно этот офицер лейб гвардии после «отписки» ведал мануфактурой «впредь до указу».⁸⁸ Однако ситуация инициировалась все таки Меншиковым. Заводы престарелого Бутенанта, оказались в «государевой казне» после интриг и распоряжений влиятельного Ингерманландского генерал-губернатора. Аналогичный взгляд высказывался многими очевидцами событий. В том числе чрезвычайным и полномочным послом датского короля Фредерика IV Георгом Грундом, и интернированным шведом Ларсом Юханом Эренмальмом.⁸⁹

Посланник Юль с нескрываемой симпатией к герою, сообщал: «...Boutenant de Rosenbusk» пожалованный датским королем Христианом V в дворяне в чине королевского комиссара, вскоре «...стал жертвой жесткого насилия». Обнаружив у «города, называемого Олонцеком...чугунную и медную руду» промышленник имея царские привилегии основал «...на собственный счет, с большими затратами, два завода чугунный и медный». Вскоре, по мнению Ю. Юля коммерсант получил: «...значительные барыши» потому что «заложённые под Олонцеком...заводы давали хороший доход». Датский дипломат подчеркнул: «...алчный князь Меншиков решил завладеть ими», так как заводы: «...находились в подведомственной ему губернии», и у «...Розенбуска не хватало средств на их содержание». К тому же Меншиков отказался «...даже уплатить бедному Бутенанту де Розенбуску те 20 000 рублей за поставки с заводов».⁹⁰ Очевидно, посол имел в виду правительственный контракт на отливку 100 орудий, более 80 тысяч ядер и 1200 бомб, необходимых для атаки в Ингрии шведских крепостей Нотебург и Ниеншанц.

Царь Петр Алексеевич: «Хорошо осведомленный о великой несправедливости, которой подвергся этот человек...обнадеживал», как считает посол «... добрыми обещаниями», хотя, по мнению Юля, государь «в суи-

⁷⁷ Цит. по кн.: История Экономики Карелии... С. 27; Беспятых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 15.

⁷⁸ П и Б. СПб. 1889. Т. 2. Примечания к № 513. С. 527–528.

⁷⁹ Материалы для истории русского флота (МИРФ). Отд. IV. № 2. СПб. 1865. Ч. 3. С. 493.

⁸⁰ Цит. по кн.: Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии... С. 64.

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 1212. Д. 12. № 246 об.

⁸² Цит. по кн.: Капуста. Марциальные воды. Страницы истории...С. 59; Исследователь А. Глаголева уточняет, Устьрецкий завод прекратил производственную деятельность не ранее 1719 года. См. Глаголева А. П. Олонцкие заводы в первой четверти XVIII века. М. 1957. С. 71. Прим. 49.

⁸³ Рожков. Горнозаводской промысел... № 71.

⁸⁴ Записки Юста Юля, датского посланника... С. 122–123.

⁸⁵ Исследователь Г. Коваленко трактует ситуацию особой пристрастностью дипломата к соотечественнику. См. Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии... С. 64.

⁸⁶ Исследователь Г. Коваленко считает, что С. Незнанов находился в чине полковника. См. Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии...С. 62.

⁸⁷ Мегорский. Горнозаводская деятельность в Олонцком крае...№ 44, 46–48; Цит. по кн.: Пашков. Горнозаводское краеведение...265; История Экономики Карелии...С. 34.

⁸⁸ Исследователь Г. Коваленко считает, что «по всей вероятности, такой указ так и не был издан». См. Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии...С. 62.

⁸⁹ Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах...С. 208; Ehrenmaln L. J. Rysslands tillstand under Peter I // Uppsala universitetsbibliotek. H-195 (Микрофильм рукописи в Архиве ИИМК РАН. Западноевропейская секция. А – 32). См. Георг Грунд Доклад о России в 1705–1710 годах...С. 159, 205.

⁹⁰ О значительности суммы долга свидетельствует бюджет правительства России. Доходы страны в 1702 году составили – 3,15, а расходы 2,47 млн. рублей. См. К. Валишевский. Петр Великий. Воронеж. 1993. С. 422.

ности, не знал, как ему извернуться и к какой уловке прибегнуть». Дело в том что, царь: «...не находил возражений против...законных требований», и не захотел «...лишить князя Меншикова приобретенных...выгод».⁹¹ В итоге: «Розенбуск никогда не получил обратно ни заводов, ни денег», лишь «...генерал адмирал Апраксин (Ф. М. Апраксин – М. Д.) из сострадания оказал ему незначительную денежную помощь». В завершении дипломат с прискорбием отмечал: «...Розенбуск умер в бедности, удрученный горем».⁹² Так, по мнению посла, завершилась жизнь соотечественника, оказавшегося на чужбине без средств к существованию и без политической благосклонности. Однако острые, но путанные сведения посланника из Копенгагена требуют коррекции. Представитель датского короля Фредерика IV находился в России с октября 1709 г. по март 1711-ого. Наблюдения о крахе Бутенанта и скором возвышении Меншикова относятся именно к этому времени.⁹³ У дипломата тогда сформировался взгляд на «имперского князя», как на «самого надменного человека».⁹⁴ Однако признаем, железодельные заводы в Фоймогубе никогда лично не принадлежали «игралоу нечаянного счастья» А. Д. Меншикову.

Между тем, именно он «отсель» с Олонецкой верфи: «В 29-й день (августа 1703 – М. Д.)...поехал на заводы», можно предположить, на заводы датского «комиссара».⁹⁵ Тогда же, очевидно после прямого разговора с заводчиком, любимец Петра принял решение заложить чуть южнее на территории Шуйского погоста альтернативное Андрею Бутенанту казенное металлургическое предприятие, вскоре названное Петровскими заводами.

Как ни странно, многие историки горнозаводского дела в XIX столетии не отмечали разгром заморских заводов в Заонежье и не касались дальнейшей судьбы «голландца». Они лишь косвенно указывали: «...сии заводы не могли удовлетворить требованиям для войны артиллерийских снарядов, а по сему в 1703 году заложены выше упомянутые Петровские заводы...».⁹⁶

Бесспорно, мощь мануфактур А. Бутенанта ограничивалась рудной базой, отсутствием дорог, относительной оторванностью «дацких» заводов от метрополии и от театра боевых действий. В этом смысле закладка в конце августа 1703 года на реке Лососиница Петровских заводов, явилась не только символом военного времени, но и реальной экономической необходимостью страны.

Петр I стремился развивать современное отечественное железодельное производство. Отчаявшись закупать за границей пушки, «дельные вещи», крепежные детали для кораблей, государь в начале XVIII столетия устроил Ухтусский, Алапаевский и Шуйский (с 1713 г. Петровский – М. Д.) заводы.⁹⁷

Однако ликвидационная акция, и пуск нового предприятия в Карелии, осуществлялись в условиях военных действий. Мероприятия требовали серьезного финансового обеспечения и полной мобилизации экономических резервов.

Похоже, А. Бутенант, не ожидал столь явной операции по передаче предприятий в казну. Иначе, коммерсант не командировал саксонского приказчика Петра Магнуса в Слуцк, для вывоза в Карелию литейщиков, Юрия Депрея и Антона Фраевина.⁹⁸ Очевидно, «датский фактор» не желал «дарить» заводы и участвовать в сомнительных сделках с центром. Взгляд подтверждает, упоминаемое ранее «доношение» Я. Брюса от июля 1702 г.,⁹⁹ о срочном московском заказе на отливку пушек, для битвы за Балтийский плацдарм.

Однако Андрею Бутенанту вскоре пришлось признать свое поражение. Об этом свидетельствует корреспонденция промышленника царю от 18 августа 1703 года, за десять дней до приезда «на заводы» А. Меншикова. Датчанин умолял государя хотя бы разрешить держать на реквизируемых мануфактурах, личного представителя, который: «досматривал, чтоб кроме вашего царского величества дела...никуда железо не отсылали».¹⁰⁰

Спустя месяцы имя Бутенанта фон Розенбуша навсегда исчезает из числа фаворитов государя. Что нельзя сказать о судьбе приказчиков Бутенанта – иноземцах Герасиме Тределе (в документах встречается «Еремей Традел»¹⁰¹ – М. Д.) и Лаврентие Неторте (Нейдгарте – М. Д.).

Деятельный сотрудник Г. Тредел, известен с января 1676 года.¹⁰² После закрытия Заонежской мануфактуры, он возводит Шуйский завод. При Вилли де Геннине назначается начальником пушечного Повенецкого

⁹¹ Версия посла Ю. Юля о судьбе предпринимателя Бутенанта фон Розенбуша имеет много исторических подтверждений. Современные исследователи объясняют необходимость изменения формы собственности на заводах Андрея Бутенанта централизацией управления промышленностью в военное время (1700–1721).

⁹² Записки Юста Юля, датского посланника...1993. С. 122–123.

⁹³ Там же. С. 122.

⁹⁴ Там же. С. 100.

⁹⁵ Цит. по кн.: Пашков А. М., Филимончик С. Н. Петрозаводск. СПб., 2001. С. 8; Андреева Е. А. Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения 2004. СПб., 2004. С. 18.

⁹⁶ Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. Прим. С. 18.

⁹⁷ Богатырев И. В. Судостроительная база Азовского флота в 1700–1734 гг. // Судостроение. № 8. 1987. С. 57.

⁹⁸ Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 60.

⁹⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Сборный, связка 4156. Л. 13.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. № 2. ЛЛ. 646–647. См. также Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии... С. 65, и Беспятовых Ю. Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 407.

¹⁰¹ Там же. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Д. 30. Л. 2.

(Алексеевского? – М. Д.) завода. Его сослуживец Л. Нейдгарт, ранее, в 1697 году, отправлен в Казань для строительства медных заводов, и впоследствии прекрасно себя зарекомендовал.¹⁰³

В деле «разгрома» мануфактуры в Фоймогубе, кое-что проясняет депеша генерал-фельдцейхмейстера Я. Брюса. В корреспонденции дьяку Приказа артиллерии Н. П. Павлову, от 18 июня 1705 года сообщается: «...По отъезде своем приказывал я тебе выдать деньги Андрею Бутенанту за взятые припасы...». Далее на грани сожаления: «Ведаешь ты...какой он ныне недостаточный человек. А ко мне от него непрестанная доука». В конце письма, он умоляет подчиненного: «И ты буде никаких денег в приказе нет, выдай из продажи колокольных денег, чтоб мне от него впредь доуки не было».¹⁰⁴ Я. Брюс требуя защиты от «недостаточно человека», благородно подтверждает право датчанина с «русской физиономией» иметь заслуженное вознаграждение за «взятые припасы». Обстоятельства «утухания» металлургии Заонежья, с трудом объясняются не всегда позитивным отношением волонтеров к России. Советские исследователи считали, дружба А. Бутенанта и П. Марселеса с «неутомимым тружеником»¹⁰⁵ Артамоном Матвеевым, и приобретенные привилегии, помогали «тянуть на сторону иностранных гостей во вред русским интересам».¹⁰⁶ Однако подтвердить враждебные умыслы к «вздыбленной» стране от «жалованных» коммерсантов мы не можем.

При внимательном анализе ситуации 1701–1702 гг., можно сделать еще один вывод. Видимо, А. И. Бутенант фон Розенбуш оказался причастным к акции национального масштаба. Похоже, фоймогубская артиллерия, влилась в армейский обоз «Осударевой дороги» и сыграла существенную роль в дни захвата шведских цитаделей Нотебурга и Ниеншанца. Тем самым карельская артиллерия, отлитая по датской технологии, помогла России прорваться к берегам Балтики.

Между тем, отправка «пушечной посылки» в войска, до конца не прояснена и требует привлечения дополнительных источников. Исследователи не владеют материалами о маршруте готовых «припасов» к истоку Невы для разгрома сухопутных войск Вильгельма фон Шлиппенбаха и эскадры Гедеона фон Нуммерса. Скорее всего, использовались плоскодонные барки, «ходившие» на Онежском озере с предполагаемым «перегрузом» ста пушек в истоке Свири на «обозные корабли» Петра. Известно, к августу 1702 года, сержант М. И. Щепотев «со товарищи» собрал и подтянул к театру боевых действий более 85 судов.¹⁰⁷ Тем самым, появляется обоснованный шанс разрешить головоломку о целесообразности перемещения архангельского артиллерийского парка от Белого моря к Балтике.¹⁰⁸ Оказывается, прямой необходимости оголять Двинский стратегический район, демонтировать и тащить пушки в обозе по «Осударевой дороге» не существовало.¹⁰⁹ Заметим: «...всего у Архангельского города и на Малой Двинке у новой крепости, великого государя яхте и на Колмогорах», а также «взятых завоеванных швейцарских...и с торговых кораблей», числилось «медных и железных 100 пушек да монжер медной».¹¹⁰

«Росписной список...столника и воеводы Василия Ржевского» от 2 февраля 1702 г.¹¹¹ поразительно уравнивает, до ста орудий, весь боевой потенциал Архангельска, и разовый государственный заказ Андрея Бутенанта. В этой связи напомним, участники НИЭ «Осударева дорога»¹¹² в последние годы обнаружили в тайге Карелии десятки фрагментов царского маршрута.¹¹³ Выявленные в ходе ландшафтных работ археологические объекты, однозначно свидетельствуют о конструктивной слабости «мостовой настилки», не позволявшей в скоростном режиме «волочить по суху» морские фрегаты, и боевую артиллерию.¹¹⁴ Таким образом, петровская лейб-гвардия, на подходе к землям Ингрии очевидно, лишь «подхватила» отлитые в Заонежье 12 фунтовые пушки Бутенанта и транспортировала орудия к Нотебургу, для атаки шведской войск.

---

¹⁰² Там же. Запись указа от января 1676 г. «...по челобитью иноземцев Христиана Марселеса и Еремея фон дер Гартнера о выдаче ямских подвод приказчику Еремею Траделу посланному для поиска руд в Вологду, на Белоозеро и в Олонечкий уезд».

¹⁰³ Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 60.

¹⁰⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Д. 6. Л. 526 об. Черновик.

¹⁰⁵ Балязин В. Петр Великий и его наследники. М., 2007. С. 5.

¹⁰⁶ Цит.: по Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 60.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395. См. также Кротов П. А. Осударева дорога. 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 206; Данков М. Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // «Петровское время в лицах – 2007». Труды Государственного Эрмитажа. XXXVIII. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 85.

¹⁰⁸ Данков М. Ю. Донесения строителей «Осударевой дороги» 1702 года // Двинская земля. Выпуск 5. Материалы пятых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих чтений. Котлас. 2007. С. 9.

¹⁰⁹ Современный историк О. Овсянников считает: «Часть двинского артиллерийского парка была вскоре (1702 – М. Д.) перевезена в Петербург – там, на Балтике, решались судьбы России». См. Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск. 1992. С. 84–85.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Д. 44а. Л. 20. См также: Тревожные годы Архангельска... № 70. С. 177.

¹¹¹ Там же. ЛЛ. 1–22 об.

¹¹² Под патронажем Карельской республиканской общественной организации «Осударева дорога» (г. Петрозаводск), на протяжении 1993 по 2003 гг. осуществлялись научно-исследовательские экспедиции «Осударева дорога».

¹¹³ Сорокин П. Е. Отчет об археологических исследованиях 1994 г. по трассе «Осударевой дороге» // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47; Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардегора на Белом море в 1999 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47.

¹¹⁴ Данков М. Ю. Феномен «Осударевой дороги» 1702 г. Современные полевые исследования // Краевед. Петрозаводск. 2007. С. 20–26.

Завершая работу, предложим еще одну неожиданную версию. Город-завод и слобода Петровских заводов (современный г. Петрозаводск), имели реальные предпосылки возникнуть не в Шуйском погосте, а на территории Фоймогубской волости. Там с 1676 года стараниями энергичного «гамбургинина» А. Бутенанта, формировалась новая коммуникационная инфраструктура, промышленная среда и оригинальный для северной деревни, тип рабочего посада.¹¹⁵

Дефицит данных, недостаточная изученность темы, позволяет высказать идею о целесообразности археологической разведки в зоне исторических промышленных объектов. Результаты инструментального поиска, могут по-новому оценить памятник рубежа XVII–XVIII столетий, и существенно расширить представления о полузабытых «олонецких чугунных» мануфактурах. Изучение культурного слоя и остатков древних сооружений раннепетровского времени, позволит сохранить «архив исторической информации» и значительно расширит историко-культурный потенциал памятника.¹¹⁶ Имеются в виду усилия связанные с музеефикацией объектов, создание экспозиции под «открытым небом» и обустройство туристического маршрута.

В итоге подчеркнем, частные заводы А. И. Бутенанта, явились не только экономическим чудом в малоллюдных землях Заонежья, но без сомнения, сыграли весомую роль в успехах русского оружия в начале Северной войны. В этом смысле невозможно умалить персональную роль Андрея Бутенанта фон Розенбуша, крупного иностранного концессионера, владельца первых железоделательных заводов Карелии, чье имя постепенно возвращается к современникам.

*Данков М. Ю.,
Карельский государственный краеведческий музей*

Карельская слава бомбардира царя Петра. (О судьбе М. И. Щепотева)

Современный читатель с трудом может представить столь неординарную и романтически притягательную биографию героя. А зря, ведь речь идет о сержанте бомбардирской роты Преображенского полка, человеке «несказанной отваги» Михаиле Ивановиче Щепотева. Его боялся Б. П. Шереметев, терпел А. Д. Меншиков, уважал Ф. А. Головин, ценил К. И. Крюйс, но обожал и защищал от всяческих «наветов» сам государь Петр Первый. Однако, на протяжении трех столетий, историки не интересовались судьбой этого исполнительного и бесстрашного гвардейца. Попытаемся же, пусть фрагментарно, ликвидировать многовековую несправедливость, и прикоснуться к линии жизни удивительного сержанта гвардии, оставившего «зримый след» в российской истории начала XVIII века.

Источники скупо повествуют о Михаиле Ивановиче Щепотева. Противоречивые сведения с трудом «монтируются» в единую картину. Тем не менее, архивные и фольклорные свидетельства, все-таки позволяют выстроить яркий образ инициативной личности, обладающей мощной харизмой (Данков 2004: с. 122–130; Данков: 2005[1]: с. 15–33; Данков 2005[2]: с. 42–49; Данков, Лапшов 2007: с. 26–38). Безусловно, М. Щепотев необычный человек, даже для петровской эпохи. Он расчетлив и резок, часто импульсивен, но почти всегда точен. Вероятно, именно эти качества позволили ему выдвинуться на переломе столетий в первые ряды царских любимцев. Взлет карьеры М. Щепотева связан с 90-ми годами XVII столетия. Однако мы столкнулись с существенными лакунами в его биографии. Неизвестно место, дата его рождения, а также родословность. Неподдельный интерес вызывают обстоятельства появления М. Щепотева сначала среди «потешных», а вскоре уже в непосредственном окружении государя. В 1694 году, из успешных «преображенцев», под Москвой формируется новое армейское подразделение – бомбардирская рота. Хотя название «бомбардир» в документах и в обиходе встречалось и ранее. В команду зачисляются самые «фактурные» претенденты. Служба в «бонбандирах» особо почиталась в армии (Азанчевский 1859: с. 7). Скорее всего, М. И. Щепотев попал в стартовый набор роты, в числе князей М. М. и А. Б. Голицыных, Ю. В. и В. В. Долгоруких, ближних стольников Ф. И. Троекурова, А. Н. Урусова, а также В. Д. Корчмина и многих других (Чичерин 1883: с. 55).

Во всяком случае, известно, что М. Щепотев в команде «40 стрельцов, 8 певчих (бомбардиров), двух карлов и 10 потешных с трубачом» входил в элитную «сотню» свиты царя, совершившего в 1693 году первый рейд к Белому морю, (Гиппиус 1883: с. 70). По воле юного государя сержант «Михайло», вместе с воеводой Ф. М. Апраксиным обязывался готовить всю зиму «к воде», два крупных судна. Один корабль предписывалось закупить в Голландии, чему содействовал Ф. Лефорт, другой, яхту «Св. Павел», заложенную царем, следовало вскоре привести в «причинный вид» (Гиппиус 1883: с. 71). Фейерверк по случаю закладки яхты состоялся 18 сентября 1693 года на Соломбальском острове (Богатырев 1983: с. 51; Брызгалов 1993: с. 15). Летопись со-

¹¹⁵ Лотарева Р. М. Города-заводы России XVIII – первой половины XIX вв. Екатеринбург. 1993. С. 3.

¹¹⁶ Сорокин П. Е. Археологическое наследие Санкт-Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 1. СПб., 2003. С. 7–9.

общает: «...сега ж вечера...великий государь потешныя вещи; ракетки и гранадки спуцал на Англинском мосту...» (Новиков 1783: с. 33–34). Для того чтобы корабль к лету 1694 года был «к морскому ходу годен» требовались «русские люди плотники...кузнецы», которых царь предлагал собирать «в подмог» Ф. Апраксину и М. Щепотеву «из двинян людей добрых» (Изымов 1911: с. 365). Так гласит текст «городовой книги по Архангельску за 1694 год» (Беспятых 1999: с. 95). О значении, которое Петр придавал «первенцу Соломбальской верфи» также свидетельствуют его письма из Москвы.

29 января 1694 г. он сообщал Ф. М. Апраксину: «...посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля, и чтоб им лес, и железо, и все к тому было вскоре готово, понеже рано приехать имеем...» (Письма и бумаги... 1887: с. 18–19). Вскоре, 5 марта, вновь советуется воеводе, а через него и распорядительному М. Щепотеву: «...во всем прилежнее поспеши, а паче в корабле» (Письма и бумаги... 1887: с. 20). В очередной корреспонденции, царь просит напомнить «нашим товарищам» очевидно имея в виду и сержанта М. И. Щепотева «...блоки на карабль все сделаны и отпущены на четвертой недели на Вологду...» (Письма и бумаги... 1887: с. 20). Через несколько дней Петр дополнительно просит Апраксина: «...пиво и прочая рано изготовить вели ... а мы будем по вешней воде» (Письма и бумаги... 1887: с. 20).

Действительно 18 мая 1694 года государь «едва сдерживая нетерпение» прибывает в Архангельск (Беспятых 1999: с. 98). Судовой работой Петр остался доволен. Через два дня лично подрубил подпоры удерживавшие корабль на стапеле, и принял участие в доведении парусника «до ума» – устанавливал реи, оснащал яхту стоящим и бегучим такелажом (Брызгалов 1993: с. 16). Однако только 11 июля «корабль окрещен во имя Павла апостола...и Вахус припочтен был довольно» (Письма и бумаги... 1887: с. 22). За время своего визита на Север, царь организовал две морских экспедиции. Первый поход состоялся в июне. Царь на яхте «Св. Петр» отправился к Соловецкой обители, где поклонился святым мощам чудотворцев Зосимы и Савватия (Письма и бумаги... 1887: с. 21). В августе, в составе эскадры из 11 судов, на фрегате «Св. Пророчество», царь совершил очередное «опасное предприятие», и дошел до Орлова Носа в гортле Белого моря (Беспятых 1999: с. 123). Об участии М. Щепотева в морских походах в 1694 году, неизвестно. Но стоит упомянуть свидетельство, записанное со слов крестьянина Г. Поташева в Нюхче Волостной, этнографом С. М. Максимовым в середине XIX столетия. Легенда, повествует о подготовке экспедиции на яхте «Св. Петр» и прекрасно соотносится с историческими реалиями. Фольклорный сюжет убедительно экспонирует роль Михаила Щепотева. «...Идет царский указ...: будет-де скоро царь – приготовьтесь...16 человек...лочиев... Ждут царя день...хотят его лик государский видеть: от дворца...не отходят ни днем, ни ночью. Смотрят, на балкон вышел кто-то. Лоцмана пали на землю, поклонение ему совершили, и лежат, и слышат: «Встаньте-де, православные – не царь я, а генерал Щепотев. Петр Алексеевич сзади едет и скоро будет». Далее по рекомендации М. Щепотева, остановились на самом видном кормщике – Антипе Панове (Максимов 1859: с. 600–601). Народ не случайно уважительно назвал М. Щепотева «генералом». Именно преобразенец указал на кормщика А. Панова, который спас у рифов Унских Рогов, жизнь царя «заглянувшего в глаза смерти» (Беспятых 1999: с. 109–113).

Безусловно, М. Щепотев в 1693–1694 гг., выдержал в Архангельске «испытание властью». Он продемонстрировал кораблестроительные навыки и «менеджерские» таланты, за что «государево был обласкан». Однако в последующее пятилетие, фигура сержанта, в силу малопонятных причин отходит в тень. Архивные материалы этого времени, о Щепотеве, пока не обнаружены.

Можно предполагать, что он, являлся участником Азовских походов, трудился «на Воронеже» строя флот и провиантские склады. Однако подлинных свидетельств этому, мы не имеем. Также не знаем, о возможном участии М. Щепотева в грандиозной акции 1697–1698 гг. «Великого Посольства» (Гузевич... 2003). Между тем, в свой третий вояж к «Архангельскому городу» Петр, вместе с колоссальной свитой «всякого чину кроме начальных людей, с лишком бысть четыре тысячи человек», в мае 1702 года вновь берет надежного и исполнительного Михаила Щепотева (Новиков 1783: с. 111). Царь нуждался в деятельных сотрудниках, у которых не только «Вахус почитается...и своими листьями заслоняет очи» (Письма и бумаги... 1887: с. 23–24).

Любопытно отметить, в числе фаворитов, сопровождавших в 1702 году государя на Русском Севере, находился однофамилец бомбардира. Он отмечен в «Записках» обнаруженных в «Двинских церквях», под именем «Иван Давыдов Щепотев» – ближний стольник (Новиков 1783: с. 108). Это имя встречается также в списках приближенных особ, которые несли службу лично при царе (Гиппиус 1883: с. 65–60). Является ли он отцом сержанта, к сожалению, ответить невозможно. Между тем известен еще один Щепотев, претендующий на роль отца, стряпчий и стольник, пользовавшийся исключительным доверием государя, Иван Андреевич (Брокгауз, Ефрон 1904: с. 64). Также затруднительно подтвердить родство со Щепотевым Алексеем Ивановичем, известным морским офицером, отправленным в 1711 году, для обучения в Голландию (Веселаго 1885: с. 433). Алексей Щепотев (Щепотьев), изучавший за границей «навигацкую науку», являлся выходцем «из самой знатной фамилии» (Пекарский 1862: с. 142).

В начале XVIII столетия, Россия, безуспешно воевала со Шведским королевством. На Двине государь придумал гениальное решение «развести» неприятеля. Как нельзя, кстати, потребовался опыт «забав и экзерциций» М. Щепотева, который в Карелии испытал «звездный час». Ему выпал случай осуществить невиданный ранее проект государственного значения, о котором спустя столетия народ сохранил сказочные предания и легенды (Криничная 1978 с. 126–162; Криничная 1991: с. 203 и др.).

«Наказная память» и «Статьи для ведома...» от 8 июня 1702 года, за подписью боярина Ф. А. Головина, предписывали М. Щепотеву, И. Муханову, А. Головкину и М. Волкову «...провесть...сухов путь...от города к Олонцу до Ладоги» и определить «...переволоки от урочища до урочища в дальнем же расстоянии, и на

скольких верстах», чтобы «проходить его великого государя служилым людям безо всякие остановки» (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70, 1702, Л. 1; Данков 1998: с. 204; Данков 2003[1]: с. 25; Кротов 1999: с. 181).

Петр, заботился «...возможно ли тою дорогою без розчистки проехать конным с телегами, и не будет ли где на переправах чрез реки и болота какие остановки за мостами» (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 70, 1702, Л. 2 об.-3; Данков 1996[1]: с. 59). «Блистательный бомбардир» М. Щепотев, уже в июле 1702 года докладывал царю «...если дорога не вскоре надобна, можно сделать лучше Новгородской, а если для поспешания телеги в две, а ныне я делаю мосты телеги в три и больше, а дорогу чистят сажен по 5 и по 6-ти...» (Азанчевский 1859: с. 38).

Исполнительный сержант «со товарищи» в течение трех недель, в непроходимой тайге, «пробил» и обустроил «перспективу» в 174 версты, от Белого моря до Онежского озера, названную народом «Осударевой дорогой». Даже учитывая современную технологию, тракт обустроен с фантастической быстротой, о которой можно только мечтать. В результате 8 дневного рейда Петра I с Преображенским и Семеновским полками, русские войска в октябре 1702 г. одержали первую значимую викторию над шведами, под Нотебургом. Молниеносность перемещения армейской группировки, не знает примеров в истории военного искусства России и стран Европы. После падения Ниеншанца, царь приступил к строительству новой столицы – Санкт Петербурга, и другим новациям составляющим даже сегодня, геополитическую реальность.

Недавно в РГАДА, в фонде «Приказные дела новых лет» обнаружены документы начала XVIII столетия, в том числе серия писем царю и адмиралу Ф. Головину, отправленных М. Щепотевым из тайги в Архангельск с возводимой «Осударевой дороги», (Кротов 1999: с. 178–220; Данков 2007[2]: с. С. 76–89). Новые материалы, способны существенно расширить наши представления о загадочном царском маршруте, который «якобы» предназначался для транспортировки «по мостовой настилке» двух морских судов.

Однако современным исследователям, пока, не доступен ни один прямой, историографический источник, подтверждающий факт волока этих фрегатов, участие их в Нотебургской операции, дальнейшее присутствие судов в составе русского флота на Балтике (Данков 2003[2]: с. 20). Корреспонденции М. Щепотева из карельской тайги, неопровержимо подтверждают этот факт. Не разу сержант даже не обмолвливается словом, что трасса, создается для волока фрегатов. Ведь очевидно, что в случае транспортировки кораблей, использовалась бы иная технология строительства дорожного полотна.

Сохранилось четыре послания бомбардира М. И. Щепотева Петру I, и четыре письма на имя главы Посольского приказа Ф. А. Головина, датируемые июлем 1702 года (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109 ЛЛ. 2–17). Ответные сообщения из Архангельска, строителю «Осударевой дороги», пока не обнаружены, хотя очевидно они существовали. Карельские эпистолярные материалы, свидетельствуют о характере «урядника», в котором доминирует исполнительность и преданность государю. Одновременно документы демонстрируют неоспоримое влияние «обыкновенного» гвардейца на мировоззрение молодого Петра. Можно сказать, что переписка подчеркивает доверительный тон и подтверждает близость в повседневном общении М. Щепотева с царем. Чего стоит обращение сержанта к монарху от 6 июля 1702 года «от Коросозера»: «Изволил ты писать, чтоб дорогу и подводы изготовить июля к 15 числу...» (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109 Л. 2). Думается, не много известно имен фаворитов, кому было позволено, указывать царю «ты». Тем паче, в письме этого же дня «Милостивому государю Феодору Алексеевичу» (Ф. А. Головину – М. Д.), сержант, как и подобает, обращается «вы извольте». (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109 Л. 3–3об). Из писем М. Щепотева, можно сделать любопытное заключение о стремительности перемещения куратора стройки по маршруту возводимой «Осударевой дороги»: 6 июля – Коросозеро, на следующий день – Нюхоцкая волость, 10 июля – «30 верст от Нюхчи», 15 июля – Нюхоцкая пристань, а 26 июля – Повенец (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109 Л. 2–2 об., 4–5, 6–6 об.). Не стоит забывать, речь идет о 260 километрах сложной пересеченной местности, имеющей два скалистых хребта (Ветренный пояс и Масельский кряж) и сплошные болота, где кроме звериных троп, не существовало иных дорог.

Трудно представить масштаб всей миссии Щепотева. Помимо возведения пути, он одновременно строил суда у Повенецкого рядка на Онежском озере, для дальнейшего перемещения армии по воде к Ладогe. Уместно упомянуть его суждение о кораблях «про копитана» (Петра I – М. Д.) и для адмирала Ф. А. Головина (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109 Л. 22). Он сообщает «Да моей, Михайловой, работы два судна. Одно оснащено, а другое почал снастить и к вашему приезду будет в готовности. А те суды зделаны одно так, как в Новгороде делал Александр Данилович (Меншиков – М. Д.), а другое, какое я зделал в Новгороде» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395). Согласно одного из «Списков», сержант также собрал у Повенца, купеческие парусники из бассейна Ладожского и Онежского озер. Это 20 карбасов и 65 сойм, которые, были оснащены «по-яхтному» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395; Кротов 1999: с. 206).

Народные предания Беломорья, с любовью культивируют образ М. Щепотева, который как «тень» ходил «об-руку с царем». Сержант Преображенского полка наиболее близкий персонаж к государю. Заметим А. Д. Меншиков, даже не упоминается в этих легендах. В Нюхчу, древнее поморское село, откуда стартовала «Осударева дорога», государь «прииош...со своим любимцем Щепотевым, погулял по ней, показал народу свои царские очи» (Максимов 1859: с. 603). Определенно, М. И. Щепотев обладал таинственной силой. Он притягивал к себе людей и властвовал над ними. Прекрасно убеждал, но порой, очевидно, и наказывал людей. Нерадивость, медлительность и своеволие, пресекались «на корню». В этом смысле мотив «идеализации» народного героя, иногда подменяется сюжетами о якобы «справедливой каре» над сержантом. В Поморье сохранился цикл преданий о монаршем наказании М. Щепотева, о том, что его «высекли», и даже «снесли генералу саблей

голове» у горы, которая «*зывается Щепотиной*» (Максимов 1859: с. 606–607; Криничная 1978: с. 160; Криничная 1991: с. 203; НА КНЦ: 129/126).

Хочется предложить версию сказания, записанного участниками НИЭ «Осударева дорога» (Петрозаводск) в 1993 году от жителя с. Нюхча, Титова Е. И.: «*Так вот слышь, Щепотева гора, полтора километра от реки, так и будет. Щепотев был «енерал», грозный очень. Петр сказал: «Идем через гору». А Щепотев отказался и предложил скосить и пройти с боку. Тут то царь взял топор и сам голову отрубил Щепотеву*» (Дневник экспедиции...1993: с. 7–8; Данков 1996[2]: с. 107).

Имеются и другой вариант легенды, записанный там же, от Поташева М. Г., публикуемый впервые: «*Сам Щепотев генерал какой был, но шибко обижал подчиненных. За то и разжалован. На Щепотева горе царь взял да и снял моментально с него погоны. А кто-то говорит, что голову отрубил. Права то у Щепотева были большие. Вот он неразумно и злобствовал...*» (Дневник экспедиции...1993: с. 15).

Думается, критическое отношение поморов к исполнителю «Наказа», связано с тяготами местных крестьян при строительстве царской дороги, а не реальным наказанием. Во всяком случае, «казнь» М. Щепотева в северной тайге, является вымыслом.

В то же время, в результате ландшафтных археологических исследований по проекту «Осударева дорога», в среднем течении реки Нюхча, в районе высоты 63,5 был обнаружен и идентифицирован с легендарной «Щепотева горой» уникальный инженерно-строительный комплекс, относящийся к началу XVIII столетия (Данков 2002: с. 48–51). События «малой истории» в контексте легенд о строителе царской трассы, плавно перерастают в общенациональный масштаб, сохраняя свой локальный колорит.

Ф. А. Головин, руководитель похода, один из немногих, кто поделился «свежими» впечатлениями от самого похода «*по лесам, мхам и болотам*» (Новиков 1783: с. 105). В письме послу в Польше, князю Г. Ф. Долгорукову от 18 сентября 1702 года, он сообщает: «*...войска царского Величества никаких праздностей сего лета не делали, но в непрестанных истинно трудах были. Также и сами мы от Города непроходимыми местыми прошли и топеря обретаем в Ёндриш; к чему дай Боже, счастье, и мним, что погостить нам у Канцев дай, дай Боже счастливое начинание и к тому конец благополучен*» (Письма и бумаги...1889: с. 409).

До атаки невских Канцев (Ниеншанца – М. Д.), русские войска, в конце сентября, осадили шведский Нотебург (Орешек с 1323 г.) на Ладоге. В результате впечатляющих атак «охотников», 12 октября 1702 года, «*неприятель...ударил в шамад*» и «*в 14 день, гарнизон... с распущенными знаменами, барабанным боем, и с пулками в рту...сквозь учиненные проломы вышел*» (Кротков 1896: с. 157–184). Взятие Нотебурга, стало прелюдией плана Петра, задуманного на Белом море по овладению невским устьем и Балтикой. В этом смысле усилия гвардейца оказались актуальными. Не прошло и месяца, как «*Михайла Иванов сын Щепотев*» вновь «в посылке» при ответственном поручении. В ноябре 1702 г. он сопровождает от Ладоги «*свейских полонных людей*», то есть пленных шведских солдат и офицеров к Москве (Письма и бумаги...1889: с. 303). А в начале декабря, Петр I любитель «исторической сценографии» устроил в Москве, впечатляющий фарс. Герои Нотебурга, вместе с М. Щепотевым, под началом «капитана», конвоировали пленных по Тверской улице, под Воскресенскими воротами, через Китай город к Лубянке (Азанчевский 1859: с. 45).

Новый этап военной компании, стартовал в январе 1703 года. К линии Шлиссельбург–Балтика на подводах из Москвы, выступил полк Чамберса, а по северному берегу Невы, выдвинуться корпус Б. П. Шереметьева (Сорокин 2001: с. 83). Обширная территория Ижории «зачищалась» русскими «летучими» отрядами, в том числе боевой группой М. Щепотева, отличившейся «*...от города (Ниеншанца – М. Д.) в 100 сажнях и меньше*». Картину «разора», очевидно с завистью выразил А. Д. Меншиков в письме царю от 6 февраля 1703 года: «*Михайло Щепотев ходил к Канцам (современная Охта – М. Д.), в деревнях шведов и латышей в полоне взял мужеска и женска пола 54 человека, в том числе на мызе одного приказчика, да побили шведских драгунов человек с 40, лошадей взяли до 60, а быков и коров больше 100 скотин выгнали и роздали по полкам*» (Письма и бумаги...1889: с. 331). Не довольствуясь достигнутым М. Щепотев с группой: «*...поворотыя от Канец в версте в первой деревне избу одну, да сено запасное, которое было для шведских драгун собрано... сожгли*», и в итоге, сообщает Меншиков, – «*наши слава Богу все в целости*» (Письма и бумаги...1889: с. 331). М. Щепотев в борьбе против шведов, исповедывал партизанскую тактику, совершая набеги, которые обескровливали неприятеля. Эта инициатива пришлась по душе государю.

Вечером 28 апреля 1703 г., Петр с гвардейцами на 60 лодках по Неве «проскочил» Ниеншанц и провел рекогносцировку местности. Выяснив, что шведов нет, он вернулся, оставив на острове Витусаари (о-в Гутуевский) М. Щепотева с тремя ротами дозора (Тимченко-Рубан 1901: с. 66). После падения Ниеншанца (позже переименованного в Шлотбург), 2 мая, в ставке появился гонец М. Щепотева с вестью о присутствии в устье Невы военной шведской эскадры (Сорокин 2001: с. 88).

Вскоре, 6 мая, отважный гвардеец ухитрился захватить у шведов, неприятельского «языка». М. Щепотев выяснил, что флотом, из девяти кораблей командует адмирал Гедеон фон Нумерс, но главное, шведы стремятся поддержать гарнизон крепости на Охте. «Горячая» информация «бонбардира», заставили «копитана» Петра Михайлова, с поручиком А. Меншиковым, «*понеже иных, на море знающих не было*», атаковать на 30 лодках шняву «Астрильд» и вице-адмиральский бот «Гедан» (Тимченко-Рубан 1901: с. 73). Несмотря на «*пушций огонь*» и жестокое сопротивление «те суда взяли...и привели ко взятому городу Канцам» (Книга Марсова...1766: с. 21).

Викторию на Неве «*никогда не бываемую*» рассматривал, как победу не только царь. Англичанин Д. Ден, состоящий на московской «государевой службе» в своих «записках» предсказал: «*...особое знамение... в пользу*

морских...предначертаний) (Ден 1897: с. 9). Уже 10 мая Ф. А. Головин, в походной церкви вручил Петру I и А. Меншикову орден Св. Андрея Первозванного. Офицеры и солдаты, участники акции, получили золотые и серебряные медали с надписью «Небываемое бывает. 1703» (История...1994: с. 96).

Очевидно в очередной раз, «фортуна обошла» сержанта стороной, и он не смог подняться на «градус». Однако, похоже, исполнительного солдата это не волновало. Он по-прежнему «не выпадал» из самого близкого круга людей государя. Думается, Щепотев был счастливым человеком, во всяком случае, востребованным. К тому же, скоро пригодился его прежний судостроительный опыт, приобретенный в 1693–1694 гг. на «Соломбоне». К лету мы видим М. Щепотева на реке Свирь где, по мнению Петра «...на Олонецком верфю флот зачался делать» (Письма и бумаги...1907: с. 27). Там 24 марта 1703 года «...по указу Великого государя...Петра Алексеевича...и по приказу губернатора А. Д. Меншикова...» состоялась закладка первых кораблей (Елагин 1865: с. 16). Кроме известного фрегата «Штандарт», приступили к строительству четырех буеров: «Бир-Драгер» (Разносчик пива), «Вейн-драгер» (Виночерпий), «Гельк-сак» (Денежный мешок) и «Соут-драгер» (Возчик соли) (История...1994: с. 96). М. Щепотев курировал строительство буера «Бир-Драгер» отделанного «августа в 22 день». Сохранились «розмерения» судна «длина 80 фут. ширина 24 фута, вышина 9 фут. голландских», что в переводе в современную метрическую систему составляет 22.64 x 6.79 x 2.55 м. На корабле было «в отпуске: пушка 8 фунтовая, парусов...изошло Олонецкого 458 аршину...» (Елагин 1865: с. 17). Выдерживая строительные сроки Ост-Индской компании, суда были спущены со стапелей. 8 сентября флотилия совершила первые «эволюции» к земляной Петропавловской крепости в устье р. Невы. К штурвалу «Штандарта» встал сам царь. На буере «Бир-Драгер», исходя «...из книги корабельного строения 1703 года», капитаном «пошел Михайло Иванов сын Щепотев» (Елагин 1865: с. 17).

Сержант вновь подтвердил свое реноме, теперь в качестве первого после Петра, морского капитана Балтики. С этого времени начинается традиция службы на флоте и командование кораблями не только морскими пушкарями, но и бомбардирами Преображенского полка (Гиппиус 1883: с. 121). Жизнь беспокойного гвардейца впечатляет множеством забот, и постоянными перемещениями по стране. 27 февраля 1704 года, он сообщает ижорскому губернатору А. Д. Меншикову из Тверского уезда об армейском наборе для генерал майора И. И. Чамберса: «...с помещиков, и вотчинниковых, и с крестьянских, и з бобыльских, и з задворных, и з деловых дворовых людей принято в Великом Новгороде 3154» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 11. Оп. 3. Кн. 1. Л. 754).

Но уже во второй половине мая этого же года, накануне второго сражения за Нарву, с успехом выполняет распоряжения А. Д. Меншикова, связанные с разведкой неприятеля, и руководит строительством моста в устье р. Нарова. В корреспонденции от 18 мая М. Щепотев ему сообщает: «...пришел шведский флот, и с прежними судами всего их будет 40 кораблей...а на кораблях пушек по 20 и по 24 видел сам». И тут же добавляет: «...во флоте виц-адмирал, на корабле на фок-мачте поставлен его флаг. А по ведомости взятых языков...на тех кораблях солдат 1000 человек...» (Устрялов 1863: с. 305). Парадоксально, но за неделю до этого, тот же А. Меншиков, ухитрился встретить М. Щепотева на проселке между Новгородом и р. Свирью о чем 8 мая, сообщил царю: «...поехал было отсюда к вам на олонцеую верфь, да встретил меня на дороге Михайло Щепотев, с которым я к милости вашей писал сего месяца мая в 8 день...» (Елагин 1865: с. 36).

В 1705 году Михаил Щепотев, сначала находится «в посылке» на Воронеже (Веселаго 1885: с. 434). А затем принимает активное участие в боевых операциях русских войск под Биржей. Походный журнал Б. П. Шереметева сообщает: «И в 4-м числе августа генерал фельдмаршал отправил в партию Михаила Щепотева да майора Чекина с шквadroном и курских калмыков, которые той партии шведов много побили, а в полон взяли 16 человек» (Военно-походный журнал... 1871: с. 190).

Однако уже весной 1706 года, сержант М. Щепотев, реализует себя «прекрасным переговорщиком», Астрахани при усмирении антиправительственного мятежа. Сержант в письме государю, объясняет суть дела: «А некоторые ...стрелецкие головы и астраханским стрельцам и всяких чинов жителем обиды превеликие чинили...» (Письма и бумаги...1900: с. 771). Невзирая на лица, он исполняет деликатное «тайное» поручение Петра I, которое до сих пор представляется загадочным. В начале 1706 года по воле государя фельдмаршал Б. П. Шереметев, для подавления Астраханского бунта, срочно выдвигается к Саратову и Царицину (Чичерин 1883: с. 223). А 10 января, царь уведомляет фельдмаршала о командировке М. Щепотева к штабу с рекомендацией «и что он вам будет доносить, извольте чинить» (Письма и бумаги...1900: № 1013, 1019, 1021, 1022). Формально была нарушена вся мыслимая воинская субординация. При всем уважении к заслугам командующего, государь считал возможным приставить к нему своего контролера в чине сержанта «бомбардирской роты» лейб-гвардии (Голикова 1975: с. 258). По Указу М. Щепотев должен смотреть за фельдмаршалом, чтобы: «...исправно было, буде за какими своими прихоти не станут делать, или станут, да медленно, - говорить; а буде не послушают, сказать, что о том писать будешь ко мне». Показательна и приписка рукою Петра «...сего фельдмаршалу не писано» (Устрялов 1863: с. 495).

М. Щепотев получил не только карт-бланш в переговорах с восставшими, но и неограниченные тайные полномочия. Он появился в Царицыно с авангардной группой войск. Вскоре Б. Шереметев был рад, освободиться на несколько дней от внимания назойливого сержанта, который «якобы» вмешивался в его дела. Престарелый фельдмаршал с трудом переносил самоуверенного, склонного к авантюризму, бомбардира. Между тем, зная с кем, имеет дело, был вынужден через силу его терпеть. Пользуясь отсутствием Б. Шереметева, «уандер офицер» из Царицыно, отправил со стольником С. Сухановым «Указ» в ставку восставших в Черный Яр: «...Послан с Москвы Преображенского полку бомбардирской роты Михайло Иванович Щепотев...к ковалеру Борису Петровичу Шереметеву...а с ним...послано солдатских пехотных полков двенадцать, и велено

соединясь с ним, ...идти на низ до Астрахани» (РГАДА. Ф. 77. Д. 3. ЛЛ 65 об.-66; Голикова 1975: с. 285). Бунтовщики не поверили «именному де великого государя указу» и через лазутчика, стрельца И. Красникова выяснили, что имеют дело с армейской дезинформацией: «...пехотных служилых людей не будет и дву тысяч человек, а что де он, Михайло...сказывает, идет де с Борисом Петровичем служилых людей 40 тысяч и то де он Михайло, все обманывает» (РГАДА. Ф. 77. Д. 3. ЛЛ 95–96 об.). Зная обстоятельства усмирения бунтовщиков, Петр I, независимо от переписки с Б. Шереметевым, инструктировал М. Щепотева. Еще до получения сведений о покорности «черноярцев», царь писал ему: «Ты спрашиваешь, ежели что доброе будет на Черном Яру, что с ними делать? На что ответствую: кроме прощения и по старому быть, иново ничего. Также и везде не держайте не тощю делом, ни словом жестоком к ним поступать, под опасением живота» (Устрялов 1863: с. 497).

Двойственность своего положения, фельдмаршал прекрасно сознавал, и был вынужден лишь окольными путями выражать обиду и неудовольствие действиями «уандер офицера». В письме к Ф. А. Головину, он жалуется: «Когда Михайло Щепотев сидел у них в Городе, они чаяли, что он-то пуций будет в промыслу и бомбардир; для того больше и держались» (Устрялов 1863: с. 503). Однако не в силах совладать с эмоциями, и личным страхом, он жаловался: «...как я вступил в Город и пришел на свой двор, Щепотев говорил на весь народ, что прислан за мною смотреть: что станет доносить, во всем бы я его слушал. Я не знаю что и делать» (Устрялов 1863: с. 503).

Возможно, против инициативного гвардейца, к этому времени, оформилась некая оппозиция армейской элиты страны. Во всяком случае, глава Посольского приказа Ф. А. Головин, поддержал фельдмаршала в своем письме от 1 апреля 1706 г.: «О Щепотеве я известен, все знают его какой человек. Ныне писал ко мне, жалуясь на тебя, что будто ты немилостив больно по наносу злодеев, которые ко взяткам склонны» (Устрялов 1863: с. 504). Между тем, «чашу терпения» Б. Шереметева переполнила мартовская «выходка» сержанта, который с пятью гвардейцами отправился, в Астрахань в лагерь бунтовщиков. У «Кабацких ворот» города, он был задержан караульными, атаманом Е. Зиновьевым арестован и интернирован в кремлевскую «бутку». Взбешенный фельдмаршал объяснил поступок независимого бомбардира коротко – М. Щепотев «гораздо пьян» (РГАДА. Ф. 158. Д. 10. 1706 г. Л. 8).

А ведь сержант, как заложник, выиграл не только время, он сумел «разрулить» тяжелейший кризис. Во время обстрела Белого города, «атаманский круг» явился к М. Щепотеву, который убедил бунтовщиков направить «тутошных жителей» к Б. Шереметеву. Поступок предотвратил «кровавую резню». Восставшие «...вечеру выслали из города конных и пехотных полков пятидесятников с повинною» и заявили, что астраханцы «от того кровопролития перестали и чтоб он, генерал фельд маршал показал над ними милость и шел в город» (РГАДА. Ф. 6. Д. 17. ЛЛ. 194–196).

Обрадованный удачей, Б. Шереметев парламентариям «вины...отдал» и потребовал выдать старшин и «всех полков урядников». В последнюю очередь, он вспомнил о М. Щепотеве, которого освободили лишь через день, 13 марта 1706 года (Голикова 1975: с. 301). Понимая, кто истинный герой и миротворец, фельдмаршал 5 мая, тем не менее, вновь организует донос на неугодного солдата: «Если мне здесь прожить, прошу чтоб Михайло Щепотева от меня взять. Всенародно говорит, что хочет меня государю огласить, не знаю чем и с Александром Даниловичем ссорит и говорит Я-де тебя я ним помирю; и непрестанно пьян. Боюсь чего б надо мною не учинил; ракеты денно и ночью пуцает; опасно чтоб город не выжге» (Устрялов 1863: с. 504).

Со своей стороны, сержант в корреспонденции из Астрахани от 7 мая, спокойно и убедительно докладывает царю: «С самого начала фельдмаршал стал на меня гневаться за то, что я говорил ему противно, для чего ведет недавно с своим шквadroном полк Шлюссельбургский и другие...» (Устрялов 1863: с. 413; Чичерин 1883: с. 225). Было бы заблуждением считать, что Петр I, не знал о тонкостях взаимоотношений фельдмаршала и сержанта. Но он как верховный арбитр, предпочел отстраниться, и не стал их мирить. В то же время, не смущаясь, царь открыто демонстрировал свое отношение к любимцу, ценя его честность, распорядительность и профессионализм. В депеше от 23 апреля 1706 года он сообщает М. Щепотеву: «...благодарим вам за ваши труды и прочее. По получении сего письма Вы поезжайте к нам наперед тогда, когда фельдмаршал с полками из Астрахани к Смоленску пойдет» (Голиков 1788: с. 276).

По завершении Астраханской эпопеи, «птенец гнезда Петрова», через Киев, направился «ко флоту» на Балтику. Впереди Щепотева ждала, по словам государя «неслыханная слава» и очередное, на этот раз последнее, доказательство преданности. Армейский корпус с Петром I, и «ближними», в состав которых входил и гвардеец М. Щепотев 11 октября 1706 года подошел к Выборгу. Войска расположились лагерем «на холме у лобного места» (Чичерин 1883: с. 226). В письме А. Д. Меншикову, государь сетовал: «...тут встретилось неудобство, которое zelo меня опечалило», Выборг стоит на протоке, которая тянется до Карелии, – «...а у нас было судов только две верей. Если бы знал я о том, взял бы морем несколько мелких судов» (Устрялов 1863: с. 518). Замечание важное, с учетом решения отправить под вечер М. Щепотева и А. Дубасова с унтер офицерами Скворцовым и Синявиным в дозор, для проверки шведских торговых кораблей.

Отсутствие русских судов, вынудило воспользоваться пятью лодками, на которых едва разместилось 48 солдат и гренадеров. Когда стало смеркаться, «стал быть туман...посланные, ради темноты, наехали на адмиральский» шведский бот «Эсперн». На неприятельском корабле, как выяснилось, находилось, пять офицеров, 103 солдата и четыре пушки. М. Щепотев со своими людьми не растерялся, пошел на abordаж, и яростно атаковал «побив большую часть людей, а остальные ушли под палубу, где наши их заперли». Затем, используя

артиллерию «Эсперна», он отбил от другого шведского судна. Текст «Истории свейской войны» сообщает: «На сем бою, наших от 48 человек осталось 18 живых и в том числе только четверо нераненных». Зато у шведов: «...побито два капитана, два поручика, один прапорщик, да солдат, которых перечтено телами 73 человека, да живых взято в полон 23 человека солдат и трое женских персон» (Устрялов 1863: с. 493).

Ночной дозор стоил жизни М. Щепотеву и А. Дубасову. Бот «Эсперн» в качестве боевого трофея, был доставлен к Адмиралтейству. Тела «добрых воинов», под Андреевским флагом, церемониальное новшество ВМФ, перевезли на палубе одного из судов в Петербург. Упомянем текст «Реляции партикулярного боя на море», предназначавшейся для всех офицеров Преображенского полка. Документ сохранился в виде приложения к ответу царя на письмо фон Кирхену. «Реляция» сообщает: «...по преудивительному и чудному бою из тех на одно судно именуемое Эсперн взошли, которому на секурс и другое пришло, однакож наши с такою несказанною отвагою были, что и на том судне еще не скончав бою и овладев и с другим так крепко бились, что на помощь пришедших отбили, а тем завладели, и иное к берегу под лагерь привезли...» (Азанчевский 1859: с. 63).

Выражая заботу о достойных проводах в последний путь М. Щепотева и А. Дубасова, государь настоятельно требовал от Н. М. Зотова, который вместе с сержантом преодолел в 1702 году «Осудареву дорогу»: «Тела их послал я к Петербургу. Изволь тех с прочими на кладбище погребть, с провожанием единого батальона и о сем приобщить велению вице-адмирала и прочих» (Мегорский 1906: с. 329). На что «Smirennuyu Anikit властною рукою», без промедления ответил из Петербурга: «Вечно достойный, несмертельной памяти непобедимых воинов, их милости господ Щепотева и Дубасова, всякия почести годные (и истинно реци святые) тела са погребению преданы с подобающею честью октября в 21 день». И добавил: «Причем и г. вице-адмирал (К. Крюйс – М. Д.) был же. Прошу должного Вашего послушания: оставя печальное, прикажи военными кадилы довольно покарить Выборг, дабы жители его в незабытнй памяти емели бытность вашу» (Устрялов 1863: с. 437). В этот траурный день, Петр I получил также корреспонденцию от Корнелия Крюйса: «Поздравляю ваше величество от всего сердца с таким добрым военным обмогательством: таких случаев мало бывает и не часто то чинится» (Устрялов 1863: с. 437). Согласно воле государя, геройский сержант 21 октября 1706 года, торжественно предан земле с «пушечною пальбою и мелким ружьем» (Веселаго 1885: с. 434).

Для современных исследователей, открыт вопрос о месте захоронения легендарного сержанта. Существует версия, могила М. Щепотева находится на кладбище Невского монастыря (Азанчевский 1859: с. 74). Идет ли речь о территории современной Александро-Невской лавры? Скорее все нет, так как кладбище там стало складываться лишь после 1717 года, когда по распоряжению Петра I была возведена церковь Св. Лазаря (Богданов 1988: с. 196). Считается, что первым городским некрополем Петербурга, являлось Сампсониевское кладбище, которое возникло на Выборгской стороне в 1710 году у церкви Сампсония Странноприимца (Квятковский 1996: с. 89). Стоит упомянуть и о деревянной церкви Св. Исаакия Далматского известной у Адмиралтейства с конца 1706 года (Архив ВМФ. Д. 16. Л. 288–295; Окунев 1995: с. 26). Однако начальные захоронения могли производиться на погостах, у первых приходских церквей. Так, где же покоится прах М. И. Щепотева?

Царь, долго не мог смириться с потерей своего любимца, которого оплакивал в течение нескольких месяцев, а вспоминал до конца своих дней. Трагедия потрясла государя не менее чем смерть фаворита Ф. Лефорта. В своем письме «из лагеря от Выборга», он сообщал А. Меншикову: «...еще посылаю присем во извещение, о чудном и никогда не слыханном морском партикулярном бое, журнал, который учинил господин Щепотев, и сею неслыханною славою живот свой окончил» (Устрялов 1863: с. 447). Однако, высшие чины, стоящие у кормила Власти, во многом завистники солдата: А. Меншиков, Б. Шереметев, Г. Головкин, Г. Долгорукий, видя печаль царя, пытались 24 ноября того же года, в письме его успокоить: «О Щепотеве не надлежит много рассуждать, понеже никогда без того и не такая игра бывает» (Устрялов 1863: с. 128)

Завершая рассказ о судьбе наиболее яркого, но ныне забытого героя, из окружения Петра I, приходится с горечью признать «эффект исторической амнезии». В очередной раз мы сталкиваемся с избирательностью человеческой памяти. Однако воздадим дань уважения и симпатии, удивительной личности, сыгравшей неосценимую роль, в складывании понятия «молодая Россия».

Литература

1. Азанчевский М. П. 1859. История Преображенского полка. М.
2. Архив ВМФ. Арх. Морского министерства, отдел Адмиралтейской канцелярии. Д. 16. ЛЛ. 288–295.
3. Беспятовых Ю.Н. 1999. Второе «пришествие» Петра I в Архангельск. // Русский Север и Западная Европа. СПб.
4. Богатырев И. В. 1983. Корабельная Соломбала // Судостроение. № 8.
5. Богданов И. 1988. ...Или забвение? Нева № 3.
6. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. 1904. Энциклопедический словарь. Т. XL СПб.
7. Брызгалов В. В. 1993. Первенец Соломбальской верфи // Соломбальская верфь. 1693–1862. Архангельск.
8. Веселаго Ф. 1885. Общий морской список. СПб.
9. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельтмаршала Бориса Петровича Шереметьева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения сих го-

- родов и иных тамошних мест от войск шведского короля. 1871 // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1, под редакцией А. Ф. Бычкова. СПб.
10. *Гиттиус В.* 1883. Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. Исторический очерк. СПб.
  11. *Голиков И. И.* 1788. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XIV. М.
  12. *Голикова Н. Б.* 1975. Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М.
  13. *Гузевич Д., Гузевич И.* 2003. Великое Посольство. СПб.
  14. *Данков М. Ю.* 1996[1]. Осударева дорога // Материалы по исторической географии Севера Европы. Петрозаводск.
  15. *Данков М. Ю.* 1996[2]. Загадки «Осударевой дороги» // Север. № 7.
  16. *Данков М. Ю.* 1998. О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. СПб.
  17. *Данков М. Ю.* 2002. О месторасположении «Осударевой дороги» 1702 года в контексте современных полевых исследований // Двинская Земля. Материалы межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас.
  18. *Данков М. Ю.* 2003[1]. О транспортных путях к Белому морю по землям Карелии в XV–XVIII вв. // Двинская Земля. Материалы вторых межрегиональных Общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас.
  19. *Данков М. Ю.* 2003[2]. Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // Защитники Отечества. Материалы региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск.
  20. *Данков М. Ю.* 2004. «Неистовый» гвардеец царя Петра // Петровское время в лицах – 2004. Материалы научной конференции. СПб.
  21. *Данков М. Ю.* 2005[1]. Материалы к биографии: М. И. Щепотев-сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Защитники Отечества. Материалы XVII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск.
  22. *Данков М. Ю.* 2005[2]. Сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Чело № 2 (33). Альманах. Великий Новгород.
  23. *Данков М., Лапшов С.* 2007[1]. Сержант Петра Великого // Рейтар. Военно-исторический журнал № 34 (1/2007). Москва.
  24. *Данков М. Ю.* 2007 [2]. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // «Петровское время в лицах – 2007». Труды Государственного Эрмитажа. XXXVIII. Материалы научной конференции. СПб., 2007.
  25. *[ДЕН Д.]*. 1897. История российского флота в царствование Петра Великого. Перевел Е.Е. Путятин. СПб.
  26. *Дневник экспедиции «Осударева дорога».* 1993. Данков М. Ю. Научный архив КГКМ.
  27. *Елагин С. Н.* 1865. Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб.
  28. *Изюмов А. И.* 1911. Материалы по истории Архангельска // Известия АОИРС. № 16.
  29. *История отечественного судостроения.* 1994. // Гл. 8 /// П. Кротов. Зарождение регулярного флота на Балтике. СПб.
  30. *Квятковский А. В.* 1996. Захоронения при Сампсониевском соборе в Санкт Петербурге // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. СПб.
  31. *Книга Марсова или воинских дел.* 1766. СПб.
  32. *Криничная Н. А.* 1978. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) Л.
  33. *Криничная Н. А.* 1991. Предания Русского Севера. СПб.
  34. *Кротков А.* 1896. Взятие крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году // Журнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду по крепостию Нотебургом чинилось. Сентября с 26-го числа в 1702 году. СПб.
  35. *Кротов П. А.* 1999. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб.
  36. *Научный Архив КНИЦ.* № 129/126.
  37. *Новиков Н. И.* 1783. О высочайших пришествиях великого государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших... М.
  38. *Максимов С.* 1859. Год на Севере. Т. I, Белое море. Гл. X. СПб.
  39. *Мегорский В.* 1906. Осударева дорога // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906. Петрозаводск.

40. *Окунев С. Н.* 1995. Загадка первой Исаакиевской церкви // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. СПб.
41. *Пекарский П.* 1862. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.
42. *Письма* и бумаги императора Петра Великого. 1887. Т. 1. СПб.
43. *Письма* и бумаги императора Петра Великого. 1889. Т. 2. СПб.
44. *Письма* и бумаги императора Петра Великого. 1900. Т. 4. Ч. 2. СПб.
45. *Письма* и бумаги императора Петра Великого. 1907. Т. 5. СПб.
46. *РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. ЛЛ. 194–196.
47. *РГАДА.* Ф. 9. Отд. 1. Д. 44.
48. *РГАДА.* Ф. 9. Отд. 11. Оп. 3. Кн. 1.
49. *РГАДА.* Ф. 77. Д. 3.
50. *РГАДА.* Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 70.
51. *РГАДА.* Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109
52. *РГАДА.* Ф. 158. 1706 г. Д. 10
53. *Сорокин П. Е.* 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
54. *Тимченко-Рубан Г. И.* 1901. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб.
55. *Чичерин А.* 1883. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1725. Т. 1, СПб.
56. *Устрялов Н. Г.* 1863. История царствования Петра Великого. Т. IV, Ч. 1, Ч. 2, Приложения. СПб.

История Петрозаводской мужской учительской семинарии

В 1898 г. министерство народного просвещения, обратив внимание на подготовку преподавателей для школ, предложило обсудить этот вопрос попечителям учебных округов совместно с попечительскими советами. По общему признанию, – говорилось в циркуляре министерства, – «одним из главных недостатков учебных заведений нужно считать то, что начинающие преподаватели приступают к своему трудному и ответственному делу без всякой специальной педагогической подготовки. Отсюда отсутствие подготовительно-педагогической школы лишает учебное начальство возможности выяснить своевременно, кто из кандидатов на учительские должности обладает достаточными способностями к преподавательской деятельности. Преподаватели без соответствующей подготовки и педагогических способностей вызывают справедливые сетования родителей».¹ В результате многократных обсуждений была создана комиссия, которая пришла к заключению, что необходимо создавать учреждения для переподготовки и подготовки учителей в школах национальных окраин.

Одним из таких учебных заведений в Олонецкой губернии и становится Петрозаводская мужская учительская семинария, которая учреждается с 1 июля 1903 года на основании Указ Российской империи от 25 января 1903 года. Но в местной газете «Олонецкие губернские ведомости»² сообщалось, что торжественное открытие семинарии состоится 21 сентября 1903 года в присутствии всех должностных лиц города.

На состоявшемся торжественном открытии была произнесена речь директором семинарии Михаилом Николаевичем Правдиным, в которой он обращался к своим воспитанникам с надеждами на будущее: «Обращаюсь к вам, питомцы вновь открываемого учебного заведения! Своим трудом, образцовым поведением и прилежанием вы во многом облегчите выполнение задачи, возложенной на воспитателей этого заведения. Так оправдайте же своими успехами надежды, на вас возлагаемые, как на будущих учителей.....».

Михаил Николаевич Правдин, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского учительского института (Санкт-Петербургской учительской семинарии), был назначен первым директором семинарии и преподавал в ней педагогику. Он проработал в учительской семинарии в должности директора до 1917 года. В 1910 году М. Н. Правдин был награжден орденом Святой Анны за заслуги в деле образования. Его преемником на этот пост был назначен Константин Иванович Орфинский закончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию.

По числу классов учительская семинария относилась к разряду четырехклассных: с подготовительным и тремя основными. Однако при открытии в составе семинарии было два класса: подготовительный и первый класс. С августа 1904 года семинария уже состоит из трех классов: подготовительного, первого класса и второго класса, а с сентября 1905 года к этому составу добавляется третий класс. Приготовительный класс был создан для привлечения крестьянских детей непосредственно из сельских школ. Задачей семинарии было дать педагогическое образование людям всех сословий, желающим посвятить себя учительской деятельности.

Первоначально после открытия (с 12 сентября 1903 года) семинария располагалась в наемном помещении дома купца Пименова по Святонавлоцкой улице (сейчас ул. Ленина). Но в сентябре 1905 г. было построено собственное двухэтажное кирпичное здание семинарии на окраине Петрозаводска, которое состояло из ряда построек:

1. Главное каменное здание, с классами и кабинетами учащихся (общежития на 50 мест), служителей при семинарии.
2. Деревянное двухэтажное здание для квартир четырех начальников семинарии.
3. Деревянное двухэтажное помещение училища и квартиры законоучителя.
4. Деревянное двухэтажное здание для квартиры директора, второго учителя училища и канцелярии семинарии.

На верхнем этаже главного каменного здания располагались:

1. Рекреационный зал-коридор.
2. Домовая церковь, сооруженная в 1907 году.
3. Четыре комнаты для класса.
4. Комната для библиотеки.
5. Комната для рисования.
6. Учительская комната.
7. Комната для директора.
8. Комната для доктора.
9. Комната для учебных пособий.
10. Теплый люфт-клозет для учащихся.

¹ Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964. С. 59.

² Национальный архив Республики Карелия:Ф. 79 – Об открытии Петрозаводской мужской учительской семинарии.

В нижнем этаже главного корпуса располагались:

1. Гимнастический зал.
2. Три комнаты спален учащихся.
3. Комната для столовой.
4. Комната для умывания.
5. Комната для служителей при общежитии.
6. Рисовальная комната.
7. Теплый люфт-клозет.
8. Гардеробная.
9. Комната для приемного покоя.
10. Комната для певков.
11. Комната для класса ручного труда.

В подвальном помещении находилась кухня для общежития и квартиры для служителей семинарии.

Площадь территории семинарии составляла 9 десятин земли с прекрасной сосновой рощей и речкой Неглинкой, которая на всем протяжении примыкала к территории.

Смета на постройку семинарии была составлена на сумму 110000 руб., а ассигновано было 90000 руб. В результате не было построено бани и церкви. Только в 1907 году на средства Федора Ивановича Тетерина была устроена, и снабжена всем необходимым домовая церковь при семинарии. На все расходы он выделил 5000 руб. В том же году была построена каретная и несколько жилых домов для обслуживающего персонала.

Почва прилегающего земельного участка семинарии также требовала больших расходов на обработку, т. к. была очень каменистой. Но, несмотря на эти трудности к весне 1907 года на земельном участке семинарии была устроена пасека, разбит сад, огород, оборудованы мастерские труда.

На основании архивных документов мы можем представить внутреннее снабжение семинарии, и начать нужно с книжного фонда библиотеки, который был хорошо снабжен. Так к 1 января 1909 года в библиотеке состояло 643 названий книг, 2140 томов, но к 1 января 1910 года было приобретено еще 72 названия в 210 томах на сумму 327 руб.³ На каждой библиотечной книге стоял соответствующий штампель Петрозаводской мужской учительской семинарии.

Оснащенность учебных кабинетов по ревизионным проверкам, которые проходили один раз в пять лет показывает, что кабинеты находятся на среднем материальном уровне.⁴ Так в физическом кабинете № 206 находилось приборов и инструментов к 1 января 1909 г. на сумму 2269 руб. 90 коп., и было приобретено еще три предмета. Но все приборы требовали ремонта.

Укомплектованность кабинета естественных наук пособиями, к 1 января 1909 года, составляла на сумму 611 руб. 65 коп. Однако кабинету требовалось приобрести:

1. Модель головы человека, слухового органа, глаза, гортани, сердца, кожи, черепа человека – на сумму 143 рубля.
2. Скелет человека – 65 руб.
3. Анатомическую модель человека – 150 руб.
4. Микроскоп Рейхерта – 5 руб.

Кроме того, в семинарии имелось имуществом, которое подразделено на 9 отделов:

1. Мебель для класса.
2. Портрет Государя Императора, иконы, принадлежности богослужения.
3. Лампы, подсвечники, телефон, часы, электрический звонок, зеркала.
4. Койки, матрасы, подушки, одеяла.
5. Кухонная, столовая, комнатная, хозяйственная принадлежность.
6. Лошади, экипажи.
7. Принадлежности сельского хозяйства, садоводства, огородничества.
8. Письменная, канцелярская, классовая принадлежность.
9. Инструменты для больницы.

Учительская семинария являлась небольшим учебным заведением полузакрытого типа, в котором в 1904 г. было всего 47 учеников, а к 1 января 1909 г. – 99 человек, из них:

1. В подготовительном классе – 30 человек.
2. В 1 классе – 23 человека.
3. Во 2 классе – 23 человека.
4. В 3 классе – 23 человека.

По вероисповеданию и сословной принадлежности:

1. Православного вероисповедания – 99 человек.
2. Детей личных дворян и чиновников – 5 человек.
3. Почетных граждан и купцов – 1 человек.
4. Мещан – 21 человек.
5. Крестьяне – 69 человек.

³ НА РК. Ф. 79, оп. 1, д. 8/22, л. 3.

⁴ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 7/21, л. 5.

6. Дети учителей – 3 человека.

Ежегодно в неё принималось не более 25–30 юношей, а желающих поступать было 100–120 человек. Возраст поступающих был от 15 до 20 лет, по некоторым данным с 14 до 16 лет. Большею частью это были дети крестьян, окончившие второклассные, двухклассные и городские училища (последнюю категорию составляли дети мелких служащих, а также рабочих).

Обучение было бесплатным, поэтому поступающие сдавали вступительные экзамены двух видов:

1. Письменные – по русскому языку (диктант и сочинение) и арифметике (две задачи);
2. Устные – по закону Божьему, церковнославянскому и русскому языкам, арифметике, геометрии, русской истории, русской географии и пению.

С условиями приема, будущие семинаристы могли ознакомиться из объявления местной газеты «Олонецкие ведомости».

С первых дней образования Петрозаводской мужской учительской семинарии создаётся четкая структура учебно-воспитательного процесса важнейшим компонентом, которого становится преподавание ряда учебных дисциплин. В результате в содержание обучения входят следующие предметы:⁵

1. Закон Божий и церковнославянский язык;
2. Русский язык и литература;
3. Арифметика и основы геометрии;
4. Земледелие;
5. Линейное черчение;
6. Физика;
7. География и история;
8. Гимнастика;
9. Ремёсла;
10. Чистописание;
11. Основы педагогики;
12. Методика начального обучения;
13. Сведения о природе;
14. Рисование;
15. Пение и музыка.

Урок пения являлся общим для всех классов, а такие предметы как музыка, гимнастика и ремесла преподавались во всех классах по группам – два урока в неделю по каждому предмету.

В 1908 г. в учебный план семинарии был включён карельский язык, нужный для работы в сельских школах Олонецкой губернии. Обучение велось путем практики разговорных упражнений и бесед. Так в самом начале обучения заучивались названия предметов, действий, местоимения и другие части речи, которые в дальнейшем воспроизводились семинаристами в качестве вопросов друг другу.

Полученные знания учащиеся 3 класса в количестве 23 человек применили на практике организованной директором семинарии и учителем карельского языка. Первая поездка состоялась в ноябре 1909 года в карельскую деревенскую школу в 30 верстах от Петрозаводска.

В 1908 году Санкт-Петербургский учебный округ даёт программу курсов по естествознанию и план ряда практических занятий по ботанике, геологии, зоологии. Так к 1909 г. учебные программы семинарии утверждаются в статусе окончательных и стабильных программ.

Помимо учебных дисциплин большое внимание руководство семинарии уделяло и педагогической практике. В общей инструкции к преподаванию всех предметов было сказано: «Так как учитель должен приготовить опытных и образованных сельских учителей, которые могли бы развивать в крестьянах любовь к книжному учению, то главное внимание должно быть обращено на то, чтобы воспитанники, изучая положенные предметы, могли хорошо владеть ими. Более всего должно быть обращено внимание на школьную практику и технику преподавания именно тех предметов, которые назначено преподавать в начальных народных школах.....».⁶

В результате на основании общей инструкции к преподаванию выходит указ, утвержденный 11 марта 1902 года Государственным Советом. В котором говорится, что «для практических упражнений воспитанников в преподавании решено открыть двухклассное училище»⁷, которое в составе одного класса с тремя отделениями было открыто 29 (31) августа 1904 года, а в октябре 1905 года открывается второй класс училища в составе первого отделения, и в сентябре 1906 года к нему добавилось второе отделение второго класса. В результате Педагогическим советом было предпринят ряд мер таких, как:

1. Выработан план занятий семинаристов третьего класса.
2. Согласовано время начала практические занятия учащихся в «образцовой»⁸ школе (с сентября).
3. Составлено расписание практических уроков на весь учебный год, с расчетом, чтобы каждый ученик мог дать не менее 7–9 уроков в год.

⁵ НАРК. Ф. 17, оп. 3, д. 8/14, л. 39.

⁶ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 8/22, л. 15.

⁷ Там же.

⁸ Музей Педагогического колледжа № 1.

В базовой школе учащихся ежедневно наблюдали уроки своих преподавателей и товарищей, которые затем не менее одного раза в неделю подробно разбирались на педагогических собраниях и конференциях.

К маю 1907 года был произведен первый выпуск учеников двухклассного училища, который составил 4 человека, из них 1 ученик поступил в подготовительный класс семинарии.

Кроме педагогической практики учащиеся усваивали сельскохозяйственные и ремесленные навыки, что имело особое значение, т. к. эти предметы служили источником усовершенствования среди народа кустарных производств.

Так на уроках ручного труда ученики изготавливали меры длины, чертежные доски, треугольники, кубические меры, геометрические тела, модели земледельческих орудий и т. д.

Уроки сельского хозяйства и огородничества проходившие в течение зимнего, весеннего и осеннего времени по 1 уроку еженедельно в каждом из 4 классов включали в себя:

1. В подготовительном классе занятие по огородничеству проходили при семинарии, на уроках учащиеся вырабатывали места для огорода; обрабатывали почвы; устанавливали изгороди; разделяли огород на участки.

В течение осеннего времени воспитанники приучались к обработке огорода, а именно перекапывали по 1 квадратной сажени земли.

2. Весной ученики 1 класса занимались посевом на огородах, и получали информацию о частных культурах огородных растениях; о посадке в открытом грунте и в парниковых условиях; о хранении овощей в сыром, сушеном и консервированном виде; о способах культивирования огородных овощей на семена и сохранение семян до посева.

3. Во 2 классе проходили занятия по садоводству и ягодоводству. На уроках воспитанники узнавали о способах устройства садов; о подготовке земли под плодовую; об устройстве питомников.

Весной сеяли семена яблонь и ягодных кустарников; сажали черенками смородину, крыжовник, тополь; пересаживали клубнику.

4. В 3 классе воспитанники знакомились со способами размножения растений семенами, черенками, клубнями, корневыми; со способами прививки деревьев; со способами посадки и пересадки взрослых деревьев и со способами ухода за ними. А также узнавали методы окультуривания картофельных злаков и трав; о способах уборки на зиму хлеба; о методах приготовления варенья, соления, консервирования, о сушке овощей и ягод.

На практических занятиях в классе ученики занимались прививками на ветвях деревьев ивы, а затем в саду А. Анкудинова на дичках яблонь (см. приложение 7). Особенно учащихся интересовала культура ржи, которая была засеяна на участке семинарии в 1906 г.

К концу обучения (3 курс) проводились выпускные экзамены, причём не только по теории, но и по практике. Экзамен по практике включал в себя:

1. Проведение урока в общеобразовательной школе.

2. Воспитанники 3 класса, во время весенних экзаменов 1½ недель копали ямы вдоль главной дороги на усадебном участке семинарии, и сажали в них березы в две аллеи.

По каждому экзамену были введены экзаменационные листы, где выставлялись оценки:

1. За последующую четверть;

2. Отметка за год;

3. Отметка за экзамен;

4. Средняя оценка.

На экзамене присутствовал председатель комиссии (директор), преподаватель и ассистент.

Окончившие курс и выдержавшие экзаменационные испытания семинаристы получали свидетельство о присвоении им звания учителя начальной школы, в которое ставились оценки удовлетворительно и весьма удовлетворительно.

По окончании семинарии, учащийся должен был прослужить в сельской школе не менее четырех лет в должности учителя, так как ещё при поступлении они подписывали соответствующее обязательство. В нем говорилось, что «учащиеся во время обучения будут получать стипендию, но обязуются прослужить 4 года после окончания курса в должности учителя начальной школы».⁹ Перед тем как разехать к месту работы, выпускники по традиции совершали экскурсионную поездку в Санкт-Петербург, где посещали музеи и театры.

Благодаря тому, что в семинарии действовали строгие правила отбора учителей, уже в дореволюционные годы в семинарии сложился прекрасный педагогический коллектив. Министерство народного просвещения многократно рассылало циркуляры с указаниями на то, что к испытаниям на учительские звания допускаются только те граждане, которые могут представить «одобрительные отзывы»¹⁰ о поведении от разных инстанций вплоть до губернатора.

К 1909 году личный состав служащих семинарии составлял 30 человек из них: 10 лиц окончили различные высшие учебные заведения (например, преподаватель математики Ильюшин Фёдор Иванович окончил Санкт-Петербургский университет); 14 лиц окончили учительские семинарии и институты (например, учитель трудов и ремесла Белоусов Николай Константинович окончил Санкт-Петербургский учительский институт по специальности ручного труда); 5 человека окончили средне специальное заведение, и 1 человек имел низшее образование (учитель гимнастики). Среди этого большинства образовалось постоянное и основное ядро преподавателей.

⁹ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1/2, л. 45.

¹⁰ НАРК. Ф. 79, оп. 2, д. 2/3, л. 3.

давателей главнейших предметов, которое долгие годы потом оставалось без изменения (см. приложение 5). В него входили:

1. Инюшин Ф. – преподаватель математики
2. Крылов В. – истории и географии
3. Директов О. – инспектор народных училищ Олонецкой губернии
4. Собакин К. – рисования
5. Анкудинов А. – сельского хозяйства
6. Максимов Т. – пения
7. Макшенов Т. – священник (являющийся правой рукой Правдина)
8. Правдин М. – директор семинарии
9. Рясинцев А. – врач
10. Зыков И. – учитель образцовой школы
11. Орфинский К. – преподаватель русского языка.
12. Куджиев М. – преподаватель карельского языка и учитель четвертого класса училища при семинарии.
13. Фельдфебель местного батальона Федоров И. – учитель гимнастики.

В методике преподавания коллектив семинарии стремился следовать за передовыми талантливыми педагогами, активизируя учебный процесс внедрением новых методик преподавания, таких как: живая беседа, наблюдение, сравнение, связь теории с практикой.

Директор семинарии не только посещал уроки преподавателей, председательствовал на Педагогических советах, и следил за порядком в семинарии, но и на уроках педагогике знакомил учеников с основами педагогической теории и дидактики через лучшие сочинения выдающихся педагогов, таких как Ушинский, Дистерверг и т. д.

Преподаватель Н. К. Белоусов, учитель труда и ремесла, обратился к попечителю округа с просьбой разрешить ему открыть при семинарии музей учебных пособий для народной школы, мотивируя это свое намерение желанием содействовать развитию народного образования в губернии. Он настойчиво подчеркивал ту мысль, что: «музей наглядных пособий – дело учительской семинарии, часть его учебной и общественной деятельности».¹¹ На просьбу об открытии музея при семинарии последовало разрешение. В нём было собрано свыше 400 экземпляров лучших наглядных пособий, хороших коллекций, гербарии и т. д.

Вопросы, касающиеся учебной деятельности семинарии, решались внутри учебного заведения путем коллективного обсуждения на Педагогическом Совете. Он управлял семинарией посредством ответственных перед ним отдельных коллегий и комиссий (исполнительная коллегия, учебно-воспитательная коллегия, хозяйственная коллегия, ревизионная комиссия).

Особой функцией Педагогического совета было наложение наказаний на особо провинившихся учащихся, среди которых можно выделить:

1. Выполнение поручений директора (налагаемых в качестве наказаний).
2. Временное лишение стипендии.
3. Отчисление из семинарии.
4. Прекращение выплат стипендии до конца обучения.

Решением совета занятия были разделены на теоретические и практические, а по общему Положению семинарии все учащиеся были названы воспитанниками, а все учителя – наставниками. Тем самым особо подчеркивались воспитательные цели учебного заведения.

Была введена в семинарии и специальная форма: однобортная суконная тужурка со стоячим воротником черного цвета, ремень с бляхой, на которой выгравированы буквы ПУС, брюки, ботинки, фуражка. Форма одежды для воспитанников была сшита в русском стиле, что подчеркивало их близость к народу, для служения которому их готовили.

С 1 сентября 1909 года выбыли из педагогического состава – учитель физики и естествоведения Николаевский, а 27 января 1918 году в Педагогический совет семинарии были назначены Капусткин И. М., Куджиев В. М., Герженевич Л. Г., которые являлись представителями от Олонецкого Губернского Совета крестьянских рабочих и солдат депутатов.

В целях упорядочения учебной работы и поднятия трудовой дисциплины в учительской семинарии вводится внутренний распорядок, который был установлен следующим образом:

- Воспитанники должны вставать в 6 часов утра;
в 7 часов собираться на молитву;
с 7 до 9 часов – приготовление к классным урокам и завтрак;
от 9 до 14 часов происходили учения в классах;
от 14 до 16 часов – обед и отдых, затем занятия гимнастикой, пением, чистописанием и ремеслами;
от 16 до 18 часов – приготовление уроков;
от 18 до 20 часов – свободное время (отпуск);
в 20 часов – вечерний чай,
и до 22 часов воспитанники могли заниматься чтением одобренных директором или наставником книг.

¹¹ Кондратьев В. Учительство Карелии // Карелия, 10 октября, 1997. С. 16.

В 1904 году на имя директора семинарии поступило прошение от лица всех живущих в общежитии воспитанников, в котором выражалась просьба об увеличении отпуска до 21 часа, в связи много свободным временем.¹²

Семинаристы должны были ежедневно являться на все занятия, установленные по расписанию без опоздания до прихода на урок преподавателя. Учащиеся, опоздавшие к началу урока, не допускались.

Пропуски, опоздания и несвоевременный уход с уроков отмечались преподавателем в классном журнале. Те воспитанники, которые пропустили или опоздали на урок, должны были в письменной форме предоставить объяснение о причине своего опоздания и пропуска.

Уважительными причинами пропуска занятий являлись:

1. Болезнь.
2. Командировка, разрешенная директором.

Однако семинаристы не только учились, но и участвовали в самостоятельных творческих коллективах. Так в 1915 году был организован оркестр, а ещё раньше – драматическая студия и хор учащихся. В ученическом хоре участвует до 50 человек, которые принимали участие в церковном пении под руководством учителя пения Максимова.

В I полугодие учебного года общежитие при семинарии было закрыто, т. к. на него не отпускались денежные средства. Но вследствие предложения его «сиятельства господина попечителя округа»¹³ 4 августа 1904 г. было открыто общежитие на 35 человек. До переезда в здание семинарии общежитие начинает располагаться в «штаб – квартире г. Морозовой у которой арендуется 11 квартир за плату 480 рублей в год».¹⁴ В общежитии ученики содержались на назначенные им стипендии, которые подразделялись на казенные и земские. Для получения земской стипендии учащийся семинарии писал прошение в земскую управу, которое ходатайствовало прошением директора семинарии. Из 99 учащихся в 1909 г. казенными стипендиями пользовалось 56 учеников, а земскими 24 человека.

Размер стипендий до 1917 года составлял от 10 до 7 рублей. в месяц, но в октябре 1917 года стипендии учащихся были повышены до 300 руб. в год. Из 10 рублей стипендии 6 руб. 50 коп расходовались на продовольствие и 3 руб. 50 коп. расходовались на нужды учащихся, т. е. на одежду, обувь, белье и прочее.

Открытие общежития при семинарии повлекло за собой составление Педагогическим советом особых правил проживания, которым подчинялись воспитанники. В правилах «определяющих условие порядка в интернате говорилось, что»:¹⁵

1. Живущие в интернате воспитанники содержаться за счет средств выдаваемых на них или за свои деньги.
2. Каждый воспитанник занимает определенное место в столовой и в классных комнатах по указанию директора.

3. Каждый воспитанник обязан иметь приходно-расходную книжку и вносить в неё свои расходы, и остаток денег.

4. Каждый обязан иметь опись своего имущества, а также данных ему в пользование вещей.

5. В учебные дни воспитанники встают в 6 утра, а в не учебные дни в 7 ч. 30 мин.

6. Утренняя молитва в учебные дни начинается в 6 ч. 40 мин., а в не учебные дни в 7 ч. 40 мин.

7. Воспитанники ведут свое хозяйство сами на артельных хозяйствах.

Управление общежитием на артельных началах было подчинено особым правилам таким как:¹⁶

1. Артельщик назначается среди своих и ему в помощь выбирается помощник (также среди своих).

2. Артельщик и его помощник назначаются на год.

3. Артельщик и его помощник утверждаются директором.

4. В обязанности артельных расходов входит: приобретение съесых припасов; наем кухни, хлебников и прачки; покупка мыла.

5. Сумма на расходы по общежитию взимается с воспитанников ежемесячно.

6. Артельщик и его помощник занимаются хозяйственными делами в свободное от учебы время.

7. Артельщик закупает продукты заранее на определенный срок. Мясо и рыбу на 3 дня, мучные продукты на месяц.

8. Артельщик делает записи по купившим продуктам и предъявляет их директору на рассмотрение каждую неделю.

9. Артельщик предоставляет директору каждый месяц отчеты на каждого учащегося, сколько было потрачено на него.

10. Если артельщик окажется не верным, то он будет переизбран.

За исполнением правил в общежитии следил директор и дежурный наставник. В обязанности дежурных наставников входило:¹⁷

1. Наблюдение за воспитанниками с 6 ч. 30 мин. утра в учебные дни, а в не учебные дни с 7 ч. 30 мин.

¹² НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1, л. 168.

¹³ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 8/22, л. 15.

¹⁴ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1/2, л. 10.

¹⁵ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1/2, л. 10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

2. Присутствие на утренней молитве, за утренним и вечерним чаем, за обедом и ужином, во время подготовки к домашней работе.

3. Наблюдение чтобы воспитанники не передавали различные книги, брошюры и газеты, имеющие дурное влияние.

4. Наблюдение чтобы в помещение семинаристов не входили посторонние лица.

5. Доводить до сведения директора всю имеющуюся информацию по воспитанникам.

Однако не все воспитанники проживали в общежитии, около 64 человек жило у родственников или на частных квартирах. За найм жилого помещения семинаристы платили 2 рубля в месяц из своей стипендии. Проживающие на частных квартирах, находились под наблюдением учебно-воспитательного персонала семинарии, и постоянно посещались педагогами.

За соблюдением чистоты и порядка в учебных кабинетах, и в общежитии следили дежурные воспитанники, обязанности которых входило:¹⁸

1. Наблюдение за чистотой и порядком.

2. Проветривание класса и спальных комнат в назначенное время.

3. Подготовка до начала занятий всего необходимого для урока: чернил, бумаги и т. д.

4. Исполнение поручений преподавателей.

5. Сообщение педагогу об отсутствующих на уроке.

6. Следить за имуществом кабинета, чтобы ему не был нанесен вред со стороны воспитанников.

7. Наблюдение за постелями воспитанников, чтобы они были прибраны соответствующим образом.

8. Следить, чтобы в спальных комнатах не находились посторонние и лишние вещи.

Дежурные назначались по 2 человека в день, т. е. на каждую комнату, класс полагался один дежурный соответствующего класса.¹⁹ Дежурные воспитанники ставили учащимся за дисциплину баллы. Графики дежурств составлялись воспитателями на каждую неделю и вывешивались в «соответствующих помещениях».²⁰

С 15 сентября 1917 года постановлением ученического комитета Петрозаводской мужской учительской семинарии в обязанности дежурных было включено подметание полов и вынос мусора из спален в погребную яму. Учащиеся, нарушавшие чистоту и покой подвергались товарищескому суду или штрафу.

За нарушение правил внутреннего порядка семинарии на воспитанников налагались взыскания со стороны директора или Педагогического совета. К взысканиям налагаемых на воспитанников относилось:

1. Выговор наедине или при классе.

2. Направление на исправительные работы в воскресные или праздничные дни.

3. Лишение отпуска в праздничные и воскресные дни за нарушение правил устава семинарии.

4. Сокращение сроков каникул в зимнее и весеннее время.

5. Выговор при всей семинарии.

6. Выполнение наказаний налагаемых учителями и наставниками.

7. Внесение в журнал выговора.

Восьмого июня 1909 г. семинарию посетил попечитель С-П (б) учебного округа, двора Его величества Камергер, почетный опекун его святительства Граф А. А. Мусин-Пушкин, его сопровождал Правитель канцелярии учебного округа В. И. Пратасов. Экзамены к этому времени прошли и, поэтому его взору был предложен осмотр кабинетов рисования, верхние и нижние этажи главного корпуса.

В связи с начавшимися событиями 1917 год, занятия в учительской семинарии проходили по февраль 1918 год с перерывами ввиду разрухи, голода и болезни.

Для улучшения дел в семинарии Министерство Народного Просвещения управлением Петроградского учебного округа рекомендовало принять меры по улучшению питания. В результате, был образован комитет под председательством директора семинарии, с участием представителей от родительских комитетов, попечительских советов городов, земств, который организовывал, и следил за питанием.

В связи с нуждой в рабочих руках в 1917 году выходит постановление Ф. З. Чембулова директора Экономического отдела Главного Комитета Всероссийского Земского Союза о формировании дружин из учащихся учительской семинарии, которые принимали участие в сельскохозяйственных и строительных работах.

В этот же период были созданы товарищеский суд и учительский комитет или иными словами общество «вспомоществования Петрозаводской учительской семинарии». Оно было создано 26 ноября 1917 года преподавателями с целью оказания материальной и духовной помощи воспитанникам семинарии. Учителя являлись инициаторами создания общества, и сами вступали в него, делая ежемесячно выплаты из своего жалования от 1 до 2 % от зарплаты, что составляло в год 100 руб. Эти деньги выплачивались особо нуждающимся семинаристам.

В феврале 1918 г. в России выходит декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, напечатанный в газете «Временного рабочего и крестьянского просветительства», повлекший за собой отделением церкви от государства и школы, в результате в марте 1918 года в семинарии было прекращено преподавание закона божьего.

В 1918 г. Петрозаводская мужская учительская семинария была упразднена, а после революции несколько

¹⁸ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1/2, л. 10.

¹⁹ НАРК. Ф. 79, оп. 1, д. 1/2, л. 10.

²⁰ Там же.

лет работали курсы «Красный учитель», которые готовили учителей для русских и финских школ. До 1918 г. семинария подготовила около 400 педагогов для начальных школ Олонецкой и Выборгской губерний. В 1920 году было принято решение реорганизовать курсы в два педагогических техникума – русский и финский. В 1936 году педтехникумы объединились в одно учебное заведение – школьное педагогическое училище.

*Дианова К. А.,
Петрозаводский государственный университет*

Общество изучения Олонецкой губернии и революция 1917 года

В 1913 г. в Петрозаводске было создано Общество изучения Олонецкой губернии (далее – ОИОГ). Главным инициатором создания ОИОГ был вице-губернатор Олонецкой губернии А. Ф. Шидловский (1863–1942 гг.). Александр Фёдорович Шидловский – видный краевед Олонецкого края 1910-х годов, крупный библиограф Европейского Севера. В 1908–1911 гг. он был вице-губернатором Архангельской губернии, где стал одним из организаторов и руководителей Архангельского общества изучения Русского Севера (1909–1920 гг.). После перевода в Петрозаводск, в июле 1911 г., А. Ф. Шидловский сразу же поставил перед представителями местной интеллигенции вопрос о создании в Олонецкой губернии общества, аналогичного Архангельскому.¹ Это предложение было горячо поддержано: в 1912 г. был опубликован Устав будущего Общества, а 18 апреля 1913 г. состоялось официальное открытие ОИОГ.

В своей деятельности ОИОГ руководствовалось принятым Уставом, согласно которому Общество преследовало цель «изучать Олонецкую губернию преимущественно в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, бытовом, культурном и экономическом; привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям этой губернии, а также – содействовать проведению в жизнь необходимых для неё улучшений». Кроме Олонецкой губернии Общество изучало и соседние с ней губернии по вопросам, имеющим к ней какое-либо отношение.² Для достижения этих целей ОИОГ должно было а) собирать разного рода материалы, относящиеся к предметам ведения Общества, и устраивать для них библиотеки и музеи, постоянные выставки, показательные станции; б) организовывать научные исследования по разным вопросам местной жизни путём снаряжения экспедиций, образования комиссий из членов, назначения конкурсов на премии, запросов, анкет и др.; в) разрабатывать и публиковать собранные им материалы, издавать свои труды, труды своих комиссий и отдельных членов или в виде отдельных изданий, или печатать их в специальном органе, посвящённом нуждам Олонецкой губернии вообще; г) распространять научные сведения об этой губернии путём устройства публичных чтений курсов, временных выставок, справочных бюро и пр.

На протяжении всего своего существования (1913–1917 гг.) ОИОГ вело бурную деятельность. Ведущую роль в нём играли земские деятели и местные краеведы, входившие в состав Общества³. Помимо А. Ф. Шидловского, это были И. И. Благовещенский, Н. С. Шайжин, В. И. Крылов, Д. В. Островский, К. А. Докучаев-Басков и некоторые другие. Основные результаты своей краеведческой работы Общество представляло в своем периодическом издании – «Известиях ОИОГ», где печатались материалы о различных сферах жизни края; за время существования Общества (1913–1918 гг.) вышло двадцать выпусков (девять томов) этого издания. В «Известиях ОИОГ» можно встретить публикации на различные темы: история, археология, ботаника, горное дело, география, сельское хозяйство, экономика и многие другие. Особенно большими и содержательными были «Известия», выпущенные в течение 1913 года, далее выпуски были менее объёмными, к тому же их издание постоянно задерживалось – это связано с начавшейся Первой мировой войной.

Начало Первой мировой войны существенно осложнило деятельность ОИОГ, и прежде всего это было связано с резким сокращением финансирования. Но все же война не смогла полностью остановить деятельность Общества, напротив, она в некотором роде стала новым импульсом к краеведческой работе. Так, например, А. Ф. Шидловский выступил с инициативой сбора писем участников I Мировой войны, и это стало новым направлением в деятельности музея ОИОГ.⁴

14 февраля 1917 года состоялось очередное Общее собрание членов на Общества, на котором проходило торжественное прощание с А. Ф. Шидловским, вновь переведенным на службу в Архангельскую губернию. Бывший председатель пожелал перед своим отбытием выступить с речью о текущем состоянии ОИОГ. «По его словам, Общество не совсем прочно стоит на своих ногах; по случаю тяжелых условий военного времени Общество потеряло большинство своих деятелей; членские взносы почти не поступают, вследствие чего прихо-

¹ Григорьев С. В. Биографический словарь. – Петрозаводск, 1973. – С. 242.

² Устав Общества изучения Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1912. – С. 3.

³ Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска: учебное пособие – Петрозаводск, 2003. – С. 119.

⁴ Вербовская Н. В. Губернская периодическая печать как источник комплектования фондов Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1992. – С. 21–23.

дится юному Обществу испытывать материальные затруднения. Но, по словам Александра Федоровича, этот кризис имеет, несомненно, временный характер и по окончании войны Общество вновь окрепнет и начнет свою полезную деятельность по изучению Олонецкого края, тем более что в некоторых петроградских кругах, интересующихся нашим Севером, возникла мысль об объединении всех Обществ по изучению Северного края для более успешного развития их деятельности».⁵ На этом же собрании было избрано новое Правление Общества во главе с председателем Н. Л. Шишковым.

Кроме того, перед своим отъездом Шидловский представил членам Общества отчет о проделанной работе за весь период существования данной краеведческой организации. По его мнению, среди главных достижений ОИОГ к 1917 году можно было назвать: «1) музей, приведенный в порядок, но нуждающийся в новом более обширном помещении; настоящее помещение музея настолько тесно, что пришлось пока отказаться от перенесения в музей Общества коллекций из музея при Александровском заводе; 2) обширный материал по геологии Олонецкого края, собранный Обществом в течение трех лет; обработка этого материала производится в настоящее время геологами гг. Соколовыми при Геологическом комитете, причем комитет должен будет в своей работе показать, что материал собран именно Обществом изучения Олонецкой губернии и оплатить все расходы по собиранию этого обширного материала; 3) обширный материал по библиографии местного края; 4) издаваемый при Обществе журнал «Известия», фактическим редактором которого последние два года состоял член-сотрудник В. И. Крылов, безвозмездно несший свой труд по редактированию «Известий» и 5) библиотеку, имеющую до шести тысяч томов и приведенную в порядок по так называемой десятичной системе».⁶

Февральская революция 1917 г. была встречена членами Общества, как, впрочем, и всеми гражданами Российской империи, положительно. Почти сразу в журнале «Известия ОИОГ» появилась статья В. И. Крылова «Первые дни революции в Петрозаводске»,⁷ в которой автор дал подробнейшее описание указанных событий и с радостью отметил, что «началось строительство новой жизни в свободной России».⁸ Вскоре на страницах «Известий» появилась статья И. Кищенко «Аграрный вопрос в современной постановке и значение его для Русского Севера».⁹ В ней автор указывал на то, что «в связи с обновлением нашего государственного строя перед нами стоит грандиознейшая задача по переустройству всех наших гражданских и народно-хозяйственных основ. Как всякая постройка, наш новый государственный храм должен быть поставлен на один общий твердый фундамент, и, как для всякого строительства, в предстоящей нам работе нужен один общий план, одна общая база». Вместе с тем, по мнению Кищенко, «наш аграрный вопрос не имеет заранее приготовленных в кабинетах Западной Европы рецептов, к нему нет готовых проторенных путей, он самобытен и оригинален, как самобытна и оригинальна Россия в семье мировых государств» Автор подчеркивал необходимость решения этой болезненной и давно назревшей проблемы, а также предлагал один из вариантов ее решения – развивать сельское хозяйство с учетом местных условий «применительно к северному краю».¹⁰

Новое Правление ОИОГ не собиралось вплоть до середины апреля 1917 года, поскольку, как отмечал позже один из членов Общества В. И. Крылов, «началась Февральская революция, когда естественно все внимание российских граждан обращено было на политическую жизнь страны».¹¹ 15 апреля было созвано Общее собрание членов Общества, на котором обсуждался ряд важных вопросов. В частности, было заявлено, что «так как дальнейшее существование Общества и издающегося при нем журнала «Известия», по словам инициатора данного собрания В. И. Крылова, в значительной степени зависит от материальных средств Общества, то поэтому собрание прежде всего и занялось выяснением ожидаемых доходов и предстоящих расходов Общества в настоящем году. Выяснилось, что Общество располагает вполне достаточными средствами, чтобы продолжать издание «Известий». Для того, чтобы упорядочить дело издания «Известий», собрание нашло необходимым поставить во главе этого дела одно ответственное лицо, возложив на него обязанности: привлечение новых сотрудников для «Известий», переписку с ними, просмотр и подбор статей корректуру «Известий» и назначив ему за нелегкий труд редактора вознаграждение в размере 50 рублей в месяц, начиная с мая текущего года».

Тогда же Правлением ОИОГ было решено обратиться в Лесной Департамент с просьбой выдать Обществу субсидию – на основании того, что «для Лесного Департамента могут иметь большое значение работы Общества и печатание статей в «Известиях» по вопросам – о лесных насаждениях в Олонецкой губернии и вообще о лесном хозяйстве Русского Севера, лесные богатства которого составят в недалеком будущем главный предмет вывоза за границу и на внутренний рынок».¹²

Летом 1917 года ОИОГ приняло участие в организации нескольких научных командировок, во время которых «Общество посильно помогало заезжим ученым в изучении местного архивного материала, в получении продовольствия, недостаток которого давал себя чувствовать в годы войны, в передвижении, при устройстве

⁵ Известия ОИОГ. – 1917. – № 1–3. – С. 74.

⁶ Там же. – С. 75.

⁷ Известия ОИОГ. – 1917. – № 1–3. – С. 18–43.

⁸ Там же. – С. 43.

⁹ Известия ОИОГ. – 1917. – № 4–8. – С. 123–147.

¹⁰ Там же. С. 123–124.

¹¹ Крылов В. Общество изучения Олонецкой губернии (1913–1918): краткий исторический очерк (1913–1918) // Известия Общества изучения Карелии. 1924. – № 2. – С. 33.

¹² Известия ОИОГ. – 1917. – № 1–3. – С. 76.

на местах и т. д.».¹³ Также планировалось возродить деятельность Музея Общества, который пострадал от пожара в декабре 1916 г., когда «некоторые вещи, собранные Музеем и пожертвованные частными лицами, были частью уничтожены огнем, а частью попорчены водою». По свидетельству заведующего Музеем В. И. Иванова, «до февраля 1917 года никто не позаботился о Музее после пожара для приведения его в порядок», и «даже две комнаты, принадлежащие Музею, попорченные огнем, после незначительного ремонта, были предоставлены под частную квартиру, а не обратно возвращены Музею».¹⁴ Руководство Общества выступило с инициативой переноса в Музей ОИОГ коллекции горного Правления, а также предложило открыть Музей для доступа посетителей в определенные дни.¹⁵ Однако, эти планы не были реализованы.

В сентябре 1917 года состоялось первое организационное заседание Петрозаводского «Комитета для ближайшего выяснения местных нужд и способов их удовлетворения главным образом в смысле использования производительных сил края». На заседании, по приглашению губернского комиссара, присутствовали представители ОИОГ, губернского и уездного земств, городского самоуправления, горно-заводского ведомства, кооперативов, союзов и других общественных организаций. «Первыми говорили представители ОИОГ, подробно доложившие о том, что последним сделано и делается для изучения местного края. После этого был поднят вопрос о судьбе ОИОГ, «так как цели и задачи организуемого комитета и краеведческого общества в общем были одни и те же». Мнения участников совещания разделились; некоторые из них настаивали даже на слиянии Общества и нового Комитета. Тем не менее, большинством голосов было принято решение о самостоятельном существовании комитета, «что, конечно, не исключало совместной деятельности его по некоторым вопросам с существующим Обществом».¹⁶

В целом, на протяжении всего 1917 года Общество продолжало вести свою прежнюю деятельность, которая, по мнению его Правления, могла быть ограничиваема только исключительно финансовыми проблемами.¹⁷ ОИОГ продолжало издавать журнал, правда в 1917 году вышло всего восемь номеров, которые были объединены в два издания. Члены Общества старались отстраниться от политической деятельности, и на страницах журнала за этот период нельзя встретить какое-либо упоминание о политической ситуации в стране в тот период. Как позже заметил В. И. Крылов, «Общество как бы выжидало, как отразятся на его судьбе политические события, вызванные революцией».¹⁸

Но все равно деятельность Общества после октября 1917 г. вызывала подозрения новой власти. Поэтому уже в конце 1917 г. был закрыт журнал «Известия ОИОГ», а в апреле 1918 г. по распоряжению Губернского Отдела Народного Образования было закрыто и само Общество. Причиной роспуска явились, очевидно, «подозрения новой власти в нелояльности к ней руководства организации».¹⁹ В ведение Комиссара Народного Просвещения перешел Музей ОИОГ. В связи с этим тогда же, в апреле 1918 г., было заявлено, что «после ремонта помещения Олонекский Музей вновь будет открыт. О чем будет сообщено в местных газетах». Тогда же Наркомпрос выступил с обращением «Ко всем гражданам Олонекской губернии»: «Кому дороги история и развитие края, с покорнейшей просьбой жертвовать, или же предоставлять за плату всякого рода предметы, имеющие значение для Олонекского края; все пожертвованные в Музей предметы будут с благодарностью приниматься Комиссариатом Народного Просвещения».²⁰

При ликвидации Общества в 1918 году за ним числился долг по типографии в размере 1000 рублей, который был полностью покрыт В. Крыловым, предоставившим типографии вместо денег бумагу, принадлежавшую Обществу и находящуюся в типографии. «После покойного Общества осталось наследство – наличными деньгами несколько сот рублей, инвентарь, библиотека, собственные издания Обществ и музеев, которые и переданы были Губнаробразу».²¹

Поскольку Общество не высказывало открытого недовольства по отношению к большевикам, никто из его членов после окончательного установления Советской власти не пострадал. Напротив, часть членов ОИОГ (В. Крылов, Л. Гершанович, И. Кищенко и др.) уже в 1920 г. подняли на страницах местной кооперативной печати вопрос об учреждении нового краеведческого общества,²² а затем приняли активное участие в создании и деятельности возникшего в 1923 г. «Общества изучения Карелии» (ОИК). Первоначально эта организация провозглашала себя как независимое от ОИОГ объединение, противовес прежней «буржуазной» краеведческой организации. Но вскоре ОИК все же признала необходимость обращения к опыту ОИОГ. Примечательно, что и устав ОИК был создан на основе устава ОИОГ – это было отражено в структуре организации, её целях и задачах, средствах Общества и т. п.²³

¹³ Крылов В. Указ. соч. – С. 36.

¹⁴ Иванов В. Губернский Музей при Олонекском Комиссариате Просвещения // Известия Олонекского губернского комиссариата просвещения. – 1918. – № 1–3. – С. 52.

¹⁵ Известия ОИОГ. – 1917. – № 1–3. – С. 77.

¹⁶ Известия ОИОГ. – 1917. – № 4–8. – С. 165–166.

¹⁷ Известия ОИОГ. – 1917. – № 1–3. – С. 76.

¹⁸ Крылов В. Указ. соч. – С. 33.

¹⁹ Петрозаводск: хроника трёх столетий. – Петрозаводск, 2002. – С. 189.

²⁰ Иванов В. Указ. соч. – С. 52.

²¹ Крылов В. Указ. соч. – С. 35.

²² Известия Общества изучения Карелии. 1924. – № 1. – С. 104.

²³ Общество изучения Карелии // Вестник Мурмана. – 1923. – № 41. – С. 13–14.

Обосновывая необходимость существования краеведческой организации, члены ОИК отмечали, что «как в безыскусственной народной поэзии, так и в других памятниках старины и обычаях богатейшее поле для суждения о прошлой культуре Олонецко-Карельского края. В этом одна из тех причин, которая выдвинула на очередь неотложность восстановления бывшего Олонецкого Общества изучения края. Просуществовав пять лет (1913–1917), оно не выдержало натиска бурных лет социальной революции. В эти годы коренной ломки быта, лихорадочного социалистического строительства и непрерывных страданий в борьбе с контрреволюцией было не до «старушки истории». В данный момент, когда все внимание приковано к культурному, планомерному, продуманному и хозяйственному строительству, необходимо заняться основательным изучением края, его прошлого и настоящего и пробудить к ним интерес. Лишь хорошо изучив прошлое и в частности его человеческие судьбы, нам легче усвоить настоящее и правильнее построить его промышленное будущее, его хозяйственные перспективы. Работы в таком краеведческом направлении – непочатый угол».²⁴

Говоря о наследии ОИОГ, В. И. Крылов писал, что «труды этой краеведческой организации, тихо скончавшейся в 1918 г., должны лечь и, несомненно, будут положены в основу работ нового Общества, которое, в сущности, возрождает и продолжает его деятельность. Воспользоваться опытом и результатами трудов ликвидированной организации, привести их в порядок и предохранить от гибели, избежать ошибок – прямой долг краеведов возродившегося Общества».²⁵ Но все же ОИК не смогло развернуть такую же систематическую и масштабную деятельность, как ОИОГ и вскоре было распущено.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ОИОГ оставило заметный след в истории нашего края: оно заложило основы краеведческой работы в Карелии, оставило после себя богатый опыт, всевозможные материалы, ставшие основой для комплектования в дальнейшем в Петрозаводске краеведческого музея, библиографические сведения об Олонецкой губернии, коллекции ценных документов и фотографий.

---

²⁴ Гершанович Л. Задачи Общества изучения Карелии // Известия Общества изучения Карелии. 1924. – № 1. – С. 5.

²⁵ Крылов В. И. Общество изучения Олонецкой губернии (1913–1918 гг.): краткий исторический очерк // Известия Общества изучения Карелии. – 1924. – № 2. – С. 30.

Раздел 3

Библиотечная секция

*Мошина Т. А.,
Карельский государственный краеведческий музей*

Ученый Николай Дурново, ученик Ф. Ф. Фортунатова, жертва Сандормоха

Имя Николая Николаевича Дурново (23.10.1876, Москва – 27.10.1937, Сандормох) теперь заняло в истории литературы свое законное место. Однако несколько десятилетий о лингвисте, слависте, русисте и ученом с мировым именем не вспоминали, и тому были причины.

Старинный род Дурново имеет одно происхождение с Толстыми. Род дал России немало известных людей – военных и статских, двух министров внутренних дел И. Н. и П. Н. Дурново. С Петром Николаевичем Дурново, сыном олонекского вице-губернатора Николая Сергеевича Дурново и Веры Николаевны Львовой, племянницы флотоводцев Лазаревых, Н. Н. Дурново был в дальнем родстве.¹

Дед будущего ученого Николай Аполлонович Дурново (1816–1861), служил в Кирасирском полку, входил в окружение Николая Первого, был богат, женат на графине Елизавете Николаевне Салтыковой, владел имениями в Московской, Калужской, Пензенской губерниях, но к концу жизни разорился. И отцу будущего ученого Николаю Николаевичу (7.11.1842–23.03.1919), после службы в Кавалергардском полку пришлось зарабатывать на жизнь литературным и издательским трудом.

По женской линии семья Н. Н. Дурново была связана с известными дворянскими фамилиями. Его матерью была Елизавета Ивановна, урожденная Вельяминова, бабушкой – графиня Елизавета Николаевна Салтыкова, прабабушкой – Прасковья Ивановна Кушникова. Родственницей ученому была и Елизавета Петровна Дурново, мать Сергея Яковлевича Эфрона, мужа М. И. Цветаевой (он приходился ей внучатым племянником).²

В небогатой семье Дурново, жившей в Москве, было четверо детей: Николай, Михаил, Василий и Елизавета. Николай Дурново закончил 6-ю московскую гимназию, а затем историко-филологический факультет Московского университета. Позже он писал: «На выбор специальности оказали влияние интересы отца и его библиотека, заключавшая много книг по церковным и политическим вопросам, по славянской этнографии и истории государства и права».³ На его формирование как ученого, оказали влияние А. А. Шахматов, М. И. Соколов, Б. Ф. Брандт, а также Филипп Федорович Фортунатов, имя которого также связано с Олонекской губернией. Его отец, Ф. Н. Фортунатов, несколько лет был директором Олонекской мужской гимназии, а затем директором училищ Олонекской губернии. В Петрозаводске 28 мая 1857 г. умерла мать ученого – Юлия Алексеевна, дочь вологодского помещика Монакова. На даче в Царевичах Ф. Ф. Фортунатов любил бывать и именно там завещал себя похоронить.

Н. Н. Дурново успешно закончил курс в университете, а затем был оставлен для подготовки магистерской работы. В 1916 г. он защитил магистерскую, в 1918 г. – докторскую диссертации и скоро стал широко известен как автор работ по славяно-русскому языкознанию, диалектологии, литературоведению, истории и палеографии, как автор монографий «К истории сказаний о животных в старинной русской литературе» (1901) и «Очерк истории русского языка. Историческая морфология» (1913), хрестоматий по истории русского и украинского языков, издатель сочинений древнерусских книжников (в т. ч. Сильвестра Медведева).

Н. Н. Дурново был неутомимым исследователем и преодолел сотни верст для изучения великорусских говоров. Был великолепным лектором, настоящим пропагандистом живого русского языка. Он был одним из организаторов Московской диалектологической комиссии и является автором принятой в настоящее время классификации русских диалектов. Совместно с Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым им была создана карта русских диалектов и издана книга «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (М., 1915). Эта книга чудом сохранилась в библиотеке Национального архива Республики Карелия (шифр 1259, в карточке его фамилия значится как «Дурнов»). В этой книге выделена и «Олонекская группа», особенностью которых, по мнению ученых, является «сходство с поморскими», а в говорах «недавно обрусевших карел в Заонежье

---

¹ Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 303, 307.

Живов В. М. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. с. VII.

² Калиткин Н. Н., Калиткина Е. Н. Предок Толстых и Дурново – чех? // Известия Российской Академии наук. 1993. том 52. Серия литературы и языка. С. 69–71; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Николай Николаевич Дурново // Известия Российской Академии наук. 1993. Том 52. Серия литературы и языка. С. 54–67.

³ Живов В. М. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. с. VII, XI, XII.

ударение с последнего слога может переноситься на первый, причем «О» и «Е» в этом слоге переходят в дифтонги».⁴

После революции ученый остался в России, занимался педагогической и научной деятельностью в Москве, Саратове. В 1924 г. был издан его «Грамматический словарь», основанный на идеях школы Ф. Ф. Фортунатова и ставший одним из первых в мире словарей лингвистических терминов. В том же году его избрали членом – корреспондентом Академии наук СССР, а затем он уехал в командировку от Академии в Чехословакию. Выезд был оформлен на четыре месяца, но затянулся почти на 4 года. Дурново преподавал в Праге и Брно. В 1927 г. выходит его основной труд «Введение в историю русского языка». В Чехословакии он активно сотрудничал с учеными-славистами Р. О. Якобсоном (бывшим учеником) и Н. С. Трубецким. Позже это будет квалифицировано, как «связь с контрреволюционным заграничным центром» и послужит причиной ареста.

После возвращения в Россию, где оставалась его семья, Н. Н. Дурново преподавал в Минске, перебивался случайными заработками в Москве.⁵

Немаловажно и то, что в последние годы жизни Дурново обращался к теме раскола и никоновской книжной sprawy, т. е. к процессам реформирования нормы книжного языка и установил, как писал Р. О. Якобсон, что «никакого никоновского исправления книг на деле не было, Никон хотел ввести общероссийский канон, в основу которого были бы положены почти без изменений украинские издания церковных книг, что и вызвало отпор, а затем и старообрядчество» (статья не сохранилась).⁶

Последней его работой, изданной в 1933 г. в Москве, стал «Чешско-русский словарь». 28 декабря того же года Н. Н. Дурново арестовывали по делу «Российской национальной партии», осудили на 10 лет лагерей и выслали на Соловки. Он содержался в «сторожевой» роте для инвалидов. Ученому было 57 лет, и его здоровье было совершенно расстроено, но и в нечеловеческих условиях лагеря он пытался заниматься составлением сербо-хорватской грамматики, разбирал рукописи Соловецкого музея.

Н. Н. Дурново был расстрелян 27 октября 1937 г. под Медвежьегорском, в Сандармохе. Жертвами репрессий стали и близкие ученого: сыновья Евгений и Андрей, жена последнего В. В. Трубецкая, племянница профессора Н. С. Трубецкого. Дочь Ольга погибла в результате несчастного случая. Супруга ученого Екатерина Евгеньевна, урожденная Рукина, скончалась в военной Москве в 1944 г., практически в нищете. Рукописи многих ценных трудов Н. Н. Дурново были потеряны для науки навсегда.

Имя ученого стало общепризнанным снова только в 1969 г., когда вышла в свет его работа «Введение в историю русского языка». В 2000 г. был опубликован обширный том «Избранные работы по истории русского языка», в 2001 г. – «Грамматический словарь». Жизни и деятельности ученого посвящены статьи в «Известиях Российской Академии наук» (1993. том 52. Серия литературы и языка), в журналах «Русская речь» (1981, № 5), «Славяноведение» (1992, № 4), «Московский журнал» (2001, № 9) и др.).

Прямых потомков Н. Н. Дурново не осталось. Потомки одной из племянниц, проживающие в Москве, приезжали в Сандармох, туда где была незаконно прервана жизнь большого ученого-слависта.

*Зайцева Н. И.,
Сортавальская центральная городская библиотека*

История библиотечного дела в городе Сортавала (1870–1944)

В 1811 году Выборгскую губернию, куда входили и сортавальские земли, присоединили к вновь образованному Великому Княжеству Финляндскому, и т. о., бывший российский городок Сердоболь стал финским Сортавала. До конца XIX века это маленький деревянный город ремесленников и купцов с населением менее 1000 жителей. С 1880 года начинается расцвет Сортавалы, когда она превратилась в деловой, культурный, образовательный и духовный центр Ладожской Карелии, в котором немаловажную роль играли и библиотеки.

Первая городская библиотека в Сортавала была основана в 1870 году частными лицами. Молодые ремесленники, у которых было горячее желание открыть библиотеку, сделали первый вклад для ее основания уже в 1869 году – из средств, вырученных от продажи своих изделий. Кроме того, несколько горожан также приняли участие в сборе средств, поэтому библиотеку назвали Сортавальской.

Когда был готов устав, собрали учредителей и пайщиков. Учредителем считался тот, кто уплатил 10 марок. У него было право бесплатно брать книги в течение 3-х лет. Пайщиком считался тот, кто уплатил 1 или 2 марки, тогда он мог брать в течение года 1 или 2 книги бесплатно (всего было 10 учредителей и 35 пайщиков). Фонд библиотеки в первый год составил 197 экз. (на финском и шведском языках). Плата

⁴ Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915. с. 21–22.

⁵ Никитин О. В. Жизнь и труды Н. Н. Дурново // Московский журнал. 2001. № 9.

⁶ Живов В. М. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. с. XXXII.

за выдачу книги составляла 1 марку. Выбрано было и правление библиотеки, первым председателем которого стал директор народной школы Ф. Саукко. В первый год работы библиотека была открыта 2 вечера в неделю (в среду и в воскресенье). Книговыдача началась оживленно и составила за год 909 экз. Самым большим спросом пользовалась художественная литература и сказки. На следующий год фонд увеличился почти в 3 раза, благодаря материальной поддержке частных лиц. Первые 4 года фонд пополнялся исключительно за счет частных пожертвований, доходов от лотерей и продажи ремесленных изделий. (Примечателен тот факт, что фамилии и род занятий всех жертвователей, а также количество подаренных книг и сумм было зафиксировано и осталось в истории), потом и городские власти начали выделять некоторые суммы. С 1886 году библиотека стала муниципальным учреждением. Перейдя в собственность города, библиотека регулярно получала материальную помощь и подчинялась распоряжениям депутатов. На их общем собрании выбирали правление библиотеки, куда входили уважаемые в городе люди из всех сословий.

Книжные фонды тогда стали расти относительно быстро. Время от времени издавались печатные каталоги, которые давали возможность обратить внимание на различные отделы фонда и помочь в выборе книг.

Правила пользования библиотекой в первые годы оставались неизменными. В соответствии с ними библиотечным фондом мог пользоваться только «известный хорошим поведением житель города Сортавала». Плата за пользование составляла 10 пенни в месяц за одну книгу. Выдавалось одновременно не более 3-х экземпляров.

Библиотекарем долгое время был пожарник Хяннинен, которому платили зарплату – 48 марок в год. До 1912 года библиотека размещалась в его доме, в принадлежащих библиотеке шкафах. Затем советник Халлонبلاد, известный сортавальский меценат, приобрел дом купца Красильникова для Краеведческого Музея и одну комнату отдал под библиотеку.

В 1926 году, после реконструкции здания, библиотека получила в нем уже 2 комнаты. Фонд разместили по принципу открытого доступа в соответствии с современными требованиями, после чего книговыдача стала расти. Сформирован был специальный фонд справочной литературы. Библиотека стала работать 4 вечера в неделю, а читальный зал, размещенный в 1936 году в отдельном строении во дворе - во все будние дни. Плата за пользование книгами была отменена в 1928 году, когда в соответствии с постановлением библиотека стала получать значительную государственную помощь.

Библиотекарями работали тогда, говоря современным языком, по совместительству: начальник таможни Сьелин, общественный обвинитель Тиринен, барышни Гилда Хаган и Хелла Партанен.

Правление библиотеки основало в 1932 году т. н. **Карельское отделение**, целью которого было преобразовать городскую библиотеку в центральную библиотеку Приграничной Карелии, в которой бы собиралась вся литература о крае.

Накануне советско-финской войны, в 1938 году, библиотечный фонд насчитывал 8525 экз., книговыдача – 18289, читателей было 1233. Население города – без пригородов – тогда году составляло 4467 человек, т. е. читателем библиотеки был каждый 4-й житель города, а книгообеспеченность составляла 2 экз. на каждого жителя. В читальный зал выписывали 60 газет и журналов. Деятельность библиотеки оживилась в 30-е годы настолько, что библиотекаря назначили в 1935 г. помощника. Чтобы поддерживать библиотеку на современном уровне, город оплачивал библиотекаря профессиональные курсы и семинары.

Помимо городской, в Сортавала существовали и другие библиотеки. Еще в 1849 году была основана **приходская библиотека**, имевшая и русское отделение (Основатель ее – уже упоминавшийся Ф. Саукко – тогда выпускник Выборгского университета). Она существовала на пожертвования частных лиц. Библиотекарями были служащие церкви. В 1914 году была открыта библиотека **Общества рабочих**. Свою прекрасную библиотеку имела учительская семинария, фонды которой, благодаря дарам, увеличивались значительно быстрее, чем в городской библиотеке.

В 1874 году в Сортавала основали **Общество чтения**: как для горожан, так и для сельских жителей. Для него были выписаны почти все газеты на финском языке. Жители города проводили лотереи, и часть доходов от них шла для Общества чтения. Кроме того, делали пожертвования состоятельные горожане. Общество было открыто 1 раз в неделю зимой, в течение 4-х часов. Основной функцией Общества чтения была просветительская. На собраниях Общества для горожан и сельских жителей читали лекции представители различных профессий, например, директора и преподаватели школ, провизор, магистр и др.

После окончания советско-финской войны, когда по Московскому договору территория Приладожья отошла к СССР, жители покинули город. Это произошло в марте 1940 г. При спешной эвакуации библиотечные фонды – за редкими исключениями – вывезти не удалось. Когда началась 2-я Мировая война и 15 августа 1941 года город заняли финские войска, беженцы снова вернулись, но библиотек на прежнем месте не оказалось. Все-таки удалось собрать небольшой книжный фонд, и в 1943 открыли библиотеку и читальный зал, но уже в сентябре 1944 году жителям пришлось во 2-й раз покинуть город.

Как писал один из финских журналов в 1943 году, судьба богатых книжных фондов библиотек Приладожья осталась неизвестной: погибли ли они во время военных действий, были ли уничтожены новыми властями или вывезены в неизвестном направлении – установить не удалось. (Kansanvalistus ja kirjastolehti, 1943 – № 4 – с. 73–75). К сожалению, ничего из прежних библиотечных книжных собраний в Сортавала не сохранилось.

Библиотеки и цензура в 1940–60-е гг. (на материалах Карелии)

Проблемы культуры приобретают особую значимость в современных условиях, когда углубляется кризис существующей системы ценностей у людей. Особый интерес представляет исследование проблемы взаимоотношений творческой интеллигенции и органов власти, роли органов цензуры в деятельности библиотек республики в первые послевоенные десятилетия. Эти сюжеты еще недостаточно исследованы в местной исторической литературе.

Сформулированные в предшествующие годы основные направления культурной политики сохранили свое значение в послевоенном обществе, и, несмотря на ожидания интеллигенции, связанные с послаблениями в общественной жизни, осуществлялся контроль за всеми ее сферами. Регулярно проводилась работа по очищению библиотек и книготорговой сети от «политически вредных» книг, осуществлялись проверки типографий с целью предотвращения публикации закрытых сведений.

В директиве начальника отдела последующей цензуры при Уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати начальнику Главлита КФСР от 8 февраля 1945 г. указывалось на необходимость добиться повышения идейно-политического уровня работников цензуры. Цензорскому составу аппарата Главлита и райуполномоченным рекомендовалось, помимо самостоятельной учебы, посещать лекции по курсу марксизма-ленинизма или учиться в партийных школах, имеющихся на местах, а также ввести в практику своей работы составление информационных писем, причем не только по разъяснению перечневых вопросов, но и политико-идеологического порядка.¹

О том, какое важное значение придавалось властями органам цензуры, свидетельствовал тот факт, что на основании указания Наркомата торговли СССР от 23 февраля 1945 г. цензоры местных органов Главлита должны были снабжаться за счет лимитов, выделяемых для снабжения руководящих работников советско-партийного актива республики, края, области.²

В сентябре 1945 г. было утверждено Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств Карело-Финской ССР (Главлит), получившем широкие права в области цензуры. Цензура распространялась на деятельность всех газет и журналов, библиотек, музеев, других учреждений культуры. Главлит был исполнительным органом государства, и в своей деятельности руководствовался постановлениями высших партийных органов.

В 1947 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». В нем совершенно секретными объявлялись даже такие сведения, как, численность населения, количество браков и разводов, план развития физкультуры и спорта. Главлит ввел практику ежемесячного составления списков литературы, которая изымалась из общедоступных фондов библиотек и переводилась на режим ограниченного использования. Если в XIX веке при крупных библиотеках создавались Секретные отделения для хранения запрещенных книг и рукописей, то в XX веке их сменили спецхраны.

Основные принципы и методы действия спецхрана оставались такими же, как и в 1920-е гг. Доступ в спецхран получали только лица с определенной научной квалификацией; строго осуществлялся учет посторонних читателей литературы. И это не случайно: ведь изначально спецхран возник как полицейский орган. Отделы специального хранения являлись не только хранителями запрещенной литературы, но и важным институтом цензуры. Сотрудники отделов участвовали в рецензировании книг, не включенных в списки Главлита, чтобы установить возможность их передачи в открытые фонды библиотек, нередко вмешивались в некоторые процессы работы отделов комплектования, обработки и межбиблиотечного абонемента.

Комплектование библиотек проводилось в соответствии с государственной идеологией, принципом партийности литературы. Круг закрытых для печати сведений был настолько широк, что сами цензоры затруднялись в их определении. Так, уполномоченный Главлита по г. Сортавала и Сортавальскому району в октябре 1946 г. обратился в Главлит КФСР с вопросом о том, что делать с имевшейся в библиотеках района литературой на карельском языке. Из разъяснения Главлита следовало, что эта литература не подлежала изъятию из библиотек, за исключением тех книг, которые указывались в алфавитных списках и приказах Главлита.³ На совещании работников цензуры в Ленинграде в сентябре 1953 г. задавались такие вопросы, как: можно ли публиковать в печати материалы о ходе подготовки к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, о выпуске бумаги и картона для гражданских нужд, о строительстве узкоколейных железных дорог, о телефонизации сельсоветов, о состоянии транспорта и др.

Начало 1949 г. ознаменовалось в стране новой крупномасштабной кампанией по борьбе с инакомыслием. В газетах «Правда» и «Культура и жизнь» подверглась проработке группа театральных критиков, обвиненных

¹ НА РК, ф. Р-24, оп. 1, д. 1/15, л. 54.

² НА РК, ф. Р-24, оп. 1, д. 1/15, л. 63.

³ НА РК, ф. Р-24, оп. 1, д. 2/17, л. 108.

в насаждении идеологии буржуазного Запада, выступлении против лучших идейных произведений советской литературы. Публикация статей послужила началом чистки в государственном и партийном аппарате и в рядах интеллигенции.

На собрании творческой интеллигенции г. Петрозаводска, состоявшемся 30–31 марта 1949 г., отмечалось, что «отдельные работники оказались зараженными тлетворным ядом космополитизма и буржуазного эстетства».⁴ Перед творческой интеллигенцией были поставлены задачи изучения марксистско-ленинской теории, последовательного проведения в жизнь принципов партийности и социалистического реализма.

Идеологическая кампания сопровождалась ужесточением цензуры. В марте 1949 г. был введен в действие новый перечень сведений, запрещенных к опубликованию в закрытой печати и по радио. Он предусматривал повторный контроль всей находившейся в производстве печатной продукции. Только в 1951–1952 гг. из библиотек и книготорговой сети Карелии было изъято более 27500 экземпляров книг и брошюр, в 1954–1955 гг. – 43309 экземпляров.⁵ В 1952 г. в порядке предварительной цензуры из книг, районных и многотиражных газет и республиканских радиопередач цензорами было произведено 302 вычерка. Они касались мощностей ГЭС и целлюлозно-бумажных комбинатов, количества трелевочных тракторов на лесозаготовках, работы Кировской железной дороги и др.⁶

Библиотечные чистки были действенным инструментом политико-идеологического контроля. Анализ списков литературы, изъятой из библиотек и книготорговой сети республики, показывает, что, в первую очередь, уничтожались или переводились в спецхраны книги, содержавшие фамилии или фотографии репрессированных партийных, государственных и общественных деятелей, писателей. В 1950 г. такая участь постигла следующие книги: «Путеводитель по музею», «содержавший неправильную трактовку истории Карелии и упоминание о бывших руководителях Карело-Финской ССР, не оправдавших доверия», «Программа и режим детского сада» (Петрозаводск, 1935), где приводился приказ наркома просвещения РСФСР А. Бубнова, ряд книг по экономическим вопросам (В. И. Ганштак «Себестоимость продукции и пути ее снижения». М., 1948; Б. Б. Веселовский «О пятилетнем плане жилищно-коммунального строительства в городах СССР (1946–1950 гг.)». М.-Л., 1946; А. Черняк «О темпах развития социалистической промышленности» М., 1948; М. М. Лифиц «Советская торговля». М., 1948 и др.), содержавших цитаты бывшего председателя Госплана СССР Н. Вознесенского и др.⁷

Подлежали изъятию из библиотек также книги и журналы, где назывались фамилии репрессированных руководителей Карелии – секретаря обкома партии Г. Ровио, председателя Совнаркома республики Э. Гюллинга, председателей КарЦИКа Н. Ющикова и А. Шотмана и др. В 1950 г. к ним прибавились произведения репрессированного в связи с «ленинградским делом» секретаря ЦК Компартии республики Г. Куприянова.

Из сборника «Карельский фольклор» была изъята сказка «Яков-пастух» как религиозная и мифическая. Запрещена к печати книга «Труды научно-технической конференции работников лесной промышленности Карело-Финской ССР», в ряде докладов которой «восхвалялась американская техника, применявшаяся в лесной промышленности, и принималась роль техники лесной промышленности СССР». Из сборника стихов карельского поэта А. Иванова было исключено стихотворение «Возмездие», «неправильно трактующее отношение СССР к демократической Германии». Был изъят из библиотек учебник для средних учебных заведений «История русской словесности» Галахова, изданный в 1895 г., поскольку в нем «имелись элементы монархического верноподданничества, а сочинения Екатерины II назвались как ценные в познавательном и воспитательном отношении».

Особенно пристальное внимание органы цензуры уделяли проверке литературы на иностранных языках. В марте 1949 г. из иностранного отдела публичной библиотеки были переведены в спецфонд книги 229 названий (532 экземпляра).⁸

В послевоенные годы на заседаниях бюро ЦК КП(б) республики неоднократно обсуждалась работа журнала «На рубеже», редколлегия которого обвинялась в игнорировании современной тематики, недостаточной идейной зрелости. Постановлением бюро от 23 августа 1951 г. был изъят из продажи и библиотек шестой номер журнала «На рубеже», в котором напечатана статья П. Гулытя «В лесном поселке», т. к. в пьесе «в уродливо-карикатурном виде изображены трудовые будни передового лесного предприятия республики, методы партийного и хозяйственного руководства производством».

В начале 1950-х гг. в трех библиотеках республики имелись спецфонды литературы – Карельского филиала Академии наук, Государственной публичной библиотеки и Петрозаводского государственного университета. В 1955 г. в трех спецфондах этих библиотек насчитывалось почти 14 тыс. книг.⁹ Позднее создан еще один спецфонд – Государственного архива при Совете Министров КАССР.

В работе отдельных библиотек допускались нарушения Инструкции 1952 года «О порядке хранения и использования иностранной литературы». Так, от читателей, желавших ознакомиться с иностранной литерату-

⁴ Ленинское знамя. 1949. 5 апреля.

⁵ Вавулинская Л. И. Цензура в Карелии в 1945 – середине 50-х гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1999. С. 159.

⁶ Там же.

⁷ НА РК, ф. Р-24, оп. 1, д. 5/58, л. 20–25, 56–60;

⁸ Там же, д. 3/33, л. 34.

⁹ Вавулинская Л. И. Цензура в Карелии: 1945–1960 // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 1. СПб, 2001. С. 136.

рой, имевшей цензурский знак «шестигранник» (этим знаком отмечалась литература, содержащая отдельные политически нежелательные для широкого пользования материалы), требовали справки о допуске к секретным документам, что противоречило Инструкции и искусственно сужало возможности использования иностранной литературы специалистами, которым она была необходима по роду служебной и научной деятельности. В соответствии с Инструкцией определение возможности использования иностранной литературы, отмеченной «шестигранником», целиком входило в компетенцию руководителя учреждения.¹⁰

Партийные организации проявляли постоянную заботу о повышении идейно-политического и профессионального уровня работников органов цензуры. При партийной организации Главлита КФССР работал теоретический семинар по изучению истории КПСС и трудов В. И. Ленина, проводились политинформации и доклады на общественно-политические темы. Ежеквартально осуществлялась учеба цензоров. При этом особое внимание обращалось на предупреждение ошибок политико-идеологического характера в прессе, постоянный контроль за экспозициями музеев и выставок, глубокое изучение документов, касающихся цензуры.

Курс на демократизацию общества в середине 1950-х гг. побудил творческую интеллигенцию к критическому переосмыслению пройденного страной пути. Одной из центральных проблем духовной жизни того времени стала проблема свободы творчества. В читательских кругах широко обсуждались опубликованные после долгих лет цензуры произведения В. Дудинцева, И. Бабеля, А. Солженицына, Е. Евтушенко и др. Глубокие нравственные проблемы поднимались в произведениях писателей республики А. Тимонена, Д. Гусарова, А. Линевского и др., формировался нестандартный взгляд на современные явления и события прошлого.

Однако «оттепель» в культурной жизни страны была санкционирована властями и существовала в определенных рамках, ограниченных не только идеологическими, но и эстетическими догмами прошедшего времени. Не случайно на XX съезде партии подчеркивалось: «Партия вела и впредь будет вести борьбу против несправедливого изображения советской действительности, против попыток лакировать ее или, наоборот, охаивать и порочить то, что завоевано советским народом. Творческая деятельность в области литературы и искусства должна быть проникнута духом борьбы за коммунизм, вселять бодрость в сердце, твердость убеждений, развивать социалистическую сознательность и товарищескую дисциплину».¹¹ Литературно-художественное творчество продолжало по существу рассматриваться как форма идеологической работы, средство коммунистического воспитания масс.

Несмотря на потепление общественной жизни в середине 1950-х гг., продолжалась работа по очищению библиотек. Главному управлению по охране военных и государственных тайн было предоставлено право получать для последующего контроля в установленном порядке контрольные экземпляры всех выпускаемых на территории КАССР печатных изданий. О масштабах работы Управления по охране государственных тайн в печати говорят такие цифры: за 1956 г. было проведено 653 контрольных проверки библиотек республики, 163 проверки магазинов, киосков, баз и складов книготорговой сети и 217 книжных полок. При этом изъято 2146 экземпляров книг из библиотек и 2120 экземпляров книг из книготорговой сети.¹² К работе по очистке книжных фондов от запрещенных изданий широко привлекались активисты-книголюбцы.

В середине 1950-х гг. по инициативе ряда литераторов читателям были возвращены произведения некоторых реабилитированных писателей Карелии – Ф. П. Ивачева, Э. И. Виртанена, Э. Б. Парраса, Ю. Саволайнена и др. Одновременно предусматривалось вернуть библиотекам ранее изъятую литературу. Но результаты этой работы оказались весьма скромными. Так, в 1956 г. из 52 книг, запрещенных в 1939 г., была восстановлена лишь одна.¹³

К концу 1950-х гг. сократились спецфонды библиотек: в 1959 г. количество книг в них уменьшилось в 4,3 раза по сравнению с 1955 г. При этом, несмотря на перевод части изданий в открытые фонды, спецхраны постоянно пополнялись новой литературой: в 1955–1960 гг. из открытых фондов в спецфонды поступило 7364 экземпляра книг, а в обратном направлении – 7985 экземпляров.¹⁴ Постепенно ограничивалось число посетителей спецфондов: если в 1957 г. литературой из них пользовались 90 человек, то в 1959 г. – 48, в 1961 г. – 5 человек.¹⁵ В 1969 г. не было зафиксировано ни одного посещения спецфонда библиотеки Петрозаводского государственного университета, насчитывавшего 750 книг, изъятых по спискам и приказам Главлита, и 21 книгу «шестигранник, а также 24 диссертации и 3 дипломных работы студентов-физиков.¹⁶

Задачи органов цензуры по контролю за библиотеками в 1960-е гг. по существу не изменились по сравнению с 1950-ми гг. Положение «Об Управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров КАССР», утвержденное постановлением Правительства республики 29 декабря 1966 г., определяло, что Управление «4. б) готовит для предоставления в Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР материалы на изъятие из библиотек общего пользования и книготорговой сети изданий, вышедших на территории Карельской АССР, распространение которых признано нецелесообразным,

¹⁰ НА РК, ф. Р-2796, оп. 4, д. 3/35, л. 10.

¹¹ Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XX съезду партии. М. 1965. С. 111.

¹² НА РК, ф. Р-757, оп. 4, д. 1/2, л. 6.

¹³ Там же, л. 5–6.

¹⁴ Вавулинская Л. И. Цензура в Карелии: 1945–1960... С. 136.

¹⁵ Вавулинская Л. И. Попытки демократизации политической жизни Карелии (1953–1964 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 146.

¹⁶ НА РК, ф. Р-757, оп. 4, д. 3/40, л. 1.

а также на возвращение в общие фонды книг, основания для изъятия которых отпали; осуществляет контроль за изъятием министерствами, ведомствами, общественными и другими организациями из книжных фондов, находящихся в их ведении библиотек и из книготорговой сети литературы, ограниченной для общего пользования, и за соблюдением министерствами, ведомствами, общественными и другими организациями правил хранения и выдачи этой литературы...».¹⁷ При этом Управлению предоставлялось право получать для последующего контроля в установленном порядке контрольные экземпляры всех выпускаемых на территории КАССР печатных изданий.

В 1967 г. контрольные цензорские проверки были организованы в библиотеках Петрозаводска, Медвежьегорского и Пудожского районов, трижды проверялись букинистические отделы магазина книготорга г. Петрозаводска и 4-х книжных магазинов в районах. В районах проводились беседы с библиотекарями и книготорговцами о необходимости очищения книжных фондов от литературы, ограниченной для общего пользования. Контрольные цензорские проверки в 1970 г. показали, что книг, подлежащих изъятию из библиотек, книжных магазинов и киосков республики, не было.¹⁸

Таким образом, Главлит в 1940–60-е гг. являлся прямым органом карательной цензуры. Только в 1990 г. в СССР был принят «Закон о печати и других организациях массовой информации», согласно которому отменена цензура массовой информации. В 1991 г. распоряжением Главлита СССР специальные фонды были рассекречены и объявлены общедоступными.¹⁹

*Миронова В. П.,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН*

Вклад Ииво Хяркена в собрание карельского фольклора

Карельская земля богата самобытными народнопоэтическими традициями: всемирную известность получили заонежские былины и их сказители, не менее популярны карельские эпические песни, причитания, сказки, заговоры. Огромный вклад в сохранение фольклорного наследия народов, проживающих на территории Карелии, внесли многочисленные собиратели. Начиная с 19-го века, поисками русского фольклора занимались непосредственно русские ученые (П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг), тогда как национальное устно-поэтическое творчество записывалось преимущественно финляндскими любителями карельской народной культуры.

Первым в 20-е годы 19-го века Карелию посетил финский врач Сакари Топелиус-старший, затем были многочисленные путешествия Элиаса Леннрота, Д. Европеуса, Д. Борениуса, А. Генетца, Х. Базилиера, О. А. Хайнари и других. В самом начале 20-го столетия поисками карельского фольклора стал заниматься Ииво Хяркена, его записи по количеству текстов и по уровню их достоверности самые значительные среди записей досоветского периода. Родился Ииво 1882 году недалеко от Суйстамо в семье крестьян. Его бабушка Палагея, представительница рода Сотикайненов, была известной приладожско-карельской плакальщицей, а дед знал много эпических песен. Как писал сам Ииво Хяркена, его первые воспоминания о детстве относятся к двухлетнему возрасту. Летом 1884 года в родной деревне мальчика работали два известных финляндских собирателя и исследователя фольклорных традиций Юлиас и Карл Крон. Во время экспедиции они побывали в доме Хяркенов и записали от Палагеи и Ииваны Хяркенов несколько эпических песен.

«Неожиданно дверь в дом открылась, и вошел высокий, темноволосый мужчина, у которого за спиной была огромная, полная книг, сумка», – так описывал Ииво много лет спустя свою первую встречу с Карлом Кроном.¹ Хяркена назвал эту встречу судьбоносной, косвенно определившей его дальнейшую приверженность собирательскому делу. На протяжении всего детства и юности Ииво рос в окружении традиционной карельской культуры, в своих воспоминаниях он красочно описывает зимние вечера в родительском доме, когда обычные дела сопровождалось пением. Сначала был слышен голос деда, затем его песню подхватывала бабушка, иногда они исполняли много песен подряд: все, что знали и помнили.

О таланте Палагеи и Ииваны Хяркенов было известно в округе, поэтому, когда в 1896 году в городе Сортавала был организован большой песенный праздник, бабушка и дедушка Ииво были приглашены поучаствовать в нем, а юноша отправился сопровождать стариков. Здесь он впервые увидел и почувствовал, насколько финляндская интеллигенция ценит культуру его родного края.

¹⁷ Там же, д. 2/28, л. 25.

¹⁸ НА РК, ф. Р-757, оп. 4, д. 3/39, л. 8.

¹⁹ Трушина И. А. Цензура в библиотеках сегодня // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Вып. 2. СПб, 2005. С. 183.

¹ Härkönen I. Runolaularia. Vanhan runon viimeinen miespolvi itäsellä Suomenäällä. Helsinki. Otava. S. 147.

По-настоящему Ииво осознал значение старинной песенной традиции лишь тогда, когда был уже вдалеке от родных мест. Зимой 1899 года, находясь на учебе в Сортавальской семинарии, он получил печальное известие о смерти своей бабушки Палагеи. Это событие побудило его отправить сделанные собственноручно редкие записи карельских эпических песен, услышанных от своих родных, в Хельсинки в Центр народного просвещения. Сотрудники этого центра посоветовали Ииво направить материалы в Общество финской литературы, где сразу же обратили внимание на молодого собирателя. Наставником Хяркенена стал К. Крон, в своих письмах поддерживавший в интерес юноши к фольклору, дающий ему ценные рекомендации по сбору материала. Летом 1900 года Ииво впервые отправился на поиски фольклора. Центром его обследования стала отдаленная д. Сона, где были сделаны записи нескольких эпических песен и заговоров. Не имея возможности свободно передвигаться из-за отсутствия паспорта, Хяркенен вынужден был в первом же населенном пункте закончить собирательскую работу.

На следующий год Ииво вновь возвращается в знакомые места, пытается по возможности удлинить маршрут экспедиции, а также увеличить время пребывания в карельских деревнях. Начав свой путь с уже известной д. Сона, он обошел большинство деревень Туломозерской волости, был на Сямозере, в д. Вуачойла и Салменица. Собирателю удалось найти несколько талантливых рунопевцев – это Иван Прохоров Глимоине, Ондрей Егоров, Евсей Евсеев, Валассии Иванов, Петри Иванов, Иван Васильев. В течение этой экспедиции было записано около 20 эпических песен на самые разные сюжеты. Попутно были произведены записи заговоров, частушек и других фольклорных жанров. К тому времени Олонецкая Карелия менее исследовалась финляндскими собирателями, сведения о ее культурных традициях этого региона были довольно скудными, поэтому выявленный молодым собирателем фольклорный материал был очень ценным.

После поездки в Олонецкую Карелию Ииво Хяркенен хотел оставить собирательскую деятельность и заняться наиболее активно литературным творчеством. Но еще необследованные места словно притягивали молодого собирателя, вскоре появилась мысль посетить окрестности, находящиеся севернее от родного Суйстамо. Получив от К. Крона необходимые указания, Ииво отправляется в район Иломантси, или современной Северной Карелии. Поездка была довольно удачной, обследовав большое количество деревень, Хяркенен встретился с хорошими исполнителями, от которых удалось зафиксировать 62 руны, а также записать много другого фольклорного материала.

Этой экспедицией закончилась активная собирательская работа Ииво Хяркенена. Позже он иногда записывал фольклор, но это были уже не специально организованные поездки, а случайные встречи. Так, например, 1906 году ему удалось разговорить приехавшего на калевальский праздник в Турку Педри Ворнанена, от него он записал более десяти заговоров. Позже, в 1912 году, Ииво познакомился в Хельсинки с известной причитальщицей Матреной Кюронен, от которой записал около двадцати сказок и легенд. В этот период Хяркенен уже не руководствовался рекомендациями наставника, а записывал те жанры, которые, на его взгляд, были наиболее привлекательны.

В настоящее время собранные Ииво Хяркененом материалы хранятся в отдельной коллекции в Фольклорном архиве Финского литературного общества. В ней насчитывается 842 номера. Основную часть коллекции составляют записи, сделанные в Суйстамо (это 271 номер), затем Корписельки (203 номера), Суоярви (88 номеров). Значительны записи из Туломозерской волости (72 номера), Салми (52 номера), Сямозера (42 номера) и Иломантси (36 номеров). Единичные номера записаны в Соанлахти, Сортавале, Ведлозере и Липери. Некоторая часть материалов опубликована в многотомнике «Древние руны финского народа»: песни калевальской метрики можно найти во втором и четвертом томе, другие фольклорные жанры: новые песни, половицы, загадки, легенды хранятся в рукописном фонде архива Финского литературного общества.

И. Хяркенен по общему объему собранного материала опередил всех своих предшественников благодаря относительно широкому охвату территорий и более длительному пребыванию в крае. Несомненно, И. Хяркенен внес большой вклад в дело по сохранению карельской народной культуры. Необходимо обратить внимание не только на количество выявленного им материала, но отметить также и тот факт, что исследователь сосредоточил всю работу на определенной малоизученной территории. В этом, конечно же, большая заслуга и К. Крона, который указал молодому собирателю на места возможных обследований.

Часто в отчетах наставнику И. Хяркенен писал, что не был удовлетворен результатами своей работы, слишком мало материала удавалось записать во время экспедиций. Сегодня, сравнивая его коллекцию с материалами других собирателей, можем подчеркнуть, что обследования всех населенных пунктов были проведены основательно. Зафиксированы все распространенные сюжеты песен, некоторые записи рун можно назвать уникальными, т. к. их бытование уже в то время находилось на грани исчезновения. Помимо эпической поэзии удалось записать образцы других фольклорных жанров, были сделаны портретные зарисовки исполнителей, а также местностей, где проводилась работа. Любопытными являются также полевые дневники и письма И. Хяркенена, в которых даются подробные описания рунопевцев и их репертуара. В собирательской деятельности во многом помогало знание карельского языка и песенной традиции, а также огромное желание сохранить для потомков все богатство устного народного творчества родного народа.

Последующие годы жизни Ииво Хяркенена были больше посвящены литературному творчеству и просветительской деятельности. В 1906 году по инициативе Хяркенена в городе Тампере был организован «Союз беломорских карелов», задачей которого было не только создание финноязычных школ и библиотек в Бело-

морской и Олонецкой Карелии, но также и сохранение национальных традиций. В течение многих лет Хярккенен был секретарем Литературного общества Финляндии, пробовал себя как поэт, переводчик и драматург.²

Ииво Хярккенен наиболее известен как активный участник национального движения. Между тем, сегодня мы отчетливо понимаем, насколько важными были поездки молодого увлеченного любителя народной культуры. Благодаря его собирательской деятельности дошли до нас прекрасные образцы южно-карельских и приладожских эпических, лиро-эпических песен, баллад, а так же других фольклорных жанров.

*Серко И. В.,
Медвежьегорский городской музей*

Творчество поэтов-узников Беломорско-Балтийского лагеря в 1930-е годы

Одним из приоритетных направлений работы нашего музея является сбор материалов, связанных с наследием представителей творческой интеллигенции, ставших в 1930-х годах узниками Беломорско-Балтийского лагеря (Белбалтлага). «Столицей русской интеллигенции» с горьким юмором называли в те годы Медвежью Гору. Среди узников Белбалтлага – академик Д. С. Лихачев, художники М. М. Потапов и В. М. Юстицкий, актер В. Я. Дворжецкий, философы А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский и многие другие, чьи имена были незаслуженно забыты и возвращаются из небытия в наши дни. Среди них особняком – имена поэтов.

«Поэзия на Беломорстрое была в почете... Как часто речи здесь оканчиваются стихами!» – восклицают авторы книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», приводя строчки «поэм» «перековавшихся» – «...Я с рабочим вместе пятилетку по-ударному осуществляю в три». Да, таких стихов в те годы было немало – но были и другие. Не для печати.

Мне хотелось бы познакомить вас с творчеством трех поэтов, безусловно, отмеченных печатью одаренности. Все они испытали на себе тяготы лагерной жизни, а те, кому удалось пережить те страшные годы, по понятным причинам, не могли рассчитывать на широкую известность.

Первый из тех, о ком пойдет речь – Игорь Герасимович Терентьев, режиссер, актер, поэт и художник. По словам критика 1920–1930-х годов Н. Верховского: «Игорь Терентьев – самый индивидуальный в Ленинграде режиссер. Неистовый мученик театрального парадокса. Упорствующий выдумщик. Расточитель новаций. Он несомненный мастер-экспериментатор, поражающий работоспособностью, знанием секретов сцены, смелостью фантазии, умением работать с актерами, проникновением в тончайшие дебри театральной выразительности, куда не доберутся иные... Почти каждая его постановка оставляет двойственное впечатление: многое счастливо найдено, многое огорчительно упущено. Нечего и говорить, что Игорь Терентьев перманентно дискусионен».

Терентьев родился 17 января 1892 года в Павлограде, в семье полковника жандармерии Герасима Терентьева и прусской баронессы Елизаветы фон Дерфенден. В начале 900-х годов Терентьевы переехали в Харьков, где Игорь закончил гимназию и поступил на юридический факультет местного университета. В 1912 году Игорь Терентьев перевелся на юридический факультет Московского университета. В Москве И. Терентьев был вхож в дом В. Ходасевича. В семействе В. Ходасевича имелись его стихи и рисунки. В это же время отец познакомился с сестрой Михаила Карповича, своего сокурсника по юридическому факультету, Натальей Карпович, сделал ей предложение. Она дала согласие стать его женой.

* * *

Пряник сердца, пряник сладкий
Подарили вы шутя...
Сердца этого загадки
Не могу постигнуть я.
Пряник – сердце, друг медовый,
Твой надолго пахнет мед
Запах этот в грусти новой –
Сердце это не поймет...

В первые годы они жили в Тифлисе, у отца Натальи, Михаила Викентьевича Карповича. Все попытки найти в Тифлисе работу оказались безуспешными. Он писал стихи, рисовал, пробовал себя на сцене. Вместе с поэтом-заумником Алексеем Крученых, братьями Зданевичами, Ильей и Кириллом, Терентьев организовал об-

² Iivo Härkönen karjalainen heimomies. Joensuu. 1983.

щество «41». Выпускал малыми тиражами очень своеобразные сборники стихов и рисунков, читал лекции в литературно-художественном подвале «Фантастический кабачок».

* * *

Ноге
Бегущего
За мной злосчастья
Обернувшись подрежу вытянутую жилу
Часы
Остановлю у постели
Друга
Сяду на падшую кобылу
И до тех пор буду перескакивать
Шпагат
Пока земля не станет кофейной
Гущей
Тогда продам лошадь в цирк
И на престарелой птице
Долечу до гаванских денег
Там спешусь
И под заработанный остров
Повешу
Берцовую кость

Летом 1923 года Терентьев переехал в Петроград. В это время К. Масеевич занимался коренным реформированием Музея художественной культуры (в дальнейшем известного как ГИНХУК), в котором сотрудничали Матюшин, Манскров, Татлин и Филонов. Терентьеву было поручено руководство фонологическим отделом, который он преобразовал в центр по изучению зауми. И. Терентьев вел курсы, участвовал в дебатах, писал статьи. Как он сам признавался в письме А. Крученых, это было время величайшей творческой активности. Он желал дать жизнь группе, которая стояла бы по левую сторону от «Лефа», соединила бы Маркса с заумью, материализм с беспредметностью. А в начале 1924 года он приступил к режиссерской работе в Агитстудии и в Красном театре, для которого написал и поставил пьесу «Джон Рид» (преьера состоялась 24 октября 1924 года), вызвавшую многочисленные отклики театральной прессы. И, наконец, после неудачной попытки сотрудничества с труппой Акдрамы, бывшего Александринского театра, Терентьев создал свой экспериментальный театр – Театр Дома печати, в Шуваловском дворце на Фонтанке. Здесь он поставил «Фокстрот», текст которого был написан В. Андреевым специально для Терентьева, и «Узелок» (пьеса И. Терентьева), а затем – оперу «Джон Рид» (музыку писал композитор Владимир Кашницкий), «Ревизора» Гоголя в заумной интерпретации, вызвавшей настоящий скандал, и «Наталью Тарпову» по роману С. Семенова.

В 1928 году Игорь Терентьев гастролировал с Театром Дома печати в Москве в Театре имени Мейерхольда. Гастроли прошли успешно. Луначарский предложил перевести театр в Москву, многие обещали поддержку. Однако ни помещения, ни денег Терентьев не получил. Труппа распалась.

В 1930 году Терентьев был арестован и осужден по 58-й статье, сроком лишения свободы на 5 лет. Его выслали на Беломорканал, в район Медвежьей Горы.

Кремль,
видишь тачку внизу?
Это я
в тачке везу
землю социализма

Терентьев был сотрудником лагерной газеты, организатором агитбригады. Его имя нередко упоминается в известной книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». К примеру, в главе «Весна проверяет канал»: «В дни аврала на 128-м канале коллектив сорок два часа не сходил с производства. В середине второй ночи, когда от долгой работы и пронзительного весеннего воздуха чувствовался уже легкий озноб, на участке появилась повенецкая агитбригада. Ослепительный свет прожекторов выхватил из темноты фигуры и лица агитбригадников.

Вышел парень с гитарой, бывший вор. Он вступил в самый свет, где в сильном косом луче роились частички воздуха. Сверкающий парень оглянулся на своих, подал знак подбородком, и вспыхнула песня:

У буржуа за границей
Скрюченные пальцы,
Поперек им горла стали
Красные каналцы.

Пусть не верит за граница –
Ошибется, дура,
Тут у каждого братка
Во – мускулатура.
(И. Терентьев)»

Терентьев и все актеры его бригады были освобождены досрочно.

Игорь Герасимович приехал в Москву. Попытка устроиться на работу в театр окончилась неудачей. Начал снимать картину «Восстание камней» – о событиях гражданской войны в Керчи. Терентьева пригласили с бригадой по вольному найму на канал Москва–Волга.

Вновь был арестован в мае 1937 года – 10 лет без права переписки. Родным сообщили уже после войны, что умер в 1941 году. На самом деле Терентьев расстрелян в Бутырской тюрьме в 1937 году.

Наследие Игоря Терентьева востребовано, его пьесы ставят столичные театры. В 1988 году в Италии вышло первое и единственное собрание сочинений Игоря Терентьева, подготовленное и прокомментированное итальянским профессором Марцио Марцадури и петербургской исследовательницей русского и грузинского авангарда Татьяной Никольской. Как они пишут в предисловии, «тексты этого тома составляют фундаментальную часть творчества И. Терентьева и дают представление о двух наиболее значительных этапах его деятельности: Терентьев – теоретик и поэт «41», Терентьев – изобретатель и режиссер нового театра».

* * *

И
Воет Воздух из войлочной Туфли
лихо
Радуй и ДУЙ
мое Рождество
В восторге от моего почерка
критик выйдет из церкви
опечатать мое имущество
А я
ногой пРоткнУ
ПАДУЧУЮ землю
Перевернусь в КОРЫТЕ как в могиле
ПОТНЫЙ ОТ СЧАСТЬЯ
весь в ПЕРСИДСКИХ орденах
и золотой ШПРОТЕ Чихну
Бог в Очках
уЩипнет меня
и пропиШет
Жить

Следующий герой моего выступления – поэт-романтик Владимир Викторович Смиренский (творческий псевдоним Андрей Скорбный) (1902–1977) – писатель, поэт, критик, журналист. Родился в селе Ивановское Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии. Внук известного русского адмирала С. О. Макарова. В 1921 году вышел его первый поэтический сборник «Звенящие слезы». За ним последовали другие – «Большая любовь» (1922), «Окраинный круг» (1926), «Осень» (1927) и поэмы «Рылеев» (1939), «Полежаев» (1940). В 1922 году вступает во Всероссийский союз поэтов, затем – в Союз писателей. Становится секретарем Федора Сологуба. Близким другом Смиренского в те годы становится Александр Грин; он также близко общался с Ахматовой, Шостаковичем, Хлебниковым, Есениным, Северяниным – все эти выдающиеся люди впоследствии стали героями его новелл-воспоминаний. В 1930 году арестован, срок отбывал в Беломоро-Балтийском ИТЛ (в Медвежьей Горе его встречал Н. П. Анциферов, упоминает в книге «Из дум о былом»), затем – на строительстве «Волго-Дона». С 1950-х гг. проживает в Волгодонске, создал литературный музей при местной библиотеке, руководил молодежной литературной студией. В 1961 году в серии «Библиотека поэта» вышел сборник произведений К. М. Фофанова, составителем и автором вступительной статьи которого был В. В. Смиренский. Стихи, критические статьи и воспоминания Смиренского публиковались в журнале «Дон» в 1960–1970-х годах.

Смиренский не был чужд литературных экспериментов, но они были иного рода, нежели эксперименты Терентьева:

Ленивых лет легко ласканье,
Луга лиловые люблю.
Ловлю левкоев ликованье,
Легенды ломкие ловлю.
Лучистый лен любовно лепит
Лазурь ласкающих лесов.
Люблю лукавых лилий лепет,
Летящий ладан лепестков.

Своему другу, автору «Алых парусов» и «Бегущей по волнам» он посвятил такие строки:

ПЕСНЯ О ГРИНЕ

В глухих углах морских таверн
Он встретил свой рассвет,
Контрабандист и браконьер,
Бродяга и поэт.
Он вышел в жизнь, как моряки.
Он слишком жадно шел,
Швыряя дни, как медяки.
Как медяки – на стол.
Он много исходил дорог,
Пустых, как небеса,
И алым пламенем зажег
Косые паруса.
Норвежской шхуной шли года,
Пылая как заря;
Пред ним мелькали города,
И реки, и моря.
Он слышал пенье звездных птиц,
Он видел снег и кровь,
Он слишком часто падал ниц,
Чтоб подыматься вновь!
Он много сказов знал, и сам
Умел их сочинить.
Он верил девичьим глазам
И успевал любить.

Не раз, в руке сжимая трость
И шляпой скрыв глаза,
Он приходил, желанный гость,
Мгновенный, как гроза.
И, зябко кутаясь в пальто,
Всегда угрюм, один,
Он был особый, как никто,
И назывался – Грин.
Войдет, бывало, в кабинет,
Табак придвинет, ром –
И сразу входит странный бред
В мой неуютный дом.
Он мог повелевать цветам
Цвести в снегах зимы.
Как будто жил он где-то там,
Где не бывали мы.
И думал я, что никогда,
Бродяга и фантаст,
Свои суровые года
Он смерти не отдаст.
Он говорил мне: «Старина,
Я утонул в вине,
Но ты увидишь, что страна
Вспомынет обо мне!»

Весьма оригинальным является творчество Георгия Николаевича (Егора) Оболдуева (1898–1954) – поэт, прозаик, переводчик. Гораздо более известна его жена, детская поэтесса Елена Благинина. Родился в Москве. Сын предводителя дворянства г. Коврова. В 1916 г. поступил в Московский университет. В 1919 г. призван в Красную армию. В 1924 г. закончил Высший литературно-художественный институт им. Брюсова.

Я лежу, хожу, играю,
Забываю, помню, знаю;
Я живу – упруг иль ломок –
Так же, как и мой потомок.
Мы топорщимся и лезем
С нашим счастьем крамольным,
С месивом страданий, нежностей,
Сбритых лезвием подпольным.
Пусть случайное потомство
Проживет, ко мне приблизясь,
Нашу боль и вероломство,
Веру, катарзис и кризис.
Заведя свои прогулки,
Пусть оно почует, нежась
Близким привкусом разлуки,
Нашей жизни нашу свежесть.

Арестован в 1933 г. за чтение и распространение стихов М. Цветаевой. До 1939 г. – в заключении в Белбалтлаге. Стихи печатались в журнале «ББКомбинат». Работал аккомпаниатором и дирижером в Центральном театре ББК в Медгоре. В 1943 г. мобилизован и отправлен на фронт. После демобилизации жил в Голицыне под Москвой. Работал на радио, вел детские программы. При жизни опубликовал всего одно стихотворение (1929) и один рассказ (1943), но в литературных кругах был известен. Позднее стихи Егора Оболдуева распространялись в самиздате и оказали значительное влияние на формирование новой поэзии. Только в конце 1980-х годов заговорили об Оболдуеве – статьи Владимира Глоцера и Николая Яновского. В 1991 году в Москве вышел сборник поэта «Устойчивое неравновесие». В последние годы – ряд публикаций в журналах и сборниках («Новый мир», «Огонек», «Знамя», «День поэзии»), однако до сих пор остаются неопубликованными многие стихи 20-х годов.

Свидетелю
Средь разного рода лишений
Единую знаешь поживу,
Которая в центре мишени:
Быть живу, быть живу, быть живу.
Очнись, отряхнись и ответствуй
Насупленному супостату,
Что мысли греховному месту
Быть святу, быть святу, быть святу.
Но помни, не гневаясь впрочем
В ответ на позорную тему,
Что лучше тебе, как и прочим,
Быть нему, быть нему, быть нему.
Прищурясь, посматривай: эко
Досталось в наследье к беспутству
Свидетелю нашего века
Быть слепу, быть глуху, быть пусту.

Мы – такие же свидетели времени, которое только на первый взгляд ушло безвозвратно. Новый виток истории творит новых «вождей народов» и новую опасность «Большого Террора». Поэтому ни у кого из нас нет морального права «быть слепу, быть глуху, быть пусту» – напротив, мы должны продолжать хранить тот дух творчества и противостояния косности, который сквозь тяжелейшие испытания пронесли узники Белбалтлага и прочих сталинских лагерей, лучшие умы своего времени.

О преподавании гуманитарных дисциплин в школах Карелии в 1930-е годы

В середине 1930-х гг. происходят важные изменения в советской идеологии. На смену теории «мировой революции» приходит концепция «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Новая элита, идейно, а затем и физически расправившись с политическими оппонентами, стремится к дальнейшему укреплению своего положения на властном Олимпе. Возросшая опасность войны после прихода к власти в Германии нацистов ставит задачу всесторонней подготовки населения к защите социалистической родины. В 1930-е годы правящая партия берет на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делается на национально-патриотические идеи, защиту государственных и геополитических интересов России. Подчеркивается гражданская ответственность индивида перед родиной, государством, коллективом. Гражданско-государственная составляющая превалирует над национальными, повседневными и частными элементами действительности. В этих условиях возрастает значение патриотического и государственно-охранительного воспитания юношества. Накануне Великой Отечественной войны в 819 школах Карелии обучались 91322 детей и подростков.¹ Традиционно школа решала поставленные государством идеологические задачи, прежде всего, через преподавание гуманитарных дисциплин.

15 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором резко осуждалась подмена «связного изложения истории отвлеченными социологическими схемами». Решено восстановить в общеобразовательных школах курс всеобщей истории и истории СССР, который в 1920-е гг. был подменен политграмотой и обществоведением. Развернулась сеть курсов переподготовки учителей. Видные историки – члены Академии наук, профессора университетов – подготовили первые советские учебники по истории. Начал издаваться научно-методический журнал «История в средней школе».

Все школьники Карелии, начиная с 3 класса, стали изучать историю. Новый предмет вызвал большой интерес у детей. Однако работу осложняла острая нехватка учебных пособий – один учебник истории приходился на 3–5 учащихся. В этих условиях учителя взяли на себя (точнее сказать, взвалили) очень трудоемкую работу – самостоятельно изготавливали раздаточные материалы, карты, таблицы, схемы, плакаты, альбомы. Большую поддержку при подготовке к урокам оказывала выходящая с 1926 г. Большая советская энциклопедия, главным редактором которой являлся видный исследователь Арктики О. Ю. Шмидт. Для школы важно, что первая советская универсальная энциклопедия, выпускалась большим тиражом – 50–80 тыс. экземпляров, помимо емких статей содержала красочные иллюстрации, многочисленные карты. Учитывая особую популярность среди молодежи 1930-х гг. кино, учителя становились организаторами культпоходов и последующего обсуждения кинокартин в школе. При изучении истории использовали исторические кинофильмы, повествующие о героических событиях прошлого «Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Петр Первый» В. Петрова, «Богдан Хмельницкий» В. Пудовкина, «Суворов» М. Доллера. При изучении революции опирались на фильмы М. Ромма «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году». В старших классах учителя выходили из положения через лекционную систему: учащиеся под диктовку записывали материал и учили его потом по тетради. В выпускном классе преподаватели руководствовались в основном «Кратким курсом истории ВКП(б)», работами Ленина и Сталина и преподавали по существу не гражданскую историю, а партийную.

После короткого нигилистического периода было восстановлено преподавание в школах литературы. Новые программы оживленно обсуждались в журнале «Литература в школе». В 1930-е гг. вышли новые учебные книги и хрестоматии, учебные пособия В. В. Голубкова, М. А. Рыбниковой.² В 1930-е гг. закрепились следующая система литературного образования: в 5–7 классах – литературное чтение, в 8–10 классах – история литературы. Разработанная в 1933 г. программа по литературе исходила из необходимости преодоления вульгарного социологизма. Старшеклассники 1930-х гг. знакомились, прежде всего, с произведениями русской и зарубежной классики. На уроках литературного чтения основной акцент ставился на воспитательное значение литературы. В программу были включены разделы о борьбе с иностранными захватчиками, об основных чертах национального русского характера. Дети читали повесть об Евпатии Коловрате, эпизоды из «Тараса Бульбы» и «Полтавы», знакомились с образами советских героев Павки Корчагина, Метелицы и др. Вместе с тем, структура историко-литературного курса в старших классах была подчинена ленинской периодизации русского освободительного движения. В объяснительной записке к программе 8–10 классов подчеркивалось, что главной задачей курса истории литературы является воспитание большевистского мировоззрения.³

Приобщение юношества к книге было невозможно без развития библиотечной системы. К концу 1930-х гг. в Карелии была создана библиотечная сеть, помогавшая обеспечивать успешное проведение уроков литературы в школах. В 1940 г. в Карелии работали 256 библиотек, в том числе 1 республиканская, 19 районных,

¹ Национальный Архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 1192. Оп. 2. Д. 12/128. Л. 1–2.

² Красноусов А. М. Очерки по истории советской методики преподавания литературы. М., 1959. С. 99–136. Богданова О. Ю., Леонов С. А., Чертов В. Ф. Методика преподавания литературы. М., 2000. С. 61–62.

³ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 96/799. Л. 145.

5 городских, 224 сельских, 7 детских.⁴ В республике работало 340 библиотекарей, около половины из них получили 7-летнее или среднее образование, однако всего 38 библиотекарей имели специальную подготовку. Кадры библиотекарей готовила культпросветшкола, открытая в 1932 г. по решению Карельского правительства в Ленинграде при Педагогическом институте имени А. И. Герцена. В Петрозаводске проводились трехмесячные, в районах – десятидневные курсы переподготовки библиотекарей.⁵

25 января 1934 г. СНК РСФСР постановил установить дифференцированную систему оплаты труда библиотечных работников на основе 6-разрядной квалификационной разбивки по трем тарифным поясам.⁶ Несмотря на принятые меры, одной из проблем библиотечной системы в конце 1930-х гг. оставался низкий уровень заработной платы библиотечных работников. Ставка школьного библиотекаря в КАССР составляла в 1938 г. 178 руб. – в полтора раза меньше средней зарплаты рабочих и служащих. Низкая зарплата отпугивала многих молодых перспективных работников. Сохранялась высокая сменяемость библиотекарей.

В 1939 г. в Карелии почти не осталось школ, где бы не была создана хотя бы небольшая библиотека. В районах Карелии работало 338 школьных библиотек. Первыми библиотекарями петрозаводских школ, получившие специальное библиотечное образование, стали Исаева (4 школа), Пигина (1 школа), Варфоломеева (14 школа), Кузнецова (13 школа).

Фонды школьных библиотек не отличались богатством и разнообразием. Даже в столичном Петрозаводске в школьной библиотеке в конце 1930-х гг. в среднем имелось менее 3 тыс. книг. Самые крупные школьные библиотеки насчитывали до 7 тыс. экземпляров. Карелия в этом отношении соответствовала общероссийским показателям: в 1939 г. в среднем на одну российскую библиотеку приходилось 2,1 тыс. книг, а в селе этот показатель составлял всего 0,9 тыс. книг.⁷

Не хватало книг, входивших в школьные программы. Особо остро ощущался недостаток классических произведений русской и западноевропейской литературы. Так, в Ребольской средней школе в 1938 г. не было ни одной книги с произведениями В. Жуковского, Г. Державина, Ж. Б. Мольера. Вовсе отсутствовали хрестоматии по западноевропейской литературе. В конце 1930-х гг. в школьную программу вошли поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», «Борис Годунов», стихи А. Фета, Ф. Тютчева, А. Толстого, однако в ряде школ Карелии они не изучались, так как не было текстов.

В 1930-е гг. примерно четверть выпускаемых в СССР книг приходилась на детскую литературу. В круг детского чтения вошли произведения В. Каверина, Л. Кассиля, А. Гайдара, В. Катаева, Р. Фраермана. Героев их книг отличали благородство характеров, четкая гражданская позиция, приверженность высоким нравственным идеалам. Важную роль в распространении детских книг сыграли серии Детгиза «Школьная библиотека», «Книга за книгой», «Книжка-малышка» и др. Тем не менее, художественных произведений для детей в библиотеках было мало. Не хватало книг о природе, технике.

Главной задачей школьных библиотек в 1930-е было наращивать книжные фонды. В то же время в рассматриваемый период проходили неоднократные чистки библиотек, наносившие огромный ущерб культуре и просвещению. Главполитпросвет рассылал списки авторов, чьи произведения подлежали аресту. Еще более усилились ограничения в выдаче книг в период «ежовщины». До 1937 г. школьные библиотеки в Северной Карелии комплектовались книгами на финском языке, которые были изъяты в ходе чисток. В результате в 1939 г. в Ухтинской школьной библиотеке осталось всего 2 тыс. книг на 450 учащихся.

В среднем школьник Карелии брал в библиотеке 12–20 книг в год. Однако средние цифры всегда слишком оторваны от реальности – многое зависело от уровня школы. В Пудожской семилетке, где русский язык и литературу во второй половине 1930-х гг. преподавал В. Ф. Стратоников, было немало учеников, которые в библиотеке за год прочитывали 100 и более книг.⁸

Важную роль в приобщении детей к книге играла внеклассная работа. В 1938 г. около 1000 школьников Карелии занимались в драматических и литературных кружках, кружках выразительного чтения.⁹ Среди руководителей драмкружков выделялись петрозаводские педагоги Я. А. Земков, А. И. Терешкин и др.¹⁰ В 4-й школе Петрозаводска выходил литературный журнал «Молодые победы». В 1937 г. в Карелии широко отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина.

В 1929 г. руководство республики официально утвердило финский язык в качестве единственного письменного и литературного языка карельского населения. Ускоренными темпами школы в карельских районах переводились на обучение на финском языке. В 1931 г. в Олонецком районе осталась всего одна начальная школа, где обучение велось на русском языке, во всех остальных школах уроки велись на финском.¹¹ В 1932 г. уже 99,6 % школьников карельской национальности обучались на финском языке.¹² Поголовный перевод школьного обучения на финский язык встретил настроенное отношение со стороны населения, но в услови-

⁴ Там же. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 1/4. Л. 53.

⁵ Красный библиотекарь. 1936. № 4. С. 14.

⁶ Там же. 1934. № 3. С. 55–56.

⁷ Библиотечное дело. 1999. № 7–12. С. 149.

⁸ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 115/1081. Л. 179–181.

⁹ Там же. Д. 115/1084. Л. 76.

¹⁰ Там же. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 9/82. Л. 53.

¹¹ Там же. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 7/160. Л. 13–14.

¹² Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 42.

ях массовой коллективизации, раскулачивания, люди не решались на организованный протест против финнизации школьного дела. Как правило, крестьяне жаловались на то, что из-за плохого уровня преподавания дети слабо усваивают язык: «Ребята в школу ходят долго, а толку от этого мало».¹³ В республике остро ощущался недостаток учителей, знающих финский язык. Упала успеваемость учеников. В первой группе школ 1-й ступени финские слова, отличающиеся от карельских, усваивались плохо. Ребята, освоив технику чтения, не понимали прочитанного. Во время проверок были случаи, когда лишь 4 из 40 учащихся могли передать смысл финского текста, с которым только что познакомились.

В то же время длительный опыт активного изучения финского языка не прошел даром. В тех случаях, когда дети изучали финский язык в течение 4–5 лет под руководством квалифицированного педагога, они довольно свободно овладевали языком.¹⁴ Наиболее устойчивый и массовый характер приобщение к финской грамоте имело место в северной Карелии. По данным переписи 1933 г. в Ухтинском районе 80 % грамотного населения владело финским языком, а 17 % – русским и финским одновременно. В Кестеньгском районе эти показатели составляли соответственно 81 и 16 %. Иной была ситуация в южной Карелии: 59,7 % карелов Олонецкого района знали русскую грамоту, 22,7 % – русскую и финскую одновременно, 17,5 % карелов владели только финской грамотой.¹⁵

В 1935 г. в республике восстановили добровольность выбора языка обучения для карелов. Школы Южной Карелии стали возвращаться к преподаванию на русском языке. В первое время успеваемость по русскому языку в олонечких школах составляла 30–60 %. Остро ощущалась нехватка учебников по этому предмету. В 1937 г. из 174 учителей Олонецкого района 108 были карелами, 37 – финнами. Часть преподавателей достаточно хорошо владела русской речью. Это сказывалось на уровне знаний детей. В 1937 г. на второй год в начальных школах Олонецкого района осталось 17 %, в неполных средних – 22 %, в средних – 20 % учеников.¹⁶

В еще более сложной ситуации оказалась молодежь северной Карелии, где восемь из десяти юношей и девушек русскую грамоту знали очень плохо, поскольку школьное образование длительное время велось исключительно на финском языке. В 1937 г. в Ухтинской средней школе весь 7 класс из-за незнания русского языка был оставлен на второй год. По этой же причине лишь 2 выпускника 10 класса этой школы смогли поступить в Педагогический институт.¹⁷ Успеваемость по русскому языку в первой четверти 1938/39 гг. в Калевальском районе составила 28 %, в Кестеньгском – 46 %.

Во второй половине 1930-х годов в республике развернулись массовые репрессии против финнов. Финны (а это 3 % населения Карелии) составили свыше 40 % репрессированных, при этом 85 % арестованных финнов были приговорены к расстрелу.¹⁸ Список «преступлений», в которых голословно обвинялись финны-эмигранты, был составлен в духе того страшного времени: подготовка вооруженных восстаний, вредительство, шпионаж, диверсии, контрреволюционная агитация. Однако на первое место среди обвинений НКВД поставил финнизацию Карелии «путем принудительного введения финского языка в школах», препятствия введению карельского литературного языка, подмену развития карельской культуры «финской буржуазной культурой».¹⁹ Во второй половине 1930-х годов, финский язык фактически оказался в школах под запретом.

Ситуация изменилась после советско-финляндской войны. 31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании КАССР в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.²⁰ В новых условиях было пересмотрено отношение к финскому языку. В школах республики возобновилось его преподавание. В мае 1940 г. бюро КП(б) КФССР утвердило список мероприятий по переводу карельских школ на финский язык обучения. В 1940/41 учебном году в 206 из 806 работавших в Карелии школ преподавание велось на финском языке. В финно-язычных школах обучались 15314 детей.²¹ Безусловно, главную роль в столь стремительном повороте языковой политики в конце 1930-х гг. сыграли внешнеполитические цели советского руководства. Однако, на наш взгляд, поворот в любом случае был неизбежен. Выброшенной за борт культурного, образовательного пространства оказалась немалая часть молодежи Карелии, получившая школьное образование на финском языке. Эта молодежь неизменно встала бы в оппозицию режиму, закрывшему перед ней пути к дальнейшему образованию, профессиональной карьере. А именно на молодежь опирался сталинский режим в 1930-е годы.

В Конституции Карелии 1937 года статус государственного наряду с русским и финским получил карельский язык.²² Ст. 88 Конституции закрепляла право обучения в школах на родном языке. В это время началась кампания по разработке карельской письменности и созданию карельского литературного языка. Возглавил эту

¹³ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940. Петрозаводск, 1997. С. 118.

¹⁴ НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 158. Л. 39–40.

¹⁵ Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1934. С. 36–37.

¹⁶ НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 432. Л. 40–42.

¹⁷ Там же. Ф. 690. Оп. 3. Д. 95/880. Л. 171.

¹⁸ Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 111–128. И. Р. Такала Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 199.

¹⁹ Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 46.

²⁰ История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1992. С. 170–171.

²¹ История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1992. С. 170–171.

²² Конституция (основной закон) Карельской АССР. Петрозаводск, 1937. С. 12, 26, 33.

работу авторитетнейший специалист того времени в российском финно-угроведении проф. Д. В. Бубрих. В Карелии он был известен как организатор диалектологических экспедиций, в ходе которых был собран богатый полевой материал. В 1931–1932 гг. были опубликованы несколько научных работ Д. В. Бубриха о диалекте тверских карелов, который он предлагал положить в основу карельского литературного языка.²³ В августе 1937 г. в Петрозаводске состоялась республиканская лингвистическая конференция, которая высказалась за создание единого литературного языка для всего карельского населения СССР. Решения конференции поддержал Президиум ЦИК КАССР.

В первой половине 1930-х гг. при создании новых литературных языков в СССР использовался латинизированный алфавит. Однако в 1936 г. ЦК партии осудил латинизацию, посчитав, что латинская графика разъединяет малые народы и снижает авторитет русского языка как языка межнационального общения. В этих условиях единый карельский литературный язык стал создаваться на основе русской графики письма. В конце 1937 г. в Петрозаводске была издана грамматика карельского литературного языка, подготовленная Д. В. Бубрихом.²⁴

21 сентября 1937 г. принято постановление СНК КАССР «О переводе карельских и вепских школ на родной язык обучения».²⁵ К этому времени все первые классы школ Ведлозерского, Олонецкого, Петровского, Пряжинского, Ругозерского, Тунгудского и Сегозерского районов были обеспечены учителями, знающими карельский язык. К 1 января 1938 г. на карельский язык было переведено преподавание в 178 начальных школах Карелии. К этому времени был выпущен букварь, учебник арифметики и книга для чтения на карельском языке.²⁶ На практике довольно скоро обнаружилось несовершенство грамматики, отсутствие единой терминологии, нехватка специалистов и другие совершенно естественные в столь трудном деле проблемы. Их решение требовало многолетней вдумчивой работы интеллигенции, финансовой и материальной поддержки государства. Однако работа по созданию карельской письменности была брошена на полпути по политическим мотивам.

В 1930-е гг. учителя-гуманитарии Карелии впервые получили реальную возможность систематического взаимодействия с писателями и профессиональными учеными. В 1918–1920-х г. эмигрировали в Советскую Россию из Финляндии и Америки журналисты и литераторы Я. Виртанен, Л. Летонмяки, Л. Латукка, А. Нумми, С. Мякеля, Х. Тихля и др. Финляндская революция 1918 г., став переломным событием их личной жизни, определила и ведущую тему творчества. В первой половине 1930-х гг. их произведения хорошо знала финноязычная молодежь Карелии. Школьники знакомили также с произведениями В. Гудкова, А. Линевского, С. Норина и других русских писателей, активно заявивших о себе в литературе 30-х гг.²⁷ Художественные произведения помогали в преподавании истории. Так, о Кижском восстании 1769–1771 гг. и его смелых вожаках подростки 1930-х гг. могли узнать из повести К. Паустовского «Судьба Шарля Лонсевия и романа В. Чехова «Возмутители».

В сентябре 1930 г. СНК КАССР принял постановление «Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института – КНИИ», положившее начало созданию в Карелии профессиональной науки. Огромное значение КарНИИ уделял собиранию, изучению, публикации памятников устного народного творчества. Издание в Петрозаводске сказок М. М. Коргуева, Ф. Господарева давало возможность поднять на новый уровень изучение фольклора в школах. В 1935 г. в Карелии торжественно отмечалось 100-летие первого издания карело-финского народного эпоса «Калевала». Юбилей способствовал не только дальнейшему научному исследованию «Калевалы», но впервые познакомил советских школьников с эпосом, активизировал интерес молодежи к устному художественному творчеству карельского народа. В 1926 г. А. М. Линевский открыл первое скопление петроглифов на скалах р. Выг, недалеко от побережья Белого моря. Вскоре он ввел петроглифы в художественную литературу, создав научно-фантастическую повесть для подростков «Листы каменной книги».

В историко-революционной секции Карельского НИИ активно работали участники Финляндской революции 1918 г. Э. А. Хаапалайнен (в 1918 г. – главнокомандующий Красной гвардии и уполномоченный по внутренним делам в рабочем правительстве Финляндии) и Л. М. Летонмяки (член революционного правительства, нарком юстиции в том же правительстве).²⁸ Они организовали сбор документов и воспоминаний по истории революции и гражданской войны в Финляндии и Карелии, собрали более 600 биографий активных участников этих событий. В 1932 г. вышел в свет на русском и финском языках сборник воспоминаний и очерков «В боях за Советскую Карелию». Молодой исследователь В. И. Машезерский подготовил Хронику революционных событий в Карелии в 1917–1918 гг., в которую включил ценные сведения как о работе большевиков, так

²³ Дубровина З. М. Дмитрий Владимирович Бубрих как исследователь прибалтийско-финских языков // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: сб. ст. С-Пб, 1992. С. 18–19.

²⁴ А. И. Афанасьева Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 53–54.

²⁵ НА РК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 94/870. Л. 158.

²⁶ Там же. Д. 95/880. Л. 171.

²⁷ История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 78–86.

²⁸ Такала И. Р. Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый // Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. СПб, 2002. С. 147–148. Руханен У. Н. В вихрях века. Петрозаводск, 1991. С. 239–244. Ленин в воспоминаниях финнов. М., 1979. С. 33.

и о деятельности кадетских, эсеровских организаций, о политической работе в крае депутатов Учредительного собрания после его роспуска и др.²⁹

В 1937 г. комплексный институт был реорганизован в НИИ культуры (КНИИК), за которым сохранялось только гуманитарное направление.³⁰ В 1937–38 гг. был репрессирован ряд ведущих специалистов института, их безвинная гибель стала тяжелой утратой для Карелии. В это трудное время на работу в Карельский НИИ культуры были приглашены опытные исследователи из Москвы и Ленинграда. В период «ежовщины» работа в провинции нередко спасала от преследований тех, кого власти считали неблагонадежными. С 1938 г. являлась сотрудником КНИИК Р. Б. Мюллер. В предвоенные годы она подготовила сборник документов о Карелии XVII века.³¹ Под редакцией В. Г. Геймана был подготовлен сборник документов по истории Карелии XII–XVI вв.³² Если бы не война, эти книги вошли бы в учебный процесс. Однако судьба изданий оказалась трагичной: в блокаду Ленинграда уцелели лишь несколько экземпляров каждой из книг.³³

Несомненно, ведущая роль в обучении детей оставалась за школьным учителем. В республике удалось за короткий срок обеспечить учебные заведения необходимым числом преподавателей гуманитарных предметов. Их готовили русский и финский педтехникумы. В 1933 г. в Педагогическом институте открылись приемы на историческое отделение и отделение языка и литературы, заложившие основы историко-филологического факультета. В 1934/35 г. при Карельском пединституте был открыт двухгодичный учительский институт, готовивший учителей истории, русского языка и литературы для семилетних школ. В 1940 г., после преобразования автономной Карелии в союзную республику, в Петрозаводске на базе Карельского государственного педагогического института открылся классический университет. В то время он включал четыре факультета, в том числе историко-филологический.³⁴ Молодежь быстро накапливала опыт преподавания. Умело вели уроки такие учителя как И. Сюкияйнен, Сергеева, Киуру, Вита и др.

Одним из ведущих каналов подготовки школьных учителей в Карелии в 1930-е гг. являлась курсовая подготовка. За 1930–1933 гг. в школы республики было направлено не менее 800, в 1938 г. – более 700 человек, получивших подготовку лишь на краткосрочных курсах. Это позволило быстро нарастить численность учителей: если в 1927 г. в Карелии работало 680, то в 1939 г. – 3282 учителя. Однако курсовая подготовка означала явно низкий образовательный уровень педагогических кадров. В 1930-е гг. подавляющее большинство преподавателей неполных средних и средних школ (до 90 %) не имели высшего образования. Значительное число учителей не получили законченного педагогического образования (в семилетках – около 80 %). В этих условиях особенно трудно давались уроки по древней, средневековой и новой истории, так как многие учителя сами не знали фактического материала. Нередко бывало так, что на уроке больше половины времени отводилось на опрос ребят, а рассказ учителя длился 7–8 минут. При этом каждое событие освещалось 2–3 сухими фразами.³⁵ Неинтересно, тоска – делали вывод ученики после таких уроков. В 1940 г. проходила проверка знаний учителей в районах, вошедших в состав Карелии после «зимней» войны. Некоторые учителя русского языка Суоярвского района в контрольном диктанте сделали по 20–30 ошибок.

Недостаточный уровень профессионализма учителей при жестком идеологическом контроле порождал нечетничество и формализм. На экзаменах по истории и литературе ученики предпочитали точно следовать учебнику. Так, в Кемской средней школе в 1938 г. все ученики 10 класса за исключением одного написали сочинение на тему «Тип большевика по повести А. Фадеева «Разгром». Все сочинения строились по одному и тому же плану, и содержание сочинений передавало лишь то, о чем писалось в учебнике.

Однако не зря говорят, что педагогика – это искусство. А уровень развития искусства той или иной эпохи определяют, прежде всего, творения мастеров. Словно вопреки обстоятельствам в школах Карелии в 1930-е гг. блистал педагогический талант замечательных учителей. Много имен передовиков школьного дела названо в отчетах и справках, но, как правило, архивные документы описывают школу глазами взрослых (чиновников, учителей, родителей). Важно понять, что ценили в своих наставниках дети. Портрет любимого учителя представила в своих воспоминаниях петрозаводская школьница 1930-х гг., а позднее профессор филологии И. П. Лупанова. И это портрет учителя русского языка и литературы Раисы Николаевны Миролобовой: «Об этой учительнице в школе ходят легенды. Говорят, что все ее ученики получают на экзаменах в столичные вузы только отличные оценки; что она не терпит зубрежки; что посетившая ее занятия московская журналистка опубликовала в «Правде» статью, в которой рассказала, что в захолустной провинциальной школе заштатного Петрозаводска ученики пишут сочинения, которые «и не снились» учителям столичных школ, что она позволяет ребятам писать сочинения на ими же придуманную тему (в этом я буду иметь возможность лично убедиться, когда получу благословение писать на тему «Элементы сатиры и юмора в романе Пушкина "Евгений Онегин"»)), что она поощряет в учениках «свои мысли», даже если они идут вразрез со школьной программой

²⁹ Машезерский В. И. От Февраля к Октябрю. Выдержки из хроники революционного движения 1917–1918 гг. по Карелии // Советская Карелия. 1934. № 7–8. С. 79–94.

³⁰ Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 15–35.

³¹ Карельская деревня в XVII веке. Петрозаводск, 1941.

³² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

³³ Сербина К. Н., Шаскольский И. П. Р. Б. Мюллер (1896–1989 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIV. СПб., 1993. С. 294–295.

³⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 556–561.

³⁵ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 132/1203. Л. 72–77.

(в этом я тоже смогу лично убедиться, когда в девятом классе получу возможность в течение целого урока доказывать, что Каренин – вовсе не такое чудовище, каким изображает его школьный учебник). Конечно же, я с нетерпением жду эту легендарную учительницу. И вот, наконец, она перед нами. Среднего роста, с короткой стрижкой светло-рыжих волос, с пронзительными серыми глазами в бесцветных ресницах. Если судить объективно – наверное, некрасивая. Но оценить объективно я не успеваю. С первых звуков ее глуховато-бархатного голоса, с первых слов, с первого взгляда внимательных серых глаз я начинаю испытывать какое-то гипнотическое очарование, из которого выводит только звонок с урока. Теперь я в нетерпении жду следующего дня, следующего урока, еще следующего...».³⁶

Какими бы ни были времена, любимым становился учитель, умеющий пробуждать в душе воспитанника творческое начало и добрые помыслы.

*Водолазко В. Н.,
ГОУ РУ ИПКРО*

«Код да Винчи» Дэна Брауна в Карелии

Трудно представить в наше динамичное время более бурный поток публикаций, чем происходящий на наших глазах литературный бум, вызванный выходом в свет в 2004–06 гг. в России «интеллектуального», как принято в наше время именовать средние по литературному качеству произведения с нехитрой уголовной заправкой, детектива американского журналиста и писателя, бывшего школьного учителя английского языка, Дэна Брауна «Код да Винчи». Это издание выпущено немислимым совокупным тиражом – более ста тысяч экземпляров! Как во времена Политиздата. За выходом книги Брауна последовал кинофильм режиссёра Рона Ховарда. Что началось после этого!

Произведение Брауна не является историческим исследованием, хотя в определённой степени оно и основано на документах, реально существующих местах действия его героев и фактах периода раннего христианства и средневековой эпохи. Правда, по замечанию «Литературной газеты», автор «Кода...» уравнивал в правах факты, мифы, домыслы, «лишь бы они работали на его версию» («ЛГ», 30.08.2006). Это – беллетристика, триллер, это даже не исторический роман, и тем не менее, отклики были почти мгновенными, невероятно восторженными, а претензии, предъявлявшиеся автору, носили острый обвинительно-обличительный религиозно-академический, в известной степени научно-исторический характер. Сторонники и оппоненты Дэна Брауна во многом числе и весьма скоро отозвались, написали и издали горы книг. «Коду да Винчи», – роману и фильму, ещё до их выхода в свет и на экран, была сделана невероятная пресса и реклама. Кто только не постарался преуспеть в этом! Однако, следует признать также, что ажиотаж, вокруг «Кода да Винчи», и это, пожалуй, главное, представляет собой, выражение горячего читательского интереса, читательской потребности. Примерно, так, скажем, было во второй половине 1960-х гг., правда, масштаб был поменьше, когда появились в «Иностранной литературе» «Аэропорт» Артура Хейли, или в «Москве» – «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Подобные литературные события и явления имели, как говорится, место и в другие последующие времена в связи с другими громкими и захватывающими литературными произведениями. Однако в случае с Дэном Брауном помимо читательских духовных потребностей и интересов выступают деньги, деньги для авторов, издателей, книготорговцев, здесь – реклама, невероятно завлекательная, всё в гиперпревосходной степени, здесь – мощное литературное и исследовательское (правда, хватает и «псевдо») сопровождение – «раскрутка» собственного, академического или писательского имиджа многочисленными участниками полемики, здесь – подражания автору романа и по сюжетно-содержательной части, и даже – по заимствованию слова «код», здесь – воскрешение многих историко-библейских проблем, здесь – «расследования», «разоблачения мифов» Дэна Брауна, здесь – путеводительские по местам действия романа и по «лабиринтам тайн Дэна Брауна» издания, различного рода «интеллектуальные детективы», пародии и т. п. сочинения, связанные или перекликающиеся с проблематикой Дэна Брауна, наконец, здесь – жесткая ортодоксальная критика и осуждение автора книги христианской церковью, практически всеми её конфессиями, а также – иудейской и исламской общинами. Более того – со всех сторон идут обвинения в плагиате, затеваются судебные процессы с целью ударить Дэна Брауна по карману, «восстановить правду», как уверяет нас один из наших земляков, речь о котором впереди.

Значительный список составляют газетно-телевизионные и литературно-судебные публикации, преобладающей идеей которых является, повторюсь, обвинение Дэна Брауна в литературном воровстве, а также – многочисленные отчёты о судебных процессах по этому поводу. А что происходит в Internet'e?! И это всё продолжается и ныне, (см. краткий библиографический список в конце статьи). Любопытный факт, мимо которого не хочется проходить: в литературе «сопровождения» «КОДА» отмечаются два великолепных «ретических» ху-

³⁶ Лупанова И. П. Минувшее проходит предо мною. Петрозаводск, 2007. С. 76–77.

дожественных произведения, это – роман греческого писателя Никоса Казандзакиса «Последнее искушение» (1954 г.), экранизированного Мартином Скорсезе тридцать лет спустя под скандальным названием «Последнее искушение Христа», приведшее греко-католическую церковь и вообще всё христианство в шок и бессильную ярость, и «Евангелие от Иисуса» португальского романиста Жозе Сарамаго, получившего за него Нобелевскую премию (1998 г.). Если у Казандзакиса Мария Магдалина – праведница, безумно влюблённая в Христа, которым она не может обладать, то у Сарамаго она – официальная проститутка, принявшая к себе в дом Христа и жившая с ним супружеской жизнью. Эти знаменитые произведения написаны и изданы раньше «Кода...», они раньше поведали *urbī et orbī* идеи и версии, а роман греческого писателя как будто специально переиздан в 2006 году, полвека спустя после первого издания, когда хлынул неудержимый поток литературы и других всевозможных «писаний», вокруг которых и поднялся вселенский литературно-публицистический и телевизионно-кинематографический потоп. Чудны дела твои, Господи!

Многочисленные зарубежные авторы, а в последнее время – и некоторые наши отечественные литераторы, воспользовавшись великолепной конъюнктурой на книжном рынке, постоянно пополняют его всё новыми и, кстати, нередко весьма интересными сочинениями. Следует отметить чисто внешнюю сторону этого беллетристического процесса, важную нагрузку эстетического и, более всего, знаково-символического характера – дизайн твёрдой обложки этих изданий на девяносто, а может быть и более процентов, обязательно содержит изображение Христа, легендарной Моны Лизы, Витрувианского человека, их великого автора, нередко стилизованные, вместе с различного вида атрибутикой, в зависимости от темы и сюжета, связанных часто с Марией Магдалиной, Орденом Тамплиеров, масонами, оккультизмом, и т. п. символами. Из девятнадцати книг на полке автора данной статьи, посвященных «Коду да Винчи» или каким-либо образом соприкасающимся с ним, стиль дизайна у шестнадцати соответствует указанным характеристикам и содержит отмеченные отличительные черты.

Это всеобщее бурное литературное возбуждение не обошло стороной и наш край, хотя реакция на него и не носила столь масштабного и шумного характера, как в других частях белого света, но совершенно очевиден был значительный интерес нашего читающего общества к произведению Дэна Брауна.

Карельская общественность не только читала и читает Дэна Брауна и то, что связано с его темой, но и по мере возможности участвует в полемике, захватившей весь мир. Мы можем говорить по крайней мере о нескольких публикациях, являющихся откликами на «Код да Винчи» и в известной степени – реакцией на процессы, в том числе и судебные, которыми сопровождается жизнь его автора в настоящее время.

В Карелии читатели получили информацию о Дэне Брауне и его книге не только по ТВ, или от общероссийской прессы, «яркими» представителями которой являются «МК», «Жизнь», «Комсомольская правда» (можно сказать, – это «наша», своя, карельская газета: она печатается в Петрозаводске со специальным приложением «КП в Карелии») и другие издания, – не было, наверное, газеты, не писавшей на тему «Кода...», но и от карельских публицистов, специалистов высшей школы, учёных. Основной поток публикаций приходится на апрель–август 2006 года: именно тогда состоялась в Штатах премьера фильма Рона Ховарда, и наша местная печать тоже «засветилась» в этом потоке. Не забыт у нас Дэн Браун и в настоящее время: последняя публикация отмечается 25-м января 2008 года.

В начале июня 2006 года в «Курьере Карелии» в рубрике «Видеогид» был помещён редакционный (конкретный автор не обозначен) материал «Код остался не раскрыт». В статье роман Дэна Брауна «Код да Винчи» определяется как «фундаментальный мистический детектив», который достаточно сложен и для человека верующего и для «горячего атеиста». Основную причину громадного успеха книги и особенно кинофильма, газета видит в «невежестве читателей и зрителей», утверждая, что «в любом случае» книга Дэна Брауна «не раскрывает величайшую тайну человеческой истории» и «Код да Винчи» надо воспринимать исключительно как фантазию автора и любопытную версию». Странно, значит, всё-таки есть и «величайшая тайна» и «любопытная версия»?!

Произведение американского писателя – не всё плод фантазии: за пару последних десятилетий на Западе опубликованы глубокие и детальные исследования таких христологических проблем и сюжетов, как Христос после распятия, Мария Магдалина, Приорат Сиона, Хиерос Гамос, проблема Тамплиеров, иллюминатов и другие вопросы, так что школьный учитель английского языка Дэн Браун сотворил свои романы не на голом поле, это не только плод его выдумки. Что касается «сложности» романа, то он вполне доступен обыкновенному грамотному читателю, который, между прочим, обретёт ещё и интересную информацию о религиозных и церковных идеях и делах, происходивших в эпоху средневековья и в нашу эпоху происходящих: достаточно вспомнить об апокрифах, Евангелиях Иуды, Филиппа и о других подобных изданиях.

Рассмотрим, кроме уже упомянутой публикации в «Курьере Карелии», другие материалы нашей темы. Это статьи В. Т. Паасо, В. Н. Водолазко, преподавателей Карельского Института повышения квалификации работников образования, и известного карельского журналиста А. Фукса («Карельская губерния»).

Дело началось с того, что некоторые школьные учителя на курсах повышения квалификации, прочитавшие до этого роман Дэна Брауна, или слышавшие о нём, в конце 2005 года и в последующее время обращались к авторам указанных публикаций за разъяснениями и комментариями по поводу этого литературного феномена и некоторых сюжетных линий «Кода да Винчи».

Первая работа В. Т. Паасо, опубликованная в «Педагогическом вестнике Карелии» (2006, № 4), посвящена Марии Магдалине; в первой её части речь идёт об острой и широкой полемике в стране, втянувшей в спор практически все конфессии, политические, научные, около религиозные, и другие общественные движения и

организации. Ссылаясь на различные публикации, автор приводит сведения о супружеских отношениях Христа и Марии Магдалины, их отъезде вместе детьми в южную Францию, их жизни там, положившим начало династии французских королей – Меровингов. Католическая церковь, подчеркивает автор, с давних пор канонизировавшая только лишь четыре Откровения, составившие Новый завет, с давних пор скрывает истинную правду о жизни Христа и его семьи, объявив другие свидетельства об этом еретическими, запрещенными, – «апокрифами». Более того, католическая церковь на одном из своих ранних Вселенских соборах (451 г.) приняла догмат о единой ипостаси личности Христа – о его Божественной и человеческой природе, долженствовавшей исключать какие либо другие идеи и концепции, сразу же объявлявшиеся церковью еретическими. Однако и этот догмат и другие её установления не стали препятствием для ересиархов, напротив, они способствовали возникновению многочисленных концепций и ересей относительно евангельских текстов, Христа, Марии Магдалины, Иуды и других апостолов. О некоторых из них, наиболее интересных и ярких, и идёт речь в статье В. Т. Паасо. Достаточно подробно автор знакомит карельского читателя с реакцией церковных, общественных и судебных кругов на выход книги Дэна Брауна и фильма Рона Ховарда.

В этом же номере «Вестника...» опубликовано эссе В. Н. Водолазко «Христос и Мария Магдалина», – короткий очерк, соответствующий смыслу и содержанию этого французского понятия, означающего «прозаический этюд, представляющий в непринуждённой форме общие или предварительные соображения о каком-либо предмете или по какому – либо поводу, нередко случайному». Этот «этиюд» появился вместе с работами И. Паасо не случайно, на это указывает уточняющий подзаголовок: «По поводу статьи В. Паасо «Мария Магдалина». Автор эссе видел свою задачу в том, чтобы обратить внимание учительской аудитории Карелии на происходящий спор вокруг книги и фильма «Код да Винчи», который достаточно подробно и аргументировано представлен В. Паасо в статье о Марии Магдалине и в другой работе, речь о которой впереди; можно сказать, что здесь был своего рода спонтанный «социальный заказ» пропагандистского характера в интересах учителя. Автор оценил полемику по поводу литературного произведения Дэна Брауна и указанного фильма, как весьма интригующее и заметное «явление в сфере культурных отношений» в российском обществе. Кроме того была отмечена значительная историко-культурологическая и информационная ценность статьи В. Паасо, в которой он освещает также современную религиозную ситуацию в стране и в республике; всё это вместе взятое, естественно, способствует обогащению и повышению педагогической эрудиции учителей истории и обществознания, и не только их, обогащению их опыта, и поэтому рекомендовано к использованию на учебных занятиях в школе.

Хронологически следующей публикацией по теме является статья Александра Фукса в газете «Карельская губерния» от 28 февраля 2007 г. под интригующим, несколько ироническим, как принято сейчас в журналистской среде, названием: «Над автором «Кода да Винчи» нависла Карельская туча». Автор сообщает читателям, что, оказывается, творцом идеи «Кода да Винчи» является наш земляк, петрозаводчанин Михаил Аникин, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, кандидат искусствоведения, специалист по западноевропейскому искусству. Опираясь на многочисленные интервью Аникина, размещённые в Internet'e, А. Фукс пишет, что Аникин подал на Брауна в суд на том основании, что последний в своём «Коде да Винчи» широко использовал его, Аникина, идеи и информацию, изложенные американским коллегами в многочисленных профессиональных контактах и в опубликованной на три года раньше «Кода...» книге «Леонардо да Винчи, или Богословие в красках» (2000 г.). Аникин утверждает, что им еще в 80-е годы раскрыт код да Винчи, суть которого состоит в том, что Леонардо в своей Монне Лизе закодировал Церковь Христову, изобразив в левой части её лица образ Богоматери, в правой – образ Спасителя. Леонардо у Аникина не просто великий художник, изобретатель, философ, но и также – «практикующий молитвенник-исихаст, чрезвычайно близкий афонским старцам»... православным?, в то же время Браун, как утверждает Аникин, вверг его идею «в антихристианский, псевдокультурный контекст» и представил Леонардо да Винчи не «величайшим богословом, а величайшим еретиком». Автор, говорит, что тогда он жил в Советском Союзе, в атеистическом государстве, и, как не без иронии пишет в своей интересной книге С. Удалин, эту «новость уровня мировой сенсации... замолчали». Теперь же, в январе 2008 года, Михаил Аникин заявил московской газете «Трибуна», что он также автор идей и сюжетов остальных трёх брауновских романов: «Цифровая крепость», «Ангелы и демоны» и «Точка обмана». Что касается его собственного «кода да Винчи», то он уверен, что «...по сути, это было открытием, сравнимым с открытием теории относительности Эйнштейна», – ни больше и ни меньше. А. Фукс подробно пишет о судебной судьбе произведения Брауна и судьбине Михаила Аникина, сетующего на недостаток внимания российских издателей к его книге обо всей этой истории. Это обстоятельство вынудило его издать своё обличительное (наверное) творение в одной из крупнейших европейских книжных держав – в Литве, где она под названием «Похищенный роман», по словам автора, «пользуется феноменальным успехом и продаётся за большие деньги и, что писатель Браун возник только после его (Аникина. В. В.) общения с американцами в августе 1998года». Именно тогда Аникин, «согласно устной договорённости, свои идеи Аникин передал в пользование Брауну сроком на 10 лет – до августа 2008 года». Однако, посмотрим, что будет дальше. Попутно нельзя не отметить, что наш земляк пополнил собой ряды «антишолохovedов» – в интервью сайту www.fontanka.ru 20 сентября 2006 года он утверждает, что «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Они сражались за Родину», «Судьбу человека» написал не М. А. Шолохов, а А. С. Серафимович «по заданию партии и правительства».

Не меньший интерес, чем работа о Марии Магдалине представляет ещё одна статья В. Паасо, также адресованная школьному историку, обществоведу и словеснику – «Иуда Искариот», опубликованная в «Педагоги-

ческом вестнике Карелии», в № 2 за 2007 год (стр. 23–33). Она также является фактом участия кафедры общественно-гуманитарного образования Карельского ИПК РО в продолжающейся полемике по поводу старых и новейших христологических вопросов. Появление её, если можно так сказать, спровоцировано публикацией весной 2006 года самого, как предполагалось тогда, опасного для христианской церкви кодекса, апокрифа – «Евангелия от Иуды», написанного во II веке и считавшегося безвозвратно утраченным, но обнаруженным в Египте в 1970-х гг. К этому ещё следует прибавить учительский интерес, особенно со стороны историков и обществоведов.

Кодекс предлагает позиционировать Иуду как любимого ученика Христа, предавшего его римским стражникам по его же просьбе, поскольку Христос волею, изъявленной ему Богом, был обречен на смерть во имя спасения рода человеческого, и знал об этом. Об этом говорили и писали давно, например, почти сто лет назад польский писатель Густав Даниловский издал (в 1912 году) книгу «Мария Магдалина», в которой пишет также и об Иуде Искариоте, оправдывая его поступок божественным произволом, и которая сразу же была помещена Папой Римским в знаменитый «Индекс запрещённых книг» одновременно с конфискацией всего тиража. Тогда же издатель русского журнала «Вестник иностранной литературы», опубликовавший краткое изложение этого романа, был приговорён к тюремному заключению (С. Удалин, стр. 64–65). Писал об Иуде Никос Казандзакис, очень красочно и напряженно изобразивший встречу Христа с учениками, привидевшуюся ему на кресте. Прав священник Георгий Чистяков («Антиапостол»), утверждая, что никакой нужды в предательстве Иуды не было, ведь Христа духовные власти хорошо знали: «каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня», говорил Христос во время своего ареста (Мф. 26:55). Интернет пестрит информацией о том, что Римско-католическая церковь рассматривает вопрос о реабилитации Иуды Искариота, чтобы снять, по словам кардинала Вальтера Брандмюллера, Президента Папского комитета исторических наук, многовековые напряженные отношения между христианами и иудеями. Кардинал сказал также, что «без предательства Иуды не произошло бы ни казни Иисуса, ни его воскресения. Следовательно, Иуда и его преступление – это часть божественного плана, направленного на спасение человечества через смерть и воскресения Сына Божьего» («Ватикан реабилитирует Иуду Искариота», Internet, Lenta.ru/news, 28.02.2007).

В своей работе В. Паасо весьма подробно показывает характер и содержание полемики по поводу истории Иуды, его Евангелия, приводит версии предательства Христа, – их у него десять, бытующих в светской и религиозной литературе. Надо отметить, что публикация этого документа стимулировала появления в печати различного рода «откровений» современных литераторов и журналистов на самые разные темы, например, «Евангелие от Соловьёва», известного тележурналиста, автора программы «К барьеру!», Обширная статья «Иуда Искариот» содержит значительное число интересных фактов и сведений, которые, безусловно, помогут школьному учителю ориентироваться в актуальных вопросах современных религиозных борений; они интересны не только учителю.

Перспективы проблематики, поднятой Дэном Брауном, можно считать позитивными, интерес к ней не тухает по-прежнему и, как утверждает, например, С. Удалин, «всё, что связано с именем Брауна, раскупается со страшной силой».

Литература

1. *Барстейн, Дэн.* Секреты кода: Путеводитель по загадкам «Кода да Винчи». Самый полный путеводитель по тайнам легендарной книги. – М., 2006. – 511 стр.
2. *Бор, Эстер де.* Мария Магдалина. За завесой мифа. – СПб.: Евразия, 2006. – 202 с.
3. *Водолазко В. Н.* Христос и Мария Магдалина. // Педагогический вестник Карелии. – Петрозаводск, 2006, стр. 35.
4. *Евангелие от Иуды.* – М.: АСТ, 2006. – 48 с.
5. *Иллюстрированный* путеводитель для читающих «Код да Винчи». / составитель Гусев И. Е. – Минск: ООО «Харвест», 2004. – 35 с.
6. *Казандзакис, Никос.* Последнее искушение: Роман. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 480 с.
7. *Книга апокрифов.* Неканонические Евангелия. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
8. *Кокс, Саймон.* Взламывая код да Винчи. Путеводитель по лабиринтам тайн Дэна Брауна. – М.: АСТ, 2005. – 246 с.
9. *Кураев Андрей, диакон.* Правда и фантазии «Кода да Винчи». – М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. – 90 с.
10. *Миттельбах, Оливер.* Путеводитель по местам действия романов Дэна Брауна. Код да Винчи. Ангелы и демоны. Цифровая крепость. – М.: АСТ, 2006. – 135 с.
11. *Олсон, Карл и Мизел Сандра.* Ложь да Винчи: Разоблачение мифов «Кода да Винчи». – СПб.: Амфора, 2006. – 346 с.
12. *Паасо В. Т.* Мария Магдалина. // Педагогический вестник Карелии. – Петрозаводск, 2006, стр. 23–35.
13. *Паасо В. Т.* Иуда Искариот // Педагогический вестник Карелии. – Петрозаводск, 2007, стр. 23–33.

14. *Прайс Роберт М.* Обман да Винчи. – СПб.: Прайм, 2007. – 271/
15. *Сарамаго Жозе.* Евангелие от Иисуса: Роман. М.: Махаон, 2005. – 448 с.
16. *Старберд, Маргарет.* Мария Магдалина. Современный путеводитель по самым таинственным женщинам Библии. 2005.
17. *Удалин С.* Откуда взялся «Код да Винчи»? – СПб.: Питер, 2007. – 272 с. («Расследование дилетанта-одиночки»).
18. *Этчегуан, Мари-Франс* и Ленуар, Федерик. Код да Винчи: Расследование. – М.: «Столица», 2005. – 272 с. (5000 экз.).

Некоторые публикации в периодической печати и в Internet

1. *Артемов Захар.* Код да Винчи / Родная газета, 2006, июнь.
2. *Василий (Сальников),* диакон, д.и.н. Тайна поцелуя Иуды / Комсомольская правда, 20–27 апреля 2006.
3. *Горлова Н.* Миф или невежество? // Литер. газета, 30 августа – 5 сентября 2006.
4. *Земляной С.* Самый опасный апокриф в истории христианства // НГ-религии: Независимая газета, 1 июня 2005 г.
5. *Зенин Д.* Все дороги ведут в Рим // Красная звезда, № 34 от 27.02.2008 г.; № 37 от 5–11.03.2008 г.; № 40 от 12–18.03.2008.
6. *Кичин Валерий.* Криптограммы Тома Хэнкса. Звезда «Кода да Винчи» – о книге, фильме и о себе. Валерий Кичин // Российская газета, июнь 2006.
7. *Код* остался не раскрыт // Курьер Карелии 8 июня 2006.
8. *Кирилл,* митрополит: Иисус не был женат на Магдалине // Комсомольская правда, 27 июля – 3 августа 2006.
9. *Латышев С.* Целовал ли Иисус Марию Магдалину? // Эхо планеты, 2000, № 12, март.
10. *Муравьева Н.* В поисках скудельного сосуда // Независимая газета, 2006. – 7 июня.
11. *Нижегородцев Д.* Взломан код да Винчи // WWW.Lenta.Ru, 03.12.2007.
12. *Почему Христос* стал героем детективов? // Комсомольская правда, 20–27 апреля 2006.
13. *Фадеева Т.* Бывшая блудница – хранительница Грааля. Таинственная фигура Марии Магдалины привлекала к себе внимание во все времена // Независимая газета, 2006. 5 апреля.
14. *Фукс А.* Над автором «Кода да Винчи» нависла Карельская туча // Карельская губерния, 28 февраля 2007.

Автографы и дарственные надписи на краеведческих изданиях Национальной библиотеки Республики Карелия

Каждая книга после издания сохраняет способность вбирать в себя дополнительную информацию. Разнообразием дополнительной информации об авторах книг или об их читателях являются владельческие и дарственные надписи на книгах, сделанные уже в процессе их обращения. Каждый автограф, как автора, так и читателя книги, по-своему красноречив и может быть источником ценной информации исторического или культурологического плана. «Оставленные на книге следы могут дать ценные сведения и о творческой динамике ее автора и об особо важных для него вещах. Они могут сказать и о рецепции произведения, о том, как работали с книгой люди разных эпох...».¹

В Национальной библиотеке Республики Карелия имеется более 1000 краеведческих книг с автографами. Все автографы можно условно разделить на три категории: владельческие надписи, дарственные надписи частному лицу и дарственные надписи автора библиотеке. Данное исследование посвящено автографам второго и третьего типа.

Среди наиболее интересных автографов можно выделить дарственную надпись Елпидифора Васильевича Барсова, историка, археографа, исследователя русского фольклора и древнерусской письменности, преподавателя в течение нескольких лет в Олонецкой духовной семинарии, члена Олонецкого губернского статистического комитета. В книге «Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами», изданной в Москве в 1871 году, мы встречаем автограф: «Ивану Сергеевичу Аксакову в знак истинного уважения от сочинителя. 1 августа 1871 г.». Иван Сергеевич Аксаков – младший сын писателя С. Т. Аксакова, известный русский публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства. Из биографии Е. В. Барсова мы знаем, что в 1870 году он был приглашен в Москву и с тех пор на протяжении нескольких десятилетий работал хранителем и библиотекарем русского и славянского отдела Румянцевского музея. Вероятно, именно в Румянцевском музее и произошла встреча Барсова с И. С. Аксаковым. Библиографический указатель «Литературное семейство Аксаковых»,² подготовленный Самарской областной универсальной научной библиотекой, содержит именную указатель, включающий фамилии всех людей, с которыми Аксаковы были знакомы или состояли в переписке. Имени Е. В. Барсова в нем нет, однако дарственная надпись Барсова Аксакову свидетельствует о том, что они были знакомы. Не исключено, что это было поверхностное знакомство библиотекаря и читателя, интересы которых во многом пересекались. Автограф, оставленный в книге «Олонецкий монастырь Клименцы...» может представлять интерес как для исследователей творчества Барсова, так и для историографов И. С. Аксакова.

Популярным изданием в Олонецкой губернии были «Памятные Книжки», издававшиеся с 1856 по 1916 год. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год» содержит автограф составителя Александра Ивановича Иванова. Дарственная надпись гласит: «Его Высокоородию Николаю Васильевичу Кидошенкову в знак душевного уважения и благодарности. От редактора Памятной книжки А. Иванова. Петрозаводск, 1 марта 1867 г.» Александр Иванович Иванов (1820–1890) – известный не только в Олонецкой губернии, но и за ее пределами краевед-статистик, географ. Родился и всю жизнь прожил в Петрозаводске. Он явился редактором четырех выпусков «Памятной книжки» за 1858, 1860, 1867, 1868 гг. С 1867 года он исполнял обязанности учебного секретаря Олонецкого губернского статистического комитета. По поручению Олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева составил записку «Об устройстве между Белым морем и Онежским озером соединительного пути». За свои печатные труды Иванов был удостоен Золотой медали, присужденной ему Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В должности Ученого секретаря он оставляет дарственную надпись Н. В. Кидошенкову, коллежскому советнику, председателю Казенной Палаты Министерства финансов Олонецкой губернии. О должности Н. В. Кидошенкова мы находим информацию в «Памятной книжке Олонецкой губернии» за 1966 год.³

Еще один интересный автограф принадлежит последнему Олонецкому губернатору Александру Федоровичу Шидловскому, который он оставил на своей книге «Онега-Беломорский водный путь, его государственное и экономическое значение», изданной в Петрограде в 1915 году. В Олонецкой губернии А. Ф. Шидловский работал с 1911 по 1917 год, сначала – вице-губернатором, а с 1916 года – губернатором. А. Ф. Шидловский – один из основателей «Общества изучения Олонецкой губернии» и его журнала, знаток библиографии Русского севера. После революции он работает в Комиссии по изучению естественных производительных сил России в Академии наук. Автограф представляет из себя краткую запись «Глубокоуважаемому Б. Л. Модзалевскому

¹ 1. Будагова Л. Н. «Дорогому другу на добрую память...» (дарственные надписи на книгах как источник информации о времени и о себе) / Л. Н. Будагова // Славяноведение. – 2000. – № 6. – С. 89–96.

² 2. Литературное семейство Аксаковых: аннотированный библиографический указатель / Самарская обл. универс. науч. библиотека. – Самара, 1993.

³ 3. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год / Изд. Олонец. губернского комитета. – Петрозаводск, 1866. – С. 17.

на добрую память. А. Шидловский. 27.VI.1915». Адресатом дарственной надписи вполне может быть Борис Львович Модзалевский, известный пушкинист, историк литературы, который в 1915 году работал в Петербурге и заведовал Архивом Конференции Академии наук. Борис Львович Модзалевский создал свыше 90 трудов об А. С. Пушкине, многие из них стали библиографической редкостью. Умер в 1928 году в Ленинграде.

Среди краеведческих изданий с автографами хочется выделить еще несколько книг. Большой интерес представляет автограф в книге «Отчет губернского агронома К. К. Вебера за 1909 год» с дарственной надписью Алексею Сергеевичу Ермолову. А. С. Ермолов – специалист в области сельского хозяйства, почетный член Русского географического общества, в 1894 году утвержден министром земледелия и государственных имуществ, которым был до 1905 года, с 1905 года – член Государственного совета. Книга В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» содержит дарственную надпись А. М. Линевскому. Ксерокопию книги «Сборник, посвященный памяти Николая Алексеевича Некрасова: труды учеников Олонекской уездной школы II центра» 1921 года имеет дарственную надпись Моисею Михайловичу Гину от директора библиотеки И. М. Петрова. Надпись гласит: Моисею Михайловичу Гину в знак искреннего уважения и глубокой благодарности за бескорыстную помощь в работе библиотеки. Директор Государственной публичной библиотеки И. М. Петров». Имя Моисея Михайловича Гина не нуждается в дополнительных комментариях, он широко известен как литературовед, изучающий творчество Н. А. Некрасова. Автограф содержит сведения, ценные для библиотеки, которые подчеркивают сотрудничество ученого с Публичной библиотекой.

Многие записи на книгах являются отражением времени, являются образцами письменного стиля эпохи. В пример хочется привести книгу С. Ускова «Типы лесов Карелии», изданную в 1930 году. Это первый труд по типологии карельских лесов. На шмуцтитульном листе написано довольно пространное послание некоему Ивану Антоновичу, которого не удалось установить. Но само письмо довольно примечательно. Привожу его полностью: «Глубокоуважаемый Иван Антонович! Лыщу себя надеждой, что с выходом в свет этой книжки, я могу хотя бы в тысячной доле противостоять Вашим глубоким идеям, которые, с уверенностью могу сказать, недооцениваются из-за непонимания и зависти многими специалистами не только Петрозаводска, но и Ленинграда. Только теперь мы можем приступить к созданию единой карельской типологии, в которой Вы являетесь достойным начинателем. Усков. 3. V. 30 г.».

В позднейших исследованиях по типологии карельских лесов, и в частности, в издании Ф. С. Яковлева и В. С. Вороновой «Типы лесов и их природное районирование»⁴ в библиографии упоминается книга С. Ускова. Однако в ней нет ни одной библиографической записи с инициалами И. А., которые можно было бы изучить, чтобы установить адресата дарственной надписи. Автор называет его зачинателем исследований по данной теме, известного к тому же не только в Петрозаводске, но и в Ленинграде. Может быть вмешалась грозная и непредсказуемая эпоха 30-х годов и имя исследователя оказалось вычеркнутым из жизни и из науки?

Большой интерес для библиотеки представляют книги с дарственными надписями библиотеке. Они свидетельствуют об отношении авторов к библиотеке. Современные авторы часто дарят Национальной библиотеке свои книги и подписывают их, отводя библиотеке роль посредника в диалоге между автором и читателем. Среди интересных автографов – дарственная надпись Кирилла Васильевича Чистова на библиографическом указателе, посвященном его творчеству: «В Карельскую республиканскую публичную библиотеку – старый петрозаводчанин. К. Чистов. 12. VIII 1996». Библиографический указатель «Кирилл Васильевич Чистов» подготовлен Российской Академией наук и издан в Москве в 1995 году.

Известный и любимый в Карелии поэт, рано ушедший из жизни, Владимир Морозов оставил на своей книге стихов «Стихи о настоящем» запись: «Я люблю тебя, наша библиотека! В. Морозов 17.1.57».

А. М. Линевский на своем романе «Испытания» 1965 года оставил запись «В краеведческий отдел Петрозаводской публичной библиотеки – подлинной alma mater для тех, кто работает в Карелии и хочет знать историю этого чудесного края. Линевский. 24.10.65». В фондах Национальной библиотеки есть книги с автографами многих карельских писателей и поэтов. Хочется указать еще несколько автографов. Дмитрий Яковлевич Гусаров написал на своей книге «За чертой милосердия. Партизанская музыка», изданной в 1983 году в Петрозаводске: «Моей родной и близкой Публичной библиотеке с благодарностью за настоящее внимание и помощь Д. Гусаров. 30.3.84». Иван Алексеевич Костин написал на сборнике «У Онега среди перелесниц» 1971 года «Публичной библиотеке – с признанием за хорошие книги, на которых я вырос. Иван Костин. 14.10.71 г.». Армас Иосифович Мишин на книге стихов «Солнечный день», изданной в 1970 году оставил такую запись: «В кабинет краеведения с пожеланием счастья всем его читателям. Автор. Мишин. 2.10.70 г.». Отделу краеведения оставили свои дарственные надписи многие ученые, краеведы, исследователи, писатели. В фондах отдела есть книги с автографами С. М. Лойтер, И. М. Гина, А. И. Афанасьевой, Я. А. Балагурова, А. М. Пашкова, Ю. В. Линника, В. Н. Верхоглядова и др.

Оставленные на книге надписи связывают поколения авторов и читателей, являются свидетельством сложившихся отношений между авторами и адресатами надписей. Книги с автографами местных авторов являются книжными памятниками республиканского значения и бережно хранятся в библиотеке.

⁴ Яковлев Ф. С. Типы лесов и их природное районирование / Ф. С. Яковлев, В. С. Воронова. – Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1959.

Литература

1. Григорьев, С. В. Биографический словарь : естествознание и техника в Карелии / С. В. Григорьев. – Петрозаводск: Карелия, 1973. – 291 с.: ил.
2. Кораблев, Н. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биограф. Справочник / Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. – Петрозаводск, 2006. – 100 с.: ил.
3. Писатели Карелии : биобиблиографический справочник.
4. Тарасова, Э. Наш земляк Е. В. Барсов / Э. Тарасова // Московский журнал. – 1993. – № 8. – С. 25–26.

*Зайцева И. М.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Роль газеты «Олонецкие губернские ведомости» в изучении причитаний

Памятники народной поэзии, записанные в Карелии, принесли ей мировую известность. Это признание предваряла краеведческая работа, центром которой были «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) – первая и долгое время единственная газета, выходившая в Олонецкой губернии. Благодаря первому редактору С. А. Раевскому и его последователям фольклорное краеведение стало одним из основных направлений неофициальной части газеты. Объединив вокруг себя местных исследователей и собирателей (в числе которых были К. М. Петров, П. Н. Рыбников, Е. В. Барсов, П. И. Певин, Н. С. Шайжин и многие другие), ОГВ стали главным публикатором фольклорно-этнографических материалов. За годы издания газеты (1838–1917) в неофициальной части были представлены тексты всех жанров классического фольклора (былины, исторические песни, баллады, духовные стихи, причитания, загадки, предания и т. д.), часть из них впоследствии вошла в отдельные издания.

В данной статье рассмотрим публикацию в ОГВ памятников плачевой поэзии, открытие которых в Олонецкой губернии, как открытие былинного эпоса,¹ началось с газетных страниц и стало самым значимым событием для русской фольклористики.

В 1838 г. на страницах ОГВ появились «первая в истории русской фольклористики публикация плачей и первое о них исследование».² Речь идет о статье С. А. Раевского «О простонародной литературе», где автор выступил «как непосредственный собиратель и исследователь местного фольклора».³ Утверждая о самобытности «воплей» (как Раевский назвал причитания), «которые доселе не обратили еще надлежащего внимания литераторов наших», он опубликовал два текста (плач невесты и плач дочери об умершей матери). Раевский дал блестящую характеристику причитаний: «Простой народ русский исключительно женщины изъявляют свою печаль воплем и причетами не только во время похорон, но и при других случаях <...>. Так вы услышите вопли от невесты, которая расстается с домом родительским <...>; от родственников, провожающих юношу на долго в далекую сторону; на пожарище, во время мгновенного истребления плода многолетних трудов; а иногда <...> даже у людей очень чувствительных и несчастных, даже среди полевой работы...».⁴ Сделанные Раевским наблюдения предвосхитили основные направления дальнейшего изучения причитаний. Эта публикация осталась незамеченной Е. В. Барсовым,⁵ назвавшего среди первых исследователей, обративших внимание на причитания, В. А. Дашкова.

В работе В. А. Дашкова «Описание Олонецкой губернии»⁶ помимо прочих сведений автор привел наблюдения над народными обрядами (похоронными и свадебными), дополненные текстами причитаний. Эти материалы были перепечатаны ОГВ и составили фольклорно-этнографические очерки: «Свадебные обряды олончан» и «Похоронные обряды олончан».⁷ Надо отметить, что во многих дальнейших публикациях исследовате-

¹ См. работы А. П. Разумовой, С. М. Лойгер.

² Азадовский, М. К. Фольклоризм Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. – М., 1941. С. 242.

³ Там же. С. 241.

⁴ Раевский, С. А. О простонародной литературе. О собирании русских народных песен, стихов, пословиц и т. п. // ОГВ. – 1838. – № 12, 13, 19, 21.

⁵ См.: Барсов Е. В. Введение... // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; отв. ред. А. М. Астахова. – СПб.: Наука, 1997. – С. 11.

⁶ Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым // Журнал министерства внутренних дел. – 1841. – № 11–12; Отдельным изданием книга вышла в 1842 г. в Санкт-Петербурге.

⁷ ОГВ. – 1842. – № 1–3; 1844. – № 5.

ли в первую очередь пытались представить полную картину обряда (особенно это касается свадебного) и тексты плачей зачастую приводились в сокращенном варианте.

В 50-е гг. в ОГВ были напечатаны этнографические описания свадебных обрядов Пудожского и Повенецкого уездов.⁸ В виду отсутствия необходимых навыков фольклорно-собирательской работы тексты причитаний не приводились, хотя корреспонденты вполне осознавали их значимость: «Любопытно бы записать эти причеты со слов плакальщиц. Есть женщины, особо отличающиеся в приплакивании, и их причеты составляются экспромтом, без всякого приготовления <...> Эти причеты, раз слышанные другими женщинами, удерживаются в их памяти с удивительною полнотою и последовательностью».⁹

В 1862–1863 гг. ОГВ опубликовали обширный фольклорно-этнографический материал по свадебным обрядам Мишковской волости.¹⁰ Часть из опубликованных причитаний, наряду с прочими фольклорными жанрами (загадками, заговорами, мифологической прозой и т. д.), позже вошла в последний том «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым».

В 1863 г. К. М. Петров опубликовал статьи «Заплачки и причитания»¹¹ и «Похороны и поминки в Олонецкой губернии»,¹² основанные на материалах ссыльного петрашевца А. П. Баласогло. Описание похоронных обрядов Петров дополнил отрывками из причитаний (дочери по отцу, сестры по брату, сестры по сестре, матери по сыну и дочери). Подчеркнув импровизационный характер причитаний и особую роль плакальщиц, указав на исключительно женское исполнение плачей, Петров тем самым сделал ряд важных наблюдений над плачевыми традициями.

Следующие публикации причитаний в ОГВ непосредственно связаны с именем их открывателя – Е. В. Барсова. С выходом его «Причитаний Северного края»¹³ произошло признание плачевой поэзии как уникального жанра народно-поэтического творчества.

В марте 1867 г. Барсов встретил в Петрозаводске знаменитую вопленицу И. А. Федосову, от которой в течение двух лет записывал плачи, составившие трехтомник «Причитанья Северного края», но в ОГВ публиковать причитания Барсов начал с записей, сделанные от других исполнительниц. В 1867 г. он напечатал тексты свадебных плачей различных местностей Олонецкой губернии («Каргопольские свадебные причитания»;¹⁴ «Пудожские свадебные причитания»;¹⁵ «Свадебные причитания Каргопольского уезда, Архангельского прихода»).

Считается, что выход в 1872 г. первого тома «Причитаний Северного края», состоящего из похоронных причитаний, предваряла только одна публикация текста из этого сборника.¹⁷ Речь идет о «Плаче о двух братьях, утонувших в Онеге-озере»,¹⁸ напечатанном ОГВ в 1867 г. Записанный от М. Федоровой, он явился прямым откликом на трагедию 1855 г., когда «в озере утонуло 29 семинаристов, возвращавшихся в Петрозаводск после каникул».¹⁹

Но кроме вышеуказанного текста, было еще две предварительные публикации. В 1868 г. Барсов напечатал в ОГВ «Заплачку на могиле отца»,²⁰ записанную от Анны Первенцевой и вошедшую в первый том.²¹ В 1870 г. в «Современных известиях»²² вышел отрывок из «Плача о старосте», записанный от И. А. Федосовой, который предваряла статья Барсова о Федосовой и отрывок из ее автобиографии.²³ Этот материал был перепечатан ОГВ. При публикации газета писала: «Е. Барсов напечатал следующую статью в московской газете «Современные известия», откуда мы позволили себе заимствовать для научного интереса, который следует ожидать от обширного сборника олонецких заплачек».²⁴

⁸ Мегорский, А. Свадебные обряды Пудожского уезда // ОГВ. – 1853. – № 2; Петропавловский, А. Свадебные обряды: (в Янгозерском и других приходах Повенецкого уезда) // ОГВ. – 1857. – № 9–11.

⁹ Мегорский, А. Свадебные обряды Пудожского уезда // ОГВ. – 1853. – № 2.

¹⁰ Макарьевский, В. М. Свадебные обычаи крестьян в Мишковской волости Каргопольского и Пудожского уездов // ОГВ. – 1862. – № 2–4, 7, 10–11, 14, 29, 49–50; 1863. – № 1, 2.

¹¹ ОГВ. – 1863. – № 3–4.

¹² ОГВ. – 1863. – № 15, 16.

¹³ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. – М., 1872; Ч. 2. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. – М., 1882; Ч. 3. [Плачи свадебные] // Чтения истории и древностей российских при Московском университете. – 1885. – Кн. 2; Переиздание: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. – СПб., 1997. (вместо этого дать полное описание последнего издания со всеми атрибутами – это отменяется, если будет восстановлено выше).

¹⁴ ОГВ. – 1867. – № 3–4.

¹⁵ ОГВ. – 1867. – № 6–7.

¹⁶ ОГВ. – 1867. – № 25–26.

¹⁷ Примечания // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. Т. 1. – СПб., 1997. – С. 376.

¹⁸ ОГВ. – 1867. – № 30.

¹⁹ См. примечания: Плач о двух братьях, утонувших в Онеге-озере // ОГВ. – 1867. – № 30.

²⁰ ОГВ. – 1868. – № 45.

²¹ Плач дочери по отце // Причитанья Северного края. Т. 1. – СПб., 1997.

²² Современные известия. – 1872. – № 112.

²³ Полностью они вошли в статью «Ирина Федосова». См.: Барсов, Е. В. Сведения о вопленицах, от которых записаны причитанья // Причитанья Северного края Т. 1. – СПб., 1997. С. 253–259.

²⁴ Барсов, Е. В. Олонецкая плакальщица // ОГВ. – 1870. – № 62.

Рекрутским плачам, составившим второй том «Причитаний Северного края» (1882), предшествовало две публикации в ОГВ: в 1867 году вышла «Заплачка Обонежского народа при отправке сына в рекруты», опубликованная Барсовым;²⁵ в 1873 году – «Причитанье матери по сыне-рекруте», записанное воспитанником Олонецкой гимназии Петром Гроховским в селе Святозеро.²⁶ При переиздании «Причитаний» в 1997 году газетная публикация плача, записанного П. Гроховским, позволила внести некоторые дополнения: в издании 1882 года текст значился как запись от «святогорской крестьянки», а не святозерской. Уточнение места записи дало возможность исследователям предположить, что текст является карельским (местное население Святозера – карелы) причитанием на русском языке.²⁷

После отъезда Барсова из Петрозаводска (1870) публикацию причитаний продолжили местные краеведы (П. Минорский, А. П. Некрасов, Н. С. Шайжин и др.), представив тем самым на газетных страницах обширный материал по плачевой поэзии отдельных районов Олонецкой губернии, часть которого вошла в сводные сборники причитаний. Таким образом, газета «Олонецкие губернские ведомости» с первых лет издания способствовала открытию и изучению еще одного жанра народной словесности Олонецкого края.

*Терпугова Г. В.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Из истории краеведческой библиографии Карелии (1917–1941 гг.)

К 1917 году в краеведческой библиографии Карелии в основном сложились все главные формы и виды краеведческих библиографических пособий. Составлялись указатели содержания местных периодических изданий, каталоги библиотек, описания монастырских коллекций. Некоторое развитие получила библиография местной печати. Ведущее место в этой работе занимали: Общество изучения Олонецкой губернии, начавшее налаживать текущий учет печатной продукции края, а также краеведы-энтузиасты, публиковавшие библиографические пособия по различным отраслям знаний и темам. Попыток проанализировать библиографическую продукцию Олонецкой губернии в предреволюционный период не предпринималось.

Развитию библиографии Карелии послереволюционного периода посвящены статьи С. С. Шлеймовича «О библиографической работе в Карелии» (Краеведение в Карелии на новом этапе. Петрозаводск, 1933) и Л. И. Александровой «Развитие краеведческой библиографии в Карелии» (Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970).

В 1986 году библиографом Государственной публичной библиотеки КАССР Е. М. Жадиной составлен указатель «Универсальные и отраслевые библиографические пособия о Карелии, 1917–1980 гг.», в котором отражены следующие библиографические материалы: обзоры, указатели литературы, пристатейные списки в сборниках, периодических и продолжающихся изданиях, монографиях. По указателю Е. М. Жадиной установлено, что за период с 1917 по 1941 год выпущено 64 библиографических пособия. Главным образом, это прикнижные и пристатейные списки литературы. Отдельно изданный указатель всего один. В первое послереволюционное десятилетие опубликовано 6 списков литературы. Среди них аннотированная, что в те годы было большой редкостью, библиография, помещенная в книге Владимира Ягодкина «Из прошлого Олонецкого края. Ч. 1. Обонежская пятина» (Петрозаводск, 1918). Следует сказать, что Е. М. Жадиной удалось разыскать далеко не все библиографические пособия, опубликованные в рассматриваемый период. Например, в указатель не вошел список изданий, выпущенных в Кемии в 1918 году, который упоминается в статье Г. В. Михеевой «О компенсирующей роли библиографии местной печати: опыт двадцатых годов XX века» (Вопросы теории и методики краеведческой библиографии и подготовки библиографических пособий в РСФСР. Л., 1991. Вып. 2.). Отсутствие ретроспективных указателей местной печати делает затруднительным выявление библиографической продукции послереволюционного периода и в настоящее время.

Основной поток библиографических пособий приходится на период с 1928 по 1941 год, когда краеведческая библиография полностью перешла в ведение государственных учреждений и организаций.

В 1923 году создано Общество изучения Карелии. Одной из задач общества, так же как и Общества изучения Олонецкой губернии было составление краеведческой библиографии. Во втором выпуске «Известий общества изучения Карелии» за 1924 год опубликована первая часть «Библиографического указателя литературы о Карелии», составленного Олонецкой научной экспедицией под редакцией Г. Ю. Верещагина. Указатель на 80 % состоит из дореволюционной литературы и на 90 % из литературы естественно-научного цикла. Это объясняется тем, что в работе Олонецкой научной экспедиции (1920–1924 гг.) под руководством Глеба Юрьевича

²⁵ ОГВ. – 1867. – № 10.

²⁶ Гроховский, П. Причитанье матери по сыне-рекруте // ОГВ. – 1873. – № 10.

²⁷ Причитания / вступ.ст. и примеч. К. В. Чистова. – Л., 1960. – С. 408.

Верещагина принимали участие ученые разных направлений естественных наук: биологи, гидрологи, геологи, географы. По результатам исследований участниками экспедиции было опубликовано большое количество статей с обширной пристатейной библиографией.

В 1920–30-е годы в Карелии работало несколько научных экспедиций по изучению края. 60 % пристатейных библиографических списков литературы подготовлено московскими и ленинградскими учеными по различным направлениям исследовательской деятельности, 40 % библиографических пособий составили краеведы и библиографы республики.

Тематика библиографических пособий совпадала с тематикой научных исследований: 33 % составляла библиография по естественным наукам и медицине, 16 % – по лесному и рыбному хозяйству, 16 % – по истории и общественным наукам, 14 % – универсальные пособия, 9 % – по фольклору и литературоведению, 1 % – по искусству и 10 % – указатели содержания периодических изданий.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы на примере отдельных библиографических пособий рассмотреть деятельность библиографических учреждений и библиографов республики. Постановлением коллегии Наркомпроса АКССР от 19 октября 1928 года при Карельском государственном музее создано Карельское бюро краеведения. Согласно положению в структуре бюро работало три секции, в том числе – библиографическая. В задачи библиографической секции входила проработка вопроса о библиографическом указателе литературы о Карелии и составлении библиографии справочного характера. В 1931 году Карельское бюро краеведения и библиографическая комиссия вошли в состав созданного Карельского научно-исследовательского института.

О работе, планах и проблемах библиотечно-библиографической комиссии краеведы и библиографы писали в сборниках статей подготовленных Бюро краеведения: «Вопросы краеведения в Карелии» (Петрозаводск, Ленинград, 1931) и «Краеведение в Карелии на новом этапе» (Петрозаводск, 1933). Авторы поднимали вопросы об учете, систематизации и критическом освоении обширной краеведческой литературы. Из публикаций тех лет можно сделать вывод, что в предвоенные годы в республике сформировалось два центра краеведческой библиографии, активно работающие до настоящего времени – это Карельский научно-исследовательский институт (ныне Карельский научный центр РАН) и Карельская центральная библиотека (ныне Национальная библиотека Республики Карелия).

В нескольких статьях упоминается подготовленный к печати указатель литературы «Карелия, Лапландия и Мурман» за 1928, 1929 и 1930 год. Указатель насчитывал около 2000 названий различных источников, очевидно из-за большого объема и отсутствия средств его так и не удалось опубликовать. Сведений о составителях и дальнейшей судьбе этой работы нет.

В 1932 году в сборнике «В боях за Советскую Карелию» помещена первая часть указателя «Интервенция и гражданская война в Карело-Мурманском крае». Материал для указателя собирали не только в местных книгохранилищах, но и в библиотеках Штаба Ленинградского военного округа и Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. По сведениям библиотечно-библиографической комиссии указатель содержал около 500 названий, в опубликованную часть вошло только 150. Указатель остался незаконченным.

В 1937 году издательство Карельского научно-исследовательского института культуры начало выпускать библиографическую серию. Первым и единственным в этой серии оказался указатель Н. Н. Виноградова «Фольклор Карелии». Николай Николаевич Виноградов – историк, археолог, этнограф, фольклорист, краевед, с 1932 года старший научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института. В подготовленный им указатель вошло около 500 названий публикаций по фольклору за 1838–1917 гг. из периодических и продолжающихся изданий Олонецкой губернии. Материал расположен в прямой хронологии, вспомогательный аппарат состоит из предисловия, списка сокращений и алфавитного (именного) указателя.

Продолжением и дополнением указателя Н. Н. Виноградова можно считать работу Самуила Семеновича Шлеймовича «Материалы к библиографии по фольклору КФССР. Ч. 1. Книжная и журнальная литература». Этот большой по объему указатель опубликован в сборнике «Фольклор Карело-Финской ССР», выпущенном НИИ культуры КФССР в 1941 году. В указатель вошло 475 названий книг и статей из журналов и сборников. Весь материал разбит на 12 разделов и охватывает все основные фольклорные жанры. Расположение материала внутри разделов хронологическое, причем в начале приводятся публикации текстов, а затем исследования, посвященные отдельным видам народного творчества. В самостоятельные разделы выделена литература о «Калевале», фольклорных экспедициях и народном искусстве (зодчество, живопись, музыка). Вспомогательный аппарат содержит предисловие, список использованных журналов и сборников, алфавитный указатель имен авторов, составителей, собирателей, сказителей, редакторов и переводчиков.

В большинстве своем библиографические издания межвоенного периода следует отнести к научно-вспомогательной библиографии. Однако краеведы и библиографами Карелии делались попытки подготовки рекомендательных указателей литературы.

Рекомендательная библиография помещалась в справочных и популярных изданиях. Например, для краткого справочника для экскурсанта «По Советской Карелии» (Ленинград, Петрозаводск, 1931) С. А. Макарьев составил библиографический указатель из 71 названия. В кратком вступительном слове автор пишет, что «указатель приводится здесь с целью более подробного ознакомления с Карелией». Указатель включает литературу по всем отраслям знаний, в том числе и дореволюционную (30 %). Отбор изданий осуществлен очень тщательно, из дореволюционных источников включены самые ценные с содержательной точки зрения.

Несколько рекомендательных указателей составлено С. С. Шлеймовичем. Два указателя «Фольклор Карелии» и «Карелия в художественной литературе» опубликованы в сборнике, подготовленном сотрудниками НИИ культуры КФССР В. Г. Базановым и С. С. Шлеймовичем «Карелия в художественной литературе» (Петрозаводск, 1940). Оба указателя имеют дробную структуру и краткие вступительные статьи от составителя. Указатель «Карелия в художественной литературе» состоит из пяти разделов: Дореволюционная Карелия, Гражданская война и интервенция в Карелии, Социалистическая Карелия, Критическая литература и Литературно-художественные журналы, альманахи и сборники. В некоторых разделах выделены рубрики: Очерковая литература и Прочие жанры (проза и поэзия). Одна из глав указателя под заглавием «Гражданская война и интервенция в Карелии в художественной литературе», переведена на карельский язык и опубликована в № 7 журнала «Карелия» за 1939 год как самостоятельное библиографическое пособие.

В основу структуры рекомендательного указателя «Фольклор Карелии», так же как и научно-вспомогательного, положены жанры народного творчества: былины и исторические песни; сказки, предания, легенды; причитания; лирические песни и частушки; пословицы и поговорки. В самостоятельные разделы выделены издания «Калевалы» и литература о ней, литература о сказителях и собирателях и общие работы по фольклору.

Особое место в истории краеведческой библиографии этого периода принадлежит Ивану Михайловичу Никольскому. На протяжении нескольких лет он работал в Карельской центральной библиотеке, был директором библиотеки, заведовал кабинетом краеведения. По поручению библиотечно-библиографической комиссии И. М. Никольский работал над комплексным указателем литературы о Карелии. В сборнике «Краеведение Карелии на новом этапе» (Петрозаводск, 1933) в рубрике «Краеведная хроника» сообщается о том, что в 1932 году кабинетом краеведения составлен указатель литературы по производительным силам и народному хозяйству Карельской АССР. Л. И. Александрова упоминает, что рукопись данного указателя И. М. Никольского находится в Центральном государственном архиве КАССР (ныне Национальный архив Республики Карелия).

В 30-х годах в Ленинграде работал Библиографический отдел Совета по изучению производительных сил СССР (СОПС). Задачей отдела было составление библиографических пособий о природных и климатических условиях, материальных и экономических ресурсах, полезных ископаемых различных республик и областей. При библиографическом отделе функционировал Совет консультантов-библиографов. В статье М. Н. Тищенко «К истории библиографического отдела Совета по изучению производительных сил СССР» (Историко-библиографические исследования. СПб., 1998. Вып. 7) отмечалось, что библиографы СОПСа стремились выработать единую методику составления комплексных указателей: «...по возможности полно представить имеющуюся литературу по теме. При отборе и описании выдерживался принцип *de visu*. Включались издания преимущественно на русском языке, из иностранных – важнейшие. Группировка материала – систематическая, внутри разделов – алфавитная. Неясные заглавия сопровождалась краткими аннотациями».

Мы можем только строить предположения о связях библиотечно-библиографической комиссии Карелии и Библиографического отдела СОПСа. Однако хранящийся в фондах Национальной библиотеки Республики Карелия вариант рукописи указателя литературы И. М. Никольского «Библиография о Карелии» сделан в традициях и с учетом наработок Библиографического отдела СОПСа. Указатель с наибольшей полнотой представляет литературу об Олонецкой губернии и Карелии с конца 18 века по 1935 год и включает 4500 названий различных источников. Дореволюционная литература во всех разделах отделена от «пореволюционной» и составляет 46 % от общего объема указателя. Структура указателя состоит из девяти основных разделов, в целом соответствующих схеме классификации краеведческой литературы послевоенного периода. На протяжении многих лет похожая схема рекомендовалась для краеведческих указателей комплексного характера. В общем разделе литература расположена по видам изданий: общие очерки, справочные издания, путеводители, материалы научных экспедиций, сборники статей, библиография, картография, периодика. Последние три подраздела, включенные в общий раздел указателя И. М. Никольского, в краеведческой библиографии страны постепенно превращались в самостоятельные виды библиографических пособий.

Самые большие разделы в указателе – это «Экономика» и «История». Расположение литературы в них имеет продуманную дробную структуру. Несомненный интерес представляет решение составителя включить в раздел «История» после рубрики «Этнография» рубрику «Религия». Помимо литературы о православии, старообрядчестве, монастырях, церковном зодчестве включены еще и религиозные издания на карельском языке. Завершает указатель подраздел «Историография», в который вошли скандинавские саги, летописи, древние грамоты и акты, законодательные акты романовского периода и законодательство советского периода. К сожалению, работа над указателем не была завершена, в рукописи отсутствует вступительная статья и вспомогательные указатели.

В настоящее время библиографы Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) заканчивают многолетнюю и трудоемкую работу по реконструкции одного из вариантов указателя И. М. Никольского. Часть комплексного пособия выложена на сайте Научной библиотеки ПетрГУ, в ней есть отличия от указателя, хранящегося в фондах НБ РК. В планах ПетрГУ издание печатного варианта библиографического пособия, дополненного вспомогательными указателями.

И. М. Никольский занимался и составлением рекомендательной библиографии о Карелии. В 1929 году вышла первая часть краеведческой хрестоматии «Карельский край» под названием «Справочная книжка Автономной Карельской Социалистической Советской Республики», составленная И. М. Никольским. В справочник, подготовленный для школьников и учащихся техникумов, вошли два списка литературы: «Перечень важ-

нейших действующих постановлений Правительства Карельской АССР за 1923–1928 гг.» и рекомендательный список «Что читать о Карелии». В перечне 15 разделов, он содержит 150 названий постановлений по административным вопросам, землеустройству, налогам, страхованию, вопросам труда, просвещению, здравоохранению, промышленности, лесному и водному хозяйству, коммунальным вопросам и архивному делу. В кратком предисловии к списку «Что читать о Карелии» составитель пишет, что «в рекомендательный список вошли исключительно или отдельные монографии о Карелии, или серьезные статьи из местной периодики последних лет». В структуру списка вошло 19 рубрик, их последовательность сильно отличается от структуры комплексного указателя «Библиография о Карелии». В список включено 139 названий документов.

Еще один вид библиографических пособий 1920–30-х годов – это «Рекомендательные списки литературы для очередного пополнения районных и сельских библиотек». Списки печатались на страницах «Бюллетеня Наркомпроса Карельской АССР». Литература в списках подразделялась по отраслям знаний, кроме того выделялась литература для детей, для малограмотных, для женщин, для молодежи. В некоторые списки включались рубрики по отдельным темам, например, «К перевыборам Советов», «Борьба с алкоголизмом», «О политпросветработе». В основном составители в таких списках не указывались за исключением списков № 4, 5 и 7/8. Четвертый и пятый списки подписаны Е. Горш. Екатерина Аркадьевна Горш, уроженка Петрозаводска, известный библиотековед, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник культуры РСФСР, в 1920-х годах работала в Наркомпросе Карельской АССР. Список № 7/8 составил директор Карельской центральной библиотеки П. Бойцов.

Публиковались и тематические списки, например, «Список литературы по посевной компании» (Бюллетень Наркомпроса КАССР. 1930. № 1/2), «Что нужно прочесть краеведу» (Краеведение в Карелии на новом этапе. Петрозаводск, 1933. Вып. 2).

Невозможно обойти вниманием еще одно имя в истории книговедения и библиографии Карелии и России. Это Георгий Иванович Поршнева – известный специалист в области книжного дела, библиограф, один из организаторов Иркутского отдела Книжной палаты, в 1920–22 гг. был уполномоченным Российской центральной книжной палаты в Сибири, в 1930 году арестован и выслан на строительство Беломорско-Балтийского канала. Ему было поручено организовать для «каналоармейцев» библиотеку, в 1933 году Георгий Иванович переведен в Медвежьегорск, где он работал в центральной библиотеке, после завершения строительства канала назначен инспектором по книгоснабжению сети библиотек комбината. В 1935 году в журнале «Беломорско-Балтийский комбинат» (№№ 8, 9) опубликован библиографический обзор Г. И. Поршнева «Беломорстрой – Белбалткомбинат». В обзор, а точнее в указатель, вошло около 200 названий книг и статей за 1889–1935 годы. Материал сгруппирован в шести разделах: исторические проекты, канал в технической литературе, канал в очерках и описаниях, Белбалткомбинат, периодика канала и канал в художественной литературе. Во вступительную статью включен обзор центральных газет по теме указателя.

Подводя итоги, следует сказать, что в предвоенный период в Карелии сложились коллективы, которые довольно успешно занимались созданием краеведческих библиографических пособий. Как и в дореволюционный период, создание указателей определялось человеческим фактором, то есть наличием заинтересованных ученых, краеведов, библиографов. В рассматриваемый период происходило совершенствование методики составления указателей и списков, осознание необходимости ведения библиографической работы в системе. К сожалению, из-за недостатка материальных средств не все библиографические пособия были опубликованы и дошли до нашего времени. С ликвидацией в 1937 году Центрального бюро краеведения всей краеведческой работе страны был нанесен огромный урон. Многие краеведы и библиографы подверглись репрессиям. Не избежали этой участи и специалисты в области краеведения и библиографии Карелии, что повлияло на дальнейшее развитие краеведческой библиографии в республике.

Литература

1. *Александрова, Л. И.* Развитие краеведческой библиографии в Карелии / Л. И. Александрова // Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. – Петрозаводск, 1970. – С. 308–317. – Библиогр.: с. 314–317.
2. *Вопросы краеведения в Карелии* / под ред. С. А. Макарьева ; Карел. науч.-исслед. ин-т, Бюро краеведения. – Петрозаводск ; Ленинград : Кирья, 1931. – Вып. 1. – 62 с. – Библиогр.: с. 61.
3. *Краеведение в Карелии на новом этапе* : сб. статей / Карел. науч.-исслед. ин-т, Бюро краеведения ; под ред. С. А. Макарьева. – Петрозаводск, 1933. – Вып. 2. – 124 с. – Библиогр.: с. 99–101.
4. *Никитин, Г.* Организационно-методические вопросы и перспективы краеведения в Карелии / Г. Никитин // Краеведение в Карелии на новом этапе : сб. статей. – Петрозаводск, 1933. – Вып. 2. – С. 16–22.
5. *Шлеймович, С.* Карелия, Лапландия и Мурман : (к изданию библиогр. указателей) / С. Шлеймович // Карелия : Ежегодник Карел. Гос. музея за 1928 год. – Петрозаводск, 1930. – Т. 1. – С. 151–153.
6. *Шлеймович, С.* О библиографической работе в Карелии / С. Шлеймович // Краеведение в Карелии на новом этапе : сб. статей. – Петрозаводск, 1933. – Вып. 2. – С. 81–86.
7. *Шлеймович, С.* Опыт краевой библиографии / С. Шлеймович // Вопросы краеведения в Карелии. – Петрозаводск; Ленинград, 1931. – Вып. 1. – С. 32–35.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
Материалы II научной конференции
(16 мая 2008 г.)

Составитель Н. П. Новикова